

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ХАНГАЛОВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

В трех томах

ТОМ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2004

УДК 39
ББК 67.5 (2 Бу)
X 19

Подготовлен к печати *Г. Н. Румянцевым,*
Б. В. Семичовым и Г. О. Туденовым,
под редакцией *Г. Н. Румянцева*

Хангалов, М. Н.

X 19

Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. /Под ред. Г. Н. Румянцева. — Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография»,— 2004. 312 с.: ил.

ISBN № 5-7411-01-03-8

Трехтомное «Собрание сочинений» М. Н. Хангалова вновь увидело свет через 45 лет. Первое издание было осуществлено в 1958–1960 гг. к 100-летию со дня рождения ученого. Издание выпущено в новом художественно-техническом и полиграфическом исполнении, редакционная правка осуществлялась весьма корректно.

Новое издание трудов этнографа-исследователя предвьяет 150-летний юбилей М. Н. Хангалова.

В настоящее время труды ученого-этнографа представляют кладезь бесценного материала по фольклору, этнографии, шаманству бурят.

Для специалистов и всех тех, кто интересуется этнографией бурят.

ББК 67.5 (2 Бу)

© Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том “Собрания сочинений М. Н. Хангалова” вошли статьи по этнографии западных бурят, в большинстве своем публикуемые впервые по черновым рукописям автора, хранящимся в Рукописном отделе Бурятского Комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР (в дальнейшем сокращенно именуемом при ссылках РО БКНИИ) и в секторе рукописей Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР (в дальнейшем сокращенно — РО ИВ АН СССР). Часть же работ этнографа печатается по прежним изданиям. Весь материал, публикуемый в настоящем томе, разделяется на пять групп.

В первую группу входят пять статей: этнографические заметки о нижеудинских бурятах, об охотничьих обычаях обосинцев и три статьи о свадебных обрядах унгинских, кудинских и нижеудинских бурят. Вся эта группа статей публикуется впервые по полевым записям М. Н. Хангалова. Поскольку эти записи черновые, текст автора подвергался значительной обработке. Редактор при этом по возможности старался сохранить стиль и дух работ М. Н. Хангалова.

Во вторую группу вошли статьи о шаманстве, тоже в большинстве своем публикуемые впервые по рукописям автора. Только одна из них («Духи-людоеды у бурят») печатается по другим изданиям.

В третью группу вошли две работы М. Н. Хангалова — «Суд заянов над людьми» и «Предания и поверья унгинских бурят», печатаемые по текстам, изданным в «Записках ВСОРО по этнографии» в 1890 г. Они выделены в особую группу, так как представляют из себя не статьи, а простые записи бурятских шаманских преданий и поверий.

Четвертый раздел представлен одной работой М. Н. Хангалова — русским переводом крупнейшего бурятского народного эпического произведения «Абай-Гэсэр-богдо-хан», текст которого был напечатан Г. Н. Потаниным в 1893 году во втором томе описания его путешествия в Центральную Азию в 1884—1886 годах («Тангуто-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», т. II, СПб, 1893 г.).

Наконец, в последнюю группу вошла статья о подвижных школах, с проектом создания которых М. Н. Хангалов неоднократно и безуспешно обращался в Министерство народного просвещения. Статья эта представляет большой интерес для выяснения педагогических взглядов автора.

В конце тома прилагается указатель бурятских слов и выражений, встречающихся в издании с русским переводом и с указанием современной орфографии бурятских слов. Вызвано это тем обстоятельством, что у автора бурятские слова даются в местном произношении; причем транскрипция самого автора, и так не очень точная, при печатании часто подвергалась большим искажениям из-за отсутствия соответствующих знаков в типографии.

Поскольку во II том «Собрания сочинений» вошло много статей и текстов, в которых приводится большое количество имен персонажей произведений устного народного творчества и шаманского пантеона, мы сочли полезным приложить их указатель.

В подготовке настоящего тома принимали участие Б. В. Семичов, подготовивший 6 статей о шаманстве, Г. О. Туденов, подготовивший статью о подвижной школе, и Г. Н. Румянцев. Примечания и указатели составлены Г. Н. Румянцевым. В примечаниях даются только библиографические сведения и разночтения по другим вариантам.

* * *

В научной деятельности М. Н. Хангалова важное место занимает изучение шаманства у бурят и собирание материалов по этой древней религии. В этой области М. Н. Хангалов проделал колоссальную «черновую», если можно так выразиться, работу. Ни до, ни после него никто из исследователей не смог собрать такого богатого фактического материала о шаманском мировоззрении, обрядах и культуре.

Эта загадочная религия, последователями которой были почти все сибирские народности, в том числе и значительная часть бурят, издавна привлекала внимание ученых и путешественников необычностью своего проявления. Строго говоря, шаманство народностей Сибири не составляет определенной религиозной системы. Оно имеет целый ряд форм и разновидностей, для которых наиболее общую характерную черту составляют вера и способность шаманов вступать в непосредственное общение с духами во время камлания, когда они приходят в иступленное состояние¹. Эта чисто внешняя черта шаманских верований, прежде всего бросающаяся в глаза, послужила причиной того, что первыми исследователями этнографии народов Сибири шаманство рассматривалось как нечто общее, единое для всех этих народностей. Не случайно поэтому один из первых авторов, писавших о сибирском шаманстве, И. Георги, утверждал, что шаманисты «все веруют в общего бога и создателя всех вещей, который называется на тунгусском языке Боа, на бурятском — Тингир Бурхан, т. е. бог небесный...»².

В. М. Михайловский, касаясь истории изучения шаманства, совершенно справедливо отмечает поверхностный характер большинства работ о шаманстве в XVIII—XIX вв. «За немногими исключениями, — пишет он, — все писатели, толковавшие о шаманстве и шаманах, останавливались лишь на внешностях и рассматривали вероучения шаманистов как собрание грубых

---

¹ С. А. Токарев. Этнография народов СССР.— М.: Издательство Московского университета.— 1958, стр. 424.

² И. Георги. Описание всех народов, обитающих в Российской империи..., ч. IV.— СПб.— 1772.

бессмысленных бредней, порожденных глубоким невежеством; самих же шаманов они считали хитрыми обманщиками, пользующимися, ради личных выгод, легковерием своих недалеких и простодушных соплеменников»¹.

К числу таких исследователей принадлежит, например, И. Г. Гмелин, участник больших академических экспедиций для изучения Сибири. Говоря о шаманстве и его обрядах, которые Гмелин имел возможность неоднократно наблюдать во время своих путешествий, он не пытается проникнуть в сущность шаманского мировоззрения и дать объективное объяснение виденным им шаманским таинствам. На шаманство он смотрит глазами лютеранского проповедника и обращает главное внимание на обличение этой религии и доказательство недобросовестности шаманов. Современники И. Г. Гмелина П. С. Паллас, И. Г. Георги и Г. Ф. Миллер определяли шаманство под влиянием идей французских просветителей как систему жульнических приемов и фокусничества шаманов. Георги и Иакинф Бичурин считали, что шаманство — религия, подобная христианству, буддизму и мусульманству. И, наконец, были такие ученые, которые сближали его с зороастризмом древних персов. Ученые XVIII — первой половины XIX вв. не шли дальше описания некоторых шаманских обрядов и не в состоянии были понять ни корней происхождения шаманства, ни его сущности.

Первой работой, которая положила начало действительно научному изучению шаманства, была диссертация знаменитого соотечественника М. Н. Хангалова Доржи Банзарова «Черная вера или шаманство у монголов», написанная им в 1846 г. Блестяще решив ряд основных теоретических проблем, связанных с изучением преимущественно генезиса шаманства, и дав тем самым толчок для дальнейшего углубленного исследования этой религии, Доржи Банзаров многие вопросы оставил незатронутыми.

Кроме того, диссертация Доржи Банзарова «Черная вера...» посвящена монгольскому, притом «книжному», шаманству, в большой степени подвергнутому буддийскому влиянию, шаманство же в чистом его виде, особенно бурятское, затронуто мало. И это вполне естественно, так как главными источниками исследования Банзарова послужили монгольские буддийско-шаманские рукописи.

О шаманстве сибирских народов, в том числе бурят, в середине прошлого века писали А. М. Кастрен, Н. Щукин, несколько позже С. С. Шашков, но авторы этих работ в основном пользовались материалами Георги, Гмелина и других своих предшественников в части описания обрядовой стороны этой религии. Мифология шаманства была еще малоизвестна, главным образом, из-за незнания бурятского языка, а также в связи с большой трудностью со-

---

¹ В. М. Михайловский. Шаманство (Сравнительно-этнографические очерки), выпуск первый. Изв. императ. Общ. любителей естествознания, антропологии и этнографии. Юм XXV (Труды этнографического отдела. Том XII). — М. — 1892, стр. 4.

бирания сведений о шаманстве из-за недоверчивости шаманистов к посторонним людям.

В конце XIX в. шаманскими верованиями народностей Алтая, Саян, Восточной Сибири и Монголии стали заниматься Д. А. Клеменц и Г. Н. Потанин, собравшие большой сравнительный материал во время путешествий. В эти же годы начал свою научную деятельность (именно с изучения древней религии бурят — шаманства) и Матвей Николаевич Хангалов.

Шаманство заинтересовало будущего ученого еще на школьной скамье. Будучи студентом Иркутской учительской семинарии, М. Н. Хангалов представил реферат на тему «Обряд теломытия шаманов»¹, т. е. о посвящении в шаманский сан. Это сочинение обратило внимание преподавателя педагогики Н. Н. Агапитова. Н. Н. Агапитов оказал своему любознательному ученику серьезную поддержку в его начинаниях в области изучения шаманства, направляя его работу и помогая в обработке результатов исследования. Дополнив и расширив ученический реферат, М. Н. Хангалов, уже учитель Кудинского инородческого училища, в 1880 году вновь представляет его Н. Н. Агапитову², бывшему в то время правителем дел Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Ознакомившись с содержанием рукописи, Н. Н. Агапитов решил, что для того, чтобы взяться за редакцию ее, «необходимо самому лично ознакомиться на месте с обрядами, а с другой стороны, что напечатать описание только одних обрядов посвящения и похорон шамана недостаточно, так как бурятская мифология в литературе совершенно не разрабатывается»³. Имея это в виду, Н. Н. Агапитов добился от ВСОРГО командировки в 1881 г. к байкальским, балаганским и идинским бурятам для изучения шаманства. Летом 1881 и 1882 гг. Агапитов вместе с Хангаловым совершили поездку по бурятским улусам Иркутской губернии. Поездка оказалась очень интересной и плодотворной.

Н. Н. Агапитов писал, что «результаты поездки были так разнообразны и неожиданны, что г. Хангалов, природный бурят, сознался, что «вот он думал, что совсем хорошо знает религию своего народа, а на деле открылось много такого, чего он не подозревал»⁴.

Результатом совместной поездки Н. Н. Агапитова и М. Н. Хангалова в 1881 и 1882 гг. к байкальским, кудинским и балаганским бурятам был совместный труд, напечатанный в 1883 году на страницах «Известий ВСОРГО», т. XIV, № 1—2 под названием «Материалы для изучения шаманства в Сиби-

---

¹ См. Е. М. Залкинд. «М. Н. Хангалов». — Улан-Удэ. — 1945. стр. 9.

² Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. ВСОРГО, т. XIV, № 1-2, 1883, стр. 1, примечание Н. Агапитова.

³ Там же.

⁴ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири. Изв. ВСОРГО, т. XIV, № 1-2, 1883, стр. 1, примечание Н. Агапитова.

ри. Шаманство у бурят Иркутской губернии», впервые раскрывший русскому читателю необычайное богатство и разнообразие бурятской шаманской мифологии, всю сложность и высокую степень развития шаманского мировоззрения и культа.

Обильный материал, собранный М. Н. Хангаловым и опубликованный в этом труде, показал, что шаманство бурят — это далеко не первобытная религия дикарей, как думали раньше. Такой взгляд на шаманство сибирских народов господствовал в науке из-за недостатка конкретных сведений. Вместе с тем совместный труд М. Н. Хангалова и Н. Н. Агапитова дал возможность выяснить значительные отличия бурятского шаманства от религиозных воззрений других сибирских народностей и неоднородность шаманского культа и мифологии у самих бурят.

Совместный труд Н. Н. Агапитова и М. Н. Хангалова «Шаманство у бурят Иркутской губернии» получил высокую оценку крупнейших русских ученых, в том числе акад. Н. И. Веселовского. Совет Русского Географического Общества премировал авторов этого труда малой золотой медалью РГО.

Этот первый труд молодого ученого положил начало целой серии других работ по шаманству у бурят и в значительной степени определил направление его научной деятельности до последних дней жизни.

Перу М. Н. Хангалова принадлежит ряд серьезных работ по шаманству: «Новые материалы о шаманстве у бурят» (Записки ВСОРГО по этнографии, вып. I, т. II, Ирк., 1890), являющиеся продолжением предыдущей работы; неизданная статья «О шаманстве у бурят», составляющая третью часть его первой статьи. Эта работа хранится в Рукописном отделе БКНИИ СО АН СССР; «Духи-людоеды у бурят» (к вопросу о человеческих жертвоприношениях) («Этнографическое обозрение», № 1, 1896, стр. 129-137); «Суд заянов над людьми» (сб. «Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири». Зап. ВСОРГО по этнографии, т. II, вып. 2, Ирк., 1890, стр. 15-17); «Предания и поверья унгинских бурят» (там же, стр. 17—25); «Рыболовство у бурят и Уханхат» (собр. соч., т. I); «Душа» (РО БКНИИ); «Таинственные силы шаманов и шаманок» (РО БКНИИ); «Теломытие шаманов» и другие, еще не опубликованные.

Все эти работы ученого, выполненные с большой любовью и тщательностью, представляют настоящую энциклопедию по шаманству у бурятского народа.

В кратком сообщении невозможно с достаточной полнотой охарактеризовать деятельность М. Н. Хангалова как исследователя бурятского шаманства.

Поэтому мы вынуждены задержать внимание читателя лишь на некоторых наиболее важных моментах его исследовательской работы.

М. Н. Хангалов не был теоретиком и в своих работах не преследовал целей теоретических обобщений. Его задача более скромна: собрать и классифицировать богатейший материал по шаманству, добытый им во время многолетних странствий по бурятским улусам.

В его работах мы часто читаем, что тот или иной вопрос исследуют и объясняют ученые-специалисты.

Но было бы неправильно полагать, что М. Н. Хангалов вообще не занимался теоретическими вопросами. Не говоря уже о реконструкции зэгэтэ-аба — древних общественных облавных охот, М. Н. Хангалов поднимал ряд важных теоретических вопросов из истории религиозных представлений как древних бурят, так и его современников.

Особенность научного творчества М. Н. Хангалова заключается в том, что теоретическая сторона изучения религии затрагивается им не в работах по шаманству, а в исторических и этнографических статьях.

Основные взгляды М. Н. Хангалова на происхождение религии, на шаманство, как, впрочем, и на всякую религию, можно проследить и по его трудам о зэгэтэ-аба, и по его дневникам.

Большой интерес представляют высказывания М. Н. Хангалова о происхождении шаманских культов, свидетельствующие о материалистическом мировоззрении самого автора.

Так, в статье «Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят» читаем: «Вполне зависимый от природы и к тому же, конечно, не понимавший ее, древний бурят, устраивая своим трудом сколько-нибудь сносную обстановку жизни, считал в то же время главным действующим лицом не себя, а те невидимые, сверхъестественные силы, которые рисовались в его воображении, создавались им для объяснения окружающего. В его сознании не было, разумеется, стройной религиозной системы, которая ясно, точно и определенно отвечала бы на вопросы его малосведущего, неразвитого ума. Все содержание его религиозного мирозерцания заключалось в легендах, общий смысл которых можно представить так: есть в мире существа, которые некогда жили на земле как простые люди, а потом сделались небожителями и правителями природы. Таковы, например, Хоходой-мэргэн — хозяин грома, его жена Хобоши-хатун, Эсэгэ-Малан-тэнгри — властитель неба, 9 сыновей Западного Хата и др. Они входят в близкие отношения к человеку, который, конечно, пользуется их преимущественным попечением. Но за это они требуют от человека исполнения религиозных предписаний, которые, главным образом, касались обрядов»¹.

В цитированном нами отрывке можно видеть одну сторону теории отражения, фантастическое отражение в религиозных представлениях объективного, материального мира.

М. Н. Хангалов. Облава на зверей у древних бурят. — Собрание сочинений, т. I, Улан-Удэ, стр. 20-21.

В другой работе «Общественные охоты у северных бурят», посвященной той же зэгэтэ-аба, опубликованной в 1911 году Русским музеем под редакцией Д. А. Клеменца, мы находим и другую сторону теории отражения — социальную.

Говоря о разделении высших божеств бурятского шаманского пантеона на два лагеря, враждующих между собою, — западных и восточных божеств, М. Н. Хангалов считает, что такие представления верующих шаманистов возникли как отражение деления одной общей зэгэтэ-аба в результате распрей внутри правящей верхушки на две враждующие зэгэтэ-аба. Таким образом, здесь М. Хангалов в религиозных воззрениях видит отражение социальных отношений на земле. Наиболее ярко эта мысль высказана в объяснении классификации духов на три категории: высших — тэнгэринов, средних — боходоев, низших — харьмяханов; первые — это высшие шаманы галши; вторые — души простых зэгэтэ-облавщиков и третьи — души рабов. Таким образом, налицо отражение в религиозных верованиях социального строя людей на земле.

Характерны его высказывания о религии как средстве родовой аристократии держать в повиновении простых родовичей. В неопубликованной статье «Таинственные силы шаманов и шаманок» М. Н. Хангалов, описывая шаманское камлание при старинных религиозных обрядах, пишет: «Символический оргой нужен был во время различных религиозных обрядов, фокусов и т. д., чтобы устрашать простых зэгэтэ-облавщиков и держать их в полном повиновении».

Изучая шаманство, собирая материалы по шаманской мифологии и культуре, а также предметы шаманского культа, М. Н. Хангалов относился к шаманизму критически, но не как человек, исповедующий другую религию и потому к явлениям чуждого ему вероисповедания подходящий с целью обличительной, как это имело место в прошлом с Гмелиным и др., но объективно, как атеист, как человек, хорошо понимающий вред, приносимый шаманством как всякой религией. Шаманство интересовало М. Н. Хангалова, так как оно связано со всем укладом жизни дореволюционного бурята. История шаманства — это история развития идеологии бурятского народа. Шаманство с течением времени, хотя и чрезвычайно медленно, видоизменялось, но в его обрядах и призываниях сохранилось еще многое от далекого прошлого бурятского народа. Именно с этой точки зрения подходил М. Н. Хангалов к изучению шаманизма. Шаманская мифология и обряды послужили одним из источников для реконструкции зэгэтэ-аба, общественных отношений у бурят.

М. Н. Хангалов хорошо понимал социальное зло шаманизма. В своих дневниках он не раз отмечал, как разорительны для бюджета бурят шаманские тайлаганы и другие обряды.

М. Н. Хангалов хорошо понимал, что шаманство идет к упадку. Неизбежное историческое исчезновение шаманства он связывает с развитием культуры и новых социальных отношений в улусе — капиталистических, и в связи с этим, хотя и медленным, но упорным проникновением ламаизма, при посредстве и содействии кулачества, в среду иркутских бурят.

В его дневниках мы находим такую запись: «Но придет время, и оно возьмет свое. Культура перевоспитает людей, появится культурное хозяйство, которое хорошо обеспечит бурят в материальном и духовном отношениях. Тогда увидим этих духовных отцов, как они себя почувствуют. Несомненно, они постараются приспособиться к новым условиям жизни, но все-таки... Посмотрим, как эти жрецы поплетутся в хвосте событий, а шаманы и шаманки останутся только в памяти людей, в преданиях»¹.

---

¹ М. Н. Хангалов. Дневники. Рукопись Республиканского краеведческого музея в Улан-Удэ, кн. 13, стр. 173.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том открывают пять этнографических статей. Во многих сочинениях М. Н. Хангалова сквозной темой проходит идея о постепенном переходе бурят от охотничьего образа жизни к скотоводческому. В современной науке не без влияния М. Н. Хангалова уже традиционным стало мнение о достаточно высокой роли охоты в хозяйстве кочевых народов, проживающих в лесостепной зоне. Изучение разных групп бурят позволило исследователю создать мозаичную картину хозяйственной культуры бурят. В 1908 г. он зафиксировал, что нижеудинские буряты — “природные охотники” и занимаются охотой с соблюдением охотничьих обрядов и поверий. Зато для обосинских бурят охота лишь подспорье к скотоводству и земледелию. Он отметил и многие другие этнические процессы изменяющегося мира бурят, главным из которых был переход от кочевого к полукочевому образу жизни, обусловленный новациями, возникшими после присоединения Бурятии к России.

В первый раздел тома вошли также статьи о свадебных обрядах бурят, в которых сосредоточены важнейшие обряды циклов жизни человека. Описание свадебных обрядов различных групп бурят актуально не только в научном плане, оно может иметь практическое значение в современном возрождающемся обществе.

М. Н. Хангалов собрал огромный фактический материал о шаманстве, которое было доминирующей темой его творчества, — можно констатировать, что ученый всю сознательную жизнь посвятил изучению одного из уникальных явлений земной цивилизации. Он пишет о кузнецах, о шаманском пантеоне, о духах и душе, о личности шаманов, их происхождении и обрядах посвящения, об их таинственной силе и шаманских атрибутах.

Ученый хорошо понимал, что загадки шаманства более доступны исследователям — выходцам из народа. Он понимал меру ответственности, которая возлагается на таких людей. В одном из писем он пишет: “Если мы, буряты, взялись за родное шаманство, то должны выкопать тайны, которые до сих пор оставались недоступными и нетронутыми для русских собирателей”¹.

Специфика полевой работы по сбору этнографических материалов, доступная не каждому, еще раз убеждает в огромности научного вклада М. Н. Хангалова в развитие науки. Его научная деятельность открыла большие перспективы для дальнейшего изучения истории и культуры бурят. Многие известные сегодня исследователи, в том числе и я, стартовали, опираясь на идеи и источниковую базу, подготовленную выдающимся ученым. Нельзя также умалять значение наследия М. Н. Хангалова в сохранении позитивной этнической идентичности у бурят, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности.

---

¹ Е. М. Залкинд, М. Н. Хангалов. — Улан-Удэ, — 1945. — стр. 36.

Две ранее опубликованные работы, полевые записи шаманских преданий и поверий Г. Н. Румянцев выделил в особую группу и поместил в третий раздел.

В 1911 г. Восточно-Сибирский отдел Русского Географического Общества просит М. Н. Хангалова записать текст эпоса о Гэсэр-хане и дать его перевод на русский язык. Как пишет Е. М. Залкинд: “Эта просьба пришлась особенно по душе Хангалову, так как его издавна привлекал великолепный памятник народного эпоса и многочисленные варианты сохранились в бумагах покойного исследователя”¹. Впервые к эпосу “Гэсэр” ученый обратился гораздо раньше. В его знаменитый “Балаганский сборник” (1903 г.) вошли две части эпоса “Гэсэр”.

Статья о подвижных школах высвечивает другую грань многосторонней деятельности М. Н. Хангалова — педагогическую. Он искал пути совершенствования школьного обучения бурятских детей, и пытался доказать, что школа должна быть подлинным очагом просвещения. Было важно приблизить школу к жизни, сделать ее доступной: они должны создаваться не при упрямах, а в местах наибольшей концентрации населения. Несмотря на то, что он неоднократно обращался с этой идеей в Министерство народного просвещения, проект не был реализован при его жизни.

Особая научная ценность данного тома заключается в Приложениях. Они свидетельствуют о напряженном труде Г. Н. Румянцева, Б. В. Семичова и Г. О. Туденова. Благодаря их кропотливой высокопрофессиональной работе уже в середине XX в. ученые всего мира получили широкий доступ к наследию М. Н. Хангалова, важнейшей источниковой базе многих направлений гуманитарных исследований.

Кредо М. Н. Хангалова выражено в письме к руководству Русского музея: “Я решил по возможности собрать все коллекции и материалы и сохранить для будущего использования. Медлить не приходится, самые дорогие и интересные коллекции исчезают, а потому все свободное время употребляю на это, чтоб в будущем не остаться без прошлого и это было бы печально и преступно...”. В этой принципиальной позиции, которая нашла реальное воплощение, заключается, на мой взгляд, гражданский подвиг скромного учителя-буряты из глубокой провинции России.

С. Г. Жамбалова,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
ИМБиТ СО РАН

---

¹ Е. М. Залкинд. — Там же.

I

НИЖНЕУДИНСКИЕ БУРЯТЫ

(Этнографические заметки)

I. ОХОТА

1. Аргельная охота

Нижеудинские буряты — природные охотники. Они до сих пор не оставили охоты и рыболовства, которыми, главным образом, живут и теперь.

Скотоводство не развито, скота держат мало. Богатые нижеудинские буряты держат крупного рогатого скота до 19 голов, овец — до 15 и лошадей — до 10 голов, коз совсем не держат. Это очень богатые буряты. Бедные имеют одну корову и одного коня, а часто и никакого скота.

Хлебопашество у нижеудинских бурят началось недавно. Если в семье много рабочих и, притом, семья богатая, то засевают от 3 до 4 десятин. Средние хозяйства засевают 1,5-2 десятины хлеба. По словам местных бурят, урожая у них бывают неважные, часто выпадает град из-за близости белогорья. Поэтому нижеудинские буряты неохотно занимаются хлебопашеством.

Скотоводство у них не развивается из-за плохих трав и за неимением хороших покосных мест. В зимниках у них нет удобренных навозом угугов, как у прочих бурят. Зиму и лето нижеудинские буряты, по образцу русских крестьян, живут на одном месте. Хороших, пырейных покосов нет. Места, занятые нижеудинскими бурятами, преимущественно таежные и болотные, на которых растут не очень питательные для скота травы. От такого корма скот в зимнее время сильно истощается. Из слов самих нижеудинских бурят можно заключить, что скотоводство и хлебопашество служат в их хозяйстве подспорьем к звероловству и рыболовству. Скот колют на мясо исключительно тогда, когда плохо ловятся зверь и рыба. Мясом питаются от декабря до весны. В это время реки покрываются толстым слоем льда, звери уходят в глубь тайги и прячутся в непроходимых таежных трупобах, где их не скоро найдешь и убьешь. В такое неблагоприятное время для зверолова и рыболова наступает

временный кризис — недостаток пищевых продуктов. Именно в это время нижеудинские буряты колют домашних животных, мясом которых питаются. Но колют преимущественно мелкий скот — кочериков и бурунчиков, а крупных — редко. Если колют крупный скот, то делят между собой на части. Иногда колют старых коней или кобылиц, мясо которых делят до восьми частей, разделить же на 2—4 части считается непозволительной роскошью и громадным расходом для хозяйства.

Замечательно то обстоятельство, что нижеудинские буряты жестоко загнаны и держатся в ежовых рукавицах русскими священниками, которые их на каждом шагу притесняют, чтобы они были истинно русскими бурятами, не ели бы конское мясо, которое считается нечистым, и есть которое считается большим грехом. Поэтому нижеудинские буряты, чтобы заколоть коня, уходят в тайгу и там делят между собой мясо заколотого животного. Сильным преследованиям подвергается старая вера бурят — шаманство. Некоторые буряты держат свои онгоны или зураг в лесах, чтобы они не попали в руки священников.

Нижеудинские буряты в прежнее время жили небольшими общинами на разных местах, где водилось много зверей и в реках много рыбы. Около 10 домов на одном месте считалось большим обществом. Обычно в одном поселении бывало от 3 до 10 домов и очень редко больше. Нижеудинские буряты в прежнее время имели мало скота, так как географические условия и образ жизни не благоприятствовали расширению стад. Кроме того, бурятам приходилось перекочевывать с места на место вслед за зверями, которые все далее уходили от населенных мест в тайгу. Буряты двигались ближе к тайге, но поселиться там не могли и держались на открытых местах, где мог пастись скот, имевшийся у них в небольшом количестве. Впоследствии нижеудинские буряты начали понемногу заниматься хлебопашеством. Хлеб сеяли в очень небольшом количестве. Нижеудинские буряты начали сеять хлеб около 40 лет тому назад. Но в то время сеяли хлеб очень немногие, лет 25 тому назад начали сеять побольше.

Развивающаяся русская колонизация оказала влияние на характер поселений нижеудинских бурят. Они стали собираться и селиться более крупными общинами. Средний улус Порог (Хабсагай) насчитывает 30 домов, в улусе Хушун — 32 дома, в улусе Шарагул — 8 домов, в улусе Монгото Бутаг — 21 дом. Остальные ясашные буряты, которые совсем обрусели, живут в Солонцах. В прежнее время эти буряты жили на разных местах по реке Уде, часть их жила ниже нынешнего города Нижнеудинска, приблизительно в 30 верстах от него. 48 лет тому назад оттуда они переехали сюда. Таким образом, разбросанные нижеудинские буряты собрались и поселились в четырех улусах, в которых и живут до сих пор. По реке Уде находятся их старые утуги, на которых ныне не живут.

Теперь нижеудинских бурят со всех сторон окружили новоселы. Теперь буряты живут не на краю поселений, а в середине, что им не очень по духу, так как звери уходят от населенных мест, и бурятам приходится далеко ездить на охоту, что не очень выгодно.

По словам бурят, на самых удобных местах, где в летнее время водилось много зверей: козули, сохатые, изюбры и пр., теперь поселены новоселы и проведены дороги. Конечно, звери из этих мест уходят в тайгу или в другое удобное место, поэтому буряты вынуждены ездить на охоту дальше. В реках количество рыбы заметно уменьшается, так как, кроме бурят, рыбной ловлей стали заниматься новоселы.

Некоторые нижеудинские буряты теперь занимаются одним звероловством и рыболовством, не сеют хлеба, только держат необходимое количество скота: одну корову и одного коня, или вовсе не имеют скота, как, например, шаман Бурлак, который живет только рыболовством. Хозяйств, подобных хозяйству шамана Бурлака, много. Может быть, эти бедняки принуждены по бедности заниматься охотой и рыбной ловлей и не имеют возможности без скота пахать пашни. Но, по словам местных жителей, они имеют коня, следовательно, могут пахать землю. Охотятся они постоянно, в свободное время лежат и ничего не делают. Значит, они ленятся, не хотят заниматься хлебопашеством и в свободное время работать, как другие буряты делают.

По словам нижеудинских бурят, в летнее время они почти не колют домашних животных, а питаются мясом убитых зверей и рыбой. Они почти не нуждаются в скотском мясе, тем более в летнее время, когда в пищу больше идет молоко. Если семья большая и есть кому работать, то лишние работники занимаются охотой. Во время охоты убивают козуль, сохатых, изюбрей, кабанов, барсуков и изредка медведей, мяса которых бывает вполне достаточно и даже продается своим же бурятам от 2 руб. до 3 руб., по большей части за 2 руб., потому что некому покупать, а везти в город на продажу далеко, к тому же в малом количестве невыгодно.

Улов рыбы бывает хороший. С вечера отправляются ставить сети и вылавливают от 20 фунтов до пуда рыбы. Если сеть плохая и малая, то вылавливается от 10 до 20 фунтов. Такого улова хватает на день-два для семьи. Самый плохой улов бывает в июне-июле. В эти месяцы река постоянно прибывает, случаются большие наводнения, во время которых рыба не ловится и нельзя ставить сети. Рыба хорошо ловится от Семенова дня и до рекостава. Мне рассказывали, что в этот сезон за ночь в морду попадает до 3 пудов налимов. Хорошо ловятся также и другие рыбы: харюзы, ленки, таймени, щуки, окуни, ельцы, сорога, ерши. Изредка в озерах ловят карасей.

С Семенова дня охота на зверей тоже хорошо идет. Некоторые буряты охотятся по необходимости — чтобы достать мясо для еды. Нижнеудинские буряты в летнее время охотятся на зверей и ловят рыбу в одиночку. С Петрова дня до Успенья косят сено. После Успенья жнут хлеб; по окончании жатвы хлеб вывозят с полей. Потом вывозят сено. Эти работы оканчиваются к Покрову.

Пока мужики возят хлеб и сено, женщины готовят необходимые для охоты одежду, обувь, снаряжение, продовольствие, сушат сухари. Собак перед охотой кормят хорошо.

Те буряты, которые сами хлеба не сеют, жнут хлеб у соседей за деньги или же за хлеб.

По окончании полевых работ, на Покров, все гуляют. После гулянки мужики запасаются порохом, свинцом и пистонами. Пистонные винтовки находят более удобными для охоты, так как они не сыреют и не бывает осечки.

Когда все готово, тогда буряты начинают сходить в артели. В артелях участвуют от двух до пяти человек, очень редко — 6-8 человек. Составлять большие артели избегают при охоте на белок и соболей. Изредка бывает, что две отдельные артели, состоящие каждая из 4-х человек, сговариваются между собой составить одну общую артель, с таким условием, чтобы, разделившись на две группы, ехать охотиться в разные места, а потом, через условленное время, сойтись в одно место и всю добычу разделить между участниками поровну. Но такая артель практикуется редко.

Если в артели два-три человека, то во время охоты все нужные работы делают сами поровну: шкурки убитых белок, соболей и других зверей снимают ночью и сушат их, смотрят за лошадьми, кормят своих собак и т.д. Если в артели 3-4 человека, то тот из них, кто по каким-нибудь причинам не может убить белок и соболей столько же, сколько его товарищи, а убивает меньше, из-за плохого ружья или собаки, или же сам плохо стреляет, тогда он далеко не уходит от балагана и охотится около него. Он раньше других возвращается на стоянку смотреть за лошадьми, которых пригоняет к балагану, готовит дрова, воду, готовит пищу собакам и варит ужин товарищам. Остальные члены артели знают только охоту, а хозяйством не занимаются, это не их дело. Такой товарищ называется работником и получает из общей добычи свою часть наравне с прочими.

Если артель состоит из 5-8 человек, то в ней есть старики и молодые, которые только начинают учиться охоте. Один из них специально караулит лошадей; двое других носят воду, дрова и готовят пищу товарищам, кормят собак, сдирают кожу с убитых зверей, сушат шкуры. Остальные пять членов артели охотятся, они не вмешиваются в хозяйство артели. К их приходу с охо-

ты в балаган пища должна быть готова. Утром те, которые занимаются хозяйством, встают рано, готовят пищу и будят охотников. Члены артели выбирают из своей среды старосту, который распоряжается, следит за порядком. Тот член артели, который смотрит за лошадьми, после обеда треножит их и отпускает на корм, а утром встает рано и идет за ними. Лошади иногда уходят версты за 3-4 от балагана. Он ловит одного коня, а у других коней снимает путы (треноги), пригоняет их к стану и привязывает к деревьям, чтобы у коней отдохнули ноги, а после обеда отпускает кормиться.

Потом все они снимают шкуры с убитых зверей — белок, соболей и др., сушат их. Им редко приходится охотиться — не хватает времени. С утра до вечера заняты работой. Эти члены артели тоже получают равную долю из общей добычи, так же, как и остальные охотники.

По окончании полевых работ каждый находит себе товарищей-артельщиков. Приготовившись на скорую руку, торопливо выезжают на охоту, чтобы раньше других занять хорошее место, где водится много белок, соболей, хорьков, горностаев и пр. зверей.

Бедняки по необходимости отстают. Полевые работы заканчиваются поздно. За неимением денег порох, свинец, пистоны и прочее снаряжение бедняки берут в долг, иногда же мелют хлеб и продают его, а на вырученные деньги покупают охотничье снаряжение. На все это уходит много времени. Пока они возятся с приготовлениями, другие давно уже успевают выехать в тайгу.

Охотники выезжают в тайгу до 10 октября. После этого в улусах не встретишь взрослых мужчин, которые могут охотиться; остаются только женщины и мальчишки, которые управляют хозяйством. Они доканчивают до зимы те работы, которые взрослые мужчины не успели кончить и уехали в тайгу.

Нижнеудинские буряты как природные охотники, когда приближается охотничий сезон, бессознательно начинают суетиться, горячатся и торопятся закончить домашние работы, чтобы поскорее выехать на охоту, точно так же, как перелетные птицы, когда подходит время улетать на юг, становятся беспокойными и суетливыми.

Перед выездом на охоту все буряты по старинному обычаю делают религиозные обряды тарасуном, саганом, саламатом так называемым зурагтанам. Других религиозных обрядов не делают.

Артели охотников выезжают по своему благоусмотрению в разную тайгу: при вершине речки Гуни; в Хэрэйскую тайгу при вершине речки Хэрэй; в Сэдэнскую тайгу при вершине речки Сэдэн; в Билютайскую тайгу, которая находится на вершине речки Билюта. Булгатуйская тайга, которая находится на вершине речки Булгатуй, очень большая. Черно-Булгатуйская и Красно-

Булгатуйская тайга, также очень большие, находятся в вершине речек Черная Булгатуйа и Красная Булгатуйа. Шалайская тайга находится на вершине речки Шалы. Ирастокская тайга — на вершине речки Ирасток. Хара-Бухайская тайга расположена на вершине речки Хара-Буха. Эхэйская тайга — в вершине речки Эхэй. Хара-Ухатинская тайга — в вершине речки Ухата. Хура-Ухатинская тайга — на речке Хура-Ухата. Ярминская тайга — в вершине речки Ярма, которая впадает в Уду; Мариинская тайга — в вершине речки Марии, тоже впадающей в Уду; Молюнская (?) тайга — в вершине речки Молю, тоже впадающей в Уду. Ехэ-Ясинская тайга — в вершине речки Ехэ-Яса, притока Уды; Бага-Ясинская тайга — в вершине реки Бага-Яса, притока Уды. Все эти тайги находятся на Тункинских белках.

Расстояние езды бывает разное. Некоторые тайги находятся поближе, а другие подальше. Обыкновенно ездят от 2 до 5 дней. На 5-й день к вечеру приезжают на стоянку. Дорога — тропинки. Через реки переправляются вброд, через болота ездят, выбирая места. Вообще, дорога трудная, иногда лошади падают, их приходится вытаскивать, навьюченные на коней вещи снимают, а вытащив коня, его снова вьючат. Дорога таежная. Здесь старые таежники служат проводниками.

Когда все артели охотников приезжают в тайгу на место охоты, то они останавливаются на хороших местах, удобных для лошадей, а главное — богатых зверем.

По приезде на место первым долгом устраивают балаган для ночевки. Балаган строят двойко: некоторые строят из ветвей пихты и кедра, сосновых ветвей избегают — они неудобны, рыхлы и плохо задерживают снег, в то время как ветви пихты и кедра хорошо задерживают падающий снег и не пропускают его внутрь балагана, ветви лежат плотно. Сначала ставят козлы, а потом поперечины, на которые кладут по порядку ветви вниз верхушками. Балаганы строят, смотря по количеству членов артели. Если артель небольшая, то балаган строят маленький — длиной около 3 саж. Если же артель большая, то и балаган строят больших размеров. Некоторые артели балаганы строят из досок, их изготавливают тут же, на месте. Балаганы из досок строят, по большей части, крупные артели. Иногда балаганы делают глухими, оставляя проход для двери. Балаганы чаще ставят с северной стороны без стенки на юг.

Нередко артель охотников приезжает на старое, известное место, где до этого не раз останавливались для охоты. Здесь находят старые балаганы, вполне пригодные для становища. Тогда эти балаганы подправляют. При этом не разбираются, кто раньше строил эти балаганы: они сами или кто-нибудь другой. Если немного позже приедет хозяин балагана, то он для себя делает

пристройку к балагану, а новые жильцы ему помогают. Огонь у них бывает общий. Так они живут; вообще, таежники — народ дружный и миролюбивый.

Когда балаган выстроен новый или приведен в порядок старый, тогда в него вносят все привезенные вещи по порядку: каждый охотник свою одежду, постель, оружие, снаряжение в определенное место. Съестные припасы держатся у всех охотников сообща, все они едят вместе, из общего котла. Съестные припасы охотников состоят обычно из чая, сметаны, масла, соли, сухарей, шанег, хлеба, мяса и пр. Жизнь в тайге во время охоты очень трудная и утомительная, а потому нужна питательная пища для поддержания сил.

В одну и ту же тайгу отправляется артелей немного, чтобы не мешать друг другу. Количество артелей, отправляющихся в ту или иную тайгу, определяется размером площади последней. Чем больше тайга, тем большее число артелей в ней охотится; чем меньше тайга, тем меньше артелей.

В такой обширной тайге, как Ехэ Булгата, останавливается около 40 человек, а в более мелкой тайге — до 3 охотников. Количество охотников в той или иной тайге зависит также от количества водящихся там зверей. Если в данной тайге много белок и соболей, то в ней бывает и больше охотников. Если в какой-либо тайге окажется, что промыслового зверя мало, то охотники перебираются в другую тайгу, где охота обещает быть лучше.

Вообще, артели охотников во время охоты встречаются друг с другом и знают, в какой тайге много белок, соболей и других зверей; знают, сколько приблизительно убивают в день белок, соболей и пр.

Иногда приходится во время охоты переезжать из одной тайги в другую, если в первой мало зверя. Охотники этого не любят и считают переезд бесполезной тратой времени и сил. Не каждый охотник или артель может переехать, нередко по необходимости остаются охотиться на старых местах; если у них плохие кони, то не могут доехать до другой тайги. Охотники или артели, имеющие хороших коней, смело пускаются в путь и перебираются на новые места.

В одной тайге и на одном хребте останавливаются, сообразуясь с площадью тайги и уловом зверей, от 2 до 5 артелей близко друг от друга — на расстоянии в 30, 50, 100 сажень и до одной версты. Вот примерное расположение стоянок артелей охотников в тайге, когда они белкуют или охотятся на соболей и других зверей.

Когда стоянка готова и все вещи приведены в порядок, наступает вечер. Охотники стараются до вечера закончить все работы по устройству стоянки, чтобы на другое утро рано встать и идти на промысел.

Вечером обыкновенно варят кашу, в которую кладут масло, а потом варят чай. После этого около огня устраивают *h a n*, на который кладут горячие

угли. Кашу и чай ставят в чашках, сами охотники садятся рядом. Один из них, знающий охоту и религиозные обряды, начинает исполнять хун шулхэ. Он берет немного каши и бросает в огонь, затем выливает на огонь һан а масло и чай и при этом произносит:

Газара газарлаһан,
Дадаа дадайһан.
Анга тарнайһан (?) заягтын,
Аратая¹ будунэһэн заягтын,
Хэрмэнэ хөхөхөй заягтын,
Халюна хабташиһан (?)
заягтын,

Булгана хараһан заягтын.
Харха нюдэ мана
Хурса болгогтын.
Харбаха һума мана
Залан болгогтын.
Урда хүни
Ута дорхо
Заяжи өгөгтын.
Хойто хүни
Хормо дэрхэ
Заяжи өгөгтын.
Сага һанатани нашни.

Үндэр газар өнжөлгөтөн,
Хушун газар хонолготон.
Газар даба бабай мана.
Ашан бэги мана
Хүндэ болгожи харюулыш.
Аши бэги мана
Залан болгожи харюулыш.
Унаһан морер мана,
Тохохон эмэлэр мана,
Ушираһан бэгер мана
Харюулыш!
Шангар эгэхэ мэни,
Шахал бөтө идит.
Хургар өгөхө мэни,
Хурим бөтө идит.
Улан са ундатан,
Хара са хандалит.
Улан сагар мана ундапыт,
Хара сагар мана хандалыт.

Потом кладет табак в трубку, которую держит в левой руке, а правой держит огонь и, стоя, говорит:

Улан сайхан
Тамхинһа мэни тамыт.
Хандаган харин шинэн
Сад дахан мэни байна,

Хамсун шинэн
Хара хэлин
Хөдөхөн мэни байна!

После совершения этого религиозного обряда кашу едят и пьют чай, а потом треножат коней и отпускают их пастись, а сами ложатся спать.

На другое утро встают до света. Один варит чай, другого, поплоче, посылают посмотреть коней; если они ушли далеко, то их пригоняет к балагану; если находятся близко, то только посмотрит за ними и возвращается обратно. Когда завтрак бывает готов, то частицу каши и чая бросают в огонь. Затем едят кашу и пьют чай. После завтрака уходят на охоту.

¹ Арата – медведь, волк, рысь, росомаха.

Один из охотников должен возвратиться к балагану пораньше, чтобы посмотреть коней, пригнать их к балагану, заготовить дрова, принести воду и сварить ужин.

Другие, уйдя до света на охоту, поднимаются на гольцы. В это время начинает светать. Когда станет светло, тогда начинают стрелять белок, соболей, хорьков, горностаев и других зверей, которые попадутся. Обычно выслеживают белок, соболей, хорьков и горностаев, а других зверей стреляют попутно, если попадутся. Выслеживает зверей собака. Успех в работе зависит в большей степени от качества собаки. Собака выслеживает зверя, а охотник должен внимательно следить и стрелять, не пропуская удобного момента. Многого, конечно, зависит и от качества ружья. Хороший стрелок, имея хорошую собаку и отличное ружье, добывает много зверя.

Охота за соболями трудная. Когда собака выследит соболя и начинает лаять, соболь часто прячется в пустую колоду. Охотник осматривает колоду. Если дыра небольшая, то затыкает ее шапкой или рукавицами, если же большая, то затыкает ее шубой; потом обращает внимание, нет ли других выходов; если окажутся, то их тоже затыкают. Затем в колоде делают паз, шириною с вершок, чтобы соболь не мог выскочить. Тогда в дупле видно, где находится соболь. Через паз его закалывают ножом. Если соболь спрячется в щелях между камней, то разводят огонь и выкуривают его оттуда дымом. Выскочив из-под камней, соболь, преследуемый собаками, бросается на дерево, где его подстреливает охотник. Вообще при охоте на соболя приходится много потрудиться. Выследить и убить его не так-то легко, а потому их добывают мало. Кроме того, с каждым годом соболей становится все меньше.

Соболь — маленькое, проворное, юркое, хищное животное, мех которого ценится дорого. Соболь доставляет много хлопот охотникам. По словам таежников, в прежнее время соболи ценились не так дорого, а потому за ними охотились не так прилежно. Ныне соболь стоит дорого, поэтому каждый охотник старается добыть ценную шкуру. Напав на след соболя, частенько гоняются за ним несколько дней и, несмотря на все препятствия, добывают его. Шкура соболя, прежде стоившая 7-8 руб., теперь стоит 40 руб., та, что раньше стоила 15 руб., теперь ценится много дороже, до 100 руб. Те соболи, которые раньше стоили 5 руб., теперь — 20 руб.

В здешней тайге держится каменный соболь, который ценится дорого. В настоящее время соболиная охота при хороших условиях и снаряжении хорошо вознаграждает охотников за труд и затраченное время.

Охота на белок не так трудна, как охота на соболей. Хороший охотник добывает их много. Белку находит собака, охотник внимательно высматривает, где белка сидит на дереве, и тогда стреляет. Если белка сидит на дереве и

из-за густых ветвей ее не видно, то охотник бьет палкой по дереву, тогда белка перепрыгивает на другое дерево. В этот момент охотник стреляет.

Горностая стреляют на дереве, как и белку.

Колонок большей частью бегает по земле и прячется в ямах и дупле дерева, как соболь. Но за сезон убивают их мало. Они чаще всего сидят в норах, где у них запасена пища, а потому редко выходят наружу. По словам охотников, колонка мало добывают в тайге, чаще его стреляют около улуса, приблизительно верстах в 6-7.

Так таежные охотники охотятся с утра до вечера и на ночь возвращаются в балаган с добычей. Если во время охоты удастся убить крупного зверя — сохатого, изюбря или кабана, то снимают с них шкуру, мясо разрезают на части, из внутренностей берут печень, почки, легкие, жир, а тонкие кишки бросают. Мясо и внутренности покрывают кожей и оставляют на месте на ночь. На другое утро на лошадях привозят добычу на стоянку.

Возвращаясь на ночь на стоянку, каждый охотник приносит с собой убитых зверей. Улов зверей бывает неодинаков: в иные дни убивают больше, в другие — меньше. Хороший охотник в день добывает до 30 белок, соболей — одного, и очень редко — двух. При охоте на соболей почти не стреляют белок. В иные дни соболей вовсе не добывают. Горностаи попадают тоже очень редко. Колонка добывают от 2 до 4 штук в день. При плохой охоте добывается 7-10 белок, очень редко — соболь, горностая не более одного и колонка 1-2 штуки. Остальные звери — выдра, россомаха, рысь, лисица и барсук — убиваются при случае, специально на них не охотятся.

В малых артелях, возвратившись вечером на стоянку, охотники сами готовят ужин и свежуют убитых зверей. Мясо соболиное не едят, оно неважно. Шкурки с соболя и колонка снимают, начиная с головы, бросать на землю нельзя — считается грехом, его кладут в дупло дерева или колоды, чтобы из другой артели никто не видел. Если бросить тушку соболя на землю или кто-либо из другой артели увидит, в какое дупло спрятали, то соболь не будет ловиться. Такое поверье существует у таежных охотников. Мясо колонка тоже не бросают на землю, а вешают на сук дерева. Соболя считают кушун ом, а большей частью называется хул — ”хвост”. Когда таежные охотники убивают соболя, то скрывают это от других артелей и говорят, что не убивали и не видели следа. Они думают, что если рассказать об этом другим охотникам, то соболь не будет ловиться. Шкурку с соболя снимают ночью, чтобы никто из других артелей не мог видеть.

Шкурки горностая начинают снимать тоже с головы, а мясо бросают на землю.

Беличьи шкуры снимают сзади, мясо ее едят. Оно довольно вкусно и жирно.

Шкурки соболя сушат на особых колодках, которые делают из досок. Для одной шкурки соболя изготавливают две доски, концы которых входят в ноги, в середину бьют клин. Так сушат в особой посуде, называемой тунгурак, чтоб никто не видел.

Шкурки колонка сушат так же, как и соболя. Таким же образом сушат шкурки горностая. Шкурки белок сушат просто: между двумя деревьями, отстоящими друг от друга на 4-5 саженей, натягивают тоненькую бечевку, на которой подвешивают беличьи шкурки.

По возвращении вечером на стоянку сначала пьют чай, а затем свежую убитых зверей, другие в это время рубят дрова, таскают воду, варят ужин. Тот, кто убил соболя, в этот вечер пользуется особенным уважением. Он ничего не делает и лежит, отдыхает, покуривает, на других поглядывает или рассказывает про охоту, а остальные слушают внимательно и одобрительно кивают головой.

Когда ужин бывает готов, тогда все ужинают, а потом кормят собак следующим образом: в котел выливают воду, в которую кладут муку, рубят беличье мясо на куски и варят его. Этим и кормят собак.

После ужина стелят постели, сидя на них, покуривают табак и разговаривают между собой. Один из членов артели, возрастом постарше, говорит повару: “Вари кашу и мясо, будем слушать сказки”. Повар встает, варит кашу и мясо, которые ставит в чашках. Кто-нибудь из артели, хорошо рассказывающий сказки, встает, садится около каши и мяса и начинает рассказывать сказку нараспев. Пропев некоторое время сказку, рассказчик ест кашу и мясо, а потом продолжает свой рассказ.

Сказки во время охоты рассказывают потому, что, по поверьям бурят-охотников, таежные духи и зайны любят слушать сказки и за это посылают охотникам много зверей. Сказочник долго рассказывает, пока товарищи не заснут; тогда он и сам укладывается спать. Осенью ночи долги, охотники так забавляются и проводят время.

Артельные охотники с вечера готовят много дров и целую ночь топят — сушат мокрую одежду, чтобы высохла до утра.

На другое утро встают, готовят завтрак — варят кашу и чай. Когда все готово, тогда будят главных охотников, которые, позавтракав, уходят на целый день охотиться. Так охота продолжается около месяца.

Иногда кто-нибудь из компании с утра уходит на дальнюю охоту — на два-три дня. Тогда охотник берет с собой котелок, съестные припасы, топор и пр. Через два или три дня возвращается на стоянку к товарищам, если охота была хорошая. Тогда, на другое утро, на это место отправляется целая артель и там охотится. Оставшиеся на стоянке товарищи тем временем следят за конями и сторожат балаган. Как рассказывают таежные охотники-буряты, во

время охоты в тайге воровства не бывает. Часто случается, что таежный охотник уходит далеко от своего стана, где-нибудь ночует в тайге и на другой день приходит на чей-нибудь другой стан. По обычаю охотников, он свободно и просто входит в балаган, приготовляет себе кашу или варит мясо и чай. Поев, сосчитает, сколько артель добыла зверей, и уходит далее. Вечером возвращается в свой стан и рассказывает, что он был там-то, в таком-то балагане, что та артель добыла столько-то белок, колонков, горностаев и пр. Только не знает количества соболей, убитых теми охотниками, шкурки которых спрятаны подалеке.

Иногда охотник, уйдя далеко от своего балагана, вечером направляется обратно. Но до своего балагана еще далеко, а охотник сильно устал и голоден. Поздно вечером он приходит на чужой стан. Хозяева стана приветливо принимают пришедшего гостя. Его сажают на почетное место и угощают тем, что у них есть. Когда ложатся спать, пришедшему охотнику-гостю дают одежду, в которую он одевается и спит. На другое утро встает с хозяевами и ест и пьет вместе с ними, а потом уходит, охотясь по дороге. Вечером приходит на свой стан.

Во время длительной охоты в тайге охотники страшно устают и совсем истощаются. Чтобы поддержать силы, в это время стараются убить какого-либо большого зверя: изюбра, сохатого, кабана или медведя, мясо которых очень питательно, в особенности мясо кабана и медведя.

За медведем следят очень внимательно. Если собака откроет медведя, спящего в берлоге или во мху, то охотник уводит собаку и сообщает об этом своим товарищам. Если уже поздно, то ждут до утра, и тогда несколько человек, не менее трех, отправляются на медведя.

Охотники осторожно подкрадываются к берлоге и становятся по обе стороны отверстия, держа ружья наготове, на тот случай, если медведь выскочит наружу. Собак отпускают с привязи, они начинают лаять на медведя; последний, потревоженный поднятым шумом, высовывает морду из берлоги и моментально прячется обратно, так что охотнику очень трудно улучшить момент, чтобы выстрелить в зверя. Так медведь иногда довольно долго не вылезает из берлоги, ограничиваясь тем, что время от времени высовывает морду. Неопытные охотники, как только медведь высунет морду, стреляют в него и, конечно, делают промах. Медведь в этот момент может выскочить из берлоги и убежать, а охотники не успеют перезарядить ружья. Опытные же охотники ждут, когда медведь высунется из берлоги до половины туловища—в это время и стреляют. Иногда медведь сразу выскакивает из берлоги; тогда охотники, которые стоят наготове, стреляют в него, как только медведь покажется до половины туловища.

Если медведь долго сидит в берлоге, не выходит наружу, тогда охотники вырубают штук 6 толстых стягов, длиной около 2 сажень, складывают их

у отверстия берлоги и быстро, один за другим, бросают эти стяги в берлогу. Наружные концы стягов как можно быстрее и покрепче связывают веревкой, а другой конец веревки крепко привязывают к дереву. Брошенный в берлогу стяг медведь обычно схватывает и тянет к себе. Если охотники быстро бросают стяги, тогда медведь не успевает втянуть их к себе. Этим временем надо воспользоваться, чтобы успеть привязать другие концы стягов к дереву, тогда медведь не сможет втащить их к себе. Если медведь высунет голову между стягами, тогда охотники стреляют в него.

Если таким способом нельзя добыть медведя, то топором пробивают дыру сверху берлоги. Если при этом медведя не видно в берлоге, то ощупывают палкой, а потом стреляют. Таким образом убивают медведя.

Убитого медведя вытаскивают из берлоги и отрезают голову. В убитого медведя кладут пулю и при этом приговаривают:

Алтан тобша
Жажилжи яба!

Затем отрезанную голову медведя целиком кладут в дупло дерева или в пустую колоду. Голову медведя есть или бросать на землю считается большим грехом.

После этого снимают шкуру, а мясо разрезают на части; жир откладывают отдельно, печень, легкие, сердце и прочее берут с собой для еды, а тонкие кишки бросают. Мясо и жир покрывают шкурой и уходят на стан. Из стана приезжают на лошадях за оставленным мясом и жиром. Тем временем на стане вырубает амбар и кладут мясо и жир убитого медведя на хранение. Затем артель устраивает праздник. Едят жареную медвежатину.

По словам таежных охотников, медведь в берлоге вовсе не лежит на боку или на четырех ногах, а сидит на задних лапах. Кругом него и под ним настлан мох. На передние лапы кладет морду и так, сидя, спит.

Случается, что медведь не ложится в берлогу, а где-нибудь в чаще вокруг себя кладет мох и, сидя на задних лапах, спит. Зимующего таким образом медведя обнаруживают собаки или случайно натываются сами охотники. Говорят, что таких медведей стрелять очень опасно.

Если это возможно, охотники стараются не потревожить медведя и идут на стан за помощью.

Если удастся убить кабана, то для артели охотников это настоящий праздник, так как мясо кабана в это время года бывает очень жирным и вкусным. Медвежье и кабанье мясо сильно выручают охотников, значительно пополняя и разнообразя оскудевшие запасы пищи, взятые из дому.

Самцы изюбрей и сохатых в это время года бывают совсем сухи, мясо их не годится для еды. Оно малопитательно. Если убивают изюбря или сохатого,

то мясо их берут и увозят домой, а во время охоты кормят им собак. Самки изюбрей и сохатых тоже бывают сухи, но все-таки мясо их лучше, чем у самцов.

Причина сухости мяса изюбря и сохатых заключается в том, что в это время года они “играют” (спариваются). Самцы изюбрей до того истощаются, что едва волочат ноги. Во время спаривания изюбрей охотники охотятся на них с у р а м о м. В начале “игры” (спаривания) изюбрь бывает очень жирным, и тогда мясо его отличается хорошими вкусовыми качествами.

Шкурку с убитой выдры снимают, начиная с головы; мясо выбрасывают, так как собаки его не едят. Жир и сало выдры буряты также не берут. Кожу сушат на колодках.

Кожу с росомах и рысей снимают, начиная с хвоста, а затем сушат. Мясо росомахи буряты употребляют в пищу, а рысье мясо бросают.

Дружная, товарищеская жизнь в артели во время охоты в тайге поддерживает бодрость духа и веселость у ее членов. Таежные охотники не любят строптивых, завистливых, худых людей; они их избегают и не принимают в артель. Такие субъекты вынуждены охотиться в одиночку и не могут найти себе товарищей.

Так живут в тайге охотники. Если охота хорошая и добывают много зверей, тогда жизнь в артели веселая, настроение бодрое и охотники не чувствуют усталости. По вечерам весело болтают о дневных приключениях, часто один из членов артели рассказывает сказки, а остальные слушают.

К концу охотничьего сезона охотники порядочно устают и истощаются. Им уже не приходится долго балагурить, они раньше ложатся спать и крепко засыпают после дневной ходьбы по тайге.

Если в тайге близко друг от друга расположены станы нескольких артелей, то охотники ходят друг к другу в гости. Если одна артель убьет крупного зверя — медведя или кабана, мясо которых является лакомством, то вечером эта артель приглашает в гости своих соседей на пиршество. Угощают гостей мясом убитого медведя или кабана, чаем и, что очень ценится в тайге, табаком. Гости долго сидят, балагурят и друг другу рассказывают разные охотничьи истории. Но о соболе — ни слова.

Через несколько дней, когда соседи убьют крупного зверя, они тоже, в свою очередь, приглашают в гости членов предыдущей артели.

Если в течение охотничьего сезона артели не удастся подстрелить какого-нибудь крупного зверя и обеспечить себя запасом хорошего мяса, тогда покупают его у соседней артели, более удачливой в этом отношении. Расплачиваются за купленное мясо наличными деньгами, иногда берут в долг, а иногда

меняют на беличьи шкурки. Без мяса же во время охоты жить в тайге очень трудно, хорошая и питательная пища охотникам необходима.

Если артель сразу по приезде на место обнаружит залегшего в берлоге медведя, то охоту на него откладывают до середины охотничьего сезона или же на самый конец. У местных бурят имеется поверье, что если сразу по приезде в тайгу убить медведя, то не будет фарта, звери будут плохо ловиться. Этот обычай нижеудинскими бурятами точно соблюдается.

По прошествии трех недель, с момента ухода в тайгу, домашние начинают стряпать и готовить тарасун в ожидании возвращения охотников. Таежные охотники не могут долго жить в тайге, так как у них кончается запас продуктов и боеприпасов. На одного коня много выучить нельзя, так как места таежные, болотистые и часто приходится перебираться через горы.

Через три недели, когда припасы приходят к концу, таежные охотники, истощенные и утомленные, прекращают охоту и возвращаются по домам.

Собаки совсем истощаются, делаются вялыми; наевшись, лежат и спят крепким сном.

Кони к концу охоты тоже делаются суховатыми, потому что питаются ветошью, которую сами достают из-под снега. Таежная ветошь — плохой корм для коней.

За охотничий сезон один охотник в среднем может добыть около 300 белок, 1 соболя и 15–30 колонков.

Перед возвращением домой члены охотничьей артели делят между собой шкурки добытых зверей и мясо. Один из членов артели делит шкурки на части, по числу охотников, а затем каждый подходит и выбирает, какая часть ему понравится. Мясо делят между собой, а потом сообща рубят амбар, в который складывают мясо и сверху придавливают деревьями, а потом едут домой. За спрятанным в амбаре мясом приезжают позже, перед Рождеством.

Артели таежных охотников обычно разделяются на две группы: одни ездят дальше в тайгу, на гольцы, охотятся, главным образом, на соболя, а других зверей почти не стреляют. Другие артели охотятся специально на белок, колонков, горностаев и пр. Эти артели останавливаются поближе, где больше белок, и высоко в гольцы не забираются.

По возвращении домой каждая артель охотников устраивает гуляние, которое продолжается дня три-четыре. Этот обычай, вероятно, сохранился от далеких предков, которые после охоты, наверное, беззаботно гуляли до тех пор, пока не кончится мясо убитых зверей. Когда запасы истощались, тогда снова отправлялись на охоту.

2. Вторая охота

Когда охотники кончат гулянку и немного отдохнут, тогда жены их опять начинают готовить запасы: стряпают хлеб, сушат сухари, чинят порванную одежду и обувь и т.д.

Мужья, если у них нет денег, продают последние шкурки и покупают на вырученные деньги необходимые для хозяйства вещи, а также порох, свинец, пистоны и пр.

Когда все готово, выезжают на охоту в другую тайгу, где охоту считают лучше и выгоднее. Перед отъездом делают религиозный обряд, такой же, как и перед первой охотой. Все необходимое снаряжение выючат на лошадей и на них же едут верхом.

Как в первую, так и во вторую поездку на охоту охотники примечают: если при въезде в лес случайно спугнут рябчиков и те отлетят недалеко и их убьют выстрелом, то это хорошая примета. Это значит, что при дальнейшей охоте, хотя и напугают зверей, те не будут убегать далеко, и их можно будет легко подстрелить. Если же вспугнутые рябчики улетят далеко и не видно будет, где сели, то это дурная примета — во время охоты испуганные звери будут убегать совсем.

Если по дороге в тайгу увидят и убьют зайца, то значит — охота будет удачной, если по дороге случайно убьют волка, то охота будет плохой.

Едут до места охоты несколько дней, смотря по расстоянию. По приезде на место охоты устраивают балаган, по окончании которого делают религиозный обряд кашей и чаем, такой же, как и при первой поездке на охоту. Распорядок жизни во время второй охоты такой же, как и при первой.

Вторая охота немного труднее, чем первая, потому что в это время бывает холоднее, снега — глубже, передвижение по тайге из-за глубокого снега затрудняется. Собаки не могут свободно бегать по такому снегу.

Тажные охотники очень суеверны и верят во множество примет. Если охотник встретится с карагазом (?), то это считается дурным признаком. По местным поверьям, хозяин тайги тоже охотится. По виду он такой же охотник, с ружьем и ножом. Нередко охотники видят духов тайги, слышат ружейные выстрелы, ими производимые. Эти выстрелы отличаются от наших, они громче и звучат немного глуше. Если артель услышит такой выстрел духа тайги, то это плохо — не будет хорошей охоты.

Во второй заезд охотятся до зимнего Николы (6 декабря), после чего возвращаются домой.

После второй охоты нижнеудинские буряты продают привезенные звериные шкуры.

Самым неблагоприятным временем для охоты считаются декабрь, январь и февраль. С конца февраля опять начинают составляться артели для охоты на зверей. На этот раз едут не за белками и соболями, а за крупными зверями: кабанам, изюбрами, козами, лосями, которых бьют главным образом на мясо, шкуры их не очень ценятся, шерсть в это время бывает некрепкой и быстро вылезает.

3. Одежда

У нижнеудинских бурят одежда, употребляемая при отправлении на охоту в тайгу, очень проста. Материал, из которого шьется охотничья одежда, тоже прост и часто готовится самими — домашним способом из кожи зверей и домашних животных. Другие же предметы снаряжения покупают в лавках у русских купцов.

На ноги надевают в дорогу унты, сшитые из козлиных шкур, снятых с ног. Голенища длинные, выше колен подвязываются ремешками. Во время охоты носят унты, сшитые из шкуры, снятой с ног изюбра или сохатого. Они имеют коротенькие голенища, длиною около четверти. На эти унты сверху надевают другое голенище из сукна, внизу подвязывают (бодолго бохо) ремнем, а верхний конец пристегивают к верхней части штанов. Таких унтов берут две или три пары для запаса. Пока одна пара сушится, надевают другую.

Во время охоты носят коротенькую шубу из зимней или осенней козьей шкуры, чтобы она не мешала движению и была легкой для ходьбы. Для охоты берут еще коротенький суконный халат. Шапку шьют из шкуры, вырезанной из брюшной части, примыкающей к ногам. В такой шапке легко и не жарко, кроме того, она не так сильно мокнет во время снегопада. Рукавицы должны быть из оленьей кожи. Они легки, теплы и не боятся сырости.

Вообще охотники стараются выбрать легкую и теплую одежду, которая не боялась бы сырости. Для этого очень подходит кожа козуль. Она легка, не боится сырости, и, если и намокнет, то быстро высыхает и не делается твердой, как это бывает с кожей домашних животных. К тому же она стоит дешевле, а потому охотники шьют одежду чаще всего из козульих шкур.

Унты из кожи, снятой с ног изюбра, козули или сохатого, легки, мягки, хорошо греют и удобны тем, что при ходьбе они почти бесшумны.

4. Артельная охота весной

Весной, около Великого поста, нижнеудинские буряты охотятся артелями, в которых состоит обычно 10-13 человек. Они все верхами выезжают в

тайгу для охоты на козуль, изюбров, сохатых и других зверей, на тетеревов, глухарей, рябчиков.

По приезде в тайгу артель охотников разделяется на две части: хорошие стрелки составляют меньшую группу, а плохие — большую числом. Хорошие и опытные стрелки выбирают удобные места, останавливаются на известном расстоянии друг от друга и ждут. В это время плохие стрелки едут по указанию опытных охотников и гонят зверей на первую группу стрелков, так же, как это делают на загоне. Выбегающих зверей стреляет группа опытных стрелков. Так они охотятся несколько дней.

Мясо и шкуры убитых зверей делят между собой поровну, по старинному обычаю. Эти обычаи во время охоты строго соблюдаются, хотя они понемногу, медленно начинают изменяться в зависимости от изменения условий новой жизни, которая медленно, перевоспитывая молодое поколение, все же шаг за шагом берет свое.

5. Охотники

Нижеудинские буряты охотятся только с ружьем и с собакой. Никакого другого оружия они не применяют. Они не ставят никаких ловушек на зверей, самострелов, петель и прочего. По словам стариков, прежде выкапывали ямы, употребление которых ныне строго воспрещается.

Нижеудинские буряты ныне разделяются на три группы. Одна группа занимается большей частью скотоводством и хлебопашеством, а в свободное время охотой и рыболовством. Другая группа тоже занимается скотоводством и немного земледелием, но большей частью охотой и рыболовством. Третья группа, бедняки, живет только охотой и рыболовством и, в небольших размерах, скотоводством, которое имеет в их хозяйстве подсобное значение. Буряты, жители улуса Мөнгөтө-Булаг, занимаются преимущественно охотой и рыбной ловлей, и только богатые семьи разводят скот и сеют хлеб.

6. Одиночная охота

Одиночная охота бывает большей частью в конце весны, летом и в начале осени (до 1-го октября). Рыболовством чаще всего занимаются в одиночку. Рыб ловят сетью, мордой, неводом и во время лунения — острогой.

На зверей охотятся в одиночку в тайге, на солонцах и около озер. В период спаривания изюбров, когда они “играют”, охотники подманивают их, дуя в трубу так, чтобы издаваемый звук походил на крик изюбра. Также охотятся на кабанов.

На соболей, белок, горностаев, колонков летом не охотятся, так как шкурка у них в это время бывает плохая.

II. ВЫДЕЛКА КОЖИ

Выделкой кож занимаются женщины. Буряты прежде были звероловами, а потому все необходимое из одежды, обувь, постельные принадлежности и другие домашние предметы приготавливались из звериных шкур, которые у них были под руками. Следовательно, выделка звериных шкур — самое старое ремесло, а выделка кож домашних животных появилась позднее, с того самого времени, как здешние буряты стали заниматься скотоводством. С этого времени бурятские женщины стали выделывать кожи домашних животных тем же способом, каким прежде выделывали кожи диких зверей с помощью тех же орудий. Выделка кож домашних животных постепенно изменялась и улучшалась.

По словам нижеудинских бурят, ныне мало выделывают звериных шкур, большую часть их теперь продают за деньги купцам. На вырученные деньги покупают разные материи, из которых шьют белье и разную верхнюю одежду.

Теперь условия жизни понемногу изменяются — одежда из звериных шкур и кожи домашних животных выходит из употребления, в особенности в летнее время, а теплую одежду и обувь еще и теперь шьют из кожи и шкур.

Снаряды, с помощью которых выделывают ныне звериные шкуры и кожу домашних животных, не буду описывать, так как они те же самые, какие применяются у бурят Балаганского уезда. Названия снарядов для выделки кож у нижеудинских бурят те же самые, что и у балаганских.

Нижеудинские буряты для выделки кож употребляют следующие снаряды:

1. Эргюлгэ, то же, что у балаганских бурят, встречаются разных размеров.
2. Хэдэргэ, то же, что у балаганских бурят.
3. Тальхи, то же, что у балаганских бурят.
4. Шударга, то же, что у унгинских бурят.

Кроме того, у них есть так называемый “ножной крюк” (хөлшударга), который делают из березы. Обыкновенно берут ствол березы, длиною в 1,5 аршина, который вверху имеет раздвоение. Раздвоенные ответвления отрезают на равном расстоянии от ствола, приблизительно на расстоянии в 6 вершков. Около конца образовавшейся развилки поперек вставляют железку, а к нижнему концу березки привязывают ремень с петлей. Эту петлю

бурятки во время выделки кожи надевают на ногу. Вот все устройство хэл шударга. Этот снаряд буряты заимствовали от других народов.

5. М у ш х у р г а, то же, что у балаганских бурят.

6. Туповатая коса, которой выскабливают оставшееся мясо с кожи и подкожную плеву. Этим инструментом очищают кожу, которую кладут на ш у д а р г а.

Вот все нехитрые и несложные снаряды, с помощью которых выделывают кожи. Они сохранились без существенных изменений с давних времен.

1. Кожи козули

Кожу козули выделывают следующим образом. Сперва смазывают мазью, которую делают из муки, прокипяченной в воде. Образуется жидковатая мазь. Ею смачивают шкуру козули, которую кладут в эргюлгэ, в которой держат от 2 до 3 дней. После этого шкуру вынимают из эргюлгэ и продолжают обрабатывать ее на другом снаряде — мушхурга — в продолжение 3-4 дней. Во время этой обработки кожа немного белеет (с а л з а х а). После этого берут кал бурунчика и теленка, кладут в молоко и смешивают, отчего образуется густая мазь, которой смазывают шкуру козули, а потом складывают наверху, чтобы кожа сделалась мягче и рыхлее (х ө х ө). Так кожа лежит в продолжение трех суток, по прошествии которых шкуру обрабатывают на хэдэргэ в течение 3-4 дней. 10 кож на хэдэргэ выделывают в течение 3-4 дней, а 20 кож — в течение 8 дней и редко 9 дней.

Во время обработки кожи через хэдэргэ от нее отстает оставшееся мясо и подкожная плева, которые по мере возможности осторожно и тщательно отдирают.

Потом кожу кладут на станок шударга и туповатой косой осторожно скабливают подкожную плеву. Когда совсем выскоблят подкожную плеву, тогда кожу дымят. Одна женщина в день может выскоблить до 10 шкур.

2. Шкура сохатого

Шкуру сохатого чаще всего продают. Иногда же выделывают кожи сохатых сами для ремней, поводов, узды, гужей и на шитье переметных сум.

Шкуру сохатого вымачивают в воде. Когда кожа хорошо вымокнет, тогда ее кладут на шударга и осторожно выскабливают шерсть косою, не вырезывая кожу. Когда кожа очищена от шерсти, тогда приготавливают особую мазь (д э б т э с э): в воде кипятят муку так, чтобы не очень загустела и не была бы жидкой. Этой мазью смазывают кожу и оставляют ее на некоторое время,

чтобы она хорошенько пропиталась мазью. Затем кожу кладут в эргюлгэ, в котором помещается 3-4 кожи. В эргюлгэ кожи обрабатываются 3-4 дня. Если кожа сделалась мягкой и сухой, ее вынимают из эргюлгэ и смазывают костяным маслом, в крайнем случае пеной х у р у н г и, потом складывают опять в эргюлгэ и держат там кожу в течение 3-4 дней. По истечении этого времени кожу вынимают из эргюлгэ и смотрят, совсем ли она готова. Кожу кладут на шударга, туповатой косой выскабливают подкожную плеву и затем дымят кожу сосновыми шишками. После этого кожа бывает совсем готова и может употребляться на разные изделия.

3. Кожа изюбра

Шкуры изюбров охотники продают. Иногда выделывают сами для шитья зимних дох, иногда же шкуру очищают от шерсти, подобно тому как это делают со шкурой сохатого, выделывают кожу и из нее шьют переметные сумы. Если же из шкуры изюбра собираются шить доху, то ее обрабатывают как кожу козы. Выделанная кожа изюбра бывает толще и жестче, чем кожа козуль.

4. Медвежьи шкуры

Шкуры медведей чаще всего продают, для себя их не выделывают. Изредка медвежьи шкуры обрабатывают по заказу какого-нибудь богача для дохи.

Сначала смазывают шкуру особой мазью так же, как шкуру сохатого, а потом кладут в эргюлгэ, в который входит 2-3 шкуры, и держат в нем долго. Мазью больше не смазывают, потому что в коже медведя содержится много своего жира. Когда из кожи выйдет весь жир, она становится мягкой и ее вынимают из эргюлгэ. При этом смотрят, и если осталось немного кожной плевы, то ее осторожно выскабливают туповатой косой. После этой операции кожа бывает совсем готова.

5. Шкурки выдры

Шкурки выдр обычно продают. Иногда их выделывают сами для воротников зимних шуб, а также для шитья шапок. Шкуру выдры вымачивают следующим образом. В пену х у р у н г и или в воду кладут муку и мешают. Этой мазью покрывают кожу выдры. Затем шкурки выдры обрабатывают при помощи т а л ь х и, которыми ее мнут дня два. Когда кожа делается мягкой, то ее

обрабатывают с помощью хэдэргэ в течение 3-4 дней. Когда из кожи выйдет жир и она делается мягкой, тогда ее кладут на шударга и тупой косой выскабливают подкожную плеву. После этого кожа совсем готова и идет на изделия.

6. Шкура рыси

Шкуры рысей продают, но изредка выделывают дома для шитья дохи. Рысью шкуру обычно мочат. В молоке или в воде размешивают муку: в результате получается мазь, которой смазывают рысью шкуру.

Промазанную шкуру складывают и оставляют дня на три, чтобы кожа промокла. Потом шкуру кладут в эргюлгэ на 3-4 дня, по истечении которых вынимают и смотрят, насколько она готова. Если она не совсем готова, то снова кладут в эргюлгэ на один день. После обработки в эргюлгэ кожу кладут на шударга и выскабливают подкожную плеву, тогда кожа делается совершенно чистой и мягкой. Кожу рыси больше одного раза не мажут, потому что в ней много жира, который нужно удалить. Когда обрабатывают кожу в эргюлгэ, то жир выходит полностью. Изредка кожу рыси выделывают на тальхи, хэдэргэ и шударга, но это трудная работа и потому ее избегают делать, хотя кожа при этом получается очень хорошей и прочной. Потом хорошенько вытряхивают шерсть, чтобы она была чистой.

7. Кожа росомахи

Кожу росомахи продают в выделанном виде. Процесс ее обработки такой же, как и рыси, на т а л ь х и или на э р г ю л г э.

8. Шкуры волков

Волчьи шкуры идут на изготовление зимних дох. Шкуру покрывают мазью, приготовленной из муки, разведенной в воде. После смазывания шкуры складывают на несколько дней (от 2 до 3), чтобы кожа хорошенько впитала бы в себя мазь. После этого волчьи шкуры обрабатывают на т а л ь х и так же, как выдровые. Потом шьют дохи и покрывают сверху материей.

9. Лисьи шкурки

Лисьи шкурки продают слегка обработанными. При выделке лисьих шкурок их смачивают молоком или в воде мешают муку и этой смесью смачивают и кладут. Через день шкурка вымокнет и ее выделывают на руках, чтобы была немного помягче и пышнее.

10. Шкурки белок

Шкурки белок продают невыделанными, для своих же надобностей выделывают так же, как лисьи. Для беличьих шкурок делают особую, маленькую колодку, на которую ее надевают и выделывают на руках.

11. Заячьи шкурки

Шкурки зайцев тоже редко выделывают, большей частью продают невыделанными. Шкурки вымачивают в молоке или в воде и выделывают на руках.

12. Шкурки горностаев

Выделываются так же, как беличьи.

13. Шкуры барсуков

Их выделывают на тальхи так же, как кожу выдры. Барсучьи шкуры на продажу не идут. Из них делают футляры для ружей.

14. Собольи шкурки

Собольи шкурки выделывают во время охоты в тайге, по ночам. При выделке стараются, чтобы шкурка стала маленькой, тогда шерсть станет гуще и пышнее.

15. Выделка кож домашних животных

По словам бурят Нижнеудинского уезда, выделка кож домашних животных — дело более трудное и требует больше времени, чем обработка шкур диких зверей.

Овечью кожу выделывают следующим образом. Сперва овчину мочат, что по-бурятски называется д э б т э х э. Для этого в воде кипятят муку, отчего получается жидкая мазь, которой затем смазывают овчину. Затем овчину кладут в эргюлгэ на 3-4 дня. Когда овчина начинает выделяться (с а л з а х а), тогда ее вынимают из эргюлгэ. После этого овчины начинают выделять на мушхурга, как у унгинских бурят. Снимая кожу с мушхурга, ее растягивают во все стороны и смотрят. Когда овчина довольно выделалась, тогда ее немного мнут на руках. После того, как кожа совсем высохнет, тогда берут кал телят или бурунчиков и смешивают его с молоком. Получается жидкая масса, которой смазывают овчину. Затем кожи кладут наверху, чтобы они пропитались мазью и сделались рыхлыми. Так они лежат 2-3 дня. После этого кожи выделывают

на хэдэргэ. В это время понемногу, по мере возможности, с кожи снимают подкожную плеву и остатки мяса. Затем кожу кладут на шударга и затупленной косой выскабливают остатки подкожной плевы. После этого кожа бывает более или менее выделанной.

Потом чистой водой или выбежавшей от б о з о жидкостью отмывают шерсть на коже. После этого кожу сушат в прохладном месте. Когда кожа высохнет, тогда начинается чистая и тонкая отделка. Варят печень, а потом растирают ее в молоке и оставляют на 2-3 дня. Эту мазь втирают в кожу и кладут ее дня на два или три. Потом кожу выделывают на хэдэргэ, шударга и мнут руками. Когда кожа совсем выделается, тогда ее дымят. Иногда после дымления кожу моют.

Замши из кожи домашних и диких коз, а также изюбров и других зверей нижеудинские буряты не делают и не носят шитых из замши унтов, рукавиц и других вещей.

Кожи крупного рогатого скота выделывают следующим образом. Сначала мажут мура бозо ту сторону шкуры, которая покрыта шерстью. Через день-два, когда шкура совсем высохнет, тогда ее кладут на шударга и острым ножом или косой осторожно, чтобы не попортить кожи, снимают шерсть. Когда снимут шерсть, кожу кладут на день и затем мажут ее хорошенько костяным маслом и дают пропитаться. Затем кладут в эргюлгэ три большие или четыре поменьше кожи. В эргюлгэ один человек выделывает 3-4 кожи в течение 7-8 дней. Затем кожи вынимают из эргюлгэ и смотрят, насколько они выделаны; если хорошо, то снимают подкожную плеву деревянной лопатой. Этим выделка кожи кончается. Если кожа предназначается на изготовление сбруи, то ее не дымят. Если из кожи собираются делать обувь, подошвы и переметные сумы, то ее дымят сосновыми шишками или над огнем очага.

16. Качество кожи

Для шитья одежды ценятся осенние и зимние звериные шкуры. Шерсть в это время бывает хорошая и крепкая. У летних шкур шерсть коротка и слаба. Летние шкуры идут на приготовление летней одежды, в особенности шкуры диких коз. Самой низкой по качеству шкурой считается весенняя, когда у зверей меняется шерсть, кожа тонкая и на ней бывают свищи (г у р h а н).

17. Кто занимается выделкой кож

Выделкой кож занимаются женщины. Весенние кожи выделывают летом, летние — осенью, осенние — зимой и зимние — весной. Здешние буряты вы-

дельяют кожи не только для себя, но и для русских крестьян, которые сами этим не занимаются. Русские крестьяне отдают буряткам на выделку овечьи шкуры для шуб и проч., кожи крупного рогатого скота для изготовления сбруи и переметных сум. Бурятки же здешние в редких случаях нанимают друг друга на выделку кож. У местных бурят не делают накопления кож, как у унгинских бурят-скотоводов. Изредка нанимают работницу, если самим по какой-либо причине нет возможности заняться обработкой шкур.

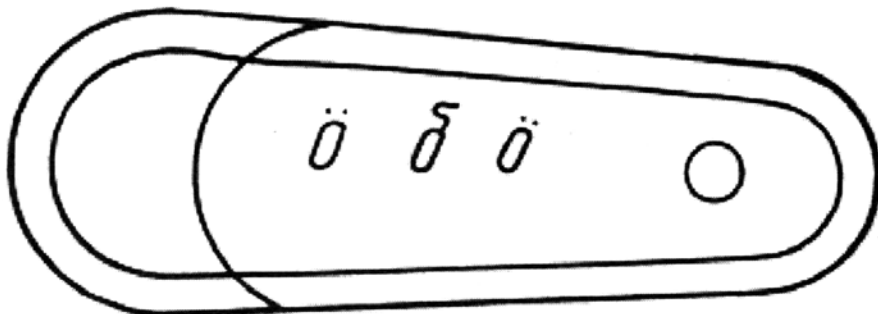
18. Дымление кож

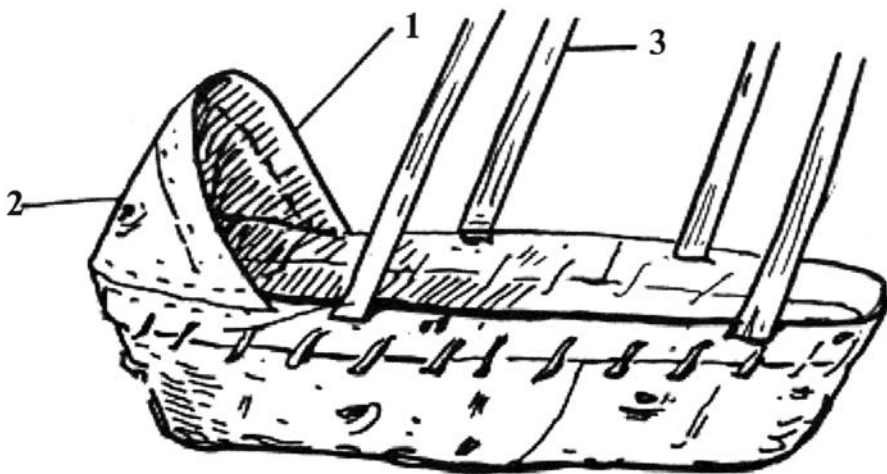
Нижнеудинские буряты дымление кож производят так: выкапывают яму глубиной около аршина, диаметром 0,5 аршина. В эту яму кладут сосновые шишки и сухой скотский помет. Шишки и помет медленно горят и дают много дыма. Над этим дымом помещают кожу, зашивши мешкообразно, нижним концом ставят плотно на яме, а верхний конец зашивают наглухо. Вообще, дымление кож производится так же, как у унгинских бурят. Иногда кожи дымят на очаге юрты, медленно и долго. Последнее считают очень хорошим способом.

III. ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ У НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

1. Детские люльки

У нижнеудинских бурят встречаются люльки трех родов: а) берестяная, самая старинная; б) деревянная, как у балаганских бурят, более новая; в) заимствованная от русских. Берестяная люлька имеет такой вид:

На рис.: 1 - дуга самхарга; 2 - хобширгө; 3 - ремни

По словам одного старика, нижеудинского бурята, берестяная люлька очень удобна и легка для ношения, когда приходится с ребенком ехать в лес. За четыре ремня люльку привязывают к сучьям дерева и тогда в ней удобно качать ребенка. Эту люльку вместе с ребенком нетрудно нести на руках или на спине.

2. Берестяная посуда¹

Одним из простейших видов берестяной посуды является т а б х а н с а г. Для его изготовления берут кусок бересты, имеющий прямоугольную форму, загибают четыре угла и сшивают их. Получается нечто вроде четырехугольного продолговатого глубокого блюда, длиной $\frac{1}{2}$ аршина, шириной 6 вершков и глубиной $\frac{1}{2}$ вершка.

Другой формы т а б х а н с а г шьют так же, как крышку для берестяного лукошка. Делают его диаметром около $\frac{1}{2}$ аршина и высотой около 2 вершков. Такие баки для молока шьются разной величины.

У нижеудинских бурят женщины до сих пор шьют берестяную посуду, в которой держат жидкие вещества, как молоко, воду и т.д.

По словам женщин, из берестяной посуды вода и молоко вытекает только в первое время, а потом не бежит. Берестяная посуда не высыхает, как деревянная.

¹ Тетр. №17.

Нижеудинские буряты, как природные охотники-таежники, до сих пор не научились делать деревянную посуду. Всю деревянную посуду они покупают у русских. Сами же иногда делают тэбши, а айга совсем перестали делать, хотя прежде, говорят, изредка делали.

Поэтому самую необходимую в хозяйстве посуду: ведра для таскания воды, ведра для доения молока, баки для сметаны, для бозо, арса и пр. жидких, сыпучих, твердых и мягких продуктов и предметов шьют из бересты.

Я видел здесь разной величины берестяные лукошки, которые встречаются у бурят Балаганского уезда. Нижеудинские буряты в берестяной посуде держат даже масло.

Мужчины-охотники во время охоты в тайге делают из бересты корзины для мяса, хлеба. Из бересты же делают чашку, которую называют хунсаг. Из нее пьют чай и воду. Берестяные корзины тоже называют хунсаг.

IV. РОДОВОЙ СОСТАВ НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ²

Нижеудинские буряты имеют в своем составе следующие роды:

1. Шарат, одно семейство, 4 мужчин.
2. Хүлмэнгэ, немного.
3. Бэбри, остался один человек.
4. Хоршин, много.
5. Туралса, много.
6. Төмөшө, мало.
7. Хурдат, мало.
8. Барун гар, мало.
9. Ашехабат, мало.
10. Якта, мало.
11. Мажрик, мало.

Нижеудинские буряты состоят из одиннадцати разных племен [родов], из которых самые многочисленные Хоршин и Төмөшө, а остальные—мелкие, случайно попавшие сюда в прежнее время. Они, должно полагать, образовались от беглых людей, которые бежали из своих племен и пристали к здешним бурятам и жили с ними, женись на их дочерях. В прежнее время провинившиеся буряты-рабы — “мори барюхан”, “эмэл тохухан” и прочие убежали от своих хозяев и приставали к другим бурятам и жили среди них. Некоторые роды, как, например, Бэбри и др., совсем исчезают.

---

² См. РО БКНИИ, инв. № 280, тетр. №17, лл. 23-24.

ОБОСИНСКИЕ ТАЕЖНЫЕ ОХОТНИКИ

Обосинские буряты I и II Онгоевых родов Бильчирского ведомства до сих пор не оставили звероловства и рыболовства, хотя и занимаются ими только в свободное время в качестве подспорья к скотоводству и хлебопашеству. Оружие их составляют старые кремневые винтовки, рогатины, топоры и ножи. Пользуясь этим отжившим свое время оружием, обосинские буряты охотятся непродолжительное время, только осенью. Когда кончаются все полевые работы и выпадет немного снега, наступает время безработицы. Зимники приведены в порядок, из-за наступления распутицы возить дрова нельзя; хлеб не молотят, а скот не требует особого ухода, потому что пасется на подножном корму. Все общественные религиозные обряды (тайлган) окончены. Вот тогда, в первых числах октября, обосинские буряты и отправляются на охоту. При этом обращают внимание на осень. Если осень холодная и у белки достаточно выросло шерсти, тогда выезжают на таежную охоту. Она продолжается в ноябре, в зависимости от снега: если снег рано бывает глубокий, тогда охота бывает непродолжительной, потому что глубокий снег мешает ходьбе. Тогда охотники возвращаются домой. После возвращения из тайги обосинские охотники не устраивают шумных гуляний, как это делают таежные охотники-буряты Нижнеудинского уезда.

Рыболовством обосинские буряты занимаются только летом. Рыбу ловят в небольшой реке Обосе только для себя, но не для продажи. Орудиями лова служат морды, остроги, сети, неводы и удочки. В реке Обосе водятся хариусы, щуки, налимы, ельцы, сороги, окуни, пескари, ерши, язи и караси. По словам местных бурят, такая рыба ловится плохо, потому что ее стало совсем мало.

Ее вылавливают как сами буряты, так и соседние русские; кроме того, рыбу сильно истребляет речная выдра, которая водится в вершине реки Обосы. В зимнее время выдра спускается вниз по течению реки и там уничтожает рыбу. По словам местных бурят, по реке Обосе за речными выдрами охотиться трудно, так как берега реки крутые, обросли деревьями, и местами вода зимой не замерзает.

Обосинские буряты в настоящее время занимаются преимущественно скотоводством, хлебопашество является второстепенным занятием, в поддержку к главному — скотоводству.

Места, занимаемые обосинскими бурятами, таежные и гористые. Пашни у них находятся преимущественно на гористых местах, а поэтому не особенно пригодны для хлебопашества. Земля местами глинистая и каменистая, урожаи хлеба неважные; на черноземных полосах, иногда встречающихся, урожаи бывают удовлетворительные.

Покосов не очень много. Трава таежная и малопитательная для скота, в особенности повыше к вершине, а ниже по Обосе местами есть солонцы, на утгах и на лугах родится хорошая и питательная трава для скота. Вследствие неблагоприятных условий обосинские буряты много скота не держат. Хлеба сеют немного, потому что гористая таежная местность не позволяет увеличивать площадь посева.

Вследствие упомянутых выше причин обосинские буряты до сих пор не оставили охоты и рыболовства, тогда как другие ближние буряты, живущие по реке Осе, и буряты Улейского ведомства оставили охоту и рыболовство и занимаются только скотоводством и хлебопашеством.

Обосинские буряты в недалеком прошлом были преимущественно звероловами и рыболовами, скотоводством же занимались мало, так как местные природные условия не давали возможности держать много скота. Кроме того, прежде в тайге водилось множество зверей, а река изобиловала разной рыбой. Охота и рыбная ловля обеспечивали обосинцев пищей, одеждой и обувью. Обосинские буряты начали переходить к скотоводству как главному занятию немного позже, чем соседние с ними осинские буряты, живущие по речке Осе в более открытых и солнечных местах.

Более выгодные географические условия позволили осинским бурятам значительно раньше перейти к скотоводству и держать скота больше, чем это могли сделать обосинцы, а также кахинские, янгутские и укырские, которые тоже жили в таежных местах.

В свою очередь, осинские буряты, составляющие часть нынешнего Бильчирского и Улейского ведомств, позже перешли к скотоводству и меньше держали скота, чем унгинские буряты, обитающие по речкам Унге и Заларе. Унгинские буряты как скотоводы были обеспеченнее и богаче бурят Бильчирского, Улейского, Кахинского, Укырского и Боханского ведомств.

В настоящее время охота и рыболовство у обосинских бурят все более вытесняются экономически более эффективными видами хозяйств — скотоводством и хлебопашеством, которые лучше обеспечивают средствами к жизни. Кроме того, тайга Березовского хребта недавно сгорела, сохранилась

лишь небольшая ее часть, в которой совсем мало зверей: белок, соболя, горностая, изюбров, медведя, хорьков, на которых охотятся буряты.

Вследствие упомянутых неблагоприятных обстоятельств и трудностей охота у обосинских бурят постепенно падает и давно уже утратила свой первобытный характер. В связи с изменениями условий жизни изменился характер охоты, которая превратилась в побочный промысел, к которому прибегают в свободное время. Охота у обосинских бурят в будущем прекратится совсем как ненужное и невыгодное занятие, как получилось с бурятами из других местностей.

Порядок таежной охоты у обосинских бурят теперь совсем изменился. У них уже нет артельной охоты, которая раньше существовала у всех бурят. Теперь таежный охотник охотится на зверей каждый сам по себе и убитыми зверями ни с кем не делится. На охоту обосинские буряты собираются по отдельности. Каждый охотник prepares все нужное для охоты по своему благоусмотрению и начинает кормить охотничьих собак, которые совершенно необходимы при охоте в тайге. Хорошая таежная охотничья собака ценится дорого. От хорошей собаки во многом зависит удача в охоте.

Для охотника, уходящего в тайгу, домашние стряпают хлеб, готовят все нужные предметы, готовят одежду, льют пули, покупают порох и пр. Когда все готово, перед отъездом, по старинному обычаю каждый охотник приглашает шамана и предлагает тарасун своим местным горным старцам, которых просит покровительствовать во время охоты и даровать прибыльную охоту. Затем делают религиозный обряд мясом, саламатом, тарасуном или вином покровителю таежной охоты Анда-бару и Зол-бару. Их призывают так:

Нарин ганзага мэни,
Шуһадулжи байһан,
Намта хормоги мэни,
Тоһодулжи байһан.
Ута ганзага мэни
Шуһадулжи байһан,
Уу хормоги мэни
Тоһодулжи байһан.
Һорһон дахатан
Хор утхэтэн
Тайгии мана табин
Табин найман хамнаган,
Ойи мана олон
Олон найман хамнаган.

Харгаһанда хажи өгө,
Бургаһанда божи өгө.
Хара гөрөһө
Хархирулжи байһан.
Боро гөрөһө
Бурхирулжи байһан.
Халюни харагии өгө.
Булгани бороги өгө.
Эртө ботхоһон,
Оро унтулһан
Хара үгэйги
Харулжи байһан.
Үзэ үгэйги
Үзүлжи байһан.

Когда необходимые религиозные обряды окончены и все готово, уезжают в тайгу и за собой ведут собак. Иногда несколько человек едут вместе и по дороге ночуют вместе, но каждый ест свою пищу, что взята из дому. Приехав в тайгу, останавливаются вместе в одном балагане. Лошадей отсылают с кем-нибудь домой, а иногда просто отпускают их, и те сами возвращаются домой. В назначенный срок из дому приезжают за охотниками, чтобы привести их в улус вместе с добычей.

Когда охотники-обосинцы приезжают в тайгу на место охоты и останавливаются на одной стоянке, каждый из них устраивает для себя место отдельно и кладет все свои вещи и припасы. По обычаю, вечером каждый охотник особо для себя приготовляет ужин, которым делает религиозный обряд дэ ши и барьха. От приготовленной пищи частицу бросает в огонь и говорит те же слова, как во время брызганья. Иногда же произносит следующее:

Ойн эжин	Бургаһанда божи өгөгтын.
Орго Саган нойон.	Эртэ ботхогошни.
Тайгын эжин	Оро унтулашни.
Табин найман хамнаган.	Нюдэ хурса болгошни.
Харганда хажи өгөгтын.	Шихэ һонор болгошни...

После совершения религиозного обряда приготовленный ужин съедают и ложатся спать.

На другое утро встают рано, готовят чай и кашу, от которых тоже небольшую частицу бросают в огонь, затем съедают кашу и пьют чай, каждый охотник отдельно.

После этого собираются на охоту. Прежде всего берут охотничью доску, которую обосинцы называют ө р г ө б ш и (по-русски “ноша”, “ношеносица”), буряты же Верхне-Кахинского и Енгутского улусов Кахинского ведомства называют ее һ и н а. Такую доску имеет каждый бурят-охотник, Өргөбши — необходимая принадлежность при охоте в тайге. Это небольшая, четырехугольная, продолговатая и тонкая доска, в длину пол-аршина и в ширину около 5 вершков. На средних ремнях кладется топор, потом привязывают котелок и в мешочке — хлеб, чай и соль на день, а потом надевают на спину за оба ремня, через которые продевают обе руки. Спереди на груди ремни привязывают тоненьким ремешком. После этого каждый охотник по отдельности идет за своей собакой на охоту и до вечера охотится. Убитых зверей и птиц (белок, соболей, горностаев, хорьков, рябчиков, тетеревов и пр.) привязывает к доске (ө р г ө б ш и), на которой есть особые ремни для этого.

К полудню на стоянку охотники не возвращаются, варят чай в лесу, напьются чаю и продолжают охоту до вечера. Вечером возвращаются на стоянку.

Здесь снимают шкурки с убитых зверей и сушат, убитых птиц замораживают. Потом готовят себе ужин, после ужина кормят собак и затем уже ложатся спать. Иногда долго разговаривают об охоте или рассказывают сказки.

У таежных охотников есть поверье: если во время охоты хорошо рассказать сказку, то будет хорошая и прибыльная охота, потому что духи — хозяйка тайги — любят слушать сказки.

Иногда охотники, увлекшись охотой, далеко отходят от стоянки, тогда им приходится ночевать в тайге. В это время (конец ноября) спать в тайге бывает холодно, в таком случае охотники разводят костер, на котором готовят ужин. Когда приходит время спать, костер разбрасывают, горячие угли отметают в сторону, а на место кладут кедровые или сосновые ветви толстым слоем, затем по обеим сторонам разводят огонь и ложатся спать на разостланных ветвях. Снизу пригревает горячая зола, а с обеих сторон разведенный огонь. Так спят в тайге охотники-буряты. Утром встают и, напившись чаю, продолжают охоту целый день, а к вечеру снова возвращаются на стоянку. Так охотятся до тех пор, пока снег не станет глубоким. Тогда становится трудно ходить, и охотники возвращаются домой.

Хороший охотник, имея хорошую собаку, добывает довольно большое количество зверей и дичи. Обосинцы стреляют что придется: белок, соболей, горностаев, хорьков, рябчиков, тетеревов, глухарей, сохатых, медведей и пр. Кабанов и изюбров в здешней тайге нет.

Обосинцы на медведей охотятся артелью, поодиночке нападать боятся. Когда найдут берлогу медведя или же обнаружат медведей, спящих во мху, то несколько человек сговариваются и отправляются с собаками к берлоге, собак ведут на привязи. Вырубают хорошие стяги и осторожно подходят к берлоге, в которую затем бросают эти стяги и по старинному обычаю при этом говорят:

Тулаши үгэй	Һаншигта ху хурибша
Дал ерэбди.	хадалга!
Тулаши үгэй	Һадагта номо һадага
Сэрэг ерэбди.	хуря!

Эти слова произносят для того, что если в берлоге лежит медведица, то она должна таинственным образом спрятать из утробы своих детенышей. По словам охотников-бурят, никогда не приходится убивать медведицу, чтобы в утробе ее были детеныши — она непременно успевает спрятать их, детеныши из утробы невидимо поднимаются вверх и возносятся. Очень редко приходится убивать медведицу с детенышами в утробе — это считается худой приметой и большим грехом. По бурятским поверьям, с тем, кто убьет беременную медведицу, или с его семьей непременно случится большое несчастье.

Когда убьют медведя, тогда по старинному бурятскому обычаю, оба глаза осторожно, чтобы не повредить, вынимают, обертывают травой и кладут на дерево. Оба эти глаза называют хоёр одон — “две звезды”. После этого снимают шкуру и вынимают внутренности. Голову медведя отрезают и берут вместе с дыхательным горлом, сердцем и легкими. Это называется һурай, также, как при религиозных обрядах головы жертвенных животных. Потом мясо режут на куски и жир берут особо, для продажи. От спины медведя отрезают мясо с жиром полосую. Это вырезанное полосую мясо с жиром жарят на рожне. Когда мясо изжарится, тогда по старинному обычаю делают религиозный обряд дэши барьха. Кусочки мяса и жира бросают в огонь и говорят:

Шама бэди	Ханаган урянха ала!
Ала өбөбди.	Хара хэрэ хагла!

При этом кричат по-вороньи и едят мясо и жир.

Голову медведя варят целиком с дыхательным горлом, сердцем и легкими. Когда сварится, ее вынимают и делают религиозный обряд дэши барьха. После этого мясо головы едят и также от легких и сердца немного оставляют, как при религиозных обрядах. Затем вырубает березу, на которой кости головы с дыхательным горлом, легкими и сердцем обертывают березовыми ветвями. Это называется гурэлхэ. Эту березу уносят и ставят, прислонивши к дереву. Иногда стоящую березу нагибают вниз, на верхушке которой кости головы с дыхательным горлом, сердцем и легкими тоже обертывают березовыми ветвями и привязывают прутиками снизу к верху, чтобы не упала. Потом березу отпускают, чтобы она выпрямилась. Это тоже называется гурлэхэ. Этим оканчиваются все обряды, связанные с убитым медведем, который в легендах и верованиях бурят играет важную роль.

Следовало бы собрать сведения о всех особенностях обычаев, обрядов, преданий, которые соблюдаются таежными охотниками-бурятами в разных местах при охоте на медведя, сохранившиеся от седой старины и потому очень важные для науки.

1909 г.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ УНГИНСКИХ БУРЯТ

1. Сватовство

У нынешних унгинских бурят сватовство делается следующим образом. Когда какому-нибудь буряту приглянется девушка, тогда он узнает у ее родителей, желают ли они выдать свою дочь за него, а также согласна ли девушка выйти замуж. Иногда согласия дочери вовсе не спрашивают. В старину нередко буряты выдавали своих дочерей против их желания. Теперь же стали спрашивать, так как девушки, насильно выданные замуж, почти всегда не живут с нелюбимым мужем, убегают с другим и венчаются с ним по обряду православной церкви.

Если родители девушки и сама девушка согласны выдать ее замуж, то родители жениха или сам жених приезжают с родными к родителям невесты. Иногда приводят с собой лошадей. Родители невесты уведомляют своих родных и соседей о приезде жениха, и те собираются к этому времени у них.

Родители невесты угощают приезжих гостей со стороны жениха, а также своих родных и соседей. Приведенных женихом лошадей родители невесты берут и отпускают со своими лошадьми.

Кто-нибудь из родных со стороны жениха, или же сам отец жениха, если он приехал на сватовство, по обычаю, надевают невесте на шею холобши, т.е. золотую монету на ленточке. Это считается первым актом в церемонии сватовства. Без холобши сватовство не может состояться. Если девушка не желает выходить замуж за приехавшего жениха, то она снимает с шеи холобши и бросает ему обратно. Если невеста любит жениха, то она принимает холобши и позволяет одеть на шею. Иногда заранее присылают холобши невесте, а потом, спустя полгода или через год, смотря по обстоятельствам, делают сватовство. Если какая-нибудь девица примет холобши, то она уже не может быть просватана за другого.

После этого оба свата, то есть отец жениха и отец невесты, садятся рядом. Потом отец жениха встает, кланяется отцу невесты и целует его, снимает свой

пояс, опоясывает им отца невесты и садится на прежнее место. В свою очередь встает отец невесты. Он также кланяется и целует отца жениха, потом снимает собственный пояс, которым опоясывает отца жениха. Этот обычай у бурят называется бөһө андалдаха (т.е. “меняться поясами”).

После этого родители невесты и жениха уславливаются о количестве калыма. У унгинских бурят высший калым называется зун жоргон адуһан зогдорто төмөөн, т.е. “106 скотин и верблюдов с шерстью зогдор”. Он состоит из 33 коров, 10 овец, 30 езжалых лошадей, 16 больших кобылиц, каждая из них с жеребенком, один жеребец и один верблюд с шерстью зогдор, следовательно, с верблюдом всего будет 107 голов скота. Более низкий калым называется ерөн еһэн адуһан ехэ төмөөн, т.е. “99 скотин и большой верблюд”; он состоял из 21 коровы, 15 овец, 30 езжалых лошадей, одного жеребца и одного большого верблюда, а всего из 100 голов разного скота.

Третья категория калыма называлась наян табан адуһан намтар төмөөн, т.е. “85 скотин и низенький верблюд”. В него входили: 15 коров, 12 овец, 25 езжалых лошадей, 16 больших кобылиц с жеребятами, один жеребец и один низенький верблюд, а всего 86 голов разного скота. Кроме разного скота, при калыме уплачивается еще 400-600 рублей деньгами, по взаимному согласию обеих сторон. Обыкновенно размер калыма зависит от состояния родителей невесты и жениха: чем богаче родители жениха и невесты, тем калым больше. Если родители жениха и невесты бедны, то калым меньше.

После определения размера калыма уславливаются о количестве вина, которое должен купить отец жениха для угощения родителей, родных и соседей невесты. Условившись о количестве вина, отец жениха выдает деньги.

Родители, родные и соседи невесты стараются выпить побольше вина и настаивают на этом. Во время сватовства отец жениха покупает иногда до 9 ведер вина, а обыкновенно 5-7 ведер вина.

Когда деньги выданы отцом жениха, тогда родители невесты запрягают коня по обычаю бурят. Один конь должен быть запряжен родителями невесты, а другой конь — стороной жениха. Таким образом, на паре едут за вином двое — один со стороны невесты, а другой — со стороны жениха. Едут в ближнюю деревню, где есть в продаже вино.

Когда покупают условленное количество вина, то берут в отдельную посуду немного вина, которым делают дуһаху и пьют сами, оставшимся ви-

ном во время обратного пути угощают встретившихся бурят. Кроме того, родители, родные и соседи невесты на свои деньги заказывают вино для угощений гостей. Таким образом, всего покупают от 10 до 15 ведер вина, иногда более.

По приезде обратно посланных за вином

Вино, заказанное родителями, родными и соседями невесты, каждый из них берет себе и уносит домой. Вино же, купленное отцом жениха, разливают в посуду, и потом оба свата садятся рядом. Местный шаман начинает брызгать вином местным покровительствующим заянам.

Когда кончится брызганье, тогда варят в котле мясо барана или жеребенка. Несколько кусков сварившегося мяса бросают в огонь.

Потом все собравшиеся родные и соседи невесты с приезжими гостями со стороны жениха начинают пить вино и есть мясо. Этот обычай у бурят называется архи улгаха (“вино пить”). В этот день время проходит преимущественно у родителей невесты.

Когда вино кончится, приезжие гости со стороны жениха бывают в том улусе у родных и соседней невесты архидашитами. Таким образом гуляют несколько дней, а потом уезжают домой.

Родители невесты, если они состоятельны, шьют гостям по рубашке, которые надевают на каждого гостя, приехавшего со стороны жениха, а на отца жениха надевают новую шубу. Про этот обычай буряты говорят: ара золтон дэгэл омотхо, аманда золтон адуһа идехэ — “на спину счастливый шубу надевает, ртом счастливый скот ест”, то есть отец жениха счастлив, имея сына, должен на спину надеть шубу, а отец невесты счастлив, имея дочь, должен получить калым. После этого отец жениха с родными уезжает домой.

По обыкновению, после просватания родители жениха начинают выплачивать калым родителям невесты.

Иногда у бурят просватывают еще маленьких детей, тогда родители жениха заблаговременно платят калым родителям невесты. В таких случаях свадьбу откладывают, чтобы жених и невеста подросли. Нередко буряты женят еще маленьких детей, около 10 лет. В таких случаях жениху бывает около 10 лет, а невесте — 20 лет. Они живут как муж и жена.

2. Свадебные обряды и обычаи

Свадьба у нынешних унгинских бурят устраивается тогда, когда отец жениха полностью выплатит калым родителям невесты или же часть калыма.

Когда часть калыма или весь калым уплачен отцу невесты, то родители жениха требуют к себе невесту. До этого родители невесты постепенно готовят приданое — одежду и другие вещи. Покупают золотые и серебряные монеты, маржаны и т. д. Когда наступит время устраивать свадьбу, то отец жениха или сам жених с кем-нибудь из соседей отправляются к родителям невесты с вином, деньгами и с разным скотом, если калым не уплачен. Иногда едут только с вином, если калым был уплачен полностью. По приезде угощают привезенным вином родных и соседей, а потом просят родителей невесты назначить день свадьбы. Родители невесты, посоветовавшись между собою, назначают день свадьбы. Иногда день свадьбы назначают в новолуние. После этого отец жениха или же сам жених уезжает домой, чтобы подготовиться к свадьбе. Родители невесты приглашают на свадьбу своих родных и соседей. По старинному бурятскому обычаю, свадебный поезд отправляется к жениху одним днем раньше назначенного срока или днем позже для того, чтобы обмануть злых духов, которые тоже собираются ехать на свадьбу.

За несколько дней до поездки на свадьбу родители невесты приглашают к себе своих родных и соседей. Родители невесты колют барана или жеребенка, иногда большую кобылу, покупают вино и готовят тарасун для угощения собравшихся. Приглашаются те лица, которые потом должны ехать к жениху со свадебным поездом.

Собравшиеся гости, в особенности молодежь, устраивают вечерку, т. е. пляшут национальную пляску. Делают это так. Девушки и парни становятся в круг, держа друг друга за руки, и сначала медленно двигаются по солнцу. При этом они протяжно поют песни. Затем придвигаются плотнее друг к другу и начинают скакать, двигаясь все время по солнцу. В это время мотив песни из протяжного становится более отрывчатым. Пляска эта называется у бурят хатарха, что по-русски буквально значит “рысить”.

Национальная пляска хатарха есть подражание прежней зэгэтэ-аба. Когда древние буряты делали зэгэтэ-аба, то зэгэтэ-облавыщики во время облавы составляли круг, чтобы запереть зверей среди круга; сперва круг составляли медленно, без шума, чтобы не испугать зверей, находящихся в этой местности, в лесу и, когда составлен продолговатый круг, то зэгэтэ-облавыщики начинали этот круг суживать, то есть постепенно двигались внутри со всех сторон, чтобы из круга не могли выбежать запертые там звери. Если в круге оказывалось много зверей, то зэгэтэ-облавыщики суживались поскорее ровной рысью, чтобы расстояние между ними было небольшое. Когда круг сужался, то расстояние между облавыщиками делалось небольшим. Тогда зэгэтэ-облавыщики начинают кричать протяжно и

громко. Загнанные в круг звери, напуганные криками, мечутся в разные стороны. Почувствовав, что в круге зверей много, облавщики начинают кричать громче и веселее. По данному знаку крик их становится отрывистее, что означает: надо быстрее сузить круг. Когда все зэгэтэ-облавщики плотно сомкнут круг, то звери уже не могут выбежать за его пределы, в это время начинают стрелять.

Зэгэтэ-облавщики во время стоянок устраивали для увеселения разные игры, которые были подражанием главному их занятию — облаве, во время которой добывали себе пищу. Таким образом, во время игры-подражания облаве приучались стройно действовать, не путаться. Одним из таких подражаний зэгэтэ-облаве есть национальный танец хатарха, который существует у нынешних бурят. В национальной пляске хатарха женщины принимают участие наравне с мужчинами. Во время зэгэтэ-аба женщины принимали участие во всех облавах наравне с мужчинами. Иногда они даже превосходили мужчин, что видно из следующей песни, которая была спета одной девицей во время зэгэтэ-аба.

Одна девица во время зэгэтэ-аба отличалась меткостью в стрельбе, а лошадь у нее была отличным бегунцом. Дядя ее из зависти застрелил лошадь. Девушка, оплакивая любимого коня, пела:

Алари мана абада	На нашей Аларской облаве
Алиган мэни дарала.	Ладонь у меня замерзла.
Алтан шарган хурданда	От быстроты золотистого солового
Нюдэн мэни бөрлөлө.	Глаза мои потемнели.
Алха барьхым урда	Раньше, чем я поймаю, чтобы убить,
Абага мэни харбала.	Дядя мой застрелил.
Хушутыни мана абада	На нашей Хушутинской облаве
Хуриган мэни дарала.	Пальцы мои замерзли.
Хурдан шарган хурданда	От скорости быстрого солового
Нюдэн мэни бөрлөлө.	Глаза мои потемнели.
Хусэхэ харбалым урда	Прежде чем захочу стрелять,
Абага мэни харбаба.	Дядя мой застрелил.
Гөрбөлжини мана абада	На нашей Гэрбэлжинской облаве
Гөрөхөгин удлэлэб.	Погналась за козулей.
Гүлгэхэр шарган хурданда	На бегу быстрого солового
Нюдан мэни бөрлөлө.	Прежде, чем захочу стрелять,
Хусэхэ харбахым урда	Глаза мои потемнели.
Абага мэни харбала.	Дядя мой застрелил.

Во время национальной пляски хатарха молодежь обоего пола поет плясовые песни разного содержания. Обычно в это время поют песни о том, чтобы невеста вела себя хорошо в доме жениха и не боялась чужих.

В публикуемой ниже песне поется не об одной невесте, а обо всем свадебном поезде.

Төмөр төмөр үдэн	Железную, железную дверь
Төгдө тульхин орооротын,	Столкнув, сквозь входите.
Төмөн зонин баса	Десятитысячного стоявшего народа
Төдөн угэй зугаларактын.	Не боясь (не стесняясь),

разговаривайте.

Харши, харши үдэн	Досковую, досковую дверь
Хан татан орооротын.	Потянув, затворивши входите,
Хамаг зонин баса	Всего стоявшего народа
Төдөн угэй зулгаларактын.	Боржи — серебряную ручку двери
Боржи мөнгөн барюрин	Не боясь (не стесняясь),

разговаривайте.

Барян татан орооротын.	Державши, потянув, входите.
Баха зонин баса	Всего стоявшего народа
Төдөн угэй зулгаларактын.	Не боясь (не стесняясь),

разговаривайте.

Иногда девицы и невеста поют песни, укоряя своих родителей за то, что они променяли их на калым и отдают на чужбину из родных мест:

Баби шама гэсэ мэни	Отец, тебя уговаривала я (мой),
Баракшудар андалдаба.	На темную (скотину) променял.
Андалдаһан хорондо шиги	Назло, что променял,
Галаби мултарсара һалбарһаб.	До окончания галаба (буду) расцветать.
Баранда бабанда ябахы мана	Все у отца ходили бы мы,
Харида мэни халба.	В чужбину бросили нас.
Иби шама гэсэ мэни	Мать, тебя уговаривала я,
Эрэкшудар андалдаба.	На пеструю (скотину) променяла.
Андалдаһан хорондо шини	Назло, что променяла,
Галаби мултарсара һалбарһаб.	До окончания галаба (буду) расцветать.
Эмэндэ баранда ябахы мана	Одни все ходили бы мы,
Харида мани хаяба.	В чужбину нас бросила.
Аханад шама гэсэ мана	Братья, вас уговаривала я,
Алакшудар андалдаба.	На пеганого (коня) променяли,
Андалдаһан хорондо тана	Назло, что променяли,
Галаби мултарсара һалбарһаб.	До окончания галаба (буду) расцветать.
Алда эмэндэ ябахы мана	В улусе одни ходили бы мы
Харида мана хаяба.	В чужбину нас бросили.

Иногда поют так:

Бага ябаһан биги шини
Малтаха адуһан андалдаба.
Хөхө ябаһан биги шини
Ухэрэр хонёр андалдаба.
Ундэн, ундэн хусаһан
Бабай нохо тэнэк,
Бага ябаһан бэгиш баршалһан
Баба иби тэнэк.
Намтан намтан хусаһан
Ибин нохо тэнэк.
Өлгэтэйһөн баршалһан
Иби баба тэнэк.

Ходившее твоё малое тело
Променили на сгребающие снег табуны,
Ходило твоё тело ребёнком,
Променили на коров и овец.
Подымаясь, подымаясь лаявши,
Отцовская собака глупа.
Молодое тело твоё барышничавши
Отец и мать глупы.
Приседая, приседая лаявши
Материнская собака глупа.
С колыбели барышничавши
Мать и отец глупы.

Эти песни поют протяжно и уныло. Иногда сидящие здесь старики и старики плачут во время пения этих песен. Подобные песни у бурят называются домо к дун. В разных местах поют различно, но все-таки содержание песен одинаково.

Иногда молодежь поет, что везде люди одинаковы и родились из одной утробы:

Хара дала гэхэн мана
Хара шулун оёрто.
Хамаг зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.
Уһан дала гэхэн мана
Улан шулун оёрто.
Улад зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.
Хөхө дала гэхэн мана.
Хөхө шулун оёрто.
Хөтхө зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.

Черное море, нами называемое,
Имеет дно из черного камня.
Весь народ, названный нами,
Имеет рождение (из единой) утробы.
Водяное море, нами названное,
Имеет дно из красного камня.
Люди и народы, нами названные,
Имеют рождение (из единой) утробы.
Синее море, нами названное,
Имеет дно из синего камня.
Множество народа, нами названное,
Имеет рождение (из единой) утробы.

Иногда молодежь обоого пола поет, что будто они хороши в своих дружеских играх и т.п.

Хада дэгур хархада
Хадаһар тарян һайхан.
Хамаг зондо харахада
Мани нөхөд һайхан.

На горе посмотришь,
Сжатый хлеб красив.
Всему народу посмотришь,
Наши друзья красивы.

Бори дэгур хархада
Бодолгор тарян хайхан.
Богдо зондо харахада
Угин нөхөд хайхан.

На бугре посмотреть,
В снопах хлеб красив.
Царскому народу посмотреть,
Ровесники-друзья красивы.

Обыкновенно поют песни разного содержания.

Родители невесты угощают собравшихся гостей. Мясо заколотых животных варят в нескольких котлах. Когда мясо сварится, его вынимают из котлов, кладут в корзину и в другую посуду. Потом, по обычаю, от мяса отрезают несколько кусков, которые бросают в огонь. После этого угощают мясом собравшихся родных, соседей и прочих приезжих гостей, подают им вино и тарасун. У бурят Бильчирского ведомства, когда молодежь пляшет хатарха, то в середине круга ставят вино, тарасун и мясо. Пляшущих останавливают и подают им вино и тарасун по очереди, а затем мясо. Потом все они из дома родителей невесты идут поочередно по приглашению в дом родных. В каждом доме тоже пляшут хатарха. Родные невесты сперва всем гостям подносят сагалха.

Потом колют барана или жеребенка, мясом которых угощают всех собравшихся гостей. Угощают также вином и тарасуном. Когда гости побывают у всех родных невесты, то, по приглашению, идут к соседям, поочередно; в каждом доме их угощают. Иногда гости бывают даже в других улусах, или их туда приглашают. Это гулянье продолжается дня три и более.

Молодежь собирается со всех ближних улусов, так что число их доходит до 150 человек и более. Если старики и старухи участвуют в гулянье, то только пьют тарасун и едят мясо. Подобные гулянья можно устраивать только летом, потому что в теплое время национальная пляска хатарха устраивается на улице, если участвующих людей много, они не могут поместиться в юрте или в доме. Если этот обычай делается зимой, то в очень малых размерах. Такая гулянка у унгинских бурят называется басага хоргодулха надан, что по-русски значит: басага — “девица”, хоргодохо — “прятаться”, надан — “игра”; в бурятском языке слова “плясать” вовсе нет, вместо этого говорят: пиншадалха или пиншала, иногда говорят бишихаһи надан, т.е. буквально “игра маленьких”, а следует “игра молодых”. У бильчирских бурят это гулянье называется тамhini надан, т.е. “табачная игра”.

Все это сборище молодых обоего пола, веселых и шумных, составляет весьма пеструю толпу, которую принимают радушно и приветливо и угощают кто чем может. Во время этого надана прежде буряты, кроме национальной пляски хатарха, устраивали бег лошадей и борьбу молодых людей.

Потом в назначенный день все собираются у родителей невесты, где молодежь опять пляшет хатарха. При этом поют разные песни и под конец поют, что пора ехать и увезти невесту к жениху.

Хара-хара мори	Черного-черного коня
Хазарлаха гэлсэнэ.	Обуздывать поговаривают.
Хамаг зони харгуяр	По дороге всего народа
Хатараха гэлсэнэ.	Рысить поговаривают.
Өлө-өлө мори	Сивого-сивого коня
Эмэллэхэ гэлсэнэ.	Оседлать поговаривают.
Иби бабаи харгуяр	По дороге матери и отца
Хатараха гэлсэнэ.	Рысить поговаривают.
Улан-улан мори	Белого-белого коня
Унаха холхо гэлсэнэ.	Верхом ездить и запрячь поговаривают.
Улад зони харгуяр	По дороге людей и народа
Хатараха гэлсэнэ.	Рысить поговаривают.

Иногда девицы поют песни, в которых слышится глубокое неудовольствие и жалоба, что они по воле рока рождены девицами и должны жить вне родительского дома, на чужбине. Заунывный и протяжный мотив этих песен невольно заставляет прослезиться присутствующих. Пока молодежь пляшет и поет песни разного содержания, в это время родители невесты готовят к свадьбе. С раннего утра начинаются беготня и суета. Родители невесты закупают вино, колют животных, мясо которых варят в нескольких котлах. Когда мясо сварится, то его кладут в большую посуду, чтобы, по обычаю, увезти к жениху. Родные невесты иногда тоже колют животных, мясо которых дают родителям невесты, а также вино. В прежнее время кололи до 15 лошадей, а теперь колют только одну или две, и очень редко три.

Все приглашенные ехать на свадьбу¹ собираются у родителей невесты в наилучшей одежде своей. Родители невесты, по обычаю, собравшихся

---

¹ По словам некоторых бурят, свадьбу учредил Абай-Гэсэр-богдо-хан. По случаю этого поют так:

Улан нарни угин	Красного солнца начало
Уһан далан оёрһо.	Со дна водяного моря.
Уган төрөн угин	Старшей свадьбы начало
Абай Гэсэр богдоһо.	От Абай-Гэсэр-богдо.
Шарга нарни угин	Солового солнца начало
Шара далан оёрһо.	Со дна желтого моря.
Саган төрөн угин	Белой свадьбы начало
Абай Гэсэр богдоһо.	От Абай-Гэсэр-богдо.
Халун нарни угин	Жаркого солнца начало
Хара далан оёрһо.	Со дна черного моря.
Хара төрөн угин	Царя свадьбы начало
Абай Гэсэр богдоһо.	От Абай-Гэсэр-богдо.

гостей угощают мясом и вином. В это время брызгают тарасун или вино местным заянам, прося их покровительства. После этого невесту наряжают, лошадей запрягают и совсем уже готовы к отъезду. Обыкновенно поездку начинают, сообразуясь с расстоянием до дома жениха. Если жених живет далеко, то собираются пораньше, а если он живет близко, то позднее, потому что рассчитывают к жениху приехать в потемках или перед закатом солнца. Когда все готово, то перед отъездом невеста, по старинному обычаю, улучив минуту, прячется. Ее начинают разыскивать. Иногда другие девицы не отдают невесту. Все собравшиеся девицы, которые не едут на свадьбу, уходят в отдельную юрту и, связавшись поясами друг с другом, садятся в угол, а невесту сажают в самый угол. Некоторые крепко держат друг друга за руки, чтобы составить неразрывную цепь. Некоторые девицы садятся впереди невесты, а другие ложатся на нее, чтобы защитить ее своим телом. Таким образом образуется порядочная куча девиц. Если девиц собралось много, то невесту бывает довольно трудно освободить. Отнимают невесту те мужчины, которые едут на свадьбу. Они с большим трудом освобождают невесту. В прежнее время изредка случалось, что невеста внизу задыхалась и умирала. Ныне этот обычай постепенно выходит из моды. Когда невесту освободят от девиц, то один из мужчин относит ее на руках на телегу или на сани. Потом свадебный поезд уезжает к жениху. На свадьбу уезжает иногда до 150 человек. Ныне на свадьбу ездит немного народу, человек 20-30, не более.

Родители жениха к назначенному дню, т.е. к приезду свадебного поезда, готовят. Родные и соседи со стороны жениха тоже готовятся к свадьбе. Родители жениха дня за два или за три до свадьбы покупают вино вместе с родными и соседями, иногда ведер 50 и более. В то же время готовят тарасун. За день до приезда свадьбы колют животных, штук 10 и более, а ныне колют только 3-4 штуки. Родители жениха приглашают своих родственников на свадьбу. Родственники приезжают на свадьбу и привозят с собой мясо и вино. Таким образом у жениха накапливается порядочное количество мяса и вина на свадьбу.

К назначенному дню все родные, соседи и родственники жениха собираются к нему на дом и ожидают прибытия свадебного поезда с невестой.

Собравшиеся гости, старики и старухи из родных и соседей жениха сидят в юрте и пьют вино и тарасун, а молодые разводят на улице огонь, вокруг которого пляшут хатарха¹.

---

¹ Если жених не любит свою невесту, а любит другую, то он поет:

Узнав, что свадебный поезд приближается, родители жениха посылают несколько человек встретить свадьбу. Они везут с собою вино и мясо. Это у бурят называется уктам жи (бур. уктаха — “встретить”). Посланные от родителей жениха слезают с лошадей и на дороге ждут свадебный поезд. Когда свадебный поезд приблизится к посланным им навстречу представителям жениха, то верховые слезают с коней. Встречающие подносят гостям вино и мясо. Свадебные гости берут и от присланного мяса отрезают кусочки и бросают в огонь. Точно также делают духаху вином. Этот обычай у бурят называется дэши барьха. После этого мясо едят и выпивают вино.

Когда съедят мясо и выпьют вино, то свадебный поезд посылает вперед верхового, который обыкновенно бывает пожилым, знающим обычаи и хорошо поющим. Этот передовой всадник у бурят называется туруши (по-русски туру — “первый”). Туруши обыкновенно едет верхом на коне. За поясом у него заткнута стрела с железным наконечником. На выемке стрелы привязана белая миткалевая лента. Когда туруши подъедет, то соскакивает с коня и, бросив поводья на седло, не привязывая коня, входит в юрту. Стоявшие на улице буряты со стороны жениха привязывают коня туруши. Иногда, по обычаю, туруши въезжает прямо в круг пляшущих, тогда молодые люди ловят коня за правый повод и останавливают его. В это время туруши соскакивает с коня, ни с кем не здороваясь и не говоря ни слова, прямо входит в юрту, держа в руке стрелу. Войдя в юрту, он втыкает стрелу в столб юрты, в хоймор тэнгэ. При этом туруши старается воткнуть стрелу в хоймор тэнгэ покрепче, чтобы стрела не упала и торчала бы в столбе до окончания свадебной церемонии. Если стрела слабо воткнута, то ее не поправляют до тех пор, пока стрела сама не упадет на пол, тогда ее снова втыкают, но это считается худым признаком.

Туруши сажают на почетное место, а потом он, по обычаю, поет песню:

Ханхинама наданһан халаһан хари
 Хазарта моринһон халужим;
 Ханилһанһан халаһан хара
 Орье тушаты орхюжим.
 Төхөрөн надалһан халаһан хара
 Хөлхөр морё орхюжим.
 Танилдаһанһан халаһан хара
 Орье тушаты орхюжим.
 Хурьемэ наданһан халаһан хара
 Эмэлтэ море орхюжим.
 Эргилдэхэн духэйхэн халаһан хара
 Орье тушаты орхюжим.

Чем от побрякивающей пляски отделиться,
 Отделюсь от коня с уздою.
 Чем от любимой отделиться,
 Свое суженое оставлю.
 Чем от круглой пляски отделиться,
 Запряженного коня оставлю,
 Чем от познакомившей отделиться,
 Свое суженое оставлю.
 Чем от гуляющей пляски отделиться,
 Оседланного коня оставлю
 Чем от кружившейся любовницы отделиться,
 Свое суженое оставлю.

Бөргөхи үдин годоли
Бөхөдө һурин хатарбабди.
Богдои тана заянда
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Тарбажин үдин годоли
Ташанда һурин хатарбабди,
Тана бабаи заянда
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Харабсари үдин годоли
Хажуда һурин хатарбабди.
Хан бабаи тана заянда
Мөргөн шурган ерэбэбди.

Иногда поют так:

Бөргөхи үдин үтхэги
Боходо һурин ерэбэбди.
Булэн һайхан дадада тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Тарбажин үдин үтхэги
Тагланда һурин ерэбэбди.
Таниһан үзехэн дадада тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Харабсари үдин үтхэги
Хажуда һурин ерэбэбди.
Халун һайхан дадада тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.

Стрелу из перьев орла
За пояс заткнув, рысили.
Вашему повсеместному зайну
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев степного орла
На бедро заткнув, рысили.
Вашему отцовскому зайну
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев орла харабсар
На боку заткнув, рысили.
Вашему царю — отцовскому зайну
Молясь и под покровительство приехали.

Стрелу из перьев орла
За пояс заткнувши, приехали.
В теплую и красивую сторону вашу
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев орла тарбажи
На бедро заткнувши, приехали.
Знакомую и виденную страну вашу
Молясь и под покровительство приехали.
Стрелу из перьев орла харабсар
На боку заткнувши, приехали.
В жаркую и красивую страну вашу
Молясь и под покровительство приехали.

Когда туруши кончит петь песню, то сперва подносят ему молоко для сагалха, после этого начинают потчевать его вином, при этом стараются напоить его допьяна еще до приезда свадебного поезда.

Когда туруши кончит петь песню, кто-нибудь со стороны жениха поет:

Бөргөхи үдин үтхэги
Бөхөдө һурин ерһэ тана.
Бүдүн тэнги уктаба.
Тарбажин үдин үтхэги
Ташанда һурин ерһэ тана.
Такта тэнги уктаба.
Харабсари үдин үшхэги
Хажуда һурин ерхэ тана.
Харасата тэнги уктаба.

Стрелу из перьев орла
За пояс заткнувши, приехали вы.
Толстый тэнги встретил.
Стрелу из перьев орла тарбажи
На бедро заткнувши, приехали вы.
С полками тэнги встретил.
Стрелу из перьев орла харабсари
На боку заткнувши, приехали вы.
С поперечинами тэнги встретил.

Иногда поют так:

Бөхөдө һуряжи ерһэн һумаги	Стрелу вашу, привезенную за поясом,
тана,	Толстый тэнги, встретив, взял.
Бүдүн тэнги уктажи абаба.	Верхом приехавши, вашу подводу
Унажи ерһэн унага тана.	Выросшая деревянная коновязь,
Ургамал модон сэргэ уктажи	встретив, взяла.
абаба.	По приглашению приехавших гостей
Урярар ерхэн худанхи	Һарха-домбо, встретив, взял.
Һарха домбо уктажи абаба.	Рыся приехавшего коня вашего
Хатаржи ерһэн мори тана	Вытесанная деревянная коновязь
Хашал модон сэргэ уктаба.	встретила.
Хариһа ерһэн худанһи	Из чужбины приехавших сватов
Һарха домбо уктаба.	Һарха-домбо встретил.

Вслед за туруши приезжает свадебный поезд с невестой. В это время около юрты жениха собравшиеся вокруг огня на улице парни и девушки пляшут хатарха. Прибывший свадебный поезд расстраивает пляшущих, а местные жители со стороны жениха встречают свадебный поезд с большим почетом. Стариков сажают на правой стороне юрты (барун тала), а женщин замужних усаживают на северной стороне юрты (хоймор тала).

Невеста с другими девицами входит в другую юрту, если есть таковая, и там подруги прячут ее за занавеской (хошогин хойто). Местные старики со стороны жениха садятся рядом с приезжими стариками, местные старухи также садятся около приезжих старух, а молодые девицы и парни идут в ту юрту, где сидит невеста с провожатыми, и тоже садятся около них.

Прежде всего, по обычаю, на стол ставят тарак или молоко для сагалха. Все гости поочередно пробуют это угощение. Когда невеста входит в отдельную юрту и садится, в это время входит мать жениха, которая в руках держит в тарелке пенку от молока, цельный ржаной хлеб, а кто-нибудь вслед за нею приносит несколько поленьев дров. Пенку от молока ставят на стол перед невестой для сагалха, принесенные дрова кладут на огонь очага. Мать жениха принесенный круглый ржаной хлеб бросает по юрте три раза по солнцу и в это время говорит: тарян бөте тарактын, будан бөте бударактын, “как хлеб распространитесь, как просо, брызжа, распространитесь”, т.е. как хлеб и просо размножьтесь; а другое значение этого обычая заключается в том, что злые духи, бывшие при этом в юрте, должны от брошенного хлеба выйти из юрты. После этого начинается угощение свадебных гостей.

Отцы жениха и невесты сидят рядом у очага, перед каждым из них стоит в посуде вино. Два шамана — один с жениховой стороны на правой стороне, а другой — с невестинной, брызгают вином. Во время брызганья они держат друг друга за руки. В разных местах шаманы брызгают разное. Каждый из них по своему старается при брызганье произнести молитву по-своему. Вот пример такой молитвы:

Бурят хүни заябари
 Булагат хүни тухэ.
 Буха ноён баба
 Будан хатан иби,
 Улан торгон ума
 Хөхө торгон хү.
 Хамак төмөн хататан
 Олон төмөн усатан.
 Гурбан тулга гуламта
 Дөрбөн тулга долто.
 Гали хоймор
 Сахяда ноён,
 Сахала хатун.
 Харя халун хоёри
 Урукжулан байхын.
 Хошод бөхө андалдулхан,
 Хошод мори унажулхан.
 Андалдаһан мана
 Арбан төмө дурэн.
 Хэлгэхэн мана
 Харин төмө дурэн.
 Өрхөрин нарни
 Туя орок,
 Удэрин обогоги хокшид орок.
 Хүрээр дурэн
 Адуһата болон,
 Хөнжилөр дурэн
 Хөбүтэ болон.
 Сэк!

Создатели бурятского народа,
 Происхождение булагатского
 народа.
 Отец Буха-нойон,
 Мать госпожа Будан.
 Красный шелк утроба.
 Синий шелк пупок.
 Всетысячные хататаны,
 Многотысячные усатаны.
 Три подпоры очаг,
 Четыре подпоры пламя.
 Огня на хойморе
 Начальник Сахядай,
 Госпожа Сахала.
 Чужбину с местными двух
 Роднёю сделавши.
 Двух поясов поменявши,
 Двух коней поменявши,
 Мена наш.
 Да будет сто тысяч,
 Переменный нами
 Да будет двести тысяч,
 Через отверстие юрты
 Войдут лучи солнца.
 Через дверь старики и старухи
 войдут.
 В полный двор
 Да будет скота.
 В полное одеяло
 Да будет детей.
 Сэк!

Иные шаманы при брызганье произносят следующее:

Даб гэмэ дада
 Дамжулан дурадаба.

Сразу землю
 Перейдя, стал призывать.

Дала гэмэ уһанаһан
Дугулан дурадаба.
Гун далан оломорни
Хөмөр улан хөтөмөрин
Хазар үгэй тэнгэри ноён.
Хирхан үгэй Үлгэн дэлхэ.
Барулама найман хурэ
Алтан нарни туягар
Алма һаран гэрэлэр
Баруни орон еһөн
                                мундарга
Тобшилөн буһан
Ерөн хатһан ебтэрһэн
Олон хатһан утхалан
                                буһан
Бурят хүни заябари
Булагат хүни тарабари
Буха ноён бабаи
Боноктон шургаһан
Шетэ ноён бабай
Голто Саган бурхан
Утхалан дурадхада.

Водяное море, сказавши,
По мостику призывал.
Через брод молочного моря,
Через приход (горы) Хөмөр-ула,
Бесконечным горизонтом начальника неба.
Без края широкая земля.
Западных восемь дворцов
Лучами золотого солнца
По свету широкого месяца
Западные девяносто девять мундарга
Застегнув, спустившийся,
Через 90 хатов сквозь проходивший,
От множества хатов происхождением
  спустившийся,
Создатель бурятского народа,
Распространитель булагатского народа
Отца Буха-нойона
Под грудником сползавший,
Матери-госпожи Будан
В утробе сползавши,
Отец начальник Шетэ
Голто Саган бурхан
По происхождению призывать.

В этом месте упоминают имена отцов жениха и невесты.

Тэнхи заян тэкши,
Эндэхи заян энхэ.
Акта морин харганда
Атан төмөни бөхөндө хүрсэрэ
Хаиха харгу татаха.
Мөрлөхөн мөр мөнхө.
Зударгин үгэй золто,
Зальши үгэй хутакта
Һухын талда.

Тамошние заяны равны,
Здесьние заяны изобильны.
До ребра мерина коня,
До горба мерина верблюда
Широкую дорогу протянувши.
Проследивши след вечно.
Нерасстраиваемое счастье,
Нешевелимое богатство
Для житья.

Здесь упоминают имена жениха и невесты.

Ухэн бэеһэн үлхэхэн
Хушун бэеһэн холбөһөн
Хамаг төмөн хататан
Олон томон усатан.
Тэнгэрин гурбан басаган
Төрөмө гэртэн

С волосков тела введши,
С губы тела перевязавши
Всетысячные Хатаны,
Многотысячные Усатаны.
Три дочери неба
В тюремной юрте

Забак дэрэн заян
Булан дэрэн бурхан болхон,
Утханада ума
Отхонодо хү заньядһан
Хонжилор дүрэн хөбүтэ,
Хурээр дүрэн адута

Һутага. Сэк!!!

На стене заяном
На углу сделавшийся бурханом.
Происхождение утроба,
Множеству создавший пупок,
Полное одеяло детей,
Полный двор скота

Сидят. Сэк!!!

Это совместное обращение к заянам во время брызганья означает, что они соединяют два рода в супружеский союз для размножения.

После этого начинается попойка, которая обычно продолжается до утра. Каждая сторона старается друг другу петь песни.

Гости, приехавшие со стороны невесты, поют песни следующего содержания:

Галта багин гуламтада тана
Гал нэмэн ерэбэбди.
Газахи гэртни заянда тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Сусалта багин гуламтада тана
Сусала нэмэн ерэбэбди.
Сута баян заянда тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.
Үнхэтэ багин гуламтада тана.
Үнхэ нэмэн ерэбэбди.
Өрөртө багин заянда тана
Мөргөн шурган ерэбэбди.

Огнем богатому очагу вашему
Огня прибавив, приехали.
Науличному и юрточному заянам вашим
Молясь и под покровительство приехали.
Головнями богатому очагу вашему
Головню прибавив, приехали.
Известно богатому заяну вашему
Молясь и под покровительство приехали.
Пеплом богатому очагу вашему
Пепел прибавив, приехали.
Благословениями богатому заяну вашему
Молясь и под покровительство приехали.

Иные поют так:

Зялярши үгэй залида тана
Зали нэмэн ерэбэбди.

Неугасимому огню вашему
Огня прибавивши, приехали.

Залши үгэй хутакта тана
Хутак нэмэн ерэбэбди.
Унтарши үгэй унала тана
Уна нэмэн ерэбэбди.
Урляжи үгэй хутакта тана
Хутак нэмэн ерэбэбди.
Хүгимэ ехэ унада тана
Уна нэмэн ерэбэбди.
Хөдөлши угэй хутакта тана
Хутак нэмэн ерэбэбди.

Иногда поют:

Улан гали угин гэжи
Ула сохюр хоёрхо.
Уган төрөн угин гэжи
Заян бурхан хоёрхо.
Халун гали угин гэжи
Хагдан хэтэ хоёрхо.
Хамаг зони угин гэжи
Заян бурхан хоёрхо.
Гуламтан гали угин гэжи
Гоги төрөн угин гэжи
Заян бурхан хоёрхо.

Еще поют:

Улан гали угин
Ула сахюр хоёрхо.
Улан төрөн угин
Худа худугу хоёрхо.
Хөхө гали хокжолгон
Хэтэ сахюр хоёрхо.
Хөтхө төрөн угин
Худа худугу хоёрхо.

Со стороны жениха на каждую песню тоже поют ответную песню следующего содержания:

Ужи байһан уанһа мана
Улсыт гэжи урябабди.
Уган саган төрөхө мана
Бүтэлсыт гэжи урябабди.
Идежи байһан иделхэ мана

Непередвижному богатству вашему
Богатство (изобилие) прибавив, приехали.
Неугасимому тлению вашему
Тление прибавив, приехали.
Непереезжаемому богатству вашему
Богатство (изобилие) прибавив, приехали.
Пламенеющему тлению вашему
Тление прибавив, приехали.
Непошевелимому богатству вашему
Богатство (изобилие) прибавив, приехали.

Красного огня начало, говорят,
От трута с кремнем с двоих.
Старшей свадьбы начало, говорят,
Заяна и бурхана с двоих.
Горящего огня начало, говорят,
Сухой травы с огнивом с двоих.
Всего народа начало, говорят,
Заяна и бурхана с двоих.
В очаге огня начало, говорят,
От огня медного огнива.
Нарядной свадьбы начало, говорят,
Заяна и бурхана с двоих.

Красного огня начало
От трута с кремнем двоих.
Старшей свадьбы начало
От свата со сватьей двоих.
Синего огня горение
От огнива с кремнем двоих.
Многолюдной свадьбы начало
От свата со сватьей двоих.

Стоя выпиванной нами воды
Выпить прося, приглашали.
Старшей белой свадьбы нашей
Помощь сделать прося, пригласили.
Стоя кушаемой нами пиши

Иделсыт гэжи урябабди.	Кушать прося, пригласили.
Эхэ саган төрөхө мана	Материнской белой свадьбы нашей
Бүтэлсыт гэжи урябабди.	Помощь сделать прося, пригласили.
Халажи байһан иденхэ мана	Стоя согреваемой нами пици
Иделсыт гэжи урябабди.	Кушать прося, пригласили.
Хан саган төрөхө мана	Царско-белой свадьбы нашей
Бүтэлсыт гэжи урябабди.	Помощь сделать прося, пригласили.

Иногда первый куплет поют так:

Саши үгэй саганһа мана	Ненасытного нашего беленья
Сагалыт гэжи урябабди.	Побелиться прося, пригласили.
Саган ехэ төрөхө мана	Белую и большую нашу свадьбу
Бүтэлсыт гэжи урябабди.	Помощь прося, пригласили.

Другие поют:

Алта гурбан хөбшидэ	Среди возвышенного Алтая
Алтан шарга уята	Золотисто-соловый (конь) привязан.
Амба һаһи хүлэжи	Амба господина ожидая,
Һархи домбо зэхэтэ.	Һарха-домбо готов.
Хөхө гурбан хөбшидэ	Среди возвышенного Хөхөя
Хулэн хөхө уята	Сивый (конь) привязан.
Хөтхө һаһи хүлэжи	Множество господ ожидая
Һарха домбо дэхэтэ.	Һарха домбо ¹ готов.

Иногда поют, что если три и четыре раза породнятся, то родство их неразрывно крепко.

Гурбан тулга тулһан хойно	После подпирания трех подпорок
Гуламтан хоймор тэндэ.	Очага хоймор там.
Гурбан дабхар уракжиһан хойно	После родства трех раз
Ураги бөхө тэндэ.	Крепость родства там.
Дөрбөн тулга тулһан хойно	После подпирания четырех подпорок
Делин хоймор тэндэ.	Долия хоймор там.
Дөрбөн дабхар уракжиһан хойно	После родства четырех раз
Ураги бөхө тэндэ.	Крепость родства там.

¹Һарха или һаба у бурят называется вино или тарасун, которое пьют. Домбо или избан — деревянный сосуд с горлышком, в который обыкновенно вливают тарасун и подают гостям. Һарха или һаба у бурят бывает так: в деревянный сосуд домбо или избан вливают тарасун, или же в графин; иногда в простую бутылку наливают вино и подают гостям. Это называется Һарха или һаба. Һарха или һаба во время гулянья обыкновенно один бурят (его называют Һарха-ши өбөгөн или һабаши өбөгөн), взяв в руки тарасун или вино, в чашке или в рюмке подает сидящим бурятам поочередно. Сперва Һархаши өбөгөн наливает в чашку немного тарасуна

Потом, после угощения гостей, ближние родные и соседи со стороны жениха каждый к себе на дом приглашает одного или двух и более гостей и увозит их к себе ночевать, чтобы родители жениха не были сильно обременены гостями, если их приехало много со стороны невесты.

Молодежь со стороны жениха, а также приехавшая со стороны невесты остается в доме жениха. Там они гуляют, пляшут хатарха до самого утра.

На другой день с самого утра начинаются приготовления к главным обрядам свадьбы. Все родные, соседи из своего улуса, а также гости из других ближних улусов, и гости, приехавшие с невестой, собираются у родителей жениха. Утром, на юго-западной стороне юрты отца жениха, в землю укрепляют березку, так называемое тургэ (түргэ). На тургэ подвешивают божка “хөтхө онгон”, если таковой есть у отца жениха. К хөтхө онгону привязывают ленточку из какой-нибудь материи. Затем ставят жердь, прислонив ее одним концом к березке, и на ней вешают шубу матери жениха. На северной стороне от тургэ разводят огонь, около огня ставят в посуде вино, тарасун и мясо, которые по-бурятски называются “мүргүмжин архи мяхан”. На первом месте около мяса ставят төлө, то есть сваренную голову заколотого животного — жеребенка или большой кобылицы; если родители жениха бедны, то баранью голову. По обычаю, на лбу этой головы кожу с мясом вырезают треугольником. Вырезанный треугольник оставляется пока на прежнем месте, на голове. Из мяса, привезенного невестой, переднюю правую ногу тоже кладут на тургэ и кричат: “Зэхэ гархан зэнеэр, где ты?” Если на свадьбе есть зэнеэр, то он подходит и втыкает в это мясо свой нож. Около этого огня на разостланном потнике садится благословитель өрөөрши өбөгөн, то есть старик, который будет говорить благопожелание (өрөөр) жениху и невесте.

или вина и бросает в огонь очага или просто на стол, а потом наливает в полную чашку тарасуна. Первую чашку с тарасуном он подает гостю, а если нет гостя, то одному старшему и уважаемому старику из сидящих тут. Этот старик берет свой духарян и подает кому-нибудь из сидящих по благоусмотрению; последний берет его духарян и пьет; пустую чашку возвращает хархаши өбөгөн, который взял, наливает в нее тарасун и отдает обратно. Получив обратно чашку с тарасуном или вином, гость отдает ее тому, чей духарян он выпил. Тогда тот берет и выпивает, а чашку возвращает хархаши өбөгөн. Последний, взяв чашку, наливает в нее тарасун или вино и подает следующему, который еще не пил. Таким образом хархаши өбөгөн дает выпить каждому присутствующему. Все сидящие пьют из одной чашки. Нархаши өбөгөн свою долю выпивает после всех. Потом снова начинает подавать поочередно. Так продолжается, пока тарасун не кончится в посуде. Когда в посуде кончится тарасун или вино, то хархаши өбөгөн говорит харха дүрэ (по-русски: “харха закончился”) и пустую посуду отдает хозяйке дома.

Во время свадьбы хархаши обогон с вином или тарасуном обязательно является перед гостями и угощает их.

Покровителем свадьбы у бурят считается Тулман Саган-нойон — седой старик, который имеет местопребывание на горе Тулма. Около өрөөрши өбөгөн 'а сядятся рядом прочие старики. Лицо өрөөрши өбөгөн 'а непременно должно быть обращено к югу.

В это время иногда поют:

Уһан далан жолоши	На водяном море держащий поводья
Уляһан модон онгосо.	Лодки из осинового дерева.
Уган төрөн жолоши	Старшей свадьбы держащий поводья
Унагани саган төлө.	Белая голова жеребенка.
Хөхө далан жолоши	На синем море держащий поводья
Хундэ модон онгосо.	Лодка из пустого дерева.
Хокшин төрөн жолоши	Как старуха старшей свадьбы держащей
Унагана саган төлө.	поводья
Хара далан жолоши	Белая голова жеребенка.
Хамал модон онгосо.	На черном море держащий поводья
Хан төрөн жолоши	Лодка из вытесанного дерева.
Анагана саган төнө.	Царя свадьбы держащий поводья
	Белая голова жеребенка.

Родители невесты сперва привязывают к өрөөрши өбөгөнү платок или ленту из какой-нибудь материи, и потом всей родне, соседям и гостям со стороны жениха повязывают ленты из материи, иногда платки близким родным жениха. Этот обычай называется у бурят зала зухэ. На шею собаки, по обычаю, также повязывают красный суконный ошейник или из другой материи

Во время гулянья һархаши өбөгөн пользуется уважением. Если обязанности һархаши өбөгөна исполняет молодой человек, то его все-таки называют һархаши өбөгөн. Һархаши обогон, надо полагать, в прежнее время в зэгэгэ-аба был каким-нибудь начальником, который по окончании облавы добытых зверей делил поровну между зэгэгэ-облавишками.

Иногда буряты поют относительно һарха следующую песнь:

Булага дэли бурьяжи баха.	Как ключ, стоя вьющийся,
Богдо һарха духаряжа мөнхө.	Богдо һарха с духаряном вечно,
Бурхани дэли өрежи һуха	Как бурханы, сидя благословляющие,
Бурзагар саган толгото	Седоголовые старики и старухи вечные.
Өбөгөд хөкшид мөнхө.	Как вода, стоя текущая
Уһани дэли урши баха	Старший домбо с духаряном вечно.
Уган домбо духарята мөнхө.	Как благословение распространяясь сидящий,
Өрөри дэли дэлгэрэжи һуха	Старики и старухи вечны.
Өбөгөд хөкшид мөнхө.	Как целебный ключ, стоя пользовавшийся,
Аршани дэли аршаламжи баха	Старшая хаба с духаряном вечно.
Аха хаба духарята мөнхө.	Как благословение благословляющие сидя,
Ажихи дэли ажилдажи һуха	Старшим рождением старики и старухи вечные.
Аха төрөлтө өбөгөд хөкшид мөнхө.	

красного цвета. Красный кусок сукна или другой материи повязывали также на крюк (дэгэ), которым буряты достают мясо из котла.

В это утро косу невесты расплетают и на место прежней одной косы заплетают ей *набига*. Это значит, что на правой стороне ей заплетают девять кос, что означает западных 90 хатов (*баруни ерөн хат*) и на левой стороне восемь, что означает восточных 80 хатов (*зуни наян хат*). *Набига* у богатых бурят делают из маржана и золотых монет так называемый *ханшин*, а у бедных из мелких серебряных монет. На затылке заплетают тоненькую косу. Сверху этой косы делают из материи другую косу, шириною в три пальца, а длиною около 5 четвертей. Между прочим, длина косы зависит от роста невесты. Эта коса вся украшена золотыми монетами и маржанами. Потом надевают на невесту полную женскую шубу, на шею невесте надевают от 3 до 5 ожерельев — *холобши* из крупного маржана с золотыми монетами и также из маржана делают так называемый *набхак*. На обоих концах *набхак*'а из маржана же делают кисти. На верху их и на нижних концах кисти — золотые монеты. На голову надевают женскую шапочку. Лицо невесты покрывают белым миткалем, против глаз делают отверстие, чтобы она могла смотреть через них.

Когда все приготовят, тогда опять в юрте у отца жениха брызгают тарасун и вино онгонам. Потом невесту выводят из юрты, к ней подходит жених, и они, взявшись за руки, идут кругом юрты. Над ними несут большую шаль, за четыре угла ее держат посторонние мужчины. Это называется *нарабши*, в переводе на русский язык — «сарай». С левой стороны невесты идет женщина, так называемая мать, по-бурятски *эхэ*. Матерью невесты не может быть вторая жена, также бездетная женщина и от первого мужа отделившаяся и вторично вышедшая замуж женщина. Матерью всегда должна быть первая жена, притом имеющая детей и хорошо живущая.

С правой стороны невесты идет жених; на правой руке невесты на безымянном пальце привязана белая миткалевая лента, за которую жених держит невесту. Это называется *оредһөн* — «кольцо». Это означает, что жених и невеста соединены в супружеский союз. Так они идут вокруг юрты, и когда, сделавши круг, приблизятся медленно к тургэ, кто-нибудь из провожающих жениха и невесту говорит: «*өрөрши, аб!*», т.е. «благословитель, возьми!» Тогда *өрөрши өбөгөн* начинает благословлять невесту. В это время идущие под шалью останавливаются. Когда благословение окончено, они снова двигаются вперед; снова кто-нибудь говорит: «*өрөрши, аб!*» и *өрөрши өбөгөн* снова благословляет молодых. Так повторяется до трех раз.

Когда өрөрши өбөгөн закончит третье благословение, тогда невеста с провожатыми приближается к юрте, в которую надо войти. В это время посторонние люди держат дверь и никого не пускают и не выпускают из юрты свекра. Это называется «үдэ харха», по-русски: «дверь караулить». По обычаю бурят, до невесты в это время в юрту свекра никто не должен входить или выходить, потому что с ним нечистый дух может войти в юрту раньше невесты и повредить новобрачным. Поэтому никого не пускают в юрту свекра, невеста первой должна в нее войти.

Когда невеста с провожатыми подойдет к двери юрты, тогда жених старается отобрать у нее привязанную к безымянному пальцу миткалевую ленту, а невеста не отдает. Если жених отберет эту ленту, то, по мнению бурят, невеста будет повиноваться жениху в продолжение всей супружеской жизни. Если миткалевая лента останется у невесты, то после свадьбы жених будет подчиняться невесте.

Невеста с матерью и провожатыми входит в юрту и останавливается у дверей (үүдэн тала). В это время расстилают потник перед очагом и на этот потник ставят невесту и мать. В это время родители жениха и невесты сидят около очага на хоймор тала¹.

Жених в это время уходит к тургэ. Сидящие здесь люди отрезают от приготовленного мяса несколько кусочков, в том числе треугольник, вырезанный с головы, и подают ему. Жених все это бросает в разложенный около тургэ огонь.

После этого отрезают еще несколько кусков мяса и дают в руки жениху, который с этим мясом идет в юрту и становится там на потнике, рядом с невестой, кланяется огню и бросает в него куски мяса. Это означает, что жених признается равноправным членом своего общества, домохозяином и имеет надежду на потомство. После этого он уходит к тургэ.

После этого матери приносят несколько кусков жира, она берет эти куски жира, три от них отделив, кланяясь, бросает в огонь очага. Потом невесте, оставшейся на потнике, отдают три куска жира. Она, кланяясь, бросает их в огонь очага. Затем невесте дают еще три куска жира, которые она берет и обеими руками бросает их прямо на колени своего свекра (хадам). Потом она бросает все три куска жира на колени свекра. В третий раз дают ей три куска жира, которые невеста бросает прямо в грудь своего свекра. Свекор часть жира бросает в огонь, часть съедает, а остальное раздает присутствующим.

---

¹ В юрте свекра на трех дөли очага кладут по кусочку жира по обычаю и около дөли втыкают в землю березовые ветки, на которые привязывают белые и черные миткалевые ленты. Эти березы тоже называются тургэ.

щим родным, родственникам и соседям. Этот обычай называется ухэ хайха («бросать жир»). Он означает, что, входя в дом мужа, невеста приносит честь, изобилие и потомство, и что она обещает быть верной женой и дочерью.

Совершивши обряд бросания жира, невеста с матерью и провожатыми выходят из юрты. Все это время стоят под һарабши, то есть под шалью, и таким образом входят в другую юрту, откуда сперва вышли. Входя в юрту, снимают һарабши. Юрта, в которой сидит невеста, называется бишихаһи гэр, по-русски: «юрта маленьких». Иногда эту юрту называют залухи гэр — «юрта молодых», или же басагаһи гэр — «юрта девиц».

Если жениха нет дома, то свадьба не приостанавливается, в таких случаях обходятся без жениха — его заменяет стрела. В таком случае невеста, когда под шалью вместе с провожатыми идет вокруг юрты к өрөрши өбөгөн'у, в это время в правой руке она держит стрелу. Когда невеста входит в юрту свекра, она отдает стрелу кому-нибудь из присутствующих.

Тем временем оставшееся у тургэ после бросания в огонь мясо делят на три части: одну часть называют онгони мяхан, т.е. «мясо онгонов», его откладывают отдельно от тургэ и не трогают до тех пор, пока все свадебные гости не уедут; вторую часть мяса с грудиной и головой откладывают в сторону — это доля борцов, им оставляют также водку и тарасун; третья часть мяса, большая, чем первые две, называется зони мяхан, т.е. «мясо народа». Эту часть мяса съедают присутствующие, при этом пьют вино и тарасун.

В это время выносят мясо и вино, привезенное невестой. От мяса отрезают несколько кусков и бросают в огонь очага, а вино брызгают. Это привезенное невестой мясо называют сахимжа. Самые лучшие куски этого мяса раздают тем замужним женщинам, которые родились в улусе невесты и раньше вышли замуж в улус ее жениха. Эти женщины, взяв мясо, пробуют его и отдают другим, а иногда отсылают домой или съедают тут же. Оставшееся мясо от сахимжа съедают собравшиеся и пьют вино. Если мяса много, то присутствующие, наевшиеся досыта, начинают друг в друга бросаться мясом. Это означает, что все наелись досыта и довольны свадьбой.

Через несколько времени невеста с матерью и провожатыми девушками снова выходят из юрты и входят в юрту свекра, на этот раз без һарабши, потому что невеста уже вступила в права хозяйки. Входя в юрту свекра, невеста с матерью и девушками останавливаются у двери. В это время кто-нибудь из молодых людей, приехавших со стороны невесты, бросает отцу жениха несколько аршин какой-нибудь материи; это называется хаялга. Свекор, взяв эту материю, по обычаю, вешает ее на хоймор тэнгэ. У бурят Бильчирского

ведомства к хаялга, т.е. к куску материи, привязывают узду. Это означает, что невеста теперь уже полная хозяйка, она должна быть послушна как обузданный конь.

После этого невеста с матерью и девицами идут далее и останавливаются слева от очага (зун тала). Подходя к нему, они кланяются огню очага. В это время невесте подают чашку молока. Невеста проливает несколько капель молока на огонь очага и отпивает немного молока из чашки, а оставшееся передает матери и прочим сопровождающим. После этого чашку возвращают обратно. Этот обычай называется сагалха. Он означает, что невеста обязуется быть полной хозяйкой и ничего худого не делать и не желать.

Затем свекровь в чашке подает невестке растопленное масло. Та все масло выливает на огонь очага. Это называется галда тохой атхаха, т.е. «на огонь выливать масло». После этого невесту одаривают, сперва свекор и свекровь, они же дарят невесте скот, который становится личной собственностью невесты. Потом невесту одаривают братья и сестры жениха, а затем остальные родственники, соседи и присутствующие гости из других улусов, представляющие сторону жениха. Дарят золотые, серебряные монеты и деньги.

По окончании церемонии поднесения подарков невеста кланяется огню. По совершении этих обрядностей, невеста, кланяясь огню, поворачивает поленья в очаге и подкладывает несколько новых. Это значит, что как увеличивается огонь очага от новых поленьев, так должно увеличиваться семейство ее мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. После этого невеста с матерью и девицами выходит из юрты свекра и входит в свою юрту, т.е. в юрту молодых.

По окончании свадебных обрядов у свекра наступает так называемый бэрэ урулха (бэрэ — «невестка», урулха происходит от глагола орхо — «входить»). Обряд бэрэ урулха делается так: близкие родные жениха должны пригласить невесту к себе в дом и одарить ее. По приглашению невеста и все свадебные гости с обеих сторон (т.е. со стороны жениха и невесты) уходят из дома родителей жениха к тому родственнику, который пригласил их к себе.

У этого родственника в доме готовят к принятию невесты и свадебных гостей. Приглашенные входят к нему в дом и садятся по местам. Мужчины садятся за отдельным столом, на правой стороне юрты (баруни тала), а женщины тоже за отдельным столом на хоймор тала. Невесте с ее провожатыми тоже готовят отдельный стол за занавеской, если хозяин состоятельный. У бедных все помещаются за одним столом.

Домохозяин со всем своим семейством садится рядом, около очага, на хоймор тала. В это время входит невеста с матерью и провожатыми и оста-

навливается около двери, кланяется домохозяину и бросает ему хаялга — кусок какой-нибудь материи в несколько аршин. Домохозяин берет это хаялга и вешает на хоймор тэнги. После этого невеста с матерью и провожатыми двигаются вперед и останавливаются около очага на зун тала. Тогда жена домохозяина подает невесте чашку молока для сагалха. Невеста, взяв чашку с молоком, немного капает на огонь очага, пробует сама и передает матери, которая, отпив, передает другим провожатым. Таким образом, все они делают сагалха. После этого невесте дают в чашке растопленное масло, которое она выливает на огонь. Потом домохозяин и все его семейство дарят невесте разные вещи, в зависимости от состояния. По окончании церемонии дарения, по-бурятски «балгаха», невеста и ее провожатые садятся за особым столом. Тогда начинается угощение всех присутствующих. Когда кончится угощение, т.е. кончится харха, тогда гости и невеста встают, выходят из юрты и идут к следующей родне. Таким образом, невеста гостит у всех родных жениха. В каждом доме повторяется та же церемония. Если у жениха родня богатая и притом многочисленная, то невеста целый день ходит из дома в дом. Когда она закончит обход всех родных жениха, другие гости идут далее, к соседям жениха.

По обычаю бурят, невеста, первый раз входя в дом родных жениха, обязательно должна бросать хаялга.

По окончании всех свадебных обрядов и обычаев, соблюдение которых обязательно для каждого буряты, обыкновенно начинается гулянье на весь улус.

Невеста, как полная хозяйка дома, начинает угощать свадебных гостей и таким образом входит уже в права хозяйки.

На улице, около тургэ, в летнее время иногда устраивается борьба. Победителю в борьбе подносят вино и мясо, побежденного тоже угощают мясом и вином. Обыкновенно борются борцы, представители двух сторон — жениха и невесты, бывает и борьба между борцами со стороны жениха, но только между жителями разных улусов.

Устраивают также бега лошадей. Хозяину лошади, прибежавшей первой, дают вино и мясо. Так забавляются несколько дней.

Свадебные гости у жениха пируют несколько дней, по прошествии которых собираются ехать домой. Тогда все свадебные гости собираются у родителей жениха. Родители жениха одаривают гостей. На родителей невесты надевают новые рубашки, специально для этого сшитые, на женщин тоже надевают новые рубашки и дарят платки (пулад залалха). Прочим мужчинам тоже надевают новые рубашки или же дарят платки.

Потом запрягают лошадей, а верховые седлают лошадей. Перед отъездом делают угощение. При этом подают вино, так называемое үхэри архи, по-русски: «скотское вино», то есть вино как выкуп за скот, чтобы свадебные гос-

ти не угнали скот, как бывало в старину. Если гости оставались недовольны угощением со стороны жениха, то, уезжая домой, свадебные гости угоняли рогатый скот, который по приезде кололи и ели, а шкуры делили между собой поровну.

Перед отъездом гостей сторона жениха поет:

Унажи ерхэн уна тана	Верхом приехавшие подводы ваши
Уса дурэн харяк.	[С полным уса (?)] уедут.
Урягар ерхэн ашид	По приглашению приехавшие гости
Зурхэ ханса зугалыт.	До насыщения сердца говорите.
Хөлөмжи ерхэн уна тана	Запрягая приехавшие подводы ваши
Хобши дурэн харяк.	В полном теле уедут.
Хөтхөлжи ерхэн ашид	По множеству приехавшие гости
Хурхэ ханса зугалыт.	До насыщения сердца говорите.

Гости прощаются и уезжают домой, а невеста иногда остается в доме свекра, но большей частью уезжает обратно домой.

Провожая свадебных гостей, по старинному обычаю, родители жениха взамен привезенного ими мяса сахимжа обязательно дарят родителям невесты мясо и вино, иногда голову животного, что называется мэнхэни оёр, т.е. «дно посуды». Пустую посуду возвращать считается грехом, по-бурятски сэртэй.

Возвратившись домой, родители невесты приглашают к себе стариков и старух того улуса, которые не ездили на свадьбу, и угощают их привезенным мясом и вином.

В доме жениха после отъезда свадебных гостей также собираются старики и старухи, которые после небольшого религиозного обряда дэши барьха (дэши — «верх», барьха — «держат») мясо, оставленное под тургэ, называемое онгони мяхан, съедают и выпивают вино и тарасун, потом расходятся по домам. Этим кончается шумная свадьба.

Женитьба вдовца

Не лишним считаю добавить несколько строк о женитьбе вдовца. У унгинских бурят с давнего времени существует обычай: если вдовый человек вторично женится на вдове, то свадьбу обыкновенно не делают как в первый раз или как при женитьбе на девице. Бракосочетание делается следующим образом.

В день женитьбы собираются соседи и родня, а также приезжие гости, если приехали они с вдовой, в доме женившегося вдовца. Тогда, по обычаю, колют барана, при этом соблюдается следующий порядок. Хуралха, т.е. го-

лову барана, берут вместе с дыхательным горлом, легкими и сердцем, варят вместе с прочим мясом в котле. В это время шаман или простой бурят брызгает тарасун или вино, говоря так же, как при свадьбе;

Уһэн бэехэн улхэхэн
Хушун бэехэн холбоһон...

После брызганья тарасуном вдова, выходящая вторично замуж, вливает в огонь растопленное масло, кладет в огонь очага несколько поленьев дров, а старые дрова подвигает вперед. Когда эту церемонию кончат, тогда вынимают из котла сварившееся мясо и кладут в тэбши, потом ставят около очага. От этого мяса отрезают несколько кусков и бросают в огонь. После этого пьют тарасун и вино и едят мясо. Новобрачные, по обычаю, должны есть һурай сами, то есть голову с дыхательным горлом, легкими и сердцем. Новобрачные едят һурай, если не доедают, то оставляют, чтобы после доест, потому что не полагается давать никому постороннему. Этим кончается женитьба вдовца. Если вдовец самостоятельный, то гуляют несколько дней, а если небогатый, то этим ограничиваются.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КУДИНСКИХ БУРЯТ

1. Һал

Кудинские буряты перед свадьбой устраивают Һал. Родители жениха и их соседи за день до свадьбы сообща закупают вино, колют нужное число кобылиц и овец, в зависимости от состояния.

Я на Һал пришел к отцу жениха утром, чтобы посмотреть, как будут готовиться к нему. К Һал'у готовятся целым обществом, по старинному обычаю, которого буряты Кудинского ведомства до сих пор не оставили.

Когда я пришел на Һал, народу было мало, только еще собирались. Родители жениха готовились к отъезду — Һал'у. На дворе около огня сидело несколько стариков. Через несколько времени сюда принесли в трех сосудах тарасун. Один из присутствовавших здесь стариков стал брызгать тарасуном местным умершим шаманам. После брызганья стали пить принесенный тарасун.

Родители жениха еще накануне закололи трех овец, мясо которых сварили и положили в особую посуду. Затем мясо и вино погрузили на телегу и крепко привязали веревкой. Молодежь обоего пола с самого утра начала готовиться: ловили лошадей, искали телеги и седла. Одним словом, хлопот было много. Скоро все общество собралось и выехало.

Часть гостей ехала на телегах, в особенности девицы и дети, а мужчины ехали верхом. Выехав из улуса, все остановились на горе Ухэр-Манхай, на которой делали брызганье тарасуном и вином.

Потом молодежь вихрем понеслась вперед верхом на конях, поднимая пыль столбом. Я тоже поехал быстро, не отставая от верховых. Верховые далеко обогнали едущих на телегах и недалеко от улуса остановились, чтобы подождать оставшихся. Коней восемь поехало рысью, состязаясь в скорости бега. Проехали около 1,5 верст и побежали обратно рысью. Один гнедой конь обогнал всех. В это время подъехали на телегах. Они остановились и начали брызгать тарасун и бросать кусочки мяса. Это делали в честь своих горных старцев, у которых просили покровительства и благополучного окончания свадьбы, просили даровать счастье жениху и невесте.

Когда брызганье окончилось, мы все поехали. Нас всех, больших и малых, поехало почти 100 человек. В это время пошел дождь. Когда мы приехали к отцу невесты, народ еще только собирался. Видно, что они нас не ждали так скоро.

Я и Архип Алсаханович заехали к соседу и вошли в юрту, чтобы укрыться от дождя. Потом мы пошли к отцу невесты.

Отец жениха, жених и другие въехали прямо во двор отца невесты и вошли в юрту. Войдя в юрту, после обычных приветствий, отец жениха сел рядом с отцом невесты. Отец невесты как хозяин дома сидел по правую руку, а отец жениха — по левую руку.

В это время им подают тарасун, вино и мясо, привезенные женихом. Вином и тарасуном брызгают своим местным умершим шаманам и бумал-бурханам и бросают в огонь очага кусочки мяса. Потом пьют вино и тарасун и едят мясо.

До приезда отца жениха, самого жениха и других гостей со стороны жениха, по старинному обычаю, отец невесты готовился к принятию дорогих гостей. За день до свадьбы родители невесты в котлах варили мясо, разрезали его на куски, чтобы к приезду гостей все было готово; заготавливали вино и тарасун. Во всем этом отцу невесты помогали родственники и соседи. В этот день у отца невесты брызгают тарасун и вино умершим шаманам, которых просят покровительствовать молодой невесте.

Вечером молодежь устраивает вечерку, во время которой пляшут национальные танцы и поют песни.

На другой день, утром, у отца невесты собираются все соседи и родные. Отец невесты начинает брызгать тарасун и вино разным бурханам и горным старцам, затем пьют вино и тарасун в ожидании хала. В это время молодая невеста ходит по соседям и родственникам, которые угощают ее. В каждом доме она горько плачет и целуется с хозяевами, прощаясь с ними. Подруги ее тоже плачут и поют песни. Так они ходят из юрты в юрту, пока не придет хал. В это время у отца жениха собирается молодежь, которая пляшет национальный танец хатарха и поет песни.

Молодая невеста вошла к соседям с подругами. Она громко плакала и целовалась с хозяевами, которые угощали их. Плакала она не совсем естественно. Должно быть, выполняла обычай, который сохранился у них до сих пор с давних лет. Это пережиток умыкания невесты, существовавшего в древности.

В это время другие буряты на улице на открытом месте приготавливают төхөрөн, куда в посуде несут мясо и на доски в корзинах кладут головы убитых животных.

Когда все готово, тогда все гости выходят из юрты и едут на место тәхөрөн'а. На северной стороне от мяса садятся отец невесты по правую руку и отец жениха по левую руку, направо, по обычаю, садятся со стороны жениха приехавшие с һал'ом, по левую руку садятся гости со стороны невесты, образуя полукруг; и еще образуют три круга: два маленьких и один большой (внешний).

Когда все готово, тогда от мяса отрезают несколько кусков и бросают; а потом начинают разносить всем сидящим — к каждому подходят и дают в руки мясо. Так раздают мясо всем. Все присутствующие едят мясо, некоторые же, шутя, друг в друга бросают мясом. Это означает, что все сыты. Местные жители оставшееся мясо берут с собой домой.

Потом приносят тарасун и вино и угощают собравшихся гостей. Это угощение продолжается довольно долго. По окончании угощения начинается борьба, в которой участвуют борцы со стороны жениха и со стороны невесты. Борьба продолжается довольно долго.

По окончании борьбы оба свата, отец жениха и отец невесты, встают и идут в юрту. Гости расходятся кто куда хочет. Некоторые идут пить тарасун — из одной юрты ходят в другую по всему улусу. Другие же на месте тәхөрөн'а начинают плясать хатарха.

Тем временем оба свата и некоторые старики, придя в юрту, садятся на хоймор тала и пьют тарасун и вино.

В это время на улице начинают готовиться к другому религиозному обряду, называемому у кудинских бурят онго тахиха. Этот религиозный обряд делает жених онгонам своего тестя. Жених просит онгонов своего тестя оказать покровительство и даровать счастье ему с молодой женой и беспрепятственно отпустить невесту к нему. Для совершения этого религиозного обряда тесть дарит своему будущему зятю годовалого барана. Для исполнения этого обряда выбирают трех стариков со стороны невесты. Этих стариков называют онгон и өбөгөд. Они сидят рядом. Недалеко от них садятся два свата — отец невесты по правую руку и отец жениха — по левую. Оба они молятся. В это время жених стоит и держит жертвенного барана. Потом жених, держа барана, делает три круга по солнцу и после этого начинает колоть жертвенное животное. Часть мяса варят в котле. Варят также голову с легкими и сердцем, грудину и правые ребра и прочее. Остальное мясо оставляют. Когда мясо сварится, тогда его вынимают из котла и кладут в корзину. На голове делают төн треугольником. От головы, грудины и от прочих частей барана вырезают несколько кусков мяса, которые кладут в деревянную поваренку и бросают в огонь, на котором варили мясо. Потом опять вырезают куски мяса, кладут их тоже в деревянную поваренку, уносят в юрту и бросают в огонь очага. После

этой церемонии пьют тарасун и едят мясо. Этим кончается религиозный обряд онго тахиха.

По окончании обряда онго тахиха оба свата и жених уходят в юрту. В это время в юрту входит молодая невеста, садится на хоймор тала и поет песни.

Некоторые гости и местные старики сидят и пьют тарасун и вино. Через некоторое время теща надевает своему зятю новую рубашку и новые штаны, а на шею ему вешает серебряную монету на ремешке. То же сделала одна старушка, должно полагать, близкая родственница.

После этого местная молодая девица пришивает жениху к спине косу, сделанную из материи и украшенную оловянными бляхами и шелковыми кистями. К шапке жениха прикрепляют кисточку с оловянной бляхой, а затем начинают пришивать такие же кисточки с бляхами на фуражки и шляпы товарищам жениха. Этот обычай ведется с древности.

Затем жениха выводят на улицу и ведут к танцующим хатарха. Жених поет старинную песню по обычаю. Местные молодые люди помогают ему петь; если же местные парни не любят жениха, то молчат, заставляя жениха петь одного. Тот иногда теряется перед публикой.

После этого жених идет по соседям. Гости, собравшиеся на хал, отправляются в соседний улус, где должны делать зонитөхөрөн, который заключается в следующем. Все общество, то есть соседи и родные, сообща угощают собравшийся народ. Все соседи и родственники тарасун и вино собирают на одном месте. Иногда на этом месте колют овцу, если у невесты есть подруга, которая на вечерку пожертвует овцу. Овцу колют, мясо варят и все на дашины едят мясо и пьют тарасун и вино. Молодая невеста после, когда эта подруга будет выходить замуж, тоже должна пожертвовать одну овцу на дашинам. Если молодая невеста богатая и подруга богатая, то жертвуют несколько овец, которых всех закальвают, а мясо варят и затем съедают. Это тоже старинный обычай, сохранившийся до сих пор у кудинских бурят.

Мы не остались до вечера. Буряты понемногу напились и начали шуметь. Изредка придирались и спрашивали: кто я, зачем приехал, откуда и т.д. Порядочно начали мешать. Мы вовремя уехали домой. Кудинские буряты свирепы в пьяном виде. Во время совершения религиозного обряда у них нельзя записывать, точно также не любят они, когда записывают при исполнении каких-либо обычаев — они сейчас же привяжутся, считая запись большим грехом. Здесь — не буряты Балаганского уезда.

Хал (хал) — старинный обычай, который у кудинских бурят сохранился до сих пор. Балаганские буряты оставили хал лет 50 тому назад. У балаганских бурят хал упоминается в народных преданиях, а у кудинских и верхо-

ленских һал существует до сих пор. Хал (һал) следует изучить хорошенько и внимательно. Хал — остатки зэггэтэ-аба.

2. У жениха

С утра у жениха родители начинают постепенно готовиться к свадьбе, хотя все было приготовлено заранее. С утра у жениха собираются соседи и родственники, в особенности молодежь обоого пола. От нечего делать они устраивают национальный танец хатарха, во время которого поют песни разного содержания.

В это время приезжают гости из других улусов, а также родственники из дальних улусов. Соседи приносят с собой тарасун, чтобы помочь родителям жениха. У кудинских бурят с давних пор ведется обычай помогать родителям жениха. Перед свадьбой ближние родственники и соседи дают деньги, в зависимости от своего состояния. Это называется харю.

Приезжих гостей из дальних улусов в юрте угощают чаем и тарасуном.

Так проводят время до приезда свадебного поезда.

Завидев, что едет свадебный поезд, который остановился на горе Ухэр-Манхай, делают религиозный обряд, по окончании которого поезд медленно двигается вперед, ожидая едущих позади людей. Поезд спускался под гору, дорога же была не совсем удобной. Кроме того, надо было переправиться через ручей. Свадебный поезд остановился в ожидании других, ехавших сзади. Когда все собрались и узнали, сколько человек, тогда 14 человек приехало в качестве угтамжи к юрте жениха. Они вошли в юрту и сели на почетные места. Их хорошо угощают, чтобы они свалились до приезда свадебного поезда. После них со стороны жениха вышли угтамжи к свадебному поезду. Придя на место, раскладывают огонь, садятся в круг и начинают брызгать. Со стороны жениха выносят тарасун, молоко и төлө. Брызжет простой человек (не шаман), который называется хуряли бө. По окончании религиозного обряда свадебный поезд въезжает во двор. Верховые едут прямо на танцующих и разгоняют их на все стороны.

Свадебный поезд разделяется на две части. Старики и старухи входят в юрту. Молодые же с невестой располагаются под сараем, так как жених не выстроил своей юрты. Если бы у жениха была своя юрта, тогда невеста со своими провожатыми остановилась бы в этой юрте.

Молодым, по обычаю, подали саган. Один пьяный ловелас чашку с саганом бросил. Потом подали тарасун.

Я вошел в юрту, в которой оба свата сидели на хоймор и брызгали. Тарасуном брызгал простой бурят.

Молодым, где сидела невеста, принесли тарасун. Два бурята — один со стороны жениха, с левой руки, со стороны невесты, с правой руки, — одновременно брызгали тарасун. Наверху, под крышей сарая, повесили лоскуток тика в середине с красной лентой. Это символ полога (хөшөгө).

Приютившиеся с невестой молодые люди взяли 4 бутылки тарасуна и стали брызгать своим умершим шаманам.

В это время со стороны жениха в разной, большой и малой, посуде выносят на улицу на место төхөрөн'а тарасун и вино. Несколько человек осталось около принесенного в качестве караульчиков. Это называется зони төхөрөн.

Два свата сели, отец жениха как хозяин дома — по правую руку, отец невесты — по левую. Перед ними поставили тарасун и разложили мясо. Остальные участники свадебной церемонии, гости и свои, сели, составив громадный полукруг. Все присутствовавшие разделились на две части: гости со стороны жениха сели, по обычаю, справа, а гости со стороны невесты — слева.

В это время тарасун и вино выливают в ведра и подносят своим и гостям. Так угощают. Это называется төхөрөн.

Молодая невеста осталась под сараем и пила чай, тарасун и вино с некоторыми из своих подруг. Согласно обычаю, невеста не должна выходить на төхөрөн.

Гостей на свадьбу приехало 176 человек.

Свадебный обряд продолжается на төхөрөн'е, гости и местные пили тарасун и вино; угощение шло медленно и вяло. Тарасун и вино подавали медленно, надо было иметь побольше людей, которые подавали бы тарасун и вино. Хозяевам, конечно, нужно было экономить, так как главные свадебные обряды еще не начинались. Пока был только зони төхөрөн.

Около невесты сидели старухи, которые пили тарасун и вино.

Потом участники төхөрөн'а начали расходиться по улусам или бродить по разным местам.

Оба свата сидят на старом месте. Гости и соседи понемногу начинают петь песни. Это называется зони төхөрөн.

Постепенно участники зони төхөрөн расходятся по улусу. Каждый домохозяин приглашает к себе своих знакомых и родственников.

Общественный төхөрөн (зони төхөрөн) кончился около 12 часов дня.

Одна старуха со стороны невесты пришла и открыла маленький ящик, из которого вынула разную материю на подарки и отдала молодым людям два черных плисовых дугуя (?): один с красной лентой из красного кумача. Потом старуха отодрала от красного кумача ленты и отдала, говоря: тачу (?),

модону (1), собаке и пр. Потом вынула из ящика одеяло из пестрой бумажной материи и натянула его на стену; небольшую пеструю шаль натянула на северную стену.

Потом одели молодую невесту в женскую одежду по обычаю. Наступило время начать главные религиозные обряды мургулхэ.

Затем на лицо невесты надевают большой миткалевый бүрхэг. После того невеста садится на свое место, а ее подружки садятся рядом.

Тем временем свадебные гости между собою подрались.

Затем на улице брызгают тарасуном.

Оба свата выходят из юрты и садятся на правой стороне от юрты. Перед ними ставят стол, на котором лежит новый онгон в белой войлочной сумке, и рядом лежит кожа от головы волка.

Направо от них сидят три старика, которые называются онго ни өбөгөд. К ним привязаны зеленые ленты.

Невеста медленно приближается со своими подругами под руководством одной старушки. На головном уборе невесты воткнуты два пера филина. Жених становится справа от невесты без шапки. Их благословляют онго ни өбөгөд. Перед обоими сватами и онго ни өбөгөн'ами кладут в корзинах мясо, төлө и прочее мясо. Три онго ни өбөгөд благословляют.

Гости со стороны жениха и невесты стараются раньше схватить төлө. Первым удалось схватить төлө представителю жениховой стороны. Человек со стороны невесты оторвал половину.

После этого жених и невеста вошли в юрту и встали рядом на стороне двери (үдэн тала). В это время отец жениха сидел по правую руку, а отец невесты по левую руку. За ними сидела хадани эхэ, к шапке которой прикреплена из плиса и из красного кумача зала. Около очага стояли чашки с саламатом, а в красной деревянной чашке — масло. На трех чашках, стоявших у очага, лежали красные кумачовые ленты. Отцу жениха подают в чашке жир. Затем справа от очага кладут потник. Один молодой человек со стороны невесты подходит к отцу жениха и просит у него жир. Отец жениха три раза дает ему жир. Этот молодой человек, просивший жир, отдает его женщине, стоящей около молодой невесты. Она взяла жир, хорошенько скомкала его и подала невесте. Невеста, взяв жир, медленно подходит к очагу и, кланяясь, обеими руками бросает жир в огонь очага. Потом этот же молодой человек подходит к отцу жениха, который три раза дает ему куски жира. Молодой человек относит эти куски жира гостям со стороны невесты. Часть жира взяли гости со стороны невесты и съели, а другую, большую часть, скомкали с силой, чтобы получился один кусок, и подали невесте. Невеста, держа этот кусок жира обеими руками, медленно подходит к свекру, встает по правую

сторону от очага на потник и бросает жир свекру прямо в грудь. Отец жениха берет этот кусок жира, кусочек от него бросает в огонь очага, немного съедает сам, а часть передает другим. В это время отец невесты, сидя рядом, засовывает руку за пазуху к отцу жениха и отбирает у него жир. Небольшой кусок жира он съедает сам, а остальное передает своим бурятам. Это называется ухэ хуртэхэ (үхэ хүртэхэ).

Невеста бросала жир еще два раза. После этого отец жениха от оставшегося жира небольшой кусочек бросал в огонь очага, пробовал сам и незаметно передавал оставшееся своим, которые стояли зади, немного спорили и вырывали жир друг у друга и ели.

Через некоторое время молодой невесте подали в чашке тарасун. Невеста капает тарасун на огонь очага, затем немного отпивает и отдает одной старухе, которая немного отпив, передает другим и т.д., пока тарасун не будет весь выпит. Потом немного постояла.

В это время хадам эхэ подает невесте в красной деревянной чашке масло. Невеста, взяв чашку с маслом, медленно подходит к очагу и делает по солнцу круг, выливает масло в огонь. В это время, по старинному обычаю, гости со стороны невесты, довольные угощением, начинают марать маслом мать жениха и других родственников и гостей с его стороны.

Когда молодая невеста вылила масло на очаг, огонь ярко вспыхнул. В это время стоящие около невесты гости с ее стороны снимают шляпы и фуражки и молятся огню очага.

Затем молодая невеста поправляет дрова в очаге в знак того, что она теперь стала хозяйкой дома.

После этого невеста переходит на восточную сторону очага и снимает с лица покрывало, в зубах держит платок.

В то же самое время отцу жениха подают в корзине мясо. Молодая невеста подходит к свекру и кланяется ему. Тот подает ей мясо с корзиной, что означает, что невеста будет жить богато и счастливо, что у нее всегда будет много мяса. Этот обычай остался от зэгэтэ-аба, когда звериное и рыбье мясо составляли главную пищу древних бурят зэгэтэ-облашников. Молодая невеста, взяв от свекра корзину с мясом в знак уважения обеими руками, передает ее одной старухе, которая несколько кусков этого мяса бросает в огонь очага, потом пробует сама и передает остальное другим.

Затем молодая невеста кланяется свекру, который дарит ей золотую и серебряную монеты. Получив монеты, невеста передает их старухе, а та отдает их одному молодому человеку, который держит в руках шляпу. Получив монеты, молодой человек кладет их в шляпу. Он является как бы хранителем казны.

Потом молодая невеста кланяется свекрови, которая, накрыв шелковым платком чашку с саламатом, отдает ее старухе, которая часть саламата бросает в очаг, а остальное отдает другим. Это, должно полагать, остаток от большого общинного скотоводства. Обряд этот, очевидно, означает, что молодые должны жить богато и счастливо, чтобы у них всегда была молочная пища, то есть чтобы у них было много скота.

Невеста снова кланяется свекрови, которая дарит ей серебряные монеты. Невеста полученные монеты отдает старухе, а та передает молодому человеку — казначею. Потом невеста кланяется другим родственникам жениха. Те тоже одаривают ее.

В это время я вышел на улицу, в юрте было очень тесно и необычайно жарко. Мне хотелось посмотреть, что делают остальные гости на улице.

На улице было много народу, многие пили тарасун в разных местах.

Я пошел к сараю, в котором остановилась невеста. Здесь уже поставили новую кровать. На кровать положили постель молодых. Бурятский хубсыр — матрац, шитый из конских выделанных ножных кож, снизу обшитый войлоком, лежал на полу, то есть на земле. На кровать положили подушки, одеяло, покрытое материей, войлок, обшитый тиком. Около кровати сидели несколько старух, которые пили тарасун.

Немного отдохнув, я пошел в юрту посмотреть окончание обряда.

Когда обряд кончился, тогда молодой невесте, или теперь уже хозяйке, принесли ошейник коня с бубенчиками. Невеста, кланяясь, бросила его свекрови, которая взяла ошейник и, радостно позвеневав бубенчиками, спрятала его. Согласно старинному обычаю, это означает, что невеста теперь хозяйка дома и теперь привязана к своему хозяйству и мужу как ошейником. На этот обычай следовало бы обратить внимание, хорошенько изучить его и объяснить из сохранившихся народных преданий и обычаев.

Затем молодая невеста выходит из юрты со своими провожатыми и направляется в сарай. Здесь она разделась и осталась в своей прежней девической одежде. Она села на кровать, и все ее сопровождавшие девицы и женщины сели около нее. Через некоторое время из юрты вышли мать жениха, отец невесты и мать невесты. Мать жениха несла в ведрах тарак и пенку, один мужчина нес в корзине мясо, отец жениха в посуде нес тарасун и, наконец, один мужчина нес огонь. Все они пришли к сараю, где находилась невеста. Тарак, пенку, мясо и тарасун поставили. Справа сел отец невесты, с ним рядом мать жениха, за ней слева мать невесты. В это время развели огонь. Отец жениха, по обычаю, сам начал брызгать тарасун от молодой семьи, прося своих местных умерших шаманов и бурханов покровительствовать молодым. По окон-

чании брызганья в огонь бросают тарак, пенку и мясо. Потом начали угощать молодую невесту и других приехавших с ней. Этим все свадебные обряды закончились. Гости и соседи начали архидашить по улусу. Они ходили из одной юрты в другую, пили чай и тарасун.

Я страшно устал — с утра до трех часов пришлось быть на ногах и описывать свадебные обряды и обычаи и следить за ходом свадьбы. Я сильно проголодался и хотелось пить, во рту все пересохло. Я с хозяином, Романом Алсахановичем, пошел домой пить чай. Когда мы пришли, свадебные гости уже сидели и пили тарасун. Мы закусили и напились чаю. После этого я снова пошел туда, где была свадьба, чтобы посмотреть, что еще будет делаться.

Когда я пришел туда, где была свадьба, тут осталось не очень много народу. Большинство приезжих гостей и соседи ходили по улусу и архидашили. У отца жениха гостей было немного. Некоторые из них пили тарасун, другие же были совсем пьяны. Отдельные группы гостей ходили по улусу и пели песни. Другие рысью носились верхом по улусу. Так проводили время после окончания свадебного обряда.

По словам местных бурят, другого төхөрөн а, так называемого идэлгэ, не было, потому что родители жениха были небогаты. Чтобы сделать идэлгэ, необходимо заколоть 2-3 кобылы, которых купить отец жениха был не в состоянии, а потому эта свадьба была без идэлгэ.

Гулянье после свадьбы все еще продолжалось. Некоторые гости разъезжали в телегах по улусу и останавливались на улице. Им выносили тарасун и вино. Гости, сидя в телеге, угощались. Это значит, что гости собираются домой и уже становится поздно. Некоторые из приезжих гостей уехали в ближний улус, в котором продолжалось гулянье, другие же уехали домой. Но часть гостей и соседи еще оставались на месте и продолжали гулять.

Многие гости уехали, а с ними уехала и невеста, оставив все свои вещи и постель. Значит, уговор родителей был таков. Родители жениха посватали невесту «взамен», по-бурятски андальдата. Это значит, что один бурят выдает свою дочь за сына другого, а тот, в свою очередь, выдает свою дочь за сына первого.

Такой вид сватовства у кудинских и у других бурят называется андальдата. У кудинских бурят он практикуется особенно часто, так как при этом родители жениха избавляются от необходимости платить калым, который у кудинских бурят довольно высок, в то время как у балаганских бурят калым за невесту небольшой.

* * *

На богатых свадьбах у кудинских бурят, когда жених едет с һал'ом к отцу невесты, отец жениха колет одну большую кобылицу, мясо которой варят и везут с собой. Везут также несколько ведер вина. По дороге на шаманских барьсах делают брызганье и мясом делают дэши и барьха.

Отец невесты закалывает до 5 больших кобыл, чтобы принять һал, и покупает, кроме тарасуна, 15-20 и более ведер вина для угощения собравшихся гостей, число которых доходит до нескольких сот с обеих сторон.

После общего төхөрөн'а богатый жених делает религиозный обряд хадаша онго таиха лончаком или большой кобылой, которая должна быть собственностью жениха, а не тестя. Если сватовство было андальдата, то это зависит от условий сватовства.

Отцу невесты иногда помогает богатая родня, которая тоже колет большую кобылу, мясо которой варят и отдают отцу невесты. От привезенного мяса некоторую часть берут домой. Это мясо называют ергэлтэ.

* * *

Когда свадебные гости все разъедутся, тогда у отца жениха собираются соседи, старики и старухи, которые оставшимся мясом делают дэши и барьха и бросают в огонь очага, а тарасуном делают дуһаху. Затем мясо съедают, а тарасун пьют. Этим заканчивается свадебный обряд.

* * *

У отца невесты мэнхэни оёр, т.е. оставшимся мясом, тарасуном и вином угощают на другой день свадьбы, после возвращения от жениха. Старики и старухи собираются и делают религиозный обряд, а потом угощаются.

Хургэши дун (Онгони дун)

Хататана табалби

Ханин уря табалби.

Хататана элгэги

Эбэрэ хамжира гуйха шаналха.

* * *

Хазарта галда

Баряһан мэни

Харгуяр дурта дугшилал.

Ханда байһан хататанда

Мөргөн шурган ерлэб.

Эмэлтэ галда
Баряһан мэни
Ише дур жаяр дугшилал.
Эрхиндэ байһан хатада
Мөргөн ерлэлби.

* * *

Хэгшүдэ һажи
Хоротоги этхибэл.
Хобу басага хүжүүлэжи
Оргон төрө хэбэл.
Адуни тирхэн газарта
Арыни хяжа ургабал,
Ашии (?) тирхэн газарта
Өргөн төрө бодобол.

Хурьми дун

Хорин тогоин архяра
Хуряма уггажа хажалабаб,
Хуримар ерэнэн бэрэе
Хоймор худалда һулгабалби.
Хоймор худала золшожи
Хормой туга татулье¹.
Олон тогони архяра
Угталамжи угтан харюлья.
Угтамжир ерэнэн бэрэе.
Хоймор худалда һулгая
Хормон туга татулья.

* * *

Молодой невесте во время ухэ хайха (үхэ хайха) на шею надевают старый бумажный пояс, который будто бы заменяет волосы.

* * *

Молодые девицы до ха да м да м ө р г ө с ө волосы не отпускают и не носят косы. После, когда сделают обряд ха да м да м ө р г ө , тогда волосы отпускают, чтоб плести һ а б и г а. У молодой невесты волосы были острижены и коротки как у мужчин. Х а б х а г и косы были сделаны из шелка с маржанами, на конце с серебряными монетами.

---

¹ При рождении детей.

1-й онгони өбөгөн спрашивает у невесты: “Энэ дада мөргөхө ерэш”?

Невеста отвечает: “Мөргөхө ерэб”.

Онгони өбөгөн: “Намда мөргөхө ерэш, дайда дэлхэдэ мөргөхө ерэш?”

Тогда өрөрши өбөгөн говорит:

Олон саган адуһани

Эжин боло.

Олон аши гушин

Өтөдө бөлө.

Когда невеста хадамда мөргөдөн выбирает мать, которая в один год два раза не должна быть матерью невесты, одна старуха в течение одного года только один раз может быть матерью, а два раза не полагается по обычаю.

* * *

После мургулжи у молодых, по обычаю кудинских бурят, брызгать тарасун должен сам отец жениха. Если же он не умеет, то другой старик подсказывает, а отец жениха за ним повторяет.

* * *

Кудинские и капсальские буряты, согласно старинным обычаям, свадьбы устраивают летом. Свадебные гости у жениха гуляют только один день, а вечером уезжают домой. Поэтому свадебный поезд приезжает рано утром.

Кудинские буряты на свадьбу соседей не приглашают: они только объявляют день свадьбы, а каждый сосед должен знать и ехать на свадьбу без приглашения. Если кто-либо из соседей или родных не приедет на свадьбу, то родители невесты после пеняют, говоря: ”Что же ты ждал приглашения и не приехал на свадьбу?”

* * *

Кудинские буряты постепенно начинают забывать свадебный өрөр.

* * *

Когда свадебные гости уезжают домой, то молодым женщинам дарят платки, которые привязывают к одежде, а старухам, по старинному обычаю, иногда дарят овечью шкуру. В прежнее время такой подарок считался очень дорогим, особенно вначале, когда скотоводство еще было слабо развито и овечьи шкуры у предков бурят были редки.

* * *

Нада надаһан газарта
Намшин сэсэг задарһам.
Нада дадулһан дүхэ
Нашн таба хурхэ.

* * *

Хужи́ра юмая зузанда
Худан голһон нэрлулхэ.
Хули юн и хатуда
Хонторон думэ нэрлулэ.

Гэри толо харха

Гэрэ толо хатарья,
Гэшхэн байжи хатарья.
Гээзэг дэрхи сажая,
Хошин хаян хатарья.

* * *

Баруни тэнгэртэ хархада
Багшинда аха гурбэлдэ.
Зуни тэнгэридэ хархада
Багшинда аха гурбэлдэ.

* * *

Бухан дугар бодоһон
Булган хара терэм.
Болсон дугар бодоһон
Бурал толго өбөгөд.

* * *

Надаги тала хэргэһэн
Ношхон удитэ тарбажа.
Надуһи тала хэргэһэн
Аши гуша хоёр.

Худан дун

Эрэн хубсар зүһэн
Эзин хурьган залу.
Эндэхи тэндэхи эблүлһэн
Бабайн зурхэн боян.

* * *

Хурмагани хулдаһан
Хулдахата шара номо.
Хомори худал хулыш гэһэн
Нула хата томто.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ НИЖНЕУДИНСКИХ БУРЯТ

Свадебные обряды нижнеудинских бурят имеют некоторые отличия от обрядов балаганских бурят.

Когда нужно ехать на свадьбу, то родители невесты готовят к свадебным торжествам.

Прежде всего устраивают вечерку, которая называется басагани на-дан. Сперва вечерку устраивают у отца невесты. Отец невесты закалывает животное и угощает мясом собравшихся гостей. От этого мяса он берет лытку (атхан сөмөгөн), которую везут жениху. Это называется сахилга мяхан. Потом отца невесты вводят к другим родственникам, у которых устраивают вечерку, и там угощают мясом и тарасуном. Тут же берут атхан сөмөгөн. Так продолжается несколько дней. В это время также играют, но недолго, в малых размерах. К отцу невесты приезжают зятья с женами и другие близкие родственники, которые с собою привозят мясо и вино. Это называется нэмэри. Эти мясо и вино везут на свадьбу на сахимжи. Ныне этот обычай оставили, теперь хотя и везут вино, но его выпивают.

Когда играющие возвращаются в дом отца невесты, то в это время свадебный поезд бывает готов к выезду. Прежде, по обычаю, стороны спорили за невесту, а ныне перестали.

Когда все готово, тогда свадебный поезд выезжает. Все садятся на телеги или сани и едут на свадьбу.

Впереди едет туруш и верхом на коне. У него за поясом была ли заткнута стрела с белой миткалевой лентой — не знают. Так они едут по дороге, останавливаются и делают религиозный обряд хул дохойлохо. При этом от мяса берут лопатку и другие части куска и вино. Вино делают духаху, а мясом дэши барьха. После этого мясо едят, а вино пьют. Когда съедят мясо на лопатке, тогда кость лопатки пробивают и вешают на дерево. Потом едут дальше. По дороге угощают встретившихся бурят и устраивают духаху.

Свадебный поезд, направляясь к улусу, где живет жених, останавливается, немного не доехав. Со стороны жениха выезжают встречать свадебный поезд

с мясом и вином. Это называется уктамжи. Вином делают духаху, а мясом — дэши барьха. Потом угощают гостей, а гости со стороны невесты тоже угощают мясом и вином.

В это время туруши с товарищами выезжает вперед. Когда подъедут к дому жениха, то в это время сажених в трех от ворот разводят огонь. Вокруг огня молодежь танцует хатарха. Человека три-четыре, наиболее ловких и сильных, стоят наготове. Тем временем туруши с товарищами во весь опор скачут верхом и быстро подъезжают к огню и к танцующим. Трое или четверо молодых людей, стоявших наготове, всеми силами стараются поймать коня на полном скаку. Они должны успеть схватить коня за повод и остановить его. Туруши и его товарищей они снимают с коней с почетом, ведут их в юрту и сажают на почетное место.

Если же молодые люди не успеют схватить коней за повод и остановить, тогда туруши с товарищами проникают сквозь ряды играющих. Конь перескакивает через огонь. Таким путем туруши въезжают во двор, где их останавливают и снимают с коней. Если туруши проник во двор через ряды играющих, а конь его перескочил через огонь, то это для него честь и слава. Если же туруши не допустили до огня и не дали коню перескочить через огонь, то честь и слава стороне жениха — значит, они одержали верх.

Когда туруши войдет в юрту, то все садятся по местам. Худа и худугу садят на хоймор тала.

Входя в юрту, туруши здороваются: «Мэндэ, худанууд!». Тогда сидящие отвечают: «Мэндэ!»

После этого туруши говорит:

Болдоги шинэн	Гэхэдэ ерэб.
Михан байна	Төрөй ехэ
Гэхэдэ ерэб.	Хургэжи ерэбэб.
Нури шинэн	Төлөн ехэ
Архи байна	Залхохая ерэбэб!

Потом их сажают на почетное место и угощают. Сначала подают саган, а потом — вино.

Затем, по старинному обычаю, туруши встает и выходит на улицу, торопясь, чтоб не опьянеть, потому что все подают духарян. Товарищ же его остается в юрте жениха как заложник.

Когда туруши выйдет на улицу, то в это время со стороны жениха тоже быстро готовятся и на телеге едут вместе с туруши. С собой они везут вино и мясо, что называется уктамжи. По приезде вином делают духаху, а мясом — дэши барьха. Потом вином и мясом угощают свадебный поезд.

Участники же свадебного поезда, в свою очередь, привезенным от стороны невесты вином делают дуһаху и угощают представителей стороны жениха. Все вино выпивают, а на свадьбу везут только мясо для сахямжи.

По окончании этой церемонии все продолжают путь к жениху.

У жениха поезжан встречают и ведут в юрту или в дом. Невесту ведут в дом и сажают ее за пологом, где поставлен стол со всяким угощением. Здесь сидят товарки невесты и молодые женщины и девушки со стороны жениха.

В это время входит мать жениха и бросает хлебное зерно.

В юрте совершаются все религиозные обряды и обычаи. Как только придет свадебный поезд, то все его участники входят в юрту. Старики садятся со стариками, а пожилые женщины и старухи садятся со старухами, конечно, предварительно поздоровавшись.

Как только все гости сядут по местам, приносят тарасун и мясо в посуде и ставят. Около них садятся оба худа. Два шамана начинают брызгать тарасуном: один со стороны жениха, а другой — со стороны невесты. Оба брызгают одновременно. По окончании брызганья бросают в огонь кусочки мяса. Затем пьют вино и тарасун и угощают гостей, потом едят мясо и тоже угощают гостей. Угощение длится до вечера, а то и почти всю ночь.

На другое утро встают рано и начинают готовиться к главным религиозным обрядам и свадебным обычаям.

На улице в землю вкапывают березовое сэргэ, на которое наклонно ставят жердь. На эту жердь вешают шубу отца жениха. На тургэ привязывают белую миткалевую ленту. Под сэргэ ставят от каждого особенно грудинку, которая считается почетным кушаньем. Голову не ставят.

Потом в юрте, около трех камней очага, втыкают березовые ветки, к которым привязывают белые миткалевые ленты. Затем березовые ветки втыкают к четырем столбам юрты. На этих ветках тоже привязывают белые миткалевые ленты. Одну березовую ветку втыкают на дверь. К этой ветке тоже привязывают белую ленточку. Березовую ветку втыкают также под кроватью и тоже с белой ленточкой.

После этого к крюку, которым достают из котла мясо, тоже привязывают белую миткалевую ленту. Наконец, белую ленточку подвязывают на шею собаке.

После этого невесте плетут косы: на правой стороне 12 кос и на левой — 11 кос, или же, на правой — 9 и на левой — 8. Сзади плетут косу и надевают һабига и косу из материи, украшенные монетами, смотря по состоянию. На голову надевают женскую шапочку. Затем на невесту надевают женскую шубу.

Хундэ бу хүлүлэрэш.
Ноходо бу хусулараш.
Эндэ тогтышта.
Эб большта!!!

Когда өрөрши кончит произносить благопожелание, молодая невеста с подарками, с матерью и другими опять входит в юрту. Она останавливается около очага. В это время ей подают куски жира, которые молодая невеста берет и, кланяясь, бросает отцу жениха прямо в грудь. Потом выходит на улицу и под покрывалом идет к өрөрши, которому кто-нибудь кричит: «Өрөрши, аб!». Өрөрши второй раз начинает благословлять. Когда он кончит, молодая невеста опять входит в юрту и опять бросает куски жира отцу жениха в грудь. Потом она выходит и снова направляется к орорши, который последний раз благословляет ее. После этого невеста в третий раз возвращается в юрту и в третий раз бросает жир в грудь отцу жениха.

Потом бросает отцу жениха өлгөсө. Затем невеста принимает подарки, сначала от отца жениха, затем от матери жениха и от прочих.

После церемонии приема подарков начинается гулянье. Мясо от сахям-жи разделяют и выдают хуби. Одним словом, пьют тарасун и вино, едят мясо.

От отца жениха идут к близким родственникам и в каждом доме или юрте галда тохо отхаха, хаялга хаяха, балгур абаха и гуляют. И так ходят из дома в дом.

Если не успеют в один день, то продолжают на другой день. Когда невеста кончит алда орхо, тогда гости гуляют на другой день того шабулха. Ныне этот обычай вывелся. Гости гуляют до 7 дней. Невеста остается у жениха, а гости уезжают.

Постели везут со свадьбой вместе.

II

О ШАМАНСТВЕ У БУРЯТ

Настоящий материал, собранный мною, является продолжением статьи «О шаманстве у бурят Иркутской губернии», написанной мною и Н. Н. Агапитовым и напечатанной в Известиях Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества в т. XIV, №№ 1, 2, 1883 г. и «Новые материалы о шаманстве у бурят», Записки Восточно-Сибирского Отделения Императорского Русского Географического Общества по этнографии, т. II, 1890 г.

1. Западные тэнгерины

1. Буряты о разделении западных и восточных тэнгеринов говорят разное. В прежнее время западные и восточные тэнгерины все были нераздельно вместе и между ними не было никакой вражды. Все 99 тэнгеринов были хорошими и белыми, они о земных людях заботились все вместе. В это время самым старшим тэнгерином был Асаранги, которому подчинялись все остальные 98 тэнгеринов. Впоследствии, когда умер самый старший тэнгэрин Асаранги, то два тэнгэрина, Хан-Тюрмас и Ата-Улан, заспорили между собою: каждому из них хотелось быть старшим тэнгерином. Вследствие этого 53 тэнгэрина отошли на сторону Хан-Тюрмаса, с которым образовали 54 тэнгэрина; 43 тэнгэрина отошли на сторону Ата-Улан-тэнгэри, с которым образовали 44 тэнгэрина. В середине остался один тэнгэри Сэгэн-Сэбдэк, или Обо-тэнгэри, который не принадлежал ни к одной из этих групп. Впоследствии 54 тэнгэрина взяли к себе срединного тэнгэрина Сэгэн-Сэбдэка, таким образом, их стало 55, которые и сделались западными тэнгэринами. Остальные 44, не желая подчиняться, отошли на восток и сделались восточными тэнгэринами. Над ними самым старшим сделался Ата-Улан-тэнгэри. Таким образом, образовались западные и восточные тэнгерины, которые враждуют между собою.

55 западных тэнгеринов сделались белыми и хорошими, покровительствующими людям, а 44 восточных стали черными и злыми, вредящими людям.

2. На северо-западной стороне есть так называемый Хан-Бургуд-тэнгэри (хан — царь; бургуд — орел).

3. Чингис-тэнгэри, который имел трех сыновей.

4. На северо-западной стороне есть так называемый Хормо-Саган-тэнгэри, который имеет 73 небесных кузнеца (тэнгэрин 73 дархад). Эти 73 кузнеца делают шаманские «толи», которые Хормо-Саган-тэнгэри бросает по воздуху на землю. Эти брошенные толи спускаются к шаманам, которые берут эти толи и делают разные религиозные обряды.

2. Восточные тэнгэрины

1. Между восточными тэнгэринами есть так называемые три тэнгэрина Шаран (Шаран 3 тэнгэри), родные братья. Они все в прежнее время жили в местности Шара.

2. Между восточными тэнгэри есть так называемые 9 Жильбин-тэнгэри (ёһон жильбин тэнгэри), которые по желанию своему посылают земным людям добро и зло.

3. Тоже 3 Ганзу-тэнгэрина (гурбан ганзу тэнгэри), которые посылают на землю беснование.

4. Тоже 3 Бурьтак-Бала (гурбан Бурьтаг Бала тэнгэри), которые на землю и на людей посылают различные нечистоты, от которых земные существа делаются нечистыми и болеют.

5. Тоже три тэнгэри Хаху-Хара (гурбан Хаху Хара тэнгэри), которые на людей посылают разные болезни.

3. Небесные светила

Буряты почитают следующие небесные светила: солнце, луну, звезды, кометы, которые имеют своих хозяев (эжинов). Солнце и луна имеют каждый своего эжина, которому делается особый онгон. Эти эжины небесных светил тоже покровительствуют земным людям и скоту. Например, звезда Солбон покровительствует лошадям. Кроме того, по словам некоторых бурят, а также из отрывков шаманских призываний видно, что на солнце обитало его 9 сыновей, а на луне — 8 дочерей. Эти 9 сыновей и 8 дочерей упоминаются в шаманских призываниях. Следовательно, солнце почитается бурятами как мужчина, а луна как женщина.

В помещаемом ниже шаманском призывании говорится:

Наран дэрэ ёһон хөбүд,	На солнце 9 парней (сыновей),
Хара дэрэ найман басагад.	На луне 8 девиц (дочерей).
Муя, муя хөбүд,	Буйные, буйные парни (сыновья),
Мундар, мундар охид...	Мощные, мощные девицы (дочери)...

Наран дэрэ ёһон хөү өргюллэб.
Хара дэрэ найман басага натхуллаб,
Муя, муя хөбүд мэни,
Мундар, мундар охид мэни...

По-русски:

На солнце, звеня, пели 9 парней (сыновей),
На луне, нагибаясь, качались 8 девиц
(дочерей).

Буйные, буйные парни (сыновья) мои,
Мощные, мощные девицы (дочери) мои...

В бурятских онгонах не встречаются изображения этих 9 парней и 8 девиц, а только рисуются две человеческие фигуры.

Звезда Хун-одон по-русски: «Звезда-человек». Эта звезда находится на северо-восточной стороне, она видна только осенью в ясную и темную ночь. Хун-одон принадлежит к большим черным заянам. Ей в прежнее время религиозные обряды совершали большие черные шаманы. Обряды эти теперь забыты шаманами. Я слышал намек, что Хун-одончу делали человеческие жертвоприношения. Но как их совершали и какие при этом были обряды, не мог узнать, несмотря на все мои старания.

4. Западные хаты

Главный представитель западных хатов Хан-Шаргай-нойон, который является старшим сыном Эсэгэ-Малан-тэнгэри¹. Эсэгэ-Малан-тэнгэри имел трех сыновей: старшего сына Хан-Шаргай-нойона, который по делам спустился с неба на землю и сделался главным заяном западного хата; среднего сына, который, спустившись на землю, сделался главным заяном ухан-хата, и младшего сына, который, спустившись на землю, сделался хозяином огня Сахадя-нойоном. По словам других бурят, Хан-Шаргай-нойон прежде (при жизни) был царем, а кем был Сом-Саган-нойон, неизвестно. Они рассорились между собою из-за дочери Буха-нойон-бабая Эрхэ-Субэн. Царь Хан-Шаргай-нойон насильно отобрал от Сом-Саган-нойона его невесту Эрхэ-Субэн, на которой и женился, а противника своего Сом-Саган-нойона наказал следующим образом: со щеки его вырезал кожу для подошвы унтов, а со спины его вырезал кожу для повода уздечки.

---

¹ М. Н. Хангалов — в этой статье везде пишет: Усэгэ-Малан-тэнгэри (примеч. ред.).

5. Ухан-хат

Несколько слов о Хунши-нойоне, о личности которого сказать что-либо определенное очень трудно. Имя Хунши-нойона встречается в числе заянов ухан-хата и редко западного хата. О роли Хунши-нойона во время религиозного обряда упомянуто в главе о теломытии шамана.

6. Восточный хат

Во главе восточного хата стоит Эрлэн-хан, которому подчиняются другие. По словам некоторых бурят, на востоке есть Тольто-хан, который не подчиняется Эрлэн-хану. Иногда буряты называют Эрлэн-хана Толи-Гэрэлтэ-ханом, или просто Тольто-хан. Он называется так потому, что имеет золотое блюдо, в котором он все видит, в том числе и грехи человека и его прошлое. Это может быть влиянием лам.

Про Тольто-хана рассказывают следующее. В числе западных тэнгеринов был Чингис-тэнгэри, который имел трех сыновей. Чингис-тэнгэри трех сыновей своих послал на землю охотиться за зверями и перед их отъездом им сказал, чтобы они во время охоты на земле убитых зверей делили между собой поровну. Если убьют глухаря, то они должны были делить его между собой скребком (х и х у р, которым буряты обыкновенно скребут котлы), а если изюбря, то должны делить его между собою ножом. Когда три сына Чингис-тэнгэри спустились на землю, то старшим братьям ничего не удавалось убивать, а младший брат постоянно имел добычу. Старшие братья терпели голод, а младший брат убитых им зверей жарил на огне и ел сам, ничего старшим братьям не давал. Младший сын Чингис-тэнгэри всегда спал головой к северо-востоку.

Два старших брата поднялись на небо и пожаловались отцу. Тогда Чингис-тэнгэри спустился сам, встал между небом и землею и стал смотреть. Действительно, младший сын его убил зверя, мясо которого жарит на огне, а сам спит головой к северо-востоку. Чингис-тэнгэри, рассердившись, выстрелил в своего сына из лука. Стрела его попала младшему сыну в позвоночный столб и расскла позвоночный столб пополам. Младший проснулся и говорит отцу: «Я через полтора часа должен был сделаться ханом, но ты до этого прострелил меня стрелой. Я теперь пойду к востоку и сделаюсь Тольто-ханом, из 100 тысяч твоих хороших и умных людей две трети будут моими, из 100 тысяч твоих хороших лошадей две трети также будут моими». После этого младший сын Чингис-тэнгэри ушел к востоку и сделался там Тольто-ханом. По мнению бурят, ныне вследствие этого хорошие умные люди скоро помирают, также скоро пропадают и хорошие лошади. Их берет к себе Тольто-хан.

Между западом и востоком идет непрерывная борьба. Западные тэнгэрины, хаты и белые зайны защищают земных людей от восточных тэнгэринов, хатов и черных зайнов. Они враждуют между собою так же, как враждуют из-за чего-либо и земные люди.

Можно предполагать, что дуализм религиозных воззрений бурят произошел от постоянного наблюдения явлений природы. Второй причиной была постоянная вражда между собой у шаманов за сан галши. Тогда все эти хаты, зайны не что иное, как покойные галши, которые еще при жизни враждовали друг с другом за первенство. Победители жестоко наказывали побежденных или же приносили их в жертву своему черному злему зайну для того, чтобы застрашать других смельчаков.

В числе высших зайнов восточного хата есть так называемый Боро-Шарга, который при жизни был побежден своим противником и жестоко наказан. О нем рассказывают следующее: восточный Боро-Шарга имеет свое местопребывание в местности Зулхэ (по-русски: река Лена) на горе Хашин, в пещере на восточной стороне этой горы. Боро-Шарга без груди, которая у него вырезана. Боро-Шарга при жизни враждовал со своим противником, который, победив его, вырезал у него грудь. Скорее всего, можно предположить, что его принесли в жертву для умиловления какого-либо черного зайна. У бурят ведь существуют религиозные обряды, во время которых вырезанную грудь (грудину) сжигают на огне и по ее горению ворожат и предсказывают будущее. Точно так же победитель Боро-Шарга мог принести его в жертву какому-либо черному зайну, который наслал раздор и бунт среди зэгэтэ-облашников, вырезать ему грудь и поворожить после ее сжигания на костре, чтобы застрашать суеверных зэгэтэ-облашников. Впоследствии его причислили к черным зайнам восточного хата, как его противника, может быть, причислили к зайнам западного хата.

Что у Боро-Шарга вырезана грудь, будто бы видел один шаман Кудинского инородческого ведомства. Этот шаман совершал жертвоприношение Боро-Шарга у самой пещеры, в которой Боро-Шарга имеет местопребывание, по следующему случаю. Один бурят Бильчирского инородческого ведомства по имени Тасхан взял взаимобразно у кудинского шамана деньги. Через некоторое время кудинский шаман приехал к Тасхану и попросил возвратить долг, но у Тасхана денег не было. Тогда шаман поехал к старосте Барлаку и пожаловался ему, что Тасхан не отдает взятых взаимобразно денег. Староста Барлак вызвал к себе Тасхана и заставил его отдать деньги шаману. Когда шаман взял деньги, то стал требовать проценты, но староста Барлак отказал в этом. Шаман рассердился на Барлака и во что

бы то ни стало захотел съесть его. Для этого шаман, по приезде домой, собрался в местность Зулхэ и там хотел сделать жертвоприношение Боро-Шаргаю и попросить его причинить вред старосте Барлаку и его семейству, чтобы они умерли. Когда шаман приехал в Зулхэ к горе Хашин, то у входа в пещеру сделал жертвоприношение. По окончании жертвоприношения из пещеры вышел сам Боро-Шарга, у которого была вырезана грудь. При выходе он спрашивает шамана, что тому нужно. Шаман ответил ему, что ему надо съесть старосту и его детей. Боро-Шарга спросил шамана, даст ли тот ему то, что он, Борго-Шарга, любит, и шаман обещал ему дать. После этого шаман приехал домой, и по его возвращении у него умер младший сын, который перед смертью сказал отцу, что тот, желая съесть старосту Барлака и его детей, отдал Боро-Шаргаю своего сына.

О Сом-Саган-нойоне, которого буряты обыкновенно называют Быдхи, мне пришлось записать следующее. Прежде, при жизни, Сом-Саган-нойон был большим черным шаманом, он имел черное шаманское происхождение Саха-Хартул. Все черные шаманы этого происхождения едят людей:

Хуни мяхан — иден, то есть «человеческое мясо — еда».

Хуни шухан — ундан, то есть «человеческая кровь — питье».

Черный шаман Сом-Саган нойон начал есть своих родных и соседей. Тогда родные и соседи пригласили другого большого черного шамана и попросили его съесть Сом-Саган-нойона. Этот приглашенный черный шаман начал шаманить и во время камлания никак не мог съесть Сом-Саган-нойона. Он перестал шаманить и говорит: «Я не мог съесть Сом-Саган-нойона, который съест своих родных. Останется только один человек. Когда этот единственно оставшийся человек умрет, тогда Сом-Саган-нойон уйдет к Эрлэн-хану». После этого остался в живых действительно только один человек, и когда он умер, то есть и его съел Сом-Саган-нойон, то он живым ушел к Эрлэн-хану. Он остался человеком, но у него на голове выросли рога, а на ногах выросли большие копыта. Некоторые нынешние шаманы призывают так:

Аранга ехэ өбөртө,
Алзама ехэ турута,—
Как аранга большие рога,
Как алзама большие копыта.

Когда Сом-Саган-нойон ушел к Эрлэн-хану, то он прилип к дверям восточного хата. Когда его спросили: «За что же ты так стоишь?— то он ответил: «За свои грехи». После этого Сом-Саган-нойона сделали посланником между западными и восточными хатами. После этого Сом-Саган-нойон стал сватать одну дочь Буха-нойон-бабая Урхэ-Субэн (или Урхэ-Тайжи) за сына Харлан-

хана Харжи-Мина. Он уговорил Урхэ-Субэн перешагнуть через ярмо, и когда она перешагнула через ярмо, то стала беременной. После этого Сом-Саган-нойон увез ее и выдал замуж за Харжи-Мина.

Ныне буряты считают за большой грех, если девица или замужняя женщина перешагнет через ярмо телеги.

После этого Буха-нойон-бабай стал притеснять Сом-саган-нойона, который ему грубил. За это Буха-нойон-бабай связал Сом-Саган-нойона и представил его на суд к Хан-Шаргай-нойону, который приказал вырезать Сом-Саган-нойону ребро. После этого его представили восточному хату Боро-Шаргаю, у которого Сом-Саган-нойон украл медную лодку и убежал. Боро-Шаргай догнал его, вырезал у него левое ребро и грудь и заклеил ему левую щеку.

7. Разные духи-заяны

В прежнее время, когда существовала зэгэтэ-аба со своими грозными начальниками галши, которые за первенство враждовали между собой, побежденных противников строго наказывали, принося в жертву черным и злым заянам, которые будто бы посылали вражду и бунтарство в среде зэгэтэ-облашников. Когда приносили жертву человеком, тогда будто бы эти злые и черные заяны, приняв жертвоприношение, прекращали эту вражду. Успокоенные зэгэтэ-облашники снова жили мирно, занимаясь звероловством. Кроме этого, победитель наказывал по-разному побежденных: наверное, отрубали головы, ломали руки и ноги, или выкалывали глаза и т.д. Если принять во внимание следующий обычай, то предположение о ломании рук и ног и выкалывании глаз вполне подтверждается. В старину был обычай выводить зло и раздор следующим образом. Провинившемуся человеку при особом обряде ломали одну руку и ногу и выкалывали один глаз и в таком виде оставляли его одного. Этот обычай назывался га зя гаргаха.

Из этих строго наказанных и побежденных грозными галши или претендентами на их должность впоследствии образовались разные духи-заяны: без голов, без рук, без ног, с выколотыми глазами, половинными телами, вырезанной грудью, ребрами и т.д. У бурят упоминаются в шаманских молитвах разные духи-заяны, у которых были отсечены головы, и поэтому они ходят без головы, имея только одно тело.

Вот маленький отрывок из шаманского призывания:

Толгой угэй томок,	Без головы, комолий,
Гар угэй такир,	Без руки, безрукий,
Хол угэй мухар.	Без ноги, калека.

По мнению нынешних бурят, большие и сильные шаманы отсекают свою голову и ходят без нее, иногда отсеченную голову кладут на столб и ездят при этом верхом, или работают. Это бывает, если шаман имеет происхождение, в котором упоминаются предки духи-заяны с отсеченной головой.

По словам бурят, есть духи-заяны, которые имеют только половину тела, как если бы оно было рассечено пополам с головы до промежности. Остается половина головы: одно ухо, один глаз, вдоль пополам рассеченный нос, полрта, одна рука и одна нога. Такие духи-заяны очень сильны и принадлежат к черным злым заянам. Обыкновенно их называют ороло-бэетэн, по-русски «половиннотелые».

Теперь приведу отрывок из шаманского призывания, в котором упоминаются духи-заяны без головы, без глаз, без рук, без ног, без языка, без груди и т.д.

Еһон муя,	Девять буйных,
Еһон аля,	Девять игривых,
Еһон таки,	Девять безруких,
Еһон мзор,	Девять безногих (калек),
Еһон гунгэр,	Девять немых (без языка),
Еһон дулэ,	Девять глухих,
Еһон бала.	Девять глурых.

Кроме того, в шаманских призываниях упоминается:

Хужи угэй хузунхэ,	Без тазовой кости хромые,
Хубэ угэй өбтэрхэ.	Без ребер дырявые.

По мнению бурят, кроме обычных духов-заянов имеются еще особенные духи, которые называются большими, черными и злыми заянами. У этих черных и злых заянов тело как у обыкновенных людей, но только без головы, а глаза у них находятся на затылке, на том самом месте, где голова соединяется с шеей. Кроме того, у этих духов рот находится на брюхе. Этих черных и злых заянов буряты называют так:

Гээзгэдэ нюдэтэ,	На затылке глаза,
Гудэхэндэ аматэ.	На брюхе рот.

По словам других:

Ухэр Такши хан	Царь Ухэр-Такши
Улада тамгата,	На подошве (ноги) с печатью,
Нюрганда бишиктэ,	На спине письма,
Гузэндэ амата,	На брюхе рот,
Гэдэгэдэ нюдэтэ.	На затылке глаза.

По словам шамана М. Степанова, сын Божина Хиляр-Саган-нойона из племени архах был большим черным шаманом, которому делают религиозные обряды, если у человека вспучивает брюхо. Этого шамана призывают следующим образом:

Утхалма утха шини	Происшедшее твое происхождение
Арбан томо дурхэн Архак,	10 тысяч исполнивши Архак,
Гээзэгэдэ нюдэтэ	На шее глаза,
Гэдэгэндэ амата,	На брюхе рот,
Улада тамгата,	На подошве (ноги) с печатью,
Нюрганда бишэктэ.	На спине с письменами.

Дух Хумха

По словам унгинских бурят, Хумха есть особый дух, который спускается на землю или появляется на земле только весной, когда начинает таять снег. В это время бывает какое-то мерцание в воздухе, по-бурятски жирэлгэн. С этим жирэлгэном дух Хумха является на землю. Когда начинает цвести трава, то дух Хумха уходит. Духа Хумха нельзя путать с хомхоем, который есть душа пропавшей собаки. Эти хомхои лижут губы у людей и губы от этого паршивеют.

Таким образом, дух Хумха — весенний дух, он появляется на земле весной. Этот дух Хумха вредит людям следующим образом: если человек весной, особенно под вечер (или даже днем), ложится спать на улице, то в это время на спящего человека может напасть дух Хумха, который берет душу спящего, как коня, обуздывает уздой, оседлывает седлом и ездит на ней как на коне. Спящий человек, на душе которого верхом ездит дух Хумха, пробуждается больным и, пробудившись, начинает кривляться, скакать, бегать, рот у него кривится, как будто он действительно взнуздан и его дергают за повод. Таким образом этот больной мучается. Тогда буряты говорят: «Этот человек одержим Хумхаем», по-бурятски хумхата. Если дух Хумха начинает сильно мучить душу человека и много ездит на ней верхом, то человек умирает. По словам некоторых бурят, у больного от «хумхата» в подмышках и в паху образуется краснота и делаются язвы, как будто бы от подпруг седла, а на спине также образуются язвы, как у лошади бывает от седла.

Поэтому, обыкновенно весной, буряты под вечер и даже днем на земле спать воспрещают, чтобы дух Хумха не стал ездить на душе спящего.

По словам унгинских бурят, у некоторых ворожеев есть особый дух, которого они называют хобуши-онгон. Слово хобуши происходит от хоб — «сплетня», хобуши-хун — «сплетник», хобуши-изи — «сплетница». Следовательно, хобуши-онгон — «дух-сплетник». По словам бурят, дух хобуши-

онгон, говорят, всегда бывает женщиной или девицей. Хобуши-онгон очень боязлива, она боится, когда люди громко говорят между собой, ссорятся или дерутся. Хобуши-онгон бывает не у всех ворожей, а только у некоторых. Своему ворожею она оказывает большие услуги следующим образом. Когда к ворожею издалека приедут буряты, чтобы поворожить о чем-либо, то ворожей посылает своего хобуши-онгона к местожительству тех бурят. Хобуши-онгон, побывав там и все высмотрев и узнав, быстро возвращается к ворожею, становится позади него, наклонившись к его уху, говорит ему на ухо все, что высмотрел. Тогда ворожей со слов хобуши-онгона все и правильно говорит приезжим: какой у него дом, двор, амбар и прочее, какие собаки, лошади, коровы и, наконец, какие у него домашние, о чем они говорят между собой. Если в доме есть посторонний, то подробно описывает его наружность, лицо, одежду. Затем со слов хобуши-онгона ворожей говорит приезжим о том, что с ним было раньше и, наконец, каким заянам нужно брызгать, и будущее. По словам бурят, хобуши-онгон хорошо знает настоящее и прошедшее, но плохо знает будущее, часто ошибается. Если во время ворожбы кто-либо из присутствующих начнет громко говорить или ругаться, то хобуши-онгон, будучи по природе трусливым, уходит, и ворожей, оставшись один, начинает врать и путаться. По словам бурят, все ворожей, имеющие хобуши-онгона, не любят во время ворожбы громкого разговора и ругани. Те буряты, которые одарены способностью видеть духов, видят, как хобуши-онгон говорит на ухо своему ворожею. Зная через хобуши-онгона все, что приезжие говорили к нему по дороге, ворожей, узнав, что приехавшие плохо говорили о нем по дороге к нему, сердится и иногда отказывается ворожить вообще.

Хобуши-онгон — страшная сплетница. Она постоянно ссорит ворожею с соседями и с другими людьми, говоря ворожею, что соседи и другие люди о нем плохо отзываються. Кроме того, хобуши-онгон вообще не дает покоя своему ворожею, днем и ночью она шепчет ему на ухо всякие сплетни. Чтобы избавиться от хобуши-онгона на некоторое время, ворожей, по словам бурят, дают им какую-либо трудную работу: свить из песка веревку, носить воду в бездонной посуде. Не будучи в состоянии выполнить такой работы, хобуши-онгон смущается, но время все-таки проводит, а ворожей на это время от нее избавляется.

8. О черных и белых кузнецах

Черные и белые кузнецы имеют своих покровителей: тэнгэринов, заянов и прочее, как и шаманы. Кузнецы, как и шаманы, разделяются на две группы — черных и белых, которые враждуют между собою. Если обратить вни-

мание на призывания шаманов и на предания, то из них видно, что когда-то кузнецы преобладали над шаманами. Это, между прочим, видно и из обряда теломытия, то есть посвящения шамана.

Кузнецы, как белые, так и черные, наподобие шаманов имеют свое кузнечное происхождение. Бурят, не имеющий кузнечного происхождения, не может быть кузнецом. Если бурят, не имеющий кузнечного происхождения, станет кузнецом, то зайны его наказывают. Он или умирает, или в семье его бывает несчастье.

Так же, как и шаманы, кузнецы следуют своему происхождению: белый кузнец не может стать черным кузнецом и, наоборот, черный кузнец не может стать белым.

Что в прежнее время шаманы в некотором отношении подчинялись кузнецам, видно из следующего обряда. Шаманы у бурят Кудинского, Балаганского и Идинского ведомств перед совершением обряда теломытия приезжают к кузнецу, чтобы сделать для себя некоторые необходимые для обряда предметы. При этом новопосвящаемый шаман в кузницу приезжает со своим отцом, с 9 сыновьями, с подарками и с вином для кузнеца. Привезенное вино брызгают кузнечным заянам, а кузнецу передают подарок. Когда кузнец приготовит нужные предметы (в том числе железную шапку мяхабши, железную конную трость), то новопосвящаемый шаман приезжает опять также торжественно и в сопровождении тех же лиц и привозит для совершения религиозного обряда тарасун, вино, молочную пищу и прочее. Кузнецу в качестве подарка одевают новую белую рубаху, штаны, халат и т.д., а затем совершают и религиозный обряд. По окончании религиозного обряда, во время которого ко всем кузнечным инструментам привязывают белые миткалевые ленты, все изготовленные предметы забираются шаманом к себе домой. Так обстоит дело у унгинских бурят. У бурят Бильчирского ведомства новопосвящаемый шаман в день теломытия вместе со своим отцом приезжает в кузницу для поклонения кузнечным заянам.

Далан гархан дархад,
Булян гархан бурхад.
Воюя вышедшие кузнецы,
Побеждая вышедших бурханов.

Из отрывка шаманского призывания видно, что кузнецы когда-то победили шаманов.

Таким образом, в некоторых религиозных песнопениях сохранились сведения, что когда-то шаманы и кузнецы враждовали между собой и кузнецы победили шаманов, которые кузнецам подчинились.

По словам бурят Бильчирского ведомства, один из сыновей Гал-Долмохана поднялся на небо и сделался черным восточным кузнечным тэнгэрином, передавшим кузнечное искусство земным людям. На земле первым кузнецом был Далбан-хара-дархан. Он был черным кузнецом.

По словам унгинских бурят, Уханай был тоже большим кузнецом. Он покровительствует белым кузнецам. Приведу отрывок:

Дархан утха бэдэржи,
Уханада дэгдэлэб.
Ища кузнечное происхождение,
Поднялся к Уханаю.

Шаманское и кузнечное происхождение спустились на землю в костяном рождении. Первым шаманом и кузнецом был орел, передавший шаманское и кузнечное искусство женщине. Она на земле между людьми была первой шаманкой и первым кузнецом.

Черный кузнец Хоршиголдо

Однажды черный кузнец Хоршиголдо поссорился и разодрался с шаманом Хэндэ. После этого они друг друга хотели съесть. Черный кузнец Хоршиголдо, приехав домой, вошел в свою кузницу и пошаманил, призывая своих покровительствующих черных заянов. После этого он из коры дерева сделал человека, которого одел как человека, а потом из коры же сделал коня, которого обуздал и оседлал. На этого коня он посадил сделанного из коры человека. Над этим человеком и конем кузнец совершил обряд амилха, то есть человеку и коню дал жизнь. Таким образом, этот человек стал будто бы шаманом Хэндэ верхом на своем коне.

Шаман Хэндэ, в свою очередь, тоже пошаманил, чтобы съесть кузнеца Хоршиголдо, но ничего не мог сделать. Узнав, что черный кузнец Хоршиголдо шаманит и призывает покровительствующих черных кузнечных заянов, Хэндэ приехал к нему, привел ему в подарок белого коня и новую шубу и хотел с ним помириться, но кузнец ни коня, ни шубы не принял и не помирился. Он снес сделанного из коры коня и человека, оживленного им, в свою кузницу, развел в горне огонь и, призывая своих черных заянов, поставил коня и человека на наковальню и разбил ударом молота, после чего их выкинул. После этого шаман Хэндэ умер.

По словам бурят, черный кузнец Хоршиголдо не мог помириться с шаманом по следующей причине. После того, как он сделал из коры коня и человека и оживил их обрядом амилха, они сделались действительно живыми. Если бы кузнец помирился с шаманом, то он должен был бы уничто-

жить оживленных и человека и коня, но при этом кузнец должен был отдать другого живого человека из числа своих родных, то есть произвести замену, так называемое долё. Черный кузнец Хоршиголдо не пожелал делать такую замену и не помирился с шаманом Хэндэ.

Из изложенного видно, что если черный кузнец и черный шаман поссорились между собою, то шаман не может уничтожить кузнеца. Из этого следует также, что в прежнее время черные кузнецы, как и черные шаманы, совершали человеческое жертвоприношение.

9. Об образе жизни духов

По мнению бурят, духи, то есть души умерших людей и другие духи живут как и живые люди. Они отличаются только тем, что одежда у них не изнашивается, пища (харчи) не истощается, остается постоянно в целости то, что дали покойнику. Духи ездят на том самом коне, на котором их похоронили. У них нет особых работ или забот по хозяйству и прочего, как у живых людей. Они вечно ведут праздную жизнь, проводят ее в гуляньях, вечеринках, суглахах и т.п.

Высшие духи, заяны, немногим отличаются от простых духов. У заянов много разного скота, так как живые люди приносят им жертвоприношения разными животными и посвящают им животных. Души всех этих животных поступают в собственность заянов. Таким образом, у них образуются большие стада разного скота. У них также множество звериных шкур и всевозможной пищи, приносимой им во время религиозных обрядов, а также тарасуна и вина, которые брызгают в их честь. По понятию бурят, следовательно, жизнь у заянов привольная и они ни в чем не нуждаются. Но все-таки у высших заянов есть свои заботы. У добрых высших заянов есть работа в их присутственных местах, на них могут быть возложены поручения, на них лежит забота защищать людей от нападков злых духов-заянов, кроме того, они судят провинившихся людей и т.д. Суд заянов может смягчаться или откладываться на некоторое время, или даже совсем отменяться по причине принесения жертвоприношения или брызганья вином и тарасуном. По мнению бурят, суд западного хата почти неизменяем. Подкупить западного хата жертвоприношением или брызганием вина и тарасуна очень трудно. Это удастся редко с помощью больших белых шаманов. Восточные же хаты и заяны легко подкупаемы жертвоприношениями и брызганием вина или тарасуна.

У черных и злых заянов тоже имеются свои присутственные места, в которых они занимаются делами. Они враждебно относятся к людям и к западным добрым заянам.

Высшие духи-заяны по своему усмотрению или по поручению устраивают сугланы или развезжают по улусам, что называется ябадал, а также по различным присутственным местам по делам службы.

Я б а д а л

Слово ябадал происходит от слова ябаха — ходить или ехать. Ябадал — это едущие на телегах или верхом высшие духи-заяны, а также простые духи, идущие пешком.

Ябадалами бывают и белые и черные заяны. Если с ними на дороге встретится едущий или идущий человек, то он должен сразу же своротить с дороги в сторону. Если он не своротит с дороги, то ябадал, рассердившись, пугает и даже бьет его коня, если он конный, и конь неожиданно бросается в сторону. При этом может произойти несчастье. Пеший человек также, без всякой видимой причины, бросается в сторону и падает. При этом он может сильно заболеть и даже умереть, если через хорошего шамана не побрызгает вина или тарасуна тому ябадалу, с которым встретился. Если же побрызгает, то скоро выздоровеет.

Особенно опасно ехать ночью по большой дороге. Едучи по ней, человек может встретиться с ябадалом. Знающий бурят при такой поездке по осторожности всегда едет стороной, а не посередине, оставляя другую сторону дороги ябадалу на случай встречи с ним. Некоторые кони видят духов. Если такой конь увидит ябадала, то он сворачивает с дороги, пугается и храпит.

О встречах с ябадалом буряты рассказывают следующее: «Вот еду я по такой-то дороге и вдруг вижу, что недалеко мне навстречу едет большая повозка, запряженная тройкой или четверкой коней. Я не вижу пыли и не слышу шума, как будто повозка по воздуху несется. Я догадался, что это едет какой-нибудь большой заян, и скорее своротил с дороги, а потом опять посмотрел, но ничего не увидел, повозка исчезла. Я испугался, а потом шаман мне сказал, что я встретился с ябадалом, большим заяном». Или так: «Вот еду по дороге, а навстречу мне едут двое верховых. Они подъехали совсем близко, но я не вижу ни пыли, не слышу ни топота коней. Коня едут как по воздуху. Я испугался и скорей своротил с дороги. Потом они исчезли». Ямщики-буряты рассказывают: «Большие духи-заяны тоже ездят на междудворных подводах как чиновники. Ночью вдруг услышишь звон колокольчиков, шум и стук подъехавшей повозки, кто-то приехал к станции. Скорее вскакиваешь, наскоро одевшись, и выбегаешь на улицу, чтобы поймать лошадей и запрячь. Выйдешь на улицу, а никто не приехал и никого нет. Тогда догадаешься, что приехал дух-заян. Волосы станут дыбом и по телу пробегут мурашки, скорее бежишь обратно

в комнату». При таких обстоятельствах ямщики междудворной гоньбы живо брызгают тарасун или вино.

Эти едущие заяны бывают в улусах или по приказу высших заянов или по собственному желанию. В улусах они ловят души живых людей и увозят их с собою, или делают кому-нибудь зло, чтобы он заболел. Заболевший человек должен этому заяну брызгать тарасуном или же сделать религиозный обряд животным. Заян выпьет тарасун или примет жертвоприношение и вылечит больного.

В ту ночь, когда появляются ябадалы, лают собаки и людям не спится. Душа человека, узнав, что по улусу едут ябадалы, делается осторожной и прячется в теле человека, из которого не выходит, — тогда человеку не спится. У неспящего человека душу поймать нельзя, так как она не выходит из тела.

Пешие ябадалы бывают в большом числе обоего пола: парни, девки, замужние и незамужние, большие и малые, в нарядах разного цвета. Они ходят толпою, и их иногда видят живые люди.

О сугланах духов

Духи-заяны по своему благоусмотрению устраивают сугланы. Сугланы эти проводятся ими в разных улусах, просто в степи на открытых местах, в падах, в пустых зданиях, в прежних степных думах или в нынешних инородческих управах. Эти сугланы бывают как в разное время года, так и в определенное. Духи-заяны собирают души живых людей и выбирают, кто из них должен умереть. Иногда духи-заяны требуют на суглан родовых старост, чтобы они указали им своих подчиненных, собрав их тоже на суглан. Хорошие родовые старосты защищают при этом своих людей, отстаивают их, находя всякие уважительные причины и стараются переложить это на другие роды. На этих сугланах горные старцы, то есть души покойных шаманов, также защищают своих людей перед заянами. Эти сугланы бывают двух родов: белые, устраиваемые всегда в новолуние белыми, добрыми заянами от западного хата или Ухан-хата, и черные сугланы, устраиваемые черными, злыми заянами. Эти сугланы всегда бывают к ущербу луны. Изредка бывают и объединенные сугланы.

О дороге духов

По словам бурят, духи обыкновенно следуют по той же дороге, что и живые люди. Едут они обычно верхом на коне и изредка на быке или на каком-либо другом животном: на козле, на сохатом, на медведе и т. п. Так как буряты своих покойников обычно хоронят на коне и реже без него, то и духи обычно ездят верхом или передвигаются пешком. Если теперь и говорят, что духи ез-

дят в повозках, в телегах и в тарантасах, то это позднейшее заимствование от русских, так как до прихода русских буряты никаких повозок не знали. Езда на других животных объясняется тем, что эти животные посвящались тем или иным духам.

Иногда духи ездят по своим особым дорогам. Это обычно прежние дороги, ныне заброшенные. Они иногда едва приметны, настолько они поросли травой. Но духи эти заброшенные дороги не оставляют. На этих дорогах строить дом или городить двор нехорошо, так как духи будут туда заезжать и причинять зло хозяевам и скоту. Эти старые дороги так и называются дорогами духов. Часто ворожеи говорят бурятам, что несчастье в его семье произошло от того, что он построил дом на такой дороге и этим загородил путь духам.

10. Об онгонах Багин-Хангай

Имя Багин-Хангай состоит из двух слов: багин — богатый и хангай — обширный. Обыкновенно буряты говорят: Унгэ-хангай. Унга — это река и Унгою же называют большую падь, по которой течет река Унга, то есть падь носит название реки. Называя падь реки Унги хангаем, тем самым как бы возвышают, то есть называют обширной Унгой, или, к примеру, говорят: Ангар-хангай — обширная Ангара. Иногда в шаманских молитвах упоминается Суг-хангай — обширная (гора) Суг.

Багин-Хангай—это название всей земли.

Багин-Хангай имел трех дочерей. Старшая дочь вышла замуж за сына Эсэгэ-Малана-тэнгэри. Эта первая свадьба как обряд устанавливалась шаманом Нойон-Тондоем, который срубил березу и установил (вкопал) в землю как тургэ. На тургэ он повесил шубу жены Эсэгэ-Малана-тэнгэри Эхэ-Юран и заколол барана, голову которого поставил на тургэ. Невеста поклонилась голове барана и бросила жир к Эсэгэ-Малану-тэнгэри. Так была устроена первая свадьба.

Вторая дочь Багин-Хангайа вышла замуж за хозяина огня Сахядай-нойона, ее зовут Сахала-хатун.

Третья дочь Багин-Хангайа сделалась покровительницей, то есть эжином тохорена, во время которого главные обряды исполняют женщины-старухи, а не мужчины.

Унгинские буряты землю представляют себе как женщину, называя ее матерью, а небо мужчиной, называя его отцом.

Приведу небольшой отрывок:

Улгэн дэлхэ эхэ мэни,
Ундэр тэнгэри эсэгэ мэни.
Необъятная земля-мать,
Высокое небо-отец.

По словам бильчирских бурят, хозяйина земли называют Дагал-нойон. Жена его Багал-хатун.

Женский онгон

Женский онгон буряты обычно называют хокшихи-онгон, по-русски — «старушечий онгон», или хурунгэн-хойтхи-онгон, по-русски — «онгон, стоящий позади хурунги». Женский онгон стоит в юрте у восточной стены, позади хурунги. Этот онгон делают следующим образом: на черной дабе рисуют две человеческие фигуры; имена этих онгонов, двух дочерей Утахана, Онинхон и Олборхон. Эти две девицы при жизни жили в услужении у богатого человека, который жестоко с ними обращался. Они ходили за телятами и ягнятами и их так худо кормили, что они ели кал телят и ягнят, а впоследствии умерли от голода. После смерти они сделались онгонами. Этот онгон делают тогда, когда много поддыхает телят и ягнят.

Приведем отрывок из призывания:

Урда газар	Южная земля —
Газар тана.	Земля ваша.
Улан монгол	Красный монгол —
Утха тана.	Происхождение ваше.
Мар хужир	Солонец Мар —
Газар тана,	Земля ваша,
Манхалют хун	Кость (племя) Манхалют —
Торол тана.	Рождение ваше.
Эсэгэ тана Утахан,	Отец ваш Утахан,
Утахан хоёр басагад	Две дочери Утахана —
Онинхон, Олборхон.	Онинхон и Олборхон.

Хозяин утугов

По словам бурят Бильчирского ведомства, утуги имеют своего хозяина, так же, как сеник, двор и прочее. Обыкновенно буряты хозяину утуга и другим приносят жертву животными целым обществом, а отдельные хозяева — на своем утуге.

Хорон эжин	Хозяин сенника —
Хухар-ноен,	Начальник Хухэр,
Хокто-хатун,	Госпожа Хокто,
Архинша Хазагар,	Пьяница Хазагар,
Адуша Тоедо	Табунщик Тоедо
Алак морьто,	С пегим конем,
Алтан дэгэлтэ	С золотой шубой,
Баханар бальдахан,	Около столба постоявши,
Отогор иргилдэхэн.	Около утуга кружившийся.

Онгон огня

Буряты Бильчирского ведомства, когда делают жертвоприношения хозяину огня, то из глины лепят две человеческие фигуры, которые потом хранят в юрте как онгон огня на правой стороне юрты. Одна фигура означает хозяина огня Сахядай-нойона, а другая — его жену Сахала-хатун.

Духи умерших шаманов

Чтобы разъяснить некоторые вопросы религиозных воззрений бурят-шаманистов, опишу некоторые представления о покойных шаманах и шаманках, о так называемых горных старцах. Все горные старцы — покойные шаманы и шаманки, удостоенные этого почетного звания тэнгэринами, хатами и заянами: они бывают также и в числе онгонов. Иногда в это почетное положение попадали и простые буряты обоего пола, по какому-либо случаю или обстоятельству в жизни пострадавшие. Для этого надо иметь сильное шаманское происхождение и помощь и ходатайство со стороны шаманов перед заянами, хатами и тэнгэринами, так как горные старцы принимают жертвоприношения от живых людей, защищают или наказывают их.

Приведу несколько примеров, как по воззрениям шаманистов живые люди по воле тэнгэринов поднимались на небо и пребывали там вместе с небожителями.

Из племени Онгосы маленькая девочка, дочь Онгоя по имени Дашкин-Сомон, поднялась на небо, осталась там жить, выросла и впоследствии вышла замуж за унгинского белого шамана Барлака Хокнуева.

Дочь шаманки Муда Хан-Шунху тоже живой поднялась на небо и осталась там. Произошло это следующим образом: маленькая девочка Хан-Шунху рассердилась на свою мать шаманку Муда и поднялась на небо. Тогда шаманка Муда совершила религиозный обряд, во время которого Хан-Шунху спустилась с неба на землю и села на натянутую шелковую нитку. Но шаманка

Муда не удержалась и хотела схватить ее. Тогда Хан-Шунху поднялась обратно на небо и осталась там навсегда.

Некоторые, поднявшись на небо, остаются жить там навсегда, а другие спускаются обратно на землю после совершения религиозного обряда. Например, дочь ашехабатского бурята Монсога Алакшин, будучи трех лет, поднялась на небо и жила там, но спустилась обратно после совершения религиозного обряда. Когда маленькая девочка Алакшин поднялась на небо, тогда родители ее пригласили большую шаманку Хан-Хото Баршунаеву, чтобы совершить религиозный обряд зухэли гаргаха. Шаманка приехала и приступила к обряду, но при этом строго наказала родителям Алакшин, что, когда во время обряда Алакшин спустится с неба и будет сидеть на березах, так называемых ширях, то тогда они отнюдь не должны шевелиться, а если они будут шевелиться, то дочь их подымется обратно на небо. Во время религиозного обряда Алакшин спустилась с неба и легла на ширях с двенадцатью толи. Родители не вытерпели и хотели схватить ее, но не успели, она обратно поднялась на небо. После этого, спустя три года, эта же шаманка совершила тот же религиозный обряд, во время которого Алакшин опять спустилась на землю, но уже только с десятью толи. Родители снова не вытерпели и снова хотели схватить, и она опять поднялась на небо. Через три года совершили опять тот же обряд и во время него Алакшин опять спустилась на землю, но уже только с тремя толи. Родители не шевелились и сидели смирно. Шаманка же, уловив минуту во время религиозного обряда, бросила на Алакшин нечистый войлок. Алакшин от этого сделалась нечистой и упала на землю с тремя толи. Родители взяли ее, и она у них осталась. Следовательно, она спустилась на землю двенадцатилетней.

По словам предания, она родилась с серебряной сережкой в ухе. По словам рассказчика, у потомков сохранился только один толи с изображением животных.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ШАМАНЕ

(О кудинских шаманах)

Шаманом у бурят называется то духовное лицо, которое приносит разные умиловительные и благодарственные жертвоприношения разным заянам (то есть бурханам), брызгает тарасун и совершает другие религиозные обряды шаманизма. Он предсказывает будущее, ворожит на лопатках животных и других предметах, употребляемых обыкновенно шаманами и простыми ворожеями для узнавания будущего, настоящего и прошедшего с помощью покровительствующих заянов, которые, по их представлениям, открывают им правду на их вопросы. Шаман исполняет различные требования заянов и объясняет их волю людям. Он служит посредником между заянами и людьми, от имени последних он входит посредником в разные присутственные места заянов, прося их милости и покровительства, и также сдает жертвоприношение заяну или кому следует. Тогда заяны, умиловившись, посылают людям здоровье, счастье, многолетие на земле и, наконец, защищают их от злых духов.

Откуда взялся бурятский шаман и кто был первым бурятским шаманом? Буряты говорят про следующее предание: первым бурятским шаманом была птица орел, которого и ныне уважают все буряты с давних времен как священную птицу.

В прежнее время западное небо (под западным небом буряты подразумевают добрых заянов или бурханов, которые живут на небе и стараются делать добро) создало на земле людей, которые жили счастливо и постепенно умножились, населяя землю, не знали никаких болезней в первое время, а потом стали умирать в большом количестве от разных болезней (зухэн зюлхи ёбөшөн), которое на них посылали злые духи, то есть жители восточного неба, которые всегда стараются сделать людям зло и несчастье. Люди тогда не имели шаманов и не знали своих покровительствующих заянов, которые их создали на земле. Также они не имели понятия и о злых духах, которые насылали на них болезнь и смерть.

Тогда западные бурханы, проживающие в западном небе, собрались на звезде из Плеяд (мэшэн дэрэ моргон сугла хэ) и советовались о том, как помочь земным людям; они собирались также и на луне (һара дэрэ һайн сугла хэ) для обсуждения, как помочь людям и защитить их от злых восточных духов и решили немедленно послать для земных людей шамана, который спас бы их от смерти, познакомил бы их с покровительствующими заянами, которые создали их на земле и посылают им счастье и защищают от злых духов.

Тогда заяны сделали шаманом для бурят птицу орла, который должен был их защищать от злых духов и познакомить их с духами добрыми. По словам бурят, орел родился от дочери тэнгэри Сар-Сагана, которую звали Сам-Саган-Саган, а тэнгэри Сар-Саган принадлежит к восточному небу. Каким образом выбрали орла шаманом, когда восточное небо считается противником западного неба? Ведь западное небо могло выбрать шамана из своей среды.

Когда орел сделался бурятским шаманом, то он спустился на землю, чтобы помогать бурятам в их нужде и горе и защищать от злых духов. Но буряты не понимали его и видели в нем простую птицу, не подозревая его высокого назначения. Орел же не мог говорить по-человечески, так как бурханы не дали ему человеческого языка. Хотя он видел все и понимал, от чего буряты страдают, но не мог помочь им в их нужде и горе, защищая их от нападков злых духов. После безуспешных странствований орел снова поднялся на небо к заянам, которым объяснил, что он не может быть бурятским шаманом, так как не умеет говорить по-человечески, и буряты смотрят на него как на простую птицу. Он просил передать шаманский сан самим бурятам или же дать ему человеческий голос.

Бурханы нашли неуместным давать ему человеческий голос, так как птица не должна говорить по-человечески, и рассудили, что пусть орел отдаст свой шаманский сан первому встреченному им буряту, который и сделается шаманом. После этого орел полетел на землю выполнять указание заянов, спустился и сел на дерево. Под этим деревом спала одна женщина-тунгуска (хамниган эжи), которая бежала от своего мужа и от усталости села под дерево отдохнуть и тут же заснула (некоторые говорят, что она бежала с одним мужчиной, который лежал тут же под деревом). Орел передал ей шаманский сан и улетел обратно на небо. Когда эта женщина встала, то увидела все на свете, добрых и злых духов, и начала шаманить и, таким образом, сделалась шаманкой (некоторые говорят, что она не была шаманкой, а шаманом стал

ее сын.) После этого она возвратилась к своему прежнему мужу, от которого бежала. Она была беременна (некоторые говорят, что ребенок появился у ней таинственным образом от орла), и они стали жить по-прежнему.

Восточное небо, то есть злые бурханы и зайны, узнав об этом, послали одного шулмуса (злого духа), чтобы он расстроил их мирную жизнь. Посланный шулмус превратился в женщину, похожую на эту, но по красивее, а настоящую жену таинственным образом переменял.

Муж побил свою настоящую беременную жену и прогнал ее. Взял к себе ту другую женщину, которая была шулмусом, посланным восточными тэнгэринами, и жил с ней.

Когда орел узнал об этом, то он прилетел, схватил шулмуса и бросил за море Халхин-далай, по-русски — «Ветреное море», а старую жену обратил в прежнее обличье, и она стала опять с мужем жить мирно.

Мальчик, родившийся от тунгуски, которой орел передал шаманский сан, впоследствии сделался большим шаманом, которого буряты называют первым бурятским шаманом Бохоли-Хара (у балаганских бурят Моргон-Хара). Похождения Бохоли-Хара не буду описывать, так как они напечатаны в «Известиях [ВСОРГО]». т. XI, №№1 и 2, 31 июля 1880 г.

Вот откуда, по словам бурят, произошел шаманский сан. Насчет этого предания говорят по-разному, но об этом предании слышал я в Балаганске несколько лет тому назад, а в Кудинске — в нынешнем году. Немногие буряты знают об этом предании, свидетельствующем о первых шаманах; постепенно это народное предание забывается. Главной причиной этому служит то, что старики считают грехом говорить об этой легенде и, вообще, о заянах; во-вторых, молодое поколение мало обращает внимания на них; в-третьих, наши шаманы сами забывают постепенно предания о разных заянах. По вышеприведенной легенде можно судить о баснословности происхождения шаманов, будто бы шаманы явились среди бурят по воле заянов для защиты их от злых духов.

Давно ли существует шаманство среди бурят, определить трудно, известно только, что шаманство среди них существовало до прихода русских.

Балаганские буряты передают следующую легенду: некоторые шаманы узнали о приходе русских, которые плыли по Ангаре, и уговорились между собой, что они истребят всех русских пришельцев. Несколько шаманов собрались и стали шаманить. Во время камлания они таинственным образом, при посредстве злых духов, съели души русских казаков (по понятию бурят, без души люди не могут жить), и казаки умерли. Тогда все шаманы пришли на то

место, где умерли русские, развели большой огонь и начали сжигать умерших, чтобы они не воскресли. Эти шаманы заметили ружья русских, о которых они не имели никакого понятия, и назвали их пустым железом (хундэ төмөр). Шаманы собрали ружья и бросили их в огонь, а сами встали вокруг огня и начали греться. В это время порох в ружьях загорелся и произошло несколько выстрелов. По несчастью, пули попали в нескольких шаманов, которых уложило на месте, остальные шаманы убежали кто куда мог. Потом они не подходили близко к огню, боясь быть убитыми, как и товарищи. Когда дрова совершенно сгорели и огонь потух, тогда все шаманы собрались и подошли осторожно на место сожжения, взяли все ружья и говорили: «Если они без хозяев нас убивают, то с хозяевами могли убить нас всех». С этими словами шаманы утащили ружья к Ангаре и бросили их в нее.

Как у балаганских, так и у кудинских бурят есть предание, что будто бы шаман Холон Бардаев с богатырем Хашки встретили русских казаков на реке Лене и поднесли тогда им на конце шеста одну черную белку и бычий ремень длиною около сажени (нэгэ хара хэрмэн, нэгэ алда хара хур албан) и, таким образом, приняли подданство русского царя и начали платить дань пушниной. Из этого предания можно видеть, что шаманы существовали у бурят еще до прихода русских. Задолго ли до прихода русских существовали шаманы, — это из преданий неизвестно, но по некоторым сведениям, шаманы существовали уже во времена Чингис-хана.

Шаманами могут сделаться только те буряты, которые имеют шаманское происхождение, то есть их предки тоже были шаманами. Шаманом может сделаться сын шамана, его внук, правнук, племянник и т.д. Шаманами делаются, имея шаманское происхождение и со стороны матери. Иногда встречаются шаманы, которые стали таковыми, не имея шаманского происхождения, — буряты называют их нэръер утхатай. Если кого-либо убьет молнией, то такого человека хоронят как шамана, но только не сжигают на костре как шаманов, а кладут в гроб и ставят на дерево в лесу, где он стоит несколько лет. Его одевают в шелковое платье, снаружи одевают оргой синего шелка, то есть хоронят с большим уважением, как шамана. Коня также покрывают оргою синего шелка. Его дети или близкая родня могут сделаться после этого шаманами и будут называться нэръер утхатай. Этим случаем некоторые буряты пользуются и становятся шаманами.

Кроме того, встречается еще другое шаманское происхождение, так называемое будал утха, о котором я подробно не знаю, но слышал следующее.

Иногда шаманы и простые буряты находят на земле разные камни, которые называются бумал шулун. Эти камни, по понятию бурят, падают с неба и если кто-либо найдет такой камень, то немедленно обращается к шаману, который определяет, что это за камень. Если шаман скажет, что это бумал шулун, который упал с такого-то неба, западного или восточного, то человек делает жертвоприношения и другие обряды тому небу, с которого упал камень. Камни эти бывают различной формы: круглые, ножеобразные, топообразные, кольцеобразные и даже похожие на человека и другие формы. Из этих камней особым уважением пользуются те, которые упали с западного неба, а упавшие с восточного неба почитаются мало. По словам одного бурята-старосты, во время брызганья или тайлгана такому камню, совершавшегося целым обществом, один бурят выпил тарасун, из которого выходила особая сила в виде синего пламени; когда он выпил, то стал дулашным и впоследствии стал шаманом.

Изложенные шаманские происхождения нэрьер утха и будал утха имеют некоторое сходство. Шаманы такого происхождения говорят, что они стали шаманами по желанию самих бурханов, которые их сделали таковыми и покровительствуют им.

Приведу отрывок из молитвы:

Утхалхая ядахада,	Бардам тургэн шамат.
Ундорор утхаллаб;	Тайга бэрэ нэрьер,
Бал хара улхи,	Тала бэрэ будалнут.

Вот от таких-то шаманов и произошли многочисленные потомки, имеющие право на шаманство, переходящее из поколения в поколение. Ставшие шаманами от нэрьер или бумал утха уже передавали это право своим потомкам. Те могли стать шаманами или после смерти отцов, или даже и при их жизни, потому что каждый шаман учит своего сына шаманской мудрости, то есть как обманывать людей, своих же бурят.

Буряты говорят, что душа шамана учится шаманской грамоте с малолетства на том свете, как русские священники на этой земле. Следовательно, шаманы делаются шаманами вроде как не по своему желанию, а по воле зайнов; кого те назначат шаманом, тот и должен непременно им быть.

Обычно выбирают способного мальчика. Душу его покойные предки-шаманы, ставшие после смерти зайнами, то есть хадулан өбөгөн, представляют в то присутственное место, где принимают учить будущих шаманов. Души будущих шаманов обучаются в двух разных присутственных местах — белых и черных. Белый шаман учится у западных хатов, которые считаются добрыми духами, зайнами, и получает там все сведения, которые требуются для

шамана. Черный шаман также обучается в таком присутственном месте, как бы училище, которое называется альбини суглан (то есть присутственное место самого Эрлэн-хана), у злых духов, или, может быть, в другом месте. По окончании учения их испытывают в знании всех религиозных обрядов. После этого душа такого мальчика возвращается к телу. В обучение входит следующее: знать имена разных заянов и их присутственных мест, входы и выходы в них, умение шаманить, брызгать тарасун, делать кырык, тайлган и прочие религиозные обряды. В Балаганске мне говорил один шаман, что выучившаяся душа мальчика должна дать присягу и целовать какой-то черный камень.

Тот мальчик, который может сделаться шаманом, имеет, по словам бурят, иногда особые признаки: так, он бывает сухошав, задумчив, видит иногда жителей того света, заянов и других духов, а также сновидения, посредством которых предсказывает будущее.

Когда этот мальчик достигнет двадцатилетнего возраста, то он может сделаться шаманом, а до этого времени он живет и работает обыкновенно, как прочие мальчики, ничего в нем нет особого, кроме, может быть, признаков, указанных выше, хотя они не обязательны, а в иных случаях и вообще незаметны с малолетства.

После двадцати лет признаки обнаруживаются яснее следующим образом: будущий шаман делается вялым, мало работает, любит одиночество, обнаруживает склонность шаманить, наконец, делается вдохновенным, видящим добрых и злых духов, имеет сновидения чаще прежнего, иногда вдруг шаманит и падает в обморок на довольно продолжительное время. С этого времени у него наступает другой период жизни: он делается непостоянным, рассеянным, ничего не делает, ходит в раздумье и, наконец, делается дулашным, т.е. беснующимся.

Во время такого состояния он ведет жизнь странствующего человека, редко пропускает брызганья, кырыки, тайлганы, свадьбы и прочие религиозные обряды, одним словом, бывает в разных улусах и родах, иногда шаманит, якобы по требованию заянов, падает в обморок и кричит нечеловеческим голосом, призывая покровительствующих заянов. Во время такого состояния он предсказывает людям будущее и какому заяну они должны брызгать тарасун или делать жертвоприношение, так как в противном случае, если не сделает, то может заболеть и даже умереть. Он говорит, что будто бы во сне был на том свете в стране мертвых, в таком-то присутственном месте, где ему говорили, что он должен сделаться шаманом. Таким образом он странствует некоторое

время, учится шаманской мудрости, как драть с бедного человека последнюю шкуру и обманывать людей.

Такой дулашный шаманит иногда на вечеринке, а иногда и так где-либо. Тогда ему делают две трости (хорьбо) из березовых палочек диаметром менее вершка и длиной около пяти четвертей,— одна из них короче другой на вершок. Эти палочки он держит в обеих руках по одной, ту, которая подлиннее — в правой. Таким образом он шаманит, то есть призывает какого-нибудь зайна или так называемых небесных онгонов (по-бурятски тэнгэрин онгон).

Иногда дулашный уходит в лес, там разводит огонь, начинает шаманить, скакать, кривляться, кружиться и кричать страшным голосом, который раздается далеко по окрестности до ближних улусов, где его страшный голос наводит панический ужас. Наконец, у него появляется кровавая пена изо рта, черты лица перекашиваются, в это время на него и жалко, и страшно смотреть. Все это на человека как-то наводит невольный ужас, волосы подымаются дыбом, по спине бегают мурашки. Он кричит до того, что падает без чувств на довольно продолжительное время. Тут наш дулашный делается в полном смысле слова сумасшедшим, а может быть, и притворяется им (должно быть, притворяется), чтобы доказать людям, что он действительно дулашный по воле заянов.

Иногда такой дулашный бежит на гору или в лес, на сколько может, иногда более 10 верст; тогда за ним едет кто-либо караульный верхом на лошади, чтобы с ним не случилось какого-либо несчастья. Во время подобных бегств дулашный шаманит, призывает заянов (то есть своих предков).

По правде-то говоря, он иногда, действительно, находится не в здравом уме и, во-вторых, находится в постоянно напряженном, раздраженном нервном состоянии. Глаза его бессмысленно и бесцельно блуждают от одного предмета к другому.

Отчего же он бежит в лес и шаманит там? Это до известной степени можно объяснить. Мне думается, что шаман имеет при этом свою особую цель. Он практикуется в произношении слов молитв, чтобы они протекали правильно, без ошибок, без остановки, с соответствующими телодвижениями, мимикой лица и т.п., то есть во всем том, что требуется во время религиозного обряда.

Все это ему необходимо для повторения потом во время камлания перед присутствующими, чтобы показать им, что он это делает не от себя, а по воле заянов, которые в его лице говорят с присутствующими людьми. Тогда суеверные буряты верят ему, смотрят на все это с большим уважением и как бы чувствуют присутствие призываемого зайна, которого и видят в лице ис-

кусного шамана. Вот для того-то, чтобы все происходило красиво и быстро, шаман и удаляется в лес и упражняется там в своем искусстве. Эти приемы вошли почти в правило для нынешних шаманов.

В это время, пока дулашный скитается по разным улусам на брызганьях, кырыках, тайлганах и прочих религиозных обрядах шаманизма, родители его приглашают хорошего шамана и совершают брызганье тарасуна или вина и делают жертвоприношения различным заянам, то есть предкам молодого шамана, которые после смерти сами сделались заянами и покровительствуют своим потомкам, выбрав из них способного мальчика. По представлению бурят, если покровительствующие заяны и прочие духи рассердятся на дулашного или на его родителей, то могут сделать из него плохого шамана, или с ним может случиться какое-либо несчастье, и он даже может умереть. Если родители умерли, то их заменяет брат или кто-то из родных, у которых он находится.

Когда такому одержимому исполнится 20 лет, то тогда наступает время совершить торжественный обряд посвящения, или теломытия. После этого он получает право совершать религиозные обряды. Такой одержимый беснуется 3-4 года, иногда больше, иногда и меньше, но он не должен быть моложе двадцати лет, чтобы сделаться посвященным шаманом. В прежнее время бывали шаманы и моложе, даже в возрасте 10 лет, например, Холонгон-эжин (по-русски «хозяин Хорька»), настоящее имя которого Эргил-Буга-нойон Тонхо, по словам бурят, был шаманом, будучи не старше 10 лет. Эргил-Буга-нойон Тонхо родился от семилетней (иные говорят, от тринадцатилетней) непорочной и чистой девицы следующим образом: он спустился на землю с градом, который шел с неба, и попал в рот этой девицы. Через некоторое время девица эта сделалась беременной. Тогда родители ее выстроили ей особую юрту, где она и жила, потому что родители ее боялись и сочли это обстоятельство большим грехом. Некоторое время она не могла родить ребенка и по тогдашнему обычаю ее выдали замуж за семидесятилетнего старика, который только показал пример обычая, принятый обществом по закону природы. Тогда она благополучно родила сына, который впоследствии сделался большим шаманом. Старика, который женился на семилетней девице для исполнения обряда, звали Мэндэн и он считался отцом этого ребенка. Таким образом, полное имя ребенка будет Эргил-Буга-нойон Тонхо Мэндэв (Мэндэн хөбун Эргил Буга ноён Тонхо). Когда Эргил-Буга-нойон Тонхо исполнилось около десяти лет, то он сделался большим шаманом и прославился своими таинственными силами. Был он бурятом из племени хангинцев. Из

вышеприведенного предания видно, что Эргил-Буга-нойон Тонхо, или, как его называют буряты, Холонгон-эжин, родился на земле по желанию самих заянов (то есть небесных бурханов) от непорочной и чистой девицы. Приведу отрывок из шаманской молитвы:

Хангин жоргон утха	Хоёр шулун һабирга;
Хар шулун отог;	Холонгон-эжин
Хомой ¹ улан худал	Эргил-Буга-ноён Тонхо.

В это время жил другой большой шаман Сэжэн-Бар Томоршеев, который тоже отличался таинственными силами, и поэтому оба шамана соперничали между собой и спорили, кто из них лучше и имеет большую силу. Но Эргил-Буга-нойон Тонхо обманул своего соперника Сэжэн-Бар Тормошеева, который выпил тарасун из руки нечистой женщины, сделался сам нечистым и его силы уменьшились (хамуту эмэтэ унтахабэб, хара архи ухабэб). После оба поднялись на небо к Эсэгэ-Малан-тэнгэри и жаловались друг на друга. Эсэгэ-Малан-тэнгэри рассудил их таким образом: обоих сделал заянами над бурятами, одного на улице, а другого в юрте. Эргил-Буга-нойон Тонхо сделался заяном над бурятами на улице, поэтому он стоит на улице (у некоторых балаганских бурят Холонго-эжин стоит в юрте), а другой сделался заяном в юрте, поэтому он стоит в юрте и теперь не пьет ни вина, ни тарасуна.

После совершения обряда теломытия одержимый может брызгать тарасун и вино, делать кырык и приносить тайлган. До теломытия он не имел права на это, хотя в настоящее время такой строгости не наблюдается, брызганье и кое-какие обряды совершают и без теломытия.

У кудинцев почти все шаманы совершают обряд теломытия, даже бедняки. Во-первых, ради соблюдения старинного обычая, которого они придерживаются, а во-вторых, потому, что общество оказывает бедняку вспомоществование для совершения этого религиозного обряда.

Те шаманы, которые не совершили обряда теломытия, не имеют уважения среди своих соотечественников и иногда терпят неприятности как настоящие шаманы. Поэтому все одержимые стараются совершить обряд теломытия, но некоторые из них (правда, очень редко) его не совершают по следующей причине. Если кто-либо из предков такого шамана после теломытия умер, то по существующему у бурят поверью, и потомки шамана, совершив теломытие, должны умереть и не могут долго жить по воле заянов. Шаманы, не совер-

---

¹ Хомхой — гора в Кудинском ведомстве. Она считается местом обитания Холонгон-эжина.

шившие обряда теломытия, не имеют права бывать в присутственных местах у заянов, для них вход в эти места закрыт. Значит, они не могут и входить к заянам с разными ходатайствами и просьбами. Поэтому-то они и не имеют такого уважения среди бурят. У балаганских и идинских бурят это строго не соблюдается, и шаманы, не совершившие обряда теломытия, все равно отправляют разные религиозные обряды и пользуются уважением со стороны бурят. Существует объяснение, что таким шаманам у заянов даже легче, они посещают их присутственные места без боязни и не подвергаются взысканиям с их стороны, а за какую-либо ошибку просто расплачиваются собственной жизнью.

По понятиям бурят, у тех шаманов, которые совершили обряд теломытия по обычаю, все их действия определены уже на том свете. Поэтому они знают, через какую дверь войти и выйти, кому доложить, через кого и где ждать ответа, а также служащих там лиц. Они не имеют права нарушать этих правил, а если нарушат, то будут строго наказаны. Следовательно, шаманы ограничены в своих действиях и отвечают за нарушение этих правил.

У идинцев, например, обосинские и тарсайские шаманы иногда не делают теломытия потому, что, по объяснению бурят, те, кто сделал теломытие, недолговечны. А между прочим, они имеют громадное уважение среди инородцев Идинского, Аларского, Капсальского, Кудинского и Верхоленского ведомств. Все перечисленные выше шаманы принадлежат к группе черных шаманов и имеют черное шаманское происхождение. Подобные им шаманы встречаются и в других ведомствах. В Балаганске я встретил несколько крещеных шаманов, которые, несмотря на это, совершали шаманские обряды, а о простых крещеных бурятах и говорить нечего, они всегда выполняют все шаманские обряды. В этом виноваты не сами буряты; главные виновники — господа миссионеры, которые на удивление всего света очень мало заботятся о своих овечках, а если и заботятся, то в целях материальных не откажутся остричь их, как и шаманы, но только поумнее и похитрее.

В самом деле, скоро будет 300-летие присоединения Сибири, а господа миссионеры до сих пор не могут побороть полудикого сына природы — шамана. В последнее время влияние миссионеров сильно падает, многие буряты относятся к ним с пренебрежением, почти все буряты знают их с обратной стороны. Многих крестят административным путем, а не по убеждению, и поэтому крещеные буряты исполняют все обряды шаманизма.

По правде говоря, когда молодой человек делается одержим, то он в это время почти ничего не знает, то есть знает столько же, сколько знает любой

простой бурят. Он постепенно учится от других шаманов и стариков во время религиозных обрядов, где постоянно присутствует и слушает, иногда спрашивает у стариков и шаманов, как и что делается во время известного жертвоприношения, приемы и слова молитв. Если он понятлив, имеет хорошую память, да еще неглуп, скоро выучивает разные обряды и молитвы и делается хорошим шаманом. Это он приписывает тому, что будто бы он на том свете хорошо учился и закончил курс обучения шаманской грамотности и потому заслужил благосклонность заянов и других лиц. Напротив, тот, кто имеет плохие способности, долго мается и становится плохим шаманом. При всем этом большую роль играет шаманское происхождение, от этого в значительной степени зависит получение уважения от бурят.

Во время такого состояния одержимости шаман не должен прикасаться к нечистым предметам, особенно это касается тех шаманов, которые имеют белое шаманство (саган утха). Если он прикоснется до нечистого предмета, то и сам станет нечистым и не сможет сделаться шаманом. При прикосновении к нечистому предмету шаман иногда падает без чувств, из носу и изо рта у него бежит кровь, и он даже может умереть. Тогда делается освящающее теломытие водой, иногда с животным.

В прошлом году я поехал к шаману Манжу кое-что у него спросить, и взял с собою одного знакомого бурята, так как сам не был знаком с этим шаманом. Для шамана мы взяли с собою вина. Ямщик наш был бурят и калека. По дороге мой товарищ и ямщик на барьса шаманили, выпили немного вина, и так повторяли несколько раз, пока мы доехали до шамана. От этого наш ямщик опьянел и лошадей правил уже мой товарищ. Когда мы приехали к шаману и вошли в дом, то наш ямщик упал к ногам шамана и кланялся ему, называя отцом-спасителем. Тогда я спросил шамана, почему тот ему кланяется; шаман мне ответил, что он спас этого человека от смерти, когда тот был болен. Это было так: несколько лет тому назад наш ямщик был работником у одного бурята и в это время начал делаться одержимым. Имел он белое шаманское происхождение и поэтому ему нельзя было дотрагиваться до нечистых предметов. Однажды во двор его хозяина из соседнего села пришли свиньи, которых наш нынешний ямщик хотел ударить. Взяв в руки палку, он ударил одну из них. Как только он ударил свинью, то сразу упал в обморок, из носу и изо рта у него пошла кровь, отнялись руки и ноги, потому что он сделался нечистым. Тогда шаман Манжу сделал над ним очистительное и освящающее теломытие, и только тогда он выздоровел, но остался калекой. Это мне

говорили и шаман Манжу, и ямщик, и другие инородцы (некоторые шаманы не употребляют мясо свиньи, так же, как и простые буряты, считая его нечистым, а также не ходят в баню).

Выше я упомянул о двух шаманских происхождениях, так называемом белом шаманском происхождении и черном шаманском происхождении. Следовательно, у бурят встречаются белые шаманы (саган бө) и черные шаманы (харайн бө), которые имеют между собой некоторое различие, о котором и скажу в нескольких словах.

Белый шаман считается представителем добра и благодетелем человечества (это по словам бурят, но мне так не думается), потому что он не может сделать ничего худого, а всегда делает людям только хорошее. Поэтому он заслуживает со стороны бурят любовь и уважение. Он брызгает тарасун и вино, совершает жертвоприношения и другие обряды добрым заянам, которые, со своей стороны, всегда стараются сделать добро и посылают людям счастье. Белый шаман поклоняется только добрым заянам — западным хатам, западному небу и прочим добрым заянам. Одним словом, он представляет собой гений добра. Такими белыми шаманами были, например, Барлак Когнуев в Балаганском инородческом ведомстве, второго Олзоева рода в Закулейском улусе. Он одевался в белое шелковое платье и ездил на белом коне. Про него говорят, что он сделал очень много добра людям, и передают всевозможные легенды. Его местожительство, то есть место, где он похоронен после смерти, вернее сказать, где его сожгли (старики говорят, что, по тогдашнему обычаю, сожгли) на горе Суг во втором Олзоевом роде. На этой горе до сих пор красуются несколько столетних сосен, а на них сохранились некоторые железные предметы. Около этих сосен его многочисленные потомки (Барлаковы) приносят ему жертвоприношения животными.

В одно время с балаганским белым шаманом Барлаком Когнуевым жил такой же большой белый шаман в Кудинском инородческом ведомстве, во втором Бабаевском роде, Малагаг Хабилзаев, который тоже отличался добрыми делами и также про него рассказывают много легенд. Его похоронили (то есть сожгли) по обряду на горе Мухур-Булаг, которая находится во втором Бабаевском роде. На этой горе его потомки приносят ему жертвоприношения. Первого из этих шаманов звали Унгинский белый шаман (Унги эхэ саган бө), а второго — Кудинский белый шаман (Голи эхэ саган бө). Также есть и другие белые шаманы, о которых я не буду писать.

Черный шаман представляет из себя противоположность белому шаману; он гений зла и всегда старается сделать зло и неблагополучие людям, связываясь со злыми духами, то есть заянами, через которых он и делает это зло. Люди его не уважают, но боятся и стараются ему угодить, чтобы он им не сделал зла

и не причинил несчастья (особенно это по мнению балаганцев и идинцев, у кудинцев менее, потому что у них бывают случаи, когда один и тот же шаман одновременно и белый и черный). По словам балаганцев и идинцев, черные шаманы могут съесть душу человека при помощи злых духов. Тот человек, у которого съедена душа, скоро умирает.

Если черный шаман захочет съесть душу человека, то он шаманит следующим образом: ему делают одну трость, которую он наполовину чернит углем; вторую трость он, как обычно, оставляет белой. Сам шаман чернит себе одну половину лица (левую) тем же углем. Затем он поворачивает котел вверх дном и шаманит ночью, призывая злых духов или заянов, при посредстве которых делает зло.

Черный шаман брызгает тарасун, делает жертвоприношения и совершает другие религиозные обряды только злым заянам: восточному небу, восточным хатам, Эрлэн-хану, хозяину острова Ольхон, хозяину черного коня и другим, которых очень много. К таким черным шаманам принадлежат обосинские и тарсайские шаманы, которые между собою не в ладу. Есть черные шаманы и в других ведомствах, о них я писать не буду.

В Кудинске встречаются шаманы, которые принадлежат и к белым, и к черным шаманам, то есть в одном лице сливаются и белый и черный шаманы. Следовательно, такой шаман может брызгать тарасун и совершать жертвоприношения и прочие обряды и добрым и злым духам. Я объясняю это следующим образом: по всей вероятности, он делает это из материальных соображений, потому что он так может больше заработать, чем другие шаманы.

Когда буряты признают такого одержимого за действительно одержимого по воле якобы заянов, то после этого он должен непременно сделаться шаманом, иначе заяны его накажут за непослушание. Вот почему через три-четыре года такого состояния буряты признают такого одержимого. После этого ему открывается обширная дорога шаманской деятельности. Он совершает свое теломытие торжественным образом при большом стечении народа. У кудинских бурят обряд теломытия продолжается до трех раз, а у балаганских, кажется, до шести.

Теперь опишу предварительное очистительное теломытие шамана. Когда нужно совершить очистительное теломытие, тогда призывают опытного хорошего шамана, которого зовут отцом и который совершает этот обряд следующим образом. Сперва ворожит на лопатке животного, потом брызгает тарасун или вино, а после этого посылают за водой, которая должна быть ключевой, и этой водой моют тело одержимого, то есть молодого шамана. По-

сылают за водой к ближайшему ключу несколько бурят с тарасуном, которые, прибыв к ключу, брызгают тарасун хозяину ключа (Буракши-нойону и жене его Хөрмэши-хатан), потом пьют тарасун, вычерпывают воду и отправляются домой. По пути вырывают с корнем тоненькие прутья, так называемые хухурун, связывают их в виде веника и ими моют или бьют тело молодого шамана. Это теломытие совершается на улице.

Привезенную воду выливают в другую посуду или в котел и кладут в эту воду вереск, пихтовую кору и богородскую траву; все это для того, чтобы вода стала чистой. Затем в воду кладут докрасна накаленные камни, чтобы вода закипела. Иногда привезенную воду просто нагревают в котле, без камней.

В это же время готовят козла, от которого отрезают немного шерсти, затем от всех четырех ног по маленькому кусочку копытца, от рогов также по кусочку и шерсть от обеих ушей. Все это тоже кладется в воду. Козла убивают ударом ножа в сердце и несколько капель крови спускают в котел. Теперь вода готова для теломытия.

Убитого козла отдают женщинам, которые варят мясо и едят его. Обряд не позволяет есть это мясо шаманам и мужчинам. Оно в полном распоряжении женщин.

Отец-шаман после некоторых подготовительных обрядов берет сделанный ранее веник, макает им в воду и бьет тело одержимого, то же самое делают и девять сыновей. При этом битье они приговаривают: «Когда за тобой придет бедный человек, то иди к нему пешком и не требуй от него много за труды, а возьми столько, сколько этот бедный человек может дать. Ты всегда должен соблезновать бедным и неимущим, помогать им всячески и молить зайнов, чтобы они не карали их, а, напротив, защищали бы их от злых духов. Когда придет богатый, то к нему поезжай на быке и тоже не требуй от него слишком много. Если придут бедный и богатый, то поезжай сперва к бедному, а потом уже к богатому». На все это молодой шаман отвечает утвердительно «поеду» и «не буду». Далее оба шамана шаманят в один голос, то есть молодой шаман повторяет то, что говорит шаман-отец. По окончании мытья водой брызгают тарасун или вино разным покровительствующим заянам и на этом кончается теломытие. В иных местах это теломытие делается без крови животных, а чистой ключевой водой, иногда взятой из трех мест, то есть из трех ключей. Вместо хухурун употребляется солома, которую также связывают пучком в виде веника.

Этот обряд выполняется всеми шаманами один раз в год как обряд очистительный от прикосновения к нечистым предметам. Если шаман чувствует,

что стал очень нечистым, то он совершает кровавое теломытие, то есть моется кровью животных.

Буряты говорят, что шаманы должны взять за труды 9 копеек, не более, потому что сами заяны так установили. Нынешние шаманы во время жертвоприношения и других обрядов, по обычаю, берут от хозяина эти 9 копеек; взяв эти деньги, на них плюют и несколько копеек раздают присутствующим, а остальное кладут в карман. Все это делается только для примера, потому что именно запрещено брать более. А потом хозяин при отъезде шамана дарит ему столько, сколько желает: иногда дарит коня или быка, или вместо них одаряет деньгами. Если хозяин дает мало, то шаман вытребует больше.

Ныне шаманы вперед выторговывают плату и если хозяин не соглашается, то к нему не едут. За некоторые жертвоприношения шаман дерет по 15-20 рублей. В этом отношении некоторые шаманы делают чудеса подлости. Даже сами буряты открыто сознают эту подлость шаманов.

О ТЕЛОМЫТИИ ШАМАНА

Шаманами могут сделаться только те буряты, которые имеют шаманское происхождение, то есть наследственное право. Чем древнее шаманское происхождение, тем, по словам унгинских бурят, шаман лучше, «хорош», потому что души шаманов-предков помогают своему живому шаману-потомку во всех отношениях. Даже если шаман плох и не знает совсем некоторых обрядов и делает их кое-как, с пропусками, то все же его обряд принимается заянами вследствие того, что хорошее и сильное шаманское происхождение помогает ему в этом, его предки ходатайствуют о принятии обряда. Другой шаман хорош и знает все обряды, но сделанные им обряды не принимаются заянами, особенно большими и сильными, которые находятся очень далеко. Происхождение его не сильное, а поэтому и шаман не силен. Его предки не могут ходатайствовать перед заянами. Следовательно, происхождение играет решающую роль и по нему рассматривается старшинство шаманов.

По словам унгинских бурят, шаманское происхождение бывает аханут. Слово аханут происходит от аха — старший брат, следовательно аханут — старшие.

Шаманское происхождение получает право старшинства следующим образом: шаманский корень, то есть происхождение, получает право старшинства (аханут) лишь в том случае, если, начиная с первого, сделавшегося шаманом бурята, девять поколений подряд будут преемственно шаманами. Если в одном из поколений шамана не будет, то не будет и старшинства (аханут), и тогда счет начинается сначала. Это почетное звание аханут признается не только живыми людьми, но и на том свете заянами, и западными и восточными хатами при условии непрерывности девяти поколений.

Бурят, не имеющих шаманского происхождения, безразлично, со стороны отца или матери, не может сделаться шаманом. Такого самозванца заяны строго наказывают.

Шаманское происхождение очень старинное. Оно берет начало еще со времен зэгэтэ-аба, когда шаманы были главными начальниками — галши. Сан галши передавался по наследству, как по мужской, так и по женской линии, то есть сыновьями и дочерьми, потомки которых также делались галши.

Поэтому во время зэгэтэ-аба шаманским происхождением очень дорожили и старались его удержать по мужской линии и не передавать в женскую. Вследствие этого родители даже убивали дочерей, а братья — своих сестер, что видно из преданий¹.

Право наследственности играет в жизни бурят большую роль: бурят может сделаться кузнецом, только если он имеет кузнечное происхождение; во рожем, если он имеет тоже наследственное право.

Например, делать стрелы можно только по праву наследства. Обыкновенно тех лиц, которые делают стрелы, называют мөһөшин; мөһө — особый инструмент, которым делают стрелы. Должно полагать, что во время зэгэтэ-аба был особый разряд людей, которые постоянно занимались приготовлением стрел, потом они получали из общего раздела свои паи. Чтобы сделать седло, тоже нужно иметь наследственное право.

То же самое и в отношении наследственности родоначальников. На эту должность тоже надо иметь наследственное право. В этом случае, если даже родоначальник провинится по службе, то заяны к нему будут снисходительны, потому что его предки, которые были тайшами, головами, старостами и прочими, будут защищать и оправдывать его перед заянами. Если кто-либо, не имея наследственного права, сделается головой, старостой и пр., то при малейшей неправильности заяны его строго осудят: он заболет и умрет.

Даже снимать кору с пихтового дерева, и то нужно наследственное право. Не имеющий соответствующего происхождения не имеет права снимать кору с пихтового дерева, идущую на совершение религиозных обрядов; это грех, он не должен прикасаться к пихте. То же самое относится к собиранию и выкапыванию корней лекарственных трав и знанию способов их употребления. Когда показывают эти корни другому, то с него берут клятву, что он это будет хранить в секрете. Буряты обычно считают большим грехом давать такие клятвы. Вследствие этого многие лекарственные травы забыты.

Из вышеприведенного видно, что в прежнее время ряд должностей и специальностей передавался по наследству. Каждый род хранил свою специальность в строгом секрете и передавал ее под присягой своим потомкам. Таким образом, ныне существующая наследственность, ут х а , являющаяся необходимым условием в жизни бурят, постепенно передавалась из поколения в поколение и дошла до нашего времени.

Наследственность на должности тайши, головы, старосты и пр. есть ут х а под влиянием появления новых должностей в связи с появлением русских.

---

¹ Этнографическое обозрение, кн. XXI, ч. 2. 1894, стр. 122.

Буряты перенесли на новый лад свои старинные понятия о наследственности.

Во времена зэгэтэ-аба шаманом-галши делались не сразу, как это кажется на первый взгляд. Для этого надо было постепенно пройти девять ступеней, девять теломытий, то есть обрядов посвящения. Только тогда шаман получал свой высший сан галши, как говорится в шаманских призываниях:

Еһон хэсэн тобор барьлаб.   Держал колотушки девяти бубен.
Ехэ оргон заха хэдэрлэб.   Надел воротник большого оргоя.

Потом:

Арар дурэн зала,   Полная спина кистей,
Атхар дурэн жидо.   Полная пригоршня жидо.

Имевшие шаманское происхождение способные буряты с громадной памятью и особыми природными способностями достигали высшей должности шаманского сана галши и успешно управляли зэгэтэ-облавыщиками, а слабые лица, не имевшие особого призвания, оставались на первом, втором и третьем теломытии (ступени посвящения), на низших шаманских должностях. С четвертого теломытия начинаются кровавые, с которого шаманский сан и должность становятся более важными.

Нынешние бурятские шаманы все девять теломытий не делают, для легкости сокращают. В разных местностях их совершают по-разному, неодинаково.

Опишу обряд теломытия унгинских и бильчирских бурят, о которых я собрал настоящий материал.

По словам унгинских бурят, теломытия шаман совершает девять раз, но нынешние шаманы этого не делают. Старики говорят, что и одного-то по-настоящему не делают, все позабыли. Нынешние шаманы, что и простые люди, даже не совершив обряда теломытия, брызгают тарасун, вино и делают кырык и тайлганы.

У нынешних унгинских бурят тот, кто желает быть шаманом и имеет шаманское происхождение, сперва практикуется в шаманской мудрости, шаманит во время вечеринок, призывая разных небесных онгонов и горных старцев, и брызгает им тарасун и вино. Это первые уроки начинающего шамана. А потом он делает первое теломытие, которое называют хура убалга — по-русски «сухое теломытие». По обычаю унгинских бурят, шаман теломытие делает обыкновенно летом, пока листья на деревьях не совсем высохли. После этого обряд теломытия делать уже нельзя. Другие говорят, что обряд теломытия нужно делать до солнцеворота, а как дни начнут укорачиваться, то

теломытия уже делать нельзя. Почему шаманы совершают теломытие летом? Это вполне понятно. Во времена зэгэтэ-аба зимою обряд делать было невозможно: во-первых, из-за холода, а во-вторых, шли облавы на зверей. Летом же наступало теплое время и было обилие продуктов. В прежнее время, вообще, многие общественные и многолюдные религиозные обряды и праздники делали весною, летом или осенью. Свадьбы также делали летом. Ну, а теперь не разбирают.

Для сухого теломытия особенных обрядов нет. Желаящий сделать сухое теломытие бурят заблаговременно уведомляет об этом родных и соседей, чтобы они помогли ему. Родные и соседи приготавливают к назначенному дню вино и тарасун, а некоторые дают немного денег.

Молодой человек готовится к сухому теломытию следующим образом: приготавливает много котлов тарасуна и вина и покупает белый миткаль, из которого шьют белые рубашки и шапки для молодого человека, его отца-шамана и девяти сыновей. Нынче, во избежание лишних расходов, девяти сыновьям не шьют новых белых рубашек и шапок. Когда все готово, тогда приглашают отца-шамана и выбирают девять сыновей из молодых людей.

Когда приезжает отец-шаман, тогда приготавливаются к обряду теломытия. Несколько человек посылают в лес за ширеями, а другие уезжают за ключевой водой. Все они берут с собою тарасун и вино. Те, которые приехали к ключу, брызгают тарасун и вино, а потом пьют. После этого в воду ключа бросают медные деньги, а на деревьях у ключа привязывают белые и черные миткалевые ленты, затем вычерпывают из ключа воду и едут домой. Те, которые поехали в лес, по приезде в лес брызгают также вино и тарасун и пьют, а после этого выбирают несколько тоненьких берез, целых, без сломанных веток и вершин. Найдя такие, вырубают и, взяв, приезжают домой.

На отца-шамана надевают новую рубашку и шапку, сам вновь посвящаемый шаман также надевает новую белую рубашку и шапку, девяти сыновьям когда одевают, а когда и нет.

Затем начинают брызгать вино и тарасун разным покровительствующим заянам, горным старцам и шаманскому происхождению нового шамана (то есть его предкам), чтобы они помогли новому шаману быть хорошим шаманом и покровительствовали ему. После этого выходят на улицу, где собрался весь народ. После выхода на улицу проходят на то место, где будет совершаться обряд, и молодой шаман садится на тургэ. Перед ним ставят хурунгу для сагана, тарасун и вино. На южной стороне тургэ в землю вкапывают

один ширей, на который привязывают заячью шкурку с белыми миткалевыми лентами. Из другой березки делают две трости: правую, длиной около пяти четвертей, и левую, на четыре пальца короче. К этим тростям также привязывают белые миткалевые ленты, что называется хол уяха, т. е. «ноги привязать». Это означает духовные ноги.

Затем приступают к религиозным обрядам и брызгают тарасун и вино разным покровительствующим заянам, горным старцам и шаманскому происхождению молодого шамана. Наступает главный обряд, — посвящение тростей, а милха, по-русски «оживить», то есть дать тростям жизнь, чтобы на этих тростях молодой шаман ездил в страну духов; они заменяют ему коня, чтобы посещать различных заянов и ходатайствовать перед ними за живых людей. Опять брызгают тарасун и вино покровительнице теломытия шамана заянке матери Хан-Лухар, являющейся дочерью Ухан-хата. Отец шамана, молодой шаман и девять сыновей шамана призывают мать Хан-Лухар, и девять сыновей в это время держат чистый белый войлок, на который сажают шамана, и моют его освященной водой следующим образом: в привезенную ключевую воду кладут богородскую траву и освящают; пучки соломы или тростника обмакивают в воду и бьют ими молодого шамана; все это время шаманят и дают ему наставления, как обращаться с людьми, которых нельзя обижать. Этим обряд сухого теломытия и заканчивается. Молодой шаман получает некоторые права шамана и после этого теломытия ему позволяют делать некоторые религиозные обряды и брызгать тарасун и вино.

После этого брызгают немного тарасуна и вина и, молодой шаман, держа в каждой руке по трости, начинает шаманить, призывая разных заянов, горных старцев и небесных онгонов. Иногда отец шамана шаманит перед этим, как бы показывая пример. За ними шаманят и другие буряты, которые приготавливаются стать в будущем шаманами.

Весь собравшийся народ находится тут же: старики и старухи заняты питьем тарасуна и вина, а молодежь обоего пола проводит время в пляске, играх, борьбе, бывают скачки лошадей и прочее. Так проходит весь день.

После окончания религиозных обрядов отец шамана, молодой шаман и девять сыновей шамана должны жить в продолжение трех суток (иные говорят, девять суток) в устроенном для этого балагане и все это время должны поститься, есть только ржаную муку, кипяченую в воде, и пить черный чай, тарасун и вино. Не разрешается есть молочную пищу и мясо.

В эти дни молодой шаман шаманит, призывая разных заянов, и по временам брызгает тарасун и вино. Каждый вечер, а иногда и днем, собирается

молодежь обоего пола и до утра пляшет. Старики посещают молодого шамана и дают ему советы, послушав, как он шаманит. После этих трех дней отец-шаман уезжает домой с полученными подарками, а молодой шаман с этого времени уже разыгрывает роль настоящего шамана и практикуется в своем ремесле. После обряда теломытия молодой шаман берет к себе в юрту заячью шкурку и хранит ее вместе с тростями. Это называется «получил зайца», по-бурятски — шандага аба. Это низший сан шамана.

Бурят, совершивший обряд сухого теломытия, может перестать шаманить, это необязательно. Сплошь и рядом буряты совершают этот обряд, а потом не делаются шаманами по следующей причине: если бурят, имеющий шаманское происхождение и не думающий стать шаманом, вдруг заболит, то через некоторое время он обычно обращается к шаману с просьбой поворожить, а шаман ему разъясняет, что если он, как имеющий шаманское происхождение, сделает обряд теломытия, то выздоровеет. По необходимости над больным совершают этот обряд теломытия, самый простой, а по выздоровлении он не остается шаманом и становится простым бурятом.

Если молодой шаман пожелает, то через несколько лет он может сделать второе теломытие, так называемое уһан-убилга, т. е. водяное теломытие. В этом случае он сообщает своим родным, соседям и остальному обществу об этом и указывает время обряда. Когда родные, соседи и остальное общество узнают об этом, то они оказывают ему помощь, кто чем может. Все найжи, то есть духовные дети шамана, также помогают ему, смотря по обстоятельствам. Условившись с отцом-шаманом о точном времени совершения обряда, молодой шаман покупает все нужные для этого предметы: белый миткаль на шитье рубашек и шапок отцу-шаману и его девяти сыновьям; едет с вином к отцу-шаману и отдает ему вино. Тот брызгает вино своим горным старцам и своему шаманскому происхождению. После этого собравшиеся из улуса старики и старухи выпивают это вино. Затем отец-шаман собирается и едет к молодому шаману.

По приезде в дом молодого шамана шаман-отец совершает подготовительные обряды, то есть брызгает тарасун и вино местным горным старцам и прочим заянам, чтобы помогли и покровительствовали молодому шаману совершить благополучно обряд теломытия. На отца-шамана надевают новую белую рубаху и белую шапку, а сам молодой шаман, вымывшись сперва водой, в которую положена богородская трава, также надевает белую рубаху и белую шапку. Выбрав девять сыновей шамана из числа молодых людей, их одевают так же. Затем выбирают и так же одевают хунши-нойона. После этого опытные старики с тарасуном отправляются в лес, чтобы привезти три березы, каждую длиной в сажень. Старики, приехав в лес, брызгают тарасуном и

пьют его, после чего срубают три березы и при этом строго обращают внимание на то, чтобы они были с сильными верхушками и ветвями. Срубленные березы везут домой, где до половины очищают от коры и ветвей, оставив, по обряду теломытия, сверху ветви и листья. Затем от имени молодого шамана делают западному хату следующие обряды: эрхиндэхи улан хурган¹, шара тэхэ и яман хонин хоёр, которые не буду описывать. Эти обряды делают точно так же, как обыкновенно делают первый раз мальчикам. Это означает, что молодой шаман, как и мальчик, прибегает к покровительству западного хата, чтобы тот защитил его от злых духов.

Затем покровительнице теломытия шамана зайнке-матери Хан-Лухар посвящают от имени молодого шамана белого коня. На этом белом коне должен ездить молодой шаман. После брызганья тарасуном и вином готовятся к предварительным обрядам: все 9 сыновей собираются, сажают лошадей и входят в юрту, где на три приготовленные березки привязывают белые ленты и передают эти березки трем старшим сыновьям, каждому по березке. Выходят на улицу: отец-шаман впереди, за ним молодой шаман и девять сыновей — все они шаманят. Им подводят оседланных коней, они садятся на них и, сделав круг по солнцу, уезжают по улусу. Подъехав к одному дому, они останавливаются и становятся в ряд: с правой стороны отец-шаман, за ним молодой шаман, а потом три старших сына шамана с березками и после них остальные сыновья шамана. В это время все они шаманят.

Домохозяин выходит из юрты и выносит молочную пищу для сангиха. Сперва подает отцу-шаману, который, немного покапав, пробует и передает молодому шаману, — тот, в свою очередь, тоже какает, пробует и передает девяти сыновьям, которые, покапав и попробовав, возвращают чашку хозяину. Если у хозяина есть вино или тарасун, то он их подает в таком же порядке, как и сангиха. После того, как они выпьют тарасун или вино, домохозяин привязывает к деревьям какую-либо звериную шкуру, или новый платок, или же просто ленту. Иные домохозяева дают денег и сулят в день теломытия привести овцу, барана или же ямана (козла). Так они ездят до вечера, переходя от одного дома к другому, и вечером возвращаются домой. В этот первый день они должны побывать в трех улусах. Когда возвратятся домой, то отвязывают от березок звериные шкурки, платки и ленты, если их оказывается много и березки согнулись под их тяжестью.

---

¹ Записки ВСОРГО по этнографии, т. II, вып. I, 1890, стр. 101, 103 и 104.

Второй и третий день продолжаются такие же поездки верхом, каждый раз в три улуса с ездой до вечера и с возвращением домой. Этим заканчиваются езда по улусам и сбор нужных предметов. Все собранные предметы сортируются, и нужные для обряда звериные шкурки откладываются отдельно. Все прочие предметы также откладываются отдельно, чтобы ими одарить собравшийся во время обряда народ.

В эти дни домашние шамана готовят к обряду: гонят тарасун, покупают вино, готовят тарак, амхан, саламат и пенку. В этом им все помогают, — родные и близкие, соседи, знакомые и найжи, которые привозят тарасун, вино, овец, баранов, яманов, кто что может. Некоторые дарят и деньги. В эти дни также привозят и дарят молодому шаману подарки. Также из досок делают балаган на том месте, где будет совершаться обряд теломытия.

В последний из трех дней по обряду колют барана — голову берут с легкими, сердцем и дыхательным горлом, что называется *хуралха*. Все мясо и голову варят в котле и готовыми оставляют до другого утра.

На четвертый день рано утром встают и готовят к обряду теломытия: брызгают тарасун и вино, после чего молодой шаман с отцом-шаманом и девятью сыновьями едут в кузницу, захватив с собой тарасун, вино и мясо, а, кроме того, белую рубаху для кузнеца и более аршина белой материи для подстилки под кузнеца и белые ленты. В кузнице уже сидит кузнец, приготовившийся к встрече с молодым шаманом. Привезенные тарасун, вино и мясо ставят по обряду на соответствующее место. Молодой шаман одевает на кузнеца белую рубаху, под ним стелет белую материю и ко всем кузнечным инструментам привязывает белые ленты. Кузнец разводит огонь, положив угли, а посторонний человек раздувает мех. Когда жар достаточен, то кузнец кладет в уголь железо и раскаляет его докрасна. Отец-шаман в это время брызгает тарасун и вино кузнечным заянам, а от привезенного мяса отрезает куски и бросает в огонь. В горн капают тарасун и вино, а кузнец в это время шаманит, призывая своих покровительствующих заянов, берет из горна накаленное железо, ставит на наковальню и бьет молотком. Раскаленные искры летят во все стороны. Это означает, что молодой шаман прибегает под покровительство кузнечных заянов, которые, будто бы бросая раскаленные железные шары, не допускают к нему злых духов, желающих вредить молодому шаману. После этого кузнец кует три кольца, необходимые для обряда теломытия. После этого пьют вино и тарасун и едят мясо.

Отец-шаман с молодым шаманом и девятью сыновьями возвращаются домой и по приезде готовятся к главному обряду и к выходу на улицу. Когда

все готово, то выходят — впереди отец-шаман, за ним молодой шаман и девять сыновей и, выйдя, сразу садятся на коней и едут в лес. Не лишним считаю добавить, что, когда они едут в лес, то молодой шаман сидит на своем посвященном белом коне, а другой посторонний человек ведет коня за повод. Это будто бы означает, что молодой шаман как дитя не может управлять конем. В прежнее время шаман после второго теломытия получал, должно полагать, от общества раба, который ловил ему коня, оседлывал и держал его. Ныне этого человека называют жолоши — «держатель повода» (слово жолоши происходит от жоло — повод, а раньше он назывался мори барюхан и эмэл тохухан, по-русски «имеющий коня, оседлывающий седлом»). Если этот шаман умирал, то его раба убивали и сжигали вместе с умершим шаманом. Убитый раб должен был служить своему господину и на том свете.

За шаманами едут на телеге другие буряты и везут с собой тарасун, вино и баранье мясо, которое накануне сварили и приготовили.

По приезде в лес молодой шаман влезает на березу, на которой и шаманит некоторое время, а отец-шаман и девять сыновей шаманят, сидя верхом на конях. После этого молодой шаман слезает с березы, которую должны рубить для ширея. По словам же других бурят, ее не должны рубить, — она называется сэргэ модон, по-русски «дерево-коновязь». На эту березу привязывают белые и черные миткалевые ленты, также и шелковые, чтобы другие люди знали, что эту березу рубить нельзя. Каждый год молодой шаман выезжает в лес к этой березе и брызгает тарасун и привязывает ленты. Если кто-либо по незнанию вырубит эту березу, то молодой шаман умрет, а вырубившему будет худо. Если же эта береза усохнет, то это тоже плохо, — молодой шаман умрет бездетным.

Потом брызгают тарасун и вино, а от привезенного мяса отрезают куски и бросают в разведенный огонь, при этом пьют тарасун и вино и едят мясо. Затем рубят девять толстых берез, которые могут выдержать тяжесть человека, одну тоненькую березку для простой трости, две березки для веревки с тремя кольцами и одну для коновязи, к которой будут привязывать посвященного белого коня молодого шамана. Все эти березы кладут на телегу и едут обратно домой. Коня молодого шамана обратно ведет тот же человек, который вел его в лес.

После отъезда шамана и сопровождающих его в лес все остальное общество под предводительством хунши-нойона выходит из юрт на улицу и идет на место теломытия, где располагается, по обычаю обряда, немного левее балагана; на тургэ ставят хурунгу для саган, тарасун, вино, тарак, са-ламат, амхан, пенку и прочие предметы. За ним сидит сам хунши-нойон, по правую руку от тургэ, и распоряжается тем, что нужно сделать. Отец и

мать шамана и некоторые родные, соседи, приехавшие входят в балаган и сидят там.

Родители и родные молодого шамана в это время дарят собравшемуся народу лишние звериные шкуры и платки. Если молодому шаману в виде подарка пригнали много овец, баранов и коз, то для угощения собравшегося народа колют несколько штук (иногда более десяти) и мясо убитых животных варят в котлах и угощают им гостей, которых собирается со всех концов много. Молодежь занята плясками, играми, борьбой и бегом на конях. Старики и старухи заняты разговорами и пьют вино и тарасун и едят мясо.

Когда отец-шаман, молодой шаман и девять сыновей приедут из лесу с березами, то березы вкапывают в землю по порядку. Перед тургэ, на южной стороне, вкапывают в землю поглубже 9 толстых берез, которые называются ширеями. На каждом из этих ширеев привязывают по одной звериной шкуре: на крайнем правом — заячью, затем по порядку хорьковую, горностаевую, беличью, кунью, маленькой козули, лисью, соболиную, выдровую. На шкурках привязаны белые миткалевые ленты. Все эти березовые ширеи соединяют друг с другом ветвями, чтобы было удобно сесть молодому шаману и они под ним не гнулись. Немного к северо-востоку вкапывают две березки на расстоянии одна от другой примерно в пять саженей. На этих березах натягивают белую волосяную веревку с надетыми на нее тремя кольцами. С этими кольцами играют, бросая их взад и вперед, девять сыновей. Так будто бы играли девять сыновей тэнгэринов. В других местах делают иначе. Начиная от двери балагана вкапывают три березы в юго-западном направлении, на них натягивают волосяную веревку и на нее одевают одно кольцо. К крайней березе привязывают посвященного белого коня молодого шамана. Вокруг балагана натягивают белую волосяную веревку. Это делают для того, чтобы злой дух не вошел в балаган и не повредил молодому шаману, который в это время как маленький беззащитный ребенок находится под покровительством отца-шамана.

В тех случаях, когда, как мы указывали раньше, три кольца надеты на белую веревку, натянутую между двумя березками к северо-востоку от балагана, на юго-западной стороне вкапывают одну березу, коновязь для посвященного белого коня. На шее коня привязан колокольчик со шкуркой горностаевая и с белыми лентами, что называется мошок, по-русски «кисть».

Из одной тоненькой березки делают две простые трости: правую длиной около пяти четвертей, а левую на четыре пальца короче правой. К каждой из них привязываются белые миткалевые ленты, что называется хол уяха, по-русски «привязывать ногу».

Начинают приступать к главному обряду теломытия. Совершают обряд оживления (а мил х а) двух тростей с целью дать тростям жизнь, чтобы на них молодой шаман мог ездить в страну духов; они заменяют ему коня для езды к заянам, перед которыми шаман будет ходатайствовать за живых людей. Отец-шаман, молодой шаман и девять сыновей входят в балаган и берут красную шелковую нитку, которую привязывают одним концом к шапке шамана-отца, а вторым — к шапке молодого шамана. Таким образом, оба шамана соединены красной шелковой ниткой, и это означает пупок ребенка. Молодой шаман в это время представляет из себя ребенка в утробе матери; отец-шаман в данном случае мать, а шелковая красная нитка — пупок, как в призывании:

Улан утахан ума,
Хөхө утахан ху.

Красный шелк — утроба.
Синий шелк — пупок.

После этого молодого шамана усаживают на чистый белый войлок и начинают шаманить. Отец-шаман стоит впереди, а сыновья держат войлок за четыре угла. В таком порядке выходят из балагана на улицу, идут к девяти ширеям и останавливаются у правого ширея на северной стороне. В это время шаманят, призывая покровительницу теломытия заянку Хан-Лухар.

В некотором месте у правого ширея в землю концом втыкают меч. Некоторые злые духи могут проходить под землю, чтобы повредить молодому шаману. Воткнутый в землю меч мешает злому духу. Кроме этого, меч означает сан шамана как военачальника в былое время.

В то время, как часть сыновей шамана держит войлок, другие кладут в привезенную воду богородскую траву. В эту воду окунают пучки связанной соломы и тростников и бьют ими шамана, дают при этом наставления и берут от него клятву, которую молодой шаман повторяет за ними. Когда окончится мытье водою, то молодого шамана на войлоке подносят к правой березе, то есть к ширею, и в это время конец красного шелкового шнура отвязывают от шапки шамана-отца и этот конец привязывают также к шапке молодого шамана. Это означает, что молодой шаман вышел из утробы матери и пупок оторван. Молодой шаман встает на войлоке и затем влезает на первую березу, с которой переходит на вторую и так далее, поднимаясь все выше и выше. В это время на него снизу брызгают воду. Отец-шаман идет впереди и шаманит, а девять сыновей держат войлок под молодым шаманом. Если он сорвется и упадет, то упадет не на землю, а на войлок. Если же он вообще упадет, то это очень плохой признак, — он скоро умрет или будет плохим шаманом. Молодой шаман три раза должен обойти все девять берез, то есть ширеев, и каждый раз подниматься все

выше и выше. На третий раз он останавливается наверху первой березы и шаманит, а потом спускается вниз и встает на белый войлок, который держат сыновья.

Когда молодой шаман слезет с берез, то на них лезут другие молодые шаманы, которые думают делать второе водяное теломытие.

После этого молодого шамана несут к тургэ хунши-нойона. Впереди идет отец-шаман, и все они шаманят в один голос. Они останавливаются перед хунши-нойоном, который в знак своего покровительства подает ему в чашке саган, то есть хурунгу, которую сперва берет отец-шаман и, покапав, пробует, а затем передает молодому, который также пробует и, в свою очередь, передает девяти сыновьям, которые также пробуют. По окончании обычая сагалха чашку с хурунгой возвращают хунши-нойону. Это означает, что молодой шаман дает клятву хунши-нойону в том, что он будет верен своему роду. Все это остаток от прежнего общинного скотоводства, когда родовые представители управляли своим родом; целый род подчинялся такому родовому представителю, в том числе и шаманы. Если взять еще более ранние времена зэгэтэ-аба, то тут председательствовал грозный шаман-галши, которому подчинялись как зэгэтэ-облавшики, так и шаманы, дававшие клятву верности и подчинения.

Затем хунши-нойон подает тарасун, который капают и пьют. Когда кончится этот обряд, то молодого шамана несут в балаган, где ему дают освященные трости, которые он держит в руках, шаманит и соскакивает с войлока на землю. После этого молодому шаману делают жидо. С этого времени он получает право на жидо, то есть он может делать разные религиозные обряды, и, наконец, даже тайлган.

Обыкновенно буряты говорят жидото бө, т.е. «шаман, имеющий жидо». По-настоящему, те шаманы, которые не получили жидо, не вправе делать религиозных обрядов с помощью жидо, а без жидо многие религиозные обряды делать нельзя. Это строго воспрещено.

После этого следуют религиозные обряды как на тайлгане, которые делают одной молочной пищей. Поэтому нет никакой надобности описывать их подробно.

Молодой шаман под руководством отца-шамана совершает обряд, а девять сыновей держат сасал. Когда окончится этот обряд, тогда совершают обряд онго урулха, призывают покровительницу теломытия шамана зайнку мать Хан-Лухар принять жертвоприношение от молодого шамана. Покровительница теломытия приходит в лице шамана, принимает предложенное жертвоприношение, рассказывает о своем происхождении и похождениях и уходит.

Затем частицы от тарака, амхана, саламата и пенки бросают в огонь и разрешают есть; девяти сыновьям в корзинах и чашках передают те же тарак, амхан, саламат и пенку, а также в чашках тарасун и вино, и девять сыновей угощают всем этим хунши-нойона как главу рода. Потом смешанную в корзинах пищу едят сами девять сыновей, и при этом они торопят друг друга, бьют березовыми вениками и друг друга мажут. Все едят молочную пищу и пьют тарасун и вино.

В это время молодой шаман под руководством отца-шамана шаманит в балагане, держа в обеих руках трости, и призывает разных горных старцев, зайнов и небесных онгонов и предсказывает присутствующим будущее. Другие молодые шаманы также шаманят в целях обучения. Также шаманят и старики, показывая молодым, как нужно призывать известных зайнов и шаманить. Так время проводится до вечера и даже шаманят ночью.

После этого религиозного обряда отец-шаман и молодой шаман девять суток должны находиться в балагане, входя в юрту им строго воспрещается. Правило это не касается девяти сыновей, которые расходятся по домам и приходят снова.

Оба шамана девять дней должны выдерживать строгий пост, не есть мяса и молочной пищи. Им разрешается употреблять ржаной хлеб и пить черный чай, а также кипятить в воде ржаную муку. Пить тарасун и вино разрешается.

На третий день после теломытия брызгают тарасун и вино и совершают обряд ворожения: сперва брызгают тарасун и вино хозяину хуна Хун-Саган-нойону и его жене Хормо-Саган-хатан, а затем олово, расплавленное на огне, льют в чашку с тарасуном, сверх которого настланы белые конские волосы. Если олово сольется в одну круглую массу, то это хорошо, а если оно раздробится на несколько кусков, то это плохо.

Все девять дней из соседних улусов собирается народ, пляшет и проводит разные игры, а молодой шаман призывает разных игровых онгонов, заставляя народ играть и плясать. Так проводят все дни.

На девятый день заканчивается пост. В этот день брызгают тарасун и вино: отвязывают белую волосяную веревку, привязанную между двумя берегами; снимают также волосяную веревку, растянутую вокруг балагана и сучат их в одну толстую, длиною около полутора аршин. На обоих концах веревки остаются железные кольца. Из дерева делают деревянную ложку, по-бурятски онгоны халбага, по-русски «ложка онгонов». На этой ложке в два ряда делают несколько углублений; после этого делают маленькую колотушку и маленькие поперечные палочки. С девяти ширеев снимают звериные шкуры,

а с коня снимают колокольчик и шкуру горностая. Все это, а также вылитый хун связывают с тремя березовыми прутьями, на которых были привязаны звериные шкуры и простые трости, и уносят в юрту, где и хранят. На этом кончается обряд теломытия. По приходе в юрту также брызгают тарасун и вино и, таким образом, «выводят» х а р ю р, по-русски «запрещение».

Молодой шаман одаривает отца-шамана подарками, в зависимости от своего состояния, и с вином и тарасуном провожает домой. Теперь молодой шаман делается полноправным шаманом и входит в свою роль. Шаманов, не прошедших этого обряда теломытия, буряты обычно называют ябаган бө, по-русски «пеший шаман».

Можно полагать, что в прежнее время на этот обряд теломытия обращали больше внимания, чем на первое сухое теломытие. Во время водяного теломытия шаман получает девять звериных шкур, дэли, простые трости, меч и жидо. Во время этого теломытия испытывают способности и благонадежность молодого шамана. Если во время испытания молодой шаман оказывается способным и надежным, то тогда ему открывают некоторые шаманские секреты и мудрость, как обходиться с народом. Вообще, еще во времена зэ-гэтэ-аба, галши был очень осторожен в отношении того, чтобы подчиненные шаманы не бунтовали против него и не свергли его с должности. Он испытывал их и брал клятву верности. Кроме того, младшие шаманы должны были подчиняться старшим шаманам или галши так же безответно, как ребенок в утробе матери.

Теперь перейду к описанию третьего теломытия, которое записано со слов шамана Бильчирского ведомства. На третьем теломытии шаманы Бильчирского ведомства получают деревянные конные трости, хэсэ, меч и прочее, а у унгинских бурят они хэсэ не получают. Как у бильчирских, так и у унгинских бурят третье теломытие называется шухан убалга, по-русски «кровавое теломытие». Во время этого теломытия посвящаемый шаман дает клятву на крови.

Шаман, желающий совершить обряд третьего кровавого теломытия, заранее сообщает об этом родным, соседям и знакомым, а также всему обществу. Тогда к назначенному времени общество покупает для обряда теломытия кобылу и вино. Многие буряты, кроме этого, дают шаману денег, овец, тарасун, вино и прочее. К назначенному времени шаман, желающий совершить обряд кровавого теломытия, приглашает отца-шамана, который будет совершать и руководить обрядом кровавого теломытия, и они приступают к подготовительным обрядам, для чего в условленное время отец-шаман приезжает к своему подопечному. К этому же дню собираются родные, знакомые и, вообще, общество. Сперва, как обычно, брызгают тарасун и вино разным

покровительствующим заянам, а после этого посылают в лес опытных стариков, которые, взяв с собой тарасун и вино, приехав в лес, брызгают их и пьют, после чего вырубает 7 березовых тычинок, длиной около одной сажени, и едут обратно домой. Эти привезенные березовые тычины до половины очищают от коры и ветвей.

После этого выбирают девять сыновей шамана, которым одевают белые рубахи и шапки, и одного старика, так называемого хунши-нойона, — на него тоже одевают белую рубаху и шапку. Почти весь этот день проводят в приготовлении к обряду и нужных предметов, брызгают тарасун и вино, а потом на улице, где будет совершаться обряд кровавого теломытия, делают балаган из досок, в котором будут жить шаманы.

На другое утро готовятся ехать по улусам собирать предметы, необходимые для обряда. Для этого едут отец-шаман, посвящаемый шаман и три сына; каждый из них с березовыми прутьями в руках. Перед выездом из дома делают круг по солнцу. Они подъезжают к каждому дому, останавливаются у него и шаманят. В это время выходят хозяева с молочной пищей, то есть хурунгой для сагана, тарасуном и подарками. Шаманы и сыновья хурунгу пробуют, тарасун выпивают, подарки от домохозяина — звериные шкурки, платки или ленты — привязывают к березовым прутьям. Иногда дарят и деньги и сулят привезти овцу или барана. Едут они от дома к дому и, побывав в трех улусах, возвращаются домой.

Затем следует дальнейшая подготовка к обряду теломытия. Берут красную шелковую нитку, которую одним концом привязывают к шапке отца-шамана, а другим — к шапке посвящаемого шамана. Оба шамана, связанные между собою таким образом, выходят на улицу в сопровождении девяти сыновей, верхом отправляются на реку, где брызгают вино и тарасун, бросают в воду медные деньги, а на маленькую березовую ветку привязывают белые и черные миткалевые ленты и втыкают ветку около воды. После этого купаются. В это время конец шелковой нитки отвязывают от шапки шамана-отца и, привязав этот конец к шапке молодого шамана, возвращаются обратно домой и входят в юрту.

Потом готовят к обряду хурай, который делают тарасуном, вином и молочной пищей. Для этого обряда нужны пять звериных шкур и дэрбэлгэ, то есть белая волосяная веревка с белыми и черными миткалевыми лентами. Когда выходят на улицу, то молочную пищу, тарасун и вино кладут на тургэ; перед тургэ кладут чистый белый войлок, на котором устанавливают чашки, корзины и т.п. Перед тургэ в землю втыкают березовые ветви, что тоже называется тургэ. Затем на южной стороне тургэ в землю вкапывают пять бе-

резовых ширеев, на них привязывают по одной звериной шкурке: на первой — зайца, на второй — маленького козла, на третьей — хорька, на четвертой — горноста, на пятой — белки. На этих ширеях натягивают дэрбэлгэ, то есть белую волосяную веревку. На тургэ, на самом почетном месте со стариками сидит хунши-нойон, перед ним в посуде тарасун и чашки. Он изредка пьет тарасун и угощает стариков. Этот религиозный обряд молодой шаман делает своему шаманскому происхождению. Обряд этот так же, как и другие обряды, делается молочной пищей и поэтому я не буду его описывать.

После окончания обряда все уходят в юрту.

На другое утро отец-шаман, новопосвящаемый шаман и пять сыновей, которые держат в руках по одному березовому пруту, выезжают верхом на конях. В этот день они должны побывать в пяти других разных улусах и, объехав их, возвращаются домой. По приезде они купаются, как и в первый день, а потом совершают второй хурай, тоже пятью звериными шкурами, так же, как и в первый раз.

На третье утро шаман-отец, молодой шаман и семь сыновей, держа в руках семь березовых прутьев, опять отправляются для сбора. В этот день они должны побывать в семи отдельных улусах и, когда их объедут, то снова возвращаются домой. По приезде снова купаются и совершают обряд хурай.

В эти дни опытные старики выезжают в лес, взяв с собой тарасун, вино и молочную пищу. Совершив ими религиозный обряд, молочную пищу съедают, а тарасун и вино выпивают. После этого начинают рубить березы для ширеев, из которых один ширей толстый, на котором будет сидеть шаман, а остальные ширеи тонкие; рубят также березу для конных тростей, а потом из толстого дерева осторожно вырезают кусок для хэсэ. Когда все приготовлено, то возвращаются домой. По возвращении домой все привезенные березы, кроме той, которая нужна для хэсэ, кладут, а хэсэ начинают делать — обтягивать кожей без шерсти и сушить. Так же делают тобор, то есть колотушку, — ее обтягивают кожей, с которой шерсть не снимают.

На четвертый день с утра шаманы уже с девятью сыновьями опять объезжают улусы, на этот раз девять, после чего возвращаются домой. По приезде сортируют все собранные шкуры, что нужно для обряда — кладут отдельно, часть оставляют на березовых прутьях, а остальное дарят собравшемуся народу.

В этот день готовятся к самому главному обряду теломытия. Все привезенные девять ширеев вкапывают в землю рядами, а самый толстый — на правой стороне. На этих ширеях привязывают девять звериных шкур: на первом

— заячью, на втором — маленькой козули, на третьем — хорьковую, на четвертом — горностаевую, на пятом — беличью, на шестом полагается только волчья кожа с головы, на седьмом — с головы выдры, на восьмом — с головы соболя и на девятом — я не мог узнать, — шаман отказался говорить и показывать. На этих березах натягивают девять дэрбэлгэ (белые волосяные веревки).

Когда все готово, то выходят на улицу; все нужные предметы: молочную пищу, тарасун, вино и посуду — ставят на тургэ; на правой стороне от тургэ на почетном месте сидит хунши-нойон и перед ним в посуде тарасун. В этот день главный обряд теломытия делают одной кобылой и шестью овцами. Кобылу покупает все общество и дарит шаману, овцы также из подаренных. Потом оба шамана снова соединяются шелковой нитью и с девятью сыновьями едут в кузницу, взяв с собой молочную пищу, тарасун и вино. Приехав, входят в кузницу и на кузнеца одевают белую рубаху, делают религиозный обряд кузнечным заянам молочную пищу, брызгают тарасун и вино. Кузнец кует шаману кольца для дэрбэлгэ, холбого, копье, маленький меч, стремена, удила и прочее для конных тростей. Когда все готово, то они забирают это и едут на реку и купаются там, а новопосвящаемый шаман даже моет своего коня.

Вернувшись домой, приступают к главному обряду. В воду, привезенную из ключа, кладут богородскую траву и освящают. Оба шамана шаманят, призывая покровителя теломытия шамана зайна-отца Хухар и его жену — мать Хухар.

Из этого мы видим, что у бурят Бильчирского ведомства хозяин теломытия шамана не женщина, как у унгинских бурят, а мужчина — отец Хухар.

В это время посвящаемому шаману подводят кобылу, купленную обществом, которую шаман колет мечом прямо в грудь и убивает, а кровью ее мажет себе глаза, уши, нос и рот. Это означает, что у него открылись духовное зрение, слух, обоняние и прочее, чтобы узнавать духов и говорить с ними. После этого он пьет кровь и дает присягу.

Посвящаемого шамана усаживают на войлок, который держат девять сыновей, а в это время один человек со стороны его правой руки держит хэсэ, другой — тойбор, третий — конные трости, четвертый — меч и копье, а пятый — прочие священные предметы. Сам посвящаемый шаман, сидя на войлоке, держит в каждой руке по конной трости. Отец шамана идет впереди, за ним несут на войлоке посвящаемого шамана, а вокруг них идут те, кто держит священные предметы. Так они обходят три раза вокруг тургэ и после этого подходят к северной стороне ширеев и там останавливаются, где посвящаемый

мого шамана моют чистой освященной водой и говорят ему, что нужно делать шаману, а он это повторяет. Потом посвящаемого шамана на войлоке несут к правому ширею. Он, шаман, встает на войлок и с него влезает на березу, то есть на вершину ширея, шаманит там некоторое время, спускается вниз, опять встает на войлок и его подносят на тургэ хунши-нойона.

С заколотой мечом кобылы снимают шкуру, как на тайлгане, и колют еще 6 других овец; мясо их варят в котлах так же, как на тайлгане.

Потом посвященный шаман, держа в руках трости или хэсэ, шаманит, в это время бьет в хэсэ.

Далее обряды те же, что и на тайлгане, поэтому описывать их не буду.

На это теломытие собирается множество народа. Молодежь обоего пола пляшет и устраивает разные игры, а молодые шаманы шаманят. Так проводится этот день.

На пятый день устраиваются гулянье и религиозные обряды. Шаманы шаманят для народа, который смотрит; старики и старухи угощаются, а молодежь опять пляшет и устраивает игры.

После этого делают зули татха, то есть с ширеев снимают белые волосяные веревки и сучат одну толстую. Старики помогают посвященному шаману привести в порядок все шаманские принадлежности.

Иногда эти торжества продолжаются девять дней, после чего все шаманские предметы переносятся к нему в юрту. Отца-шамана с подарками провожают домой.

ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ ШАМАНОВ И ШАМАНОК

Когда разговариваешь со стариками-бурятами о прежних шаманах и шаманках, то они обыкновенно восхваляют их так, как будто бы они обладали какими-то таинственными силами, могли обращаться в разных животных и знали прошлое и будущее. Нынешние же шаманы и шаманки все позабыли и не знают ничего, как обычные простые люди.

При вопросе, какими же таинственными силами они обладали, старики-буряты обычно начинают перечислять следующие особенности старых шаманов и шаманок:

1. Некоторые из них могли проколоть насквозь свое тело косой, ножом или мечом и при этом двигаться и шаманить, как будто с ними ничего не произошло.

2. Некоторые могли отрезать себе голову, поставить ее на столб или еще куда-либо, а сами ходили и делали что-нибудь.

3. Иные, едучи верхом на лошади, отрежут себе голову и поставят сзади себя на седло. Затем, взяв отрезанную голову, поставят ее на место, опять станут с головой и говорят как обыкновенные люди.

4. Некоторые большие и черные шаманы и шаманки разрезают себе брюхо, вынимают кишки, мотают их руками, затем кладут их на место, по разрезу проведут большим и указательным пальцами и произносят заклинание. После этого брюхо заживает и его не отличишь от прежнего.

5. Черная шаманка онгоевская бабушка Туда разрежала себе живот, вынула изнутри трехмесячного ребенка и зарыла его в очаге, послед положила на дверь, затем оторвала свою голову, поставила ее к себе на колени и начала искать вшей.

6. Другие большие шаманы и шаманки, бывало, разрубят друг друга мечом на две части, от головы до промежности, и скачут на одной ноге. После этого опять соединяются в одно целое.

7. Иные шаманы и шаманки берут кол, протыкают им себя насквозь и в таком виде едут верхом. У иных клыки вырастут изо рта наподобие клыков собаки. В таком страшном виде они и ходят. У иных на плечах вырастает по целому дереву и в таком виде они также ездят верхом. Многие большие и чер-

ные шаманы превращаются в различных зверей, птиц, змей, лягушек и прочее, — это зависит от того, какое у них шаманское происхождение. А каждое шаманское происхождение считается от какого-либо животного. Например, онго-хортуды обращаются в медведя и изо рта, носа, ушей и пальцев у них выходят змеи; тарасинские ахануты превращаются в волков, орлов, гусей и верблюдов. Другие большие шаманы обращаются в рыб, коров и также верблюдов как хурагшаны. В других животных, от которых они не происходят, они превращаться не могут. Прежние большие шаманы обыкновенно также ездили на животных. Например, онго-хортуды ездили на медведях, а с собою на поводу водили льва; шаманы же другого происхождения ездили на сохатых, изюбрях, верблюдах, порозах и пр. Некоторые большие шаманы, бывало, сядут на сани или в телегу без коня, пошаманят, свистнут и едут куда им угодно. Некоторые большие шаманы также, когда гуляют в образе людей и им не хватает тарасуна или вина, воткнут в дерево или в стену нож, а затем выдернут его обратно и из этой щели вытекает тарасун или вино, которое можно набрать в посуду и пить как обыкновенное.

Вот что рассказывают о прежних шаманах старики и старухи. Они уважают их за их знание и силу и вместе с тем боятся, ибо шаманы эти вредят людям как представители злых и черных зайнов.

Действительно, прежние шаманы и шаманки знали много разных секретов и фокусов, которые они держали в тайне и передавали по наследству только шаманам одного с ними происхождения, скрывая от других, а тем более от нешаманов. Мне кажется, что многие из этих секретов и фокусов заключались в воздействии на органы чувств, например, на слух, на зрение, но я не берусь давать пояснения. Когда соберется достаточно материалов, пусть это рассмотрят и разберут ученые-специалисты.

Интересно узнать, почему прежние шаманы и шаманки превращались в разных животных, ездили на них, подражали крикам животных и птиц, а также ознакомиться с их простейшими секретами и фокусами.

Для этого нужно обратиться к давно минувшей зэгэтэ-аба и ее руководителям, шаманам и шаманкам, в руках которых было управление ею и которые держали в своих руках простых зэгэтэ-облашников.

Во время зэгэтэ-аба главным начальником и управляющим ею был верховный шаман-галши, имевший помощников шаманов и шаманок, вместе с которыми он совершал религиозные обряды. Они одевались в священную одежду оргой, надевали священную шапку мяхабши, в руках держали

хэсэ и тойбор или конные трости, надевали на себя все символические предметы и шаманили, совершая религиозные обряды в честь какого-либо покровителя, заяна или тэнгэрина, чтобы его умилоствить и предохранить зэгэтэ-облавшиков от зла и болезней.

Рассмотрим кратко священное одеяние шаманов и, в первую очередь, священную шапку мяхабши, которая имела наверху рога, птиц или каких-либо животных.

Для этого нужно сперва объяснить слово мяхабши, происходящее от слова мяха. Мяха — это кожа с головы животных. Когда буряты режут на мясо крупный домашний скот, то иногда голову оставляют с кожей. Кожа, снятая с головы, впоследствии называется мяха. Иногда буряты снимают с животного всю кожу, не оставляя ее на голове. Тогда это называют мяхалха, т.е. «снять всю кожу», включая и голову. Иногда это называется также мяхабшияха или мяхала.

Нынешние буряты, снимая шкуру с волка, снимают ее целиком. Из шкуры шьют доху, а из кожи головы делают шапку, называемую мяха малга. Буряты-таежники, охотники на зверей, иногда шьют себе шапки из головных кож разных животных, считая, что мяхай помогают им обмануть зверей, так как зверь их не примет за человека. Иногда эти шапки делают с рогами. По-видимому, ранее все зэгэтэ-облавшики имели такие шапки, они являлись признаком охотничьей сноровки и храбрости. Наверное, и нынешние буряты заимствовали шапку мяха от своих древних предков.

Шаманский головной убор или священная шапка мяхабши до сих пор сохранила свое первобытное название, что подтверждается народными преданиями и шаманскими призываниями и, кроме того, самим устройством шапки, имеющей железные рога оленя, изюбря, овцы и других. Кроме того, к мяхабши на железных цепочках прикрепляются символические изображения тех животных, от которых ведется шаманское происхождение, хотя это может быть и позднейшего происхождения, то есть с периода скотоводческого образа жизни бурят.

Эти отличительные признаки происхождения на шапке передавались из поколения в поколение по наследству, но только по линии одного и того же шаманского происхождения и его отличительных священных принадлежностей: хуруг, зураг и прочих.

Перейдем к рассмотрению священных одеяний, так называемых оргой, разделяющихся на несколько степеней в зависимости от сана шамана. Самый высший оргой назывался ехэ оргой, то есть по-русски «большой оргой». Из народных преданий следует, что прежние оргой шились из кож больших животных длиной выше колена. На оргой нашивались железные пластинки

с символическими изображениями животных и человеческими фигурками. Этот оргой подпоясывался железным поясом. Старинные боевые оргои во время военных действий заменяли боевые доспехи.

Из народных преданий и шаманских призываний мы узнаем, что шаманы или превращались в животных, изображенных на их одеяниях, или ездили на них, а это имело большое значение во время зэгэтэ-аба, когда шаман-галши и другой высший шаман, обратившись в какое-либо животное, в ночное время являлся перед зэгэтэ-облавщиками и ревом предупреждал их о своем присутствии, о грозящей опасности, или о нападении на кого-либо провинившегося, то на зэгэтэ-облавщиков это наводило панический страх, и они трепетали перед могущественным шаманом, превратившимся в зверя, и могущим растерзать и съесть виновного.

Оргои бывали нескольких видов: как уже было указано выше, военные оргои-доспехи; оргои символические, которые одевались во время обычных обрядов, и оргои секретные, одеваемые во время ночных камланий, обращения в животных и т.п.

Военные оргои одевались во время военных действий для защиты от неприятельских стрел и копий, так как шаман, будучи одновременно военачальником, руководя военными действиями, должен был находиться в первых рядах сражающихся и подавать им пример своей храбростью.

Символические оргои нужны были во время различных религиозных обрядов, фокусов и т.п., чтобы устрашать простых зэгэтэ-облавщиков и держать их в полном повиновении. Этот символический (священный) оргой видоизменялся до наших дней под влиянием изменения образа жизни бурят, а боевой оргой исчез и о нем сохранились лишь народные предания и упоминания в шаманских призываниях.

Символические оргои у разных шаманов были разные, в зависимости от происхождения того или иного зверя или птицы. Их одевали во время торжественных религиозных обрядов и они производили большое впечатление на зэгэтэ-облавщиков. Сделать оргой из орлиной кожи было делом нелегким. Кожу снимали вместе с крыльями очень осторожно и высушивали.

Уделим несколько слов прочим шаманским принадлежностям — хэсэ, конным тростям и прочему.

Хэсэ имеет значение символического коня, на котором шаман может ездить по земле и может подняться на небо. Хэсэ во время военных действий служил щитом, и ударами хэсэ давали различные сигналы: тревоги, предупреждения, призывы к нападению и т. п., то есть хэсэ был сигнальным инструментом.

Конные трости или человеческие трости означали сан шамана. Чем выше по сану был шаман, тем больше получал он от зэгэтэ-облавщиков коней и рабов. Низшие шаманы ни коней, ни рабов не получали и назывались поэтому ябаган-бө, то есть «пешие шаманы», или жодо угэй бө, по-русски «шаман без жодо», иначе шаман, не имеющий права получить от общества зэгэтэ-облавщиков коня, рабов и т.д.

Теперь кратко скажу о посвящении шаманов и шаманок в высший шаманский сан и о получении ими шаманских предметов культа: конных и человеческих тростей, права на коновязь, знамя, хэс и пр., а также священных одеяний, мяхабши, оргоев.

Все эти священные и символические предметы шаманы получали не сразу, а постепенно. На низшей ступени посвящения — хура убалга — священные одеяние и символические предметы не давались, посвященные получали лишь некоторые права в зэгэтэ-аба. При посвящении на более высокую ступень шаман получал право ми на ши, — в знак власти ему давали кнут для верховой езды и, подняв на звериной шкуре, носили на руках, чтобы каждый зэгэтэ-облавщик знал его и подчинялся ему.

Новопосвященный шаман влезал на дерево и там шаманил, после чего спускался на звериную шкуру, на которой его и носили. Во время посвящения шаман получал звериные шкуры, но число их по народным преданиям и по нынешним шаманским посвящениям определить трудно, тем более, что нынешние шаманские посвящения сильно изменены и сокращены.

В третьем посвящении новопосвященный шаман получал право на шу-хур жодо, то есть мог совершать некоторые простые религиозные обряды. Хотя нынешние шаманы уже в третьем посвящении получают полное жодо, но это неправильно, а сделано просто во избежание лишних расходов. В третьем теломытии (посвящении) шаман получал от общества зэгэтэ простые трости, — значит, он получал раба, но коня еще не получал.

В четвертом посвящении, которое называется «кровавым теломытием», шаман давал присягу на крови. Из преданий и шаманских призываний неясно, давал шаман присягу на крови животного или птицы. В период зэгэтэ-аба обычай строго соблюдался, и за нарушение присяги виновный преследовался. В этом четвертом посвящении новопосвященный получал все права шамана и от общества зэгэтэ-облавщиков — коня и рабов.

При общем разделе добычи ему выделялись и мясо, и звериные шкуры. Он также получал право совершения некоторых религиозных обрядов. Во время четвертого посвящения новопосвященный торжественно, под руко-

водством отца-шамана в первый раз как полноправный шаман-начальник выезжал верхом на коне и принимал команду над своим отрядом, и первый раз кричал, подражая крику зверя или птицы. Этот обряд торжественного выезда сохранился в обряде теломытия аларских шаманов и шаманок. После четвертого посвящения зэгэтэ-облавщики смотрели на него как на руководителя во время зэгэтэ-аба и военных действий.

Затем следовали высшие — пятое, шестое, седьмое, восьмое и девятое посвящения, при которых шаманы получали хэсэ, мяхабши, оргой и прочие символические предметы и принадлежности. Чем выше было посвящение, тем торжественнее и продолжительнее оно совершалось и длилось до девяти дней. Все это впоследствии было сильно упрощено и сокращено в целях экономии, так как проведение таких торжеств требовало очень больших расходов, как для совершения самого религиозного обряда, так и для угощения народа. Не всякий шаман и общество были в состоянии справиться с такими расходами, тем более, что со временем шаман потерял свое значение военачальника, а часть обрядов была позабыта.

Ныне опишу кратко, как добивались ранее буряты, имеющие шаманское происхождение, шаманского сана. Имевший шаманское происхождение со стороны отца, деда и т.д., либо со стороны матери, бабушки и т.д., имел право сделаться шаманом и добивался осуществления этого права. Это доказывает, между прочим, и народная пословица: «зүрхэлхэнтүн, бө болхо», по-русски: «кто старается, тот делается шаманом». Молодые люди, имевшие на это право, старались стать шаманами, чтобы получать увеличенный пай мяса и звериных шкур, пользоваться общественным конем и рабом и иметь влияние на зэгэтэ-облавщиков, но не каждому это легко удавалось. Добиться шаманского сана было трудно, особенно тем, кто был беден и не имел поддержки. Особенно это касалось посвящения в высшие шаманские саны.

Наоборот, дети высших шаманов и главного шамана-галши посвящались в шаманы легко и без особого труда достигали высших ступеней посвящения. Из старинных народных преданий и призываний мы узнаем, что даже 7- и 9-летние мальчики и девочки посвящались в высшие степени и получали хэсэ, оргой, мяхабши и прочие символические принадлежности. Эти счастливицы с малолетства и без труда пользовались уважением со стороны зэгэтэ-облавщиков и имели власть над ними. Дети же низших шаманов и простых зэгэтэ-облавщиков, с трудом попав в шаманы, продвигались вперед лишь после продолжительных и настойчивых стараний. Эти молодые люди должны были отличаться храбростью во время военных действий и зэгэтэ-аба, иметь физическую силу и ловкость, быть хорошими наездниками и стрелками из лука,

знать особенности своего шаманского происхождения и призывания высших заянов, хатов и тэнгэринов. Они должны были также долго упражняться в шаманских мистериях, в изменениях интонации голоса, в различных телодвижениях, прекрасно лазать по деревьям и прыгать с дерева на дерево. Все это достигалось после длительных и настойчивых упражнений. В старинном шаманском призывании говорится, что прежние шаманы перед тем, как стать шаманом, «сохли как лучина» и «высыхали как кол»: «шоренного дөне ши-нэхебди, хабшилга бөтө харалабди».

После того, как молодой человек, приобретя все перечисленные выше достоинства, уже пользовался уважением со стороны зэгэтэ-облавщиков, тогда через подарки, просьбы и поклонения галши и других высших шаманов он получал разрешение на посвящение, к которому и приступали под руководством опытного шамана, которого угощали и одаривали.

Посвящение молодых людей производилось частично за счет общества зэгэтэ-облавщиков и частично за счет посвящаемого. Посвящение начиналось совершением обрядов на дому посвящаемого, которые осуществлял приглашенный отец-шаман. После этого они переносились наружу, в особый балаганчик, устроенный зэгэтэ-облавщиками, в котором посвящаемый вместе с отцом-шаманом должен был пробыть, постясь по 9 дней и ночей, в продолжении которых отец-шаман его испытывал. Если он показывал себя надежным, то ему открывали некоторые секреты и фокусы его сана. Во время религиозного обряда новопосвященный шаман давал присягу главному шаману-галши и другим высшим шаманам и после этого лез на дерево, совершая по солнцу 3, 4, 5 или 9 кругов, причем должен был делать это быстро и ловко. Долезши до вершины, он останавливался, шаманил, а затем быстро и ловко поворачивался вниз головой и спускался вниз. Если вновь посвящаемый шаман падал с дерева, то это означало, что высшие силы им недовольны и в шаманы не принимают.

После посвящения новопосвященный шаман опять девять суток находился с отцом-шаманом в своем новом балагане и подвергался опять испытанию на надежность и преданность. В этом посвящении вновь посвящаемый получал уже полные права шамана с полным жидо, что сопровождалось получением и рабов, и признавался надежным и преданным, и ему открывали, в соответствии со ступенью его посвящения, секреты и фокусы, и учили, как шаманить и приходить в экстаз.

В продолжение 9 суток новый шаман каждый день шаманил в торжественной обстановке, будучи уже в шаманском одеянии с мяхабши на голо-

ве. Верхом на коне, находясь под руководством отца-шамана, он объезжал вокруг своего отряда облавщиков, крича при этом голосом зверя или птицы. Чем этот крик был громче и более схож с криком изображаемого им зверя или птицы, тем большее впечатление он производил на облавщиков, которым он демонстрировал свое умение использовать таинственные силы и превращаться в животных или птиц. При объезде новопосвященным шаманом своего отряда облавщиков его коня вели под уздцы два жолоши, так как руки его заняты были священными предметами — хэсэ и тойбор. Вообще, во время таких торжественных объездов коня водили под уздцы и даже подсаживали на коня, так как священная одежда мешала ему сесть на коня самому.

Надо отметить, что некоторые молодые новопосвященные шаманы, наиболее смелые и предприимчивые, делались жертвами зависти высших шаманов. В одну прекрасную ночь он оказывался мертвым. Это объяснялось тем, что какой-нибудь грозный заян оказывался им недоволен и застрелил его ночью из лука.

В те отдаленные времена буряты зэгэтэ-облавщики были очень просты, верили учениям и наговорам своих начальников-шаманов, которые их поучали, что когда шаман шаманит и приходит в экстаз, то в это время в него входит дух-заян. Как душа человека во время его сна выходит из него и странствует по земле, а после этого возвращается в тело, так и дух-заян входит в тело шамана и заставляет его шаманить и говорить. Некоторые молодые шаманы, когда в их тело входит какой-либо большой заян, не выдерживают этого и даже падают в обморок. Придя в себя, он встает и от лица пришедшего к нему и вошедшего в него духа-заяна начинает говорить, т.е. дух-заян рассказывает свои похождения и разные приключения в жизни, хвастает своими особыми силами, а затем начинает предсказывать облавщикам будущее, дает наставления и кончает добропожеланием.

Таким образом, при торжественном выезде новопосвященного шамана, когда он шаманил и приходил в экстаз, то простые зэгэтэ-облавщики видели в нем уже не шамана, а покровительствующего им духа-заяна, перед которым они трепетали и благоговели и сами как бы приходили в экстаз. Им начинало казаться, что перед ними действительно покровительствующий им дух-заян, говорящий устами шамана, дающий советы, предупреждающий о грозящей им опасности.

Так простые и доверчивые зэгэтэ-облавщики верили учениям и различным обманам своих начальников-шаманов, которые путем этих обманов держали их в строгом подчинении и эксплуатировали их.

Нынешние буряты убеждены, что духи-заяны входят в тело шамана и вещают через него. Поэтому буряты говорят, что когда шаман приходит в эк-

стаз, то это называется онгон оро, по-русски «онгон вошел», то есть в тело шамана вошел дух-заян.

Примером такой веры может служить следующее: когда нынешний шаман, начав шаманить, призывает сердитого горного старца Мура Хара Махулая, то после его высказываний, перед своим уходом этот горный старец через шамана ударяет кулаком о столб юрты или стену. Иногда шаман вместо удара по столбу или стене ударяет по кому-либо из сидящих, но вины шамана в этом случае нет, так как просто горному старцу Мура Хара Махулау пришла фантазия перед уходом ударить кого-либо.

Все эти обычаи и вероучения прежних шаманов-начальников до сих пор сохранились в среде бурят в виде разных народных преданий, поверий, поговорок, шаманских призываний, религиозных обрядов и т.п. Все это остатки видоизмененных верований и обычаев зэгэтэ-облавщиков, которые перешли к их потомкам через длинный ряд поколений. За этот длинный период времени образ жизни бурят постепенно изменялся, началось соприкосновение с другими народами, от которых буряты перенимали нравы и обычаи. Таким образом, первобытная вера и обычаи постепенно изменялись и делались мягче.

Если даже нынешние буряты считают, что в момент экстаза действует не сам шаман, а вошедший в него и говорящий его устами тот или иной дух, то, безусловно, для предков бурят — зэгэтэ-облавщиков это было вне всякого сомнения. Из этого, естественно, вытекало, что шаманы во время камланий, в моменты экстаза не отвечали за свои поступки, ибо действовали не они, а вошедшие в них духи. Действия шамана были бессознательны, они только подчинялись духам-заянам.

Такое вероучение и убеждение было для шаманов очень выгодным и важным и имело громадное значение для обыденной жизни зэгэтэ-облавщиков и для управления ими, оно открывало широкое поле действий для безнаказанного злоупотребления доверием и любовью народа в личных корыстолюбивых целях.

Теперь несколько слов уделю посвящению главного шамана-галши; на эту должность посвящали или высшего шамана-начальника или молодого шамана по праву наследства. Посвящение это делалось в торжественной обстановке за счет всех зэгэтэ-облавщиков. Все высшие шаманы-начальники и низшие шаманы, одев священные одеяния, совершали непрерывные религиозные обряды разным покровительствующим тэнгэринам, хатам и заянам и просили их покровительства новому главному шаману-галши и защиты его от злых духов. После этих религиозных обрядов они приготавливали все необходимые священные и символические предметы и одеяния: священный боевой

оргой, символический большой оргой, мяхабши, хэсэ и пр. Одев на себя священный оргой и шапку, взяв в руки хэсэ и тойбор, новопосвящаемый главный шаман садился верхом на коня, которого за поводья держали два жолоши, а остальные рабы несли прочие священные предметы. Впереди ехал знаменосец (тугши).

В сопровождении низших и высших шаманов, которые также были верхом на лошадях в соответствующих их сану одеяниях и также держали в руках различные предметы, галши и вся эта толпа выезжали к зэгэгэ-облашцикам.

Само собою разумеется, что это сборище, разнообразно одетое, имевшее устрашающий вид из-за мяхабши, сделанных с рогами различных животных, с крыльями птиц за спиной, производящее шум и призывания, сильно действовало на простых облашциков и казалось им сонмом различных духовзаянов и хатов, под предводительством какого-то грозного тэнгэри-небожителя явившееся для совершения торжественного религиозного обряда посвящения своего избранника.

Новопосвященный главный шаман-галши шаманил и приходил в экстаз, а зэгэгэ-облашцикам представлялось, что избранник заянов, хатов и тэнгэринов их устами предрекает им их дальнейшую судьбу и будущие удачи в жизни.

Затем начинались угощения народа, разные игры и танцы, которые продолжались 9 суток и во время которых новый избранник под руководством наиболее опытных и старых шаманов упражнялся в искусстве приходить в экстаз и действовать на массу.

По истечении девяти суток эти торжества оканчивались и новый главный шаман переходил к обыденному образу жизни.

Таково вкратце описание посвящения.

Встает вопрос: были ли у шаманов, помимо вышеописанных одеяний и символических принадлежностей, еще и маски? В старинных народных преданиях прямых подтверждений этому не встречается, но есть некоторые косвенные доказательства этого.

В числе онгонов у бурят Нельхайского ведомства Халгинского рода есть основной онгон, называемый Бөртө-онгон или Бөрөтө өбөгөн, который представляет из себя деревянную человеческую голову с носом, ртом и глазами. Над глазами сделаны брови, во рту кусок жира, на верхней губе усы и, кроме того, имеется борода, но это лицевая сторона, а на обратной стороне она порядочно выдавлена. Если этого онгона Бөрөтө показать незнающему человеку, то он скажет, что это безобразная маска, неумело сделанная из дерева. Из преданий и шаманских призываний видно, что онгон Бөртө привезен сюда

шаманом Хортоном из Монголии. Кроме этого онгона, других онгонов у балаганских бурят нет. Можно предположить, что когда-то, в давно минувшие времена, онгон Бөртө был шаманской маской.

Кроме того, у забайкальских шаманов и в шаманских местах сохранились медные шаманские маски, которые ими одевались во время мистерий.

У бурят Балаганского уезда есть так называемый Абагалдай или Анахай, о котором нынешние буряты ничего не могут рассказать, только представляют его себе чем-то некрасивым и страшным. Увидев что-либо некрасивое и страшное, они говорят: «Страшен и некрасив как Абагалдай или Анахай», а некоторые представляют себе Абагалдая как страшного и некрасивого злого духа (Анахай идег — «пусть съест Анахай!»). Может быть, в старину Абагалдай (или Анахай) был шаманской маской, также одеваемой во время мистерий. Если наши предположения правильны, то можно думать, что во время мистерий шаман, помимо облачения в оргой, мяхабши и прочее, одевал еще и маску, выходил в таком виде к облавщикам, которые смотрели на него уже не как на замаскированного шамана, а как на какого-либо зайа, пришедшего на шаманское призывание.

Если среди зэгэтэ-облавщиков возникали какие-либо волнения и ропот на шаманов-начальников, то пришедший заян указывал на виновного, которого строго наказывали. Иногда, одев оргой из медвежьей шкуры, снятой целиком со зверя, шаман, придя в экстаз, бегал на четвереньках как настоящий медведь и в таком виде набрасывался на виновного, подлежащего наказанию. Облавщики же считали, что в этом случае опять же виновного назвал какой-то дух, а сам шаман здесь ни при чем. Наказание совершается по воле духов, являющихся защитниками шаманов.

Кроме медвежьего оргоя, имелись, по-видимому, и оргой из шкур других животных. У кудинских бурят Иркутского уезда есть волчий онгон, которого призывают в числе других вечерошних онгонов. Когда шаман призывает волчий онгон (ш о н ы онгон), который приходит и входит в шамана, то шаман падает, становится на четвереньки и воет по-волчьи, а потом уходит. У унгинских бурят и других бурят Балаганского уезда волк считается собакой западного хата. Когда волк голоден, то воет, прося есть у западного хата, который ему и указывает, где можно добыть пищу. Волк этого указанного давит и ест.

У бурят Балаганского уезда есть такие поверья, что душа человека, преследуемого духами, обращается в волка, медведя и других животных. Если такое животное догнать и убить, то кто-нибудь умрет, потому что душа такого человека поймана. Если гонимый во время облавы волк забежит к кому-нибудь во двор, то это считается худой приметой. Также считается худой приметой,

если какое-либо животное забежит в улус или во двор бурята. Убить такое животное многие считают за грех. Такое поверье сохранилось с тех пор, как шаманы, одев звериный оргой, бегали по стану зэгэгэ-облавщиков и считались воплощением зайнов. Со временем, под напором новой жизни и медленно продвигающейся культуры, эти поверья исчезнут совсем.

Снятие или отрезание головы прежними шаманами и шаманками объясняется очень просто. Одев тот или иной оргой и сверху мяхабши, они снимали мяхабши и маску, ставили ее куда-либо и сами ходили и делали все как обычно, а облавщикам на расстоянии казалось, что их начальники сняли голову и ходят без нее.

Хөбтө тоже делалось просто. На оргоях были мечи и ножи, которыми шаманы и шаманки себя будто прокалывали.

Эти фокусы держались в тайне от простых облавщиков, посредством их облавщиков держали в строгом подчинении, а виновных строго наказывали от имени зайнов, хатов и тэнгэринов.

ДУША

По мнению бурят, человек без души не может жить; у каждого человека есть душа, которая невидима, находится в теле человека, по желанию своему может оставлять тело и опять возвращаться в тело. Душа совершенно отделена и независима от тела, невидимое и воздушное существо, которое имеет все духовные способности и недостатки человека. Она вполне может жить без тела, но только в первое время сильно жалеет и скучает о потерянном теле. Душу эту можно видеть. Есть люди, которые ее видят. Душа временно оставляет тело во время сна, странствует по земле по разным местностям, бывает в стране духов, там видит разные вещи и самих духов, с которыми разговаривает и узнает от них о настоящем и будущем. Через некоторое время душа возвращается в тело, и человек пробуждается от сна. Все, что душа видела, о чем разговаривала и прочее, она помнит, — иногда отчетливо, иногда не совсем ясно. Это странствование души во время сна буряты и называют сном — зудхи, а снам буряты верят.

Иногда душа оставляет свое тело против собственного желания, например, когда человек сильно испугался, то душа выскакивает из тела и убегает.

Человек остается без души и в первое время не замечает, что у него душа выскочила и убежала. Иногда духи-заяны силой выгоняют из тела человека душу, которую они ловят и уводят.

Душа у человека бывает с самого рождения: души маленьких детей также малы: как растет дитя и постепенно делается сознательным, точно также постепенно растет и делается сознательной его душа; у молодых людей и души молодые, у пожилых — пожилые, у стариков и старух и души старые; у умного человека и душа умная, у глупого она глупая; у сердитого и душа сердитая, у смиренного и хорошего и душа смиренная и хорошая; у хромого и душа хромая; если у человека есть на теле какой-нибудь знак, то и его душа имеет такой же знак. Одним словом, душа — вылитый и подлинный двойник человека во всех отношениях: умственном, нравственном и физическом. В каком одеянии ходит человек, — в таком одеянии ходит и его душа, как человек живет в обыденной жизни, так же живет и его душа.

Выше было сказано, что когда человек сильно испугается, то его душа выскакивает из тела и убегает. В таких случаях душу приглашают войти в тело обратно. Если душа не хочет войти в свое тело, то прибегают к домашним средствам, а если это не помогает, то обращаются к шаману, который религиозным обрядом приглашает душу войти в тело. Если душа заупрямится и не войдет обратно в тело, то человек постепенно начинает худеть, делается больным и, наконец, помирает. Человек без души сперва обыкновенно делается вялым и сонливым, ему постоянно хочется спать. Человек без души не может жить и, следовательно, тело вполне зависит от души.

Душа, вышедшая из тела и не возвратившаяся в него, отчуждается, постепенно уходит далее и превращается в духа.

Души маленьких детей, от испуга вышедшие из тела, иногда забиваются куда-либо в постройку, сидят там и играют чем-нибудь. Ребенок делается больным и сонным. Над такими детьми нужно сделать обряд хурулха, душа ребенка возвращается обратно, и он выздоравливает.

Когда духи и заяны выгоняют душу человека из тела, то они стараются поймать ее и увести с собой. Выгнанная из тела душа убегает от своих преследователей и старается укрыться куда-либо, чтобы духи-преследователи ее не поймали. Иногда ей это удается. Пойманная же душа старается отбиться, убежать и плачет так, что живые люди ее слышат и даже по голосу узнают, мужчина это или женщина, маленький или большой, и узнают по голосу, чью душу поймали.

Пойманную душу духи или заяны держат крепко или запирают в темнице, чтобы она не могла вернуться в свое тело. Человек без души умирает, то есть, таким образом, духи умерщвляют человека, как живые люди убивают жертвенных животных. Дух убивает больных людей следующим образом: палочкой, обожженной с обоих концов, прокалывает человеку брюхо немного ниже груди; в эту дыру вкладывает руку, которою разрывает грудобрюшную преграду и отрывает затем от сердца аорту. Вследствие этого человек умирает. Это называется ами тахалха, по-русски «отобрать жизнь». Когда человек умирает, то буряты говорят: ами гара — жизнь вышла или ами гэгэ — жизнь потеряна. Амин — жизнь или дыхание, амитхаха — дышать.

Когда человек умрет, то душу духи освобождают, и освобожденная душа возвращается обратно домой, но не может войти в тело и жить в нем снова, потому что тело стало неживым, бездыханным. Душа только смотрит на тело и не верит, что оно умерло, все ей кажется, что оно живо и восстанет, как ото сна. Духи, чтобы доказать душе смерть ее тела, заставляют душу умершего человека наступить на пепел домашнего очага. Душа наступает и на пепле не

остается следов. Через три дня душа убеждается, что ее тело умерло, уходит с прочими духами и сама делается духом.

Загробная жизнь только в некоторых отношениях и немного отличается от действительной жизни живых людей, а в других почти не отличается от жизни бурят. Духи живут в невидимом мире, то есть в стране духов, так же, как и живые люди. Отличие загробной жизни от жизни действительной состоит в том, что у людей одежда изнашивается, орудия и сбруя на лошадях также изнашиваются, а в загробной жизни этого нет. Взятая при похоронах пища не истощается. Вследствие этого буряты на своих покойников одевают хорошую одежду, дают им с собой пищу: мясо, чай, сахар, табак, деньги, вино и тарасун, оседланного и ввзданного коня. По мнению бурят, душа умершего человека ходит на том свете в том самом одеянии, в котором он был похоронен, ест ту же самую пищу, которую ему дали с собой, и ездит на том самом коне, на котором его похоронили. Буряты стараются, чтобы душа покойника явилась на тот свет прилично и угостила всех своих родных и родственников, соседей и знакомых, которые умерли ранее.

Когда человек умирает, то души всех прежних покойников — родных, знакомых, соседей, узнав о новом покойнике, радуются, что человек умер, собираются в дом покойника, окружают его душу и пируют. Если покойник был богатым человеком, то колют большую и жирную кобылу и покупают много вина. Живые люди на похоронах едят мясо и пьют вино, духи тоже окружают покойника и тоже пируют. Чем покойники богаче, тем более богатые духи и собираются, то есть души богатых людей; если покойник бедный, то духов собирается мало и это души бедняков, которые ограничиваются тем, что дано на похоронах бедному покойнику. Вследствие этого даже крайне бедные буряты стараются дать что-нибудь покойнику, то есть купить вина и прочего.

Следовательно, загробная жизнь зависит от жизни живых людей. Если покойник был богат и знатен между своих сородичей, их родоначальников или из шаманов, то он и в загробной жизни пользуется тем же положением и почетом; если он был беден и похоронен без коня, то и в загробной жизни душа его бедна, в худом одеянии, без коня и во всем нуждается, то есть и в пище, и в одежде.

Духи харьяма ханы — это души самых бедных; как при жизни они нуждались и голодали, так и их души голодны и во всем нуждаются. Это доказывается тем, что духи харьяма ханы постоянно лижут котлы и ложки у живых людей.

По словам некоторых бурят, в стране духов нет мяса, поэтому буряты своим покойникам дают мясо.

Этого мяса нет, несмотря на наличие большого количества скота, который нельзя колоть. Таким образом, духи едят мясо только во время похорон и при принесении им мяса во время религиозных обрядов — кырыка, тайлгана и других. Вино и тарасун там в изобилии, но недостает молочной пищи, ее также мало, так как давать покойникам молочную пищу считается у бурят грехом. Молочную пищу, такую, как тарак, амхан, пенку и саламат, духи получают также только во время религиозных обрядов.

Не только люди, но и животные имеют души, которые похожи по форме на их тела. Во время религиозных обрядов мясо жертвенных животных поступает духам-заянам и прочим, душа же жертвенного животного поступает к тому заяну, которому делалось жертвоприношение и в честь которого совершался религиозный обряд.

Приведу пример со слов одного бурята, который рассказывал свой сон, после которого он перестал держать жертвенных животных, опасаясь наказания.

Один бурят делал кырык заяну Сом-Саган-нойону. Жертвенного барана держал другой бурят. Жертвоприношение совершили и разошлись. В ту же ночь тот бурят, который держал жертвенного барана, видит сон: он с шаманом, совершившим жертвоприношение, идет сдать этого барана Сом-Саган-нойону. Когда они пришли и хотели сдать барана пастуху, то пастух не захотел принять барана, говоря, что у него больные ноги. Едва-едва они сдали барана и пошли дальше. В это время он проснулся. На другое утро он нарочно пошел к тому буряту, который делал жертвоприношение, и спрашивает, каким образом делали вчера жертвоприношение, больные ли ноги были у барана или нет. Хозяин отвечал, что ноги были здоровые, а жена его сказала, что этот баран, когда был еще маленьким ягненок, отморозил себе задние ноги, но потом совершенно выздоровел. С этого времени этот бурят перестал на религиозных обрядах держать жертвенных животных, так как если жертвенное животное окажется больным и по этой причине негодным, то его могут наказать за это негодное жертвенное животное.

Теперь приведу другой интересный рассказ о характеристике двух душ живых шаманов.

Один бурят пригласил шамана Гильгори совершить жертвоприношение бараном Сом-Саган-нойону. По приезде шаман Гильгори совершил жертвоприношение бараном, и после этого душа шамана отправилась в восточную сторону, чтобы сдать заяну Сом-Саган-нойону жертву. Душа шамана ведет жертвенного барана, которого кормит по дороге на всех буграх, и му-

чается. В это время с ней встречается шаман Манжихан, который возвращается с восточной стороны от Сом-Саган-нойона.

Душа шамана Манжихан спрашивает душу шамана Гильгори, куда она идет. Душа шамана Гильгори отвечает, что она идет в восточную сторону и ведет зайну Сом-Саган-нойону жертвенного барана и просит душу шамана Манжихана помочь ей отвести и сдать этого жертвенного барана. Душа шамана Манжихана согласилась. В это время мимо них один большой волк провел к востоку рыжего жеребенка. Душа шамана Гильгори спрашивает у души шамана Манжихана, кто это идет, и Манжихан отвечает, что шаман Болот ведет жертвенного жеребенка кровяному хату (шухан-хату).

После этого оба шамана повели жертвенного барана к Сом-Саган-нойону. Они пришли к одной горе, у подошвы которой паслось множество баранов под охраной пастуха. Душа шамана Манжихана пустила приведенного барана в это стадо и сказала, что этот баран от такого-то бурята, а затем обе души пошли к самому Сом-Саган-нойону.

Когда они пришли к дому зайна, то душа шамана Манжихана положила за пазуху душу шамана Гильгори, вошла к Сом-Саган-нойону и сказала ему, что такой-то бурят послал ему барана, которого он пустил к его стаду. В это время душа шамана Гильгори зашевелилась за пазухой, и Манжихан тронул её рукой, чтобы она не шевелилась, после этого вышел и оба шамана вернулись домой. Впоследствии шаман Гильгори заболел, но его вылечил шаман Манжихан, побрызгав тарасуном.

Есть ли у духов родственное чувство и понимают ли они значение родства как живые люди?

Из слов бурят видно, что, по их представлениям, духам хорошо знакомо родственное чувство и значение родства. Если у покойника были братья, сыновья и прочие ранее умершие родственники, то души этих умерших сильно радуются, что этот их родственник умер и пришел к ним. Духи обычно защищают своих родственников и ходатайствуют за них перед зайнами, хатами и прочими. В защиту своих живых потомков или родных духи-предки могут сделать зло и мстить живым людям, которые обидели их живых потомков.

Высшие духи, белые и черные зайны постоянно ведут между собой борьбу за живых людей. Каждая группа зайнов, белых и черных, имеет свои отдельные присутственные места, в которых они заняты судилищем над живыми людьми и духами. Белые, хорошие зайны оправдывают и защищают живых людей, они неподкупны и за действительную вину наказывают. Черные и злые зайны вредят живым людям, требуют от них совершения различных религиозных обрядов и насылают на них различные болезни.

Если обратить внимание на характер и жизнь этих заянов, жизнь которых мало отличается от жизни богатых родоначальников, которые судят своих со-родичей и защищают их от посторонних лиц, а также обратить внимание на прежний образ жизни бурят во время зэгэтэ-аба и на их начальников — шамана-галши и прочих, и позднее, во времена общинного скотоводства и родовых представителей хунша-нойонов, то многие неясные стороны представлений о загробной жизни будут понятны и объяснены.

Духи ведут между собой постоянную борьбу за живых людей и особенно за шаманов. Если они между собой рассорятся или даже раздерутся, то обыкновенно призывают своих предков — шаманов, которые защищают своих потомков, ссорятся и воюют между собой и мстят своим противникам при каждом удобном случае, как это делают и живые люди.

Относительно того, что человек имеет две или три души, я уже сообщал и поэтому нахожу ненужным повторять опять одно и то же.

ДОПОЛНЕНИЕ К СТАТЬЕ «ДУША»

По мнению бурят, душа человека от сильного испуга выскакивает из тела и убегает. Убежавшая душа большею частью бродит около того места, где она удалась из тела, но если долго не обращать внимания на это, то она уходит совсем. Тогда человек умирает.

Особенно легко душа от испуга может выскочить у маленьких детей, у которых это сразу заметно. По словам бурят, если душа от испуга удалится из тела, то мальчик или девочка делается почти больными, во сне бредят, вскрикивают, изредка соскакивают с постели, делается вялыми и сонливыми, чего прежде с ними не было. Тогда родители делают хурулха, то есть таким путем приманивают убежавшую душу обратно в тело. Это делают в том самом месте, где ребенок испугался, потому что душа обычно бродит около него. Если душа возвратится к телу, то ребенок выздоравливает, бред и прочее прекращаются. Если ребенок упадет или испугается и заплачет, то иные матери, из опасения, чтобы душа не выскочила, сейчас же подбегают и, сняв свою шапочку, делают хурулха, с тем, чтобы душа, если она уже выскочила, возвратилась в тело.

Если с этого момента прошло порядочно времени, то душа человека постепенно начинает чуждаться своего тела и убегает. Тогда вернуть ее трудно и надо обращаться к искусству шамана, который с помощью покровительствующих заянов возвращает душу к телу.

Совершенно также, если и у взрослого человека душа от испуга покинет тело, и он на это не обратит внимания и после этого пройдет порядочное время, то человек начинает болеть, также бредит во сне, делается вялым и сонливым. Обращаются в этих случаях к шаманам и ворожеем, которые определяют, что душа покинула тело. Тогда пробуют сами вернуть душу и делают хурулха, а если это не помогает, то душу начинают принимать к телу. Для этого берут то, что человек (а значит, и его душа) любит из пищи. Если он любил жирное мясо, то берут жирное мясо и кладут в ведро, после чего делают хурулха и зовут душу есть это жирное мясо. Если и это не помогает, то приглашают шамана, который принимает уже свои меры. Для этого шаман

сперва брызгает тарасун так называемым Хада-Улан-өбөгөн, то есть местным покровительствующим заянам, чтобы они помогли душе вернуться. После этого готовятся к обряду хунхэ-хурулха следующим образом: в ведро кладут стрелу и то, что любит человек. Если любит мясо, то мясо; если сметану, то сметану. После этого отправляются на то место, где душа отделилась от тела, и на этом месте делают хурулха, просят душу скушать то, что в ведре, и вернуться к телу.

Когда душа вернется в тело, то человек обязательно заплачет, — это душа плачет от радости, что она нашла свое тело. Иногда этот обряд повторяют до трех раз, в том случае, если душа упрямится. Между прочим, обряд совершают в то самое время, когда душа оставила тело, то есть, если утром, то утром, если вечером, то вечером, так как душа возвращается на это место именно в то время, когда она оставила тело.

Если душа не вернется в тело, то человек обязательно умирает и его душа, одичавши, уходит в страну духов. При этом первое время душа бродит близко, а затем постепенно удаляется все дальше и дальше, но все же изредка возвращается, хотя бы через год.

ДУХИ-ЛЮДОЕДЫ У БУРЯТ

(К вопросу о человеческих жертвоприношениях)

У бурят Унгинского инородческого ведомства существуют духи-людоеды, которые едят человеческое мясо и пьют человеческую кровь как питье. Таких духов-людоедов у бурят много, например, ада, которые разделяются на две группы — хороших и худых. Хорошие ада новорожденных детей не едят и не трогают; напротив, они заботятся о них и нянчатся с ними; кроме того, ада заботится о хозяине, чтобы у него ничего не пропало, чтобы посторонние люди не унесли без спроса какую-нибудь вещь. Худые ада едят новорожденных детей, а потому буряты употребляют все меры, чтобы не допустить к новорожденному ребенку худого ада, и разными религиозными обрядами прогоняют его, если он входит в дом или юрту, где лежит новорожденный ребенок. По словам бурят, ада ест новорожденных детей только до года; ребенка, которому год и более, а также взрослых ада не трогает. Чтобы не допустить худых ада в дом, то из предосторожности никого из посторонних или незнакомых не впускают, чтобы худые ада с ними не вошли в дом незамеченными; эта предосторожность называется «харюр» — запрещение. Если шаман положит запрещение, т. е. х а р ю р, тогда обыкновенно никого не впускают и даже дверь держат постоянно запертою; другие возле двери ставят чугунный кувшин или горшок с палкою: кто входит в дом, тот должен постучать палкой в горшок, чтобы худой ада не вошел вместе с ним. В большинстве случаев шаман делает так называемый х а х ю х а н — оберегатель; хахюхан или заян, от имени которого сделан оберегатель, должен беречь новорожденного ребенка от худого ада и от прочих злых духов.

Кроме «ада» есть еще другой дух, которого буряты называют му-шубун; он живет в лесах. Му-шубун гораздо опаснее и сильнее, чем ада. Му-шубуны едят взрослых людей, одиноко кочующих в лесах. Му-шубун убивает людей своим длинным красным клювом, наподобие клюва птицы, словно из железа. Он подходит к спящему человеку, ударяет его клювом по голове и пробивает ее, а затем, убив таким образом человека, съедает его мозг, печень и почки.

Кроме ада и му-шубун, питающихся человеческим мясом, у бурят есть и другие духи-людоеды, которые еще сильнее, чем ада и му-шубун. Эти духи-людоеды принадлежат к числу сильных и больших черных заянов. Для таких заянов буряты в прежнее время приносили в жертву людей для умилостивления этих духов-людоедов.

Что человеческие жертвоприношения существовали у бурят, это бесспорно, хотя нынешние буряты не могут подтвердить этого. Существование духов-людоедов и обряд «доле» (о нем скажу далее) вполне доказывают, что у бурят когда-то существовали такие жертвоприношения. Подтверждением служат слова призываний черных заянов, например:

Улан шухан ундан,	Красная кровь — питье,
Хуни мяхан — хунхэн.	Человеческое мясо — харчи,
Хара архи хаба,	Черное вино — уменье (мудрость),
Дак хара тогон,	Черный от кипи котел,
Дабирха хара иден...	Черная как деготь пища...

Есть еще и другое призывание черного зайа, в котором говорится:

Хуни мяхан хунхэн,	Человеческое мясо — харчи,
Хуни шухэн ундан...	Человеческая кровь — питье...

В настоящее время заянам обыкновенно приносят в жертву животных.

В числе восточных хатов и тэнгэринов, которые считаются покровителями черных заянов и шаманов, тоже есть людоеды. Так, между восточными хатами девять кровавых хатов (ехон шухан хан), которые тоже питаются человеческим мясом и пьют человеческую кровь. Между восточными тэнгэринами находим девять кровавых тэнгэри (ехон шухан тэнгэри) и тринадцать тэнгэри Асаранги (Асаранги арбан гурбан тэнгэри), а по мнению других, восемнадцать тэнгэри Асаранги, которые тоже питаются человеческим мясом и пьют человеческую кровь как питье.

Теперь обратимся к черным шаманам, представителям черных заянов, восточных хатов и тэнгэринов. Буряты и теперь обыкновенно говорят, что черный шаман ест людей, хотя это вовсе не соответствует действительности. Бурятское выражение «харан бо ху иде» в буквальном переводе по-русски значит «черный шаман съел человека». Таким образом, хотя нынешний черный шаман не ест человека в самом деле и не приносит человеческих жертвоприношений, как в былое время, но все-таки выражение сохранилось до сего времени. Нынешний черный шаман, по словам бурят, не ест человека в буквальном смысле этого слова, а только ест душу человека с помощью своего покровителя черного зайа. Следовательно, у бурят в прежнее время, помимо черных

заянов, хатов и тэнгэринов и черные шаманы считались людоедами, почему прежние буряты не любили и боялись их как людоедов и как причиняющих разные несчастья и болезни, и теперь тоже боятся и не любят их, хотя человеческих жертвоприношений и долё уже не существует. В связи с этим находят выражения: «хуни мяха шуханда хухэхима» (желающий человеческого мяса и крови), «хуни мяха шуханда обтохыма» (так ему хочется человеческого мяса и крови).

Интересно обратить внимание на борьбу черных шаманов между собою, причем часто случается, что один черный шаман «ест душу» другого черного шамана. Когда два черных шамана рассорятся между собою, то, желая съесть друг друга, они выходят на борьбу следующим образом: оба черные шамана шаманят, призывая каждый своих покровительствующих заянов; в это время души этих черных шаманов борются между собою; если душа одного черного шамана в борьбе побеждает душу другого черного шамана, то победившая ест побежденную. Во время такой борьбы иногда душа одного черного шамана обращается в медведя или волка и гонится за душой другого шамана, душа которого тоже обращается в козулю или другое какое-нибудь животное и в таком виде гонятся друг за другом. Победитель, обратившийся в медведя или волка, догнавши своего противника, обратившегося в козулю или в другое животное, обыкновенно съедает его. Это доказывает людоедство черных шаманов и покровительствующих им черных заянов, хатов и тэнгэринов. Иногда какой-нибудь черный заян ест душу шамана или простого буряты; у которого шамана или простого буряты душа съедена, тот скоро помирает, потому что без души человек не может жить долго.

Здесь следует упомянуть и о черных кузнецах и об их заянах. Черные кузнецы и их черные заяны очень сильны и тоже едят людей. Черный кузнец делает человеческую фигуру, т. е. модель какого-нибудь человека с конем, над которыми делает обряд «амилха» (оживить), а потом вносит в кузницу, где, шаманя, т. е. призывая своих черных кузнечных заянов, сделанную фигуру ставит на наковальню и разбивает молотом. После этого тот человек скоро должен помереть.

По мнению бурят, белые шаманы — представители добрых заянов, ухан-хатов, западных хатов и западных тэнгэринов. Белые шаманы не едят людей, как черные шаманы; также белые заяны, ухан-хаты, западные хаты и западные тэнгэрины не едят людей, которых и не приносили им в жертву. В честь белых заянов, ухан-хатов, западных хатов и западных тэнгэринов совершают религиозные обряды с жертвоприношениями в новолуние и всегда днем: «тайлганы» и «кырыки» — это обряды с кровавой жертвой, а «зухэли гаргаха»

и «тэнгэри дудаха» — с тарасуном, вином и молочными продуктами, но без животных.

Для религиозных жертвоприношений черным заянам, восточным хатам и тэнгэринам выбирают темную, безлунную ночь; для жертвы употребляют саган, т. е. хурунгу из молочной пищи; при некоторых религиозных обрядах хурунгу вовсе не употребляют, а заменяют ее дегтем.

В тайлганах, совершаемых белым заянам, ухан-хату, западному хату и западным тэнгэринам, большею частью, кроме животных, употребляется молочная пища; иногда тайлганы делаются из одной молочной пищи без животных, такие тайлганы называются «сагагар тахиха» или «идегэр тахиха». В больших религиозных обрядах, например, «зухэли-гаргаха» и «тэнгэри дудаха», вовсе не допускаются животные, пролитие крови считается большим грехом, и ограничиваются только одною молочной пищею, тарасуном и вином; во время этих обрядов крик, шум, драки и ругань строго запрещаются, как для хозяев, так и для посторонних присутствующих.

При религиозном обряде «хун-долё» давали человека в жертву черному зайну во время болезни; это означало, что за больного человека дают другого человека, т. е. больного заменяют другим и желают умиловить того черного зайна, который послал болезнь больному; тогда черный заян, приняв человеческое пожертвование и умиловившись, пошлет выздоровление больному. Приведу следующее предание о «долё».

Были два брата: один Томо, богатый, который имел двух дочерей, а другой брат, бедный Тэрму, имевший двух сыновей и двух дочерей. Однажды богатый Томо, в это время живший в местности Мадаган (ныне в Бильчирском инородческом ведомстве), сильно заболел; вследствие этого он обратился к черному шаману, который сказал, что нужно делать жертвоприношение человеком, т. е. долё. Томо совершил религиозный обряд, так называемый «хун долё». У Томо жила одна девица-служанка, которую звали Боржихон; выбор черного шамана пал на эту девицу Боржихон, которую и принесли в жертву по обряду «хун долё», как обыкновенно приносят теперь в этих случаях животных, но только с некоторыми особенностями. А именно, приступив к обряду «хун долё», сделали все приготовления, какие требуются, а потом эту девицу Боржихон убили, как обыкновенно колют животных во время религиозных обрядов; при этом взяли «жулдэ» (у унгинских бурят — «хурай»; иногда и унгинские буряты хурай называют «жулдэ», но очень редко). После этого вышли в степь, где, по обряду, разложили огонь, на который положили тело убитой

девицы головою к юго-востоку, и таким образом сожгли. По словам рассказчика, вперед на огонь положили жулдэ, а потом остальное тело. После этого религиозного обряда «хун-долё» богач Томо помер; это значит, что черный заян не принял жертвоприношения хун-долё; за богача Томо он не принял девицу Боржихон, которую желали его умиловать.

Другое предание говорит, что богач Доно имел одного сына, который сильно заболел. Тогда по совету черного шамана совершили религиозный обряд «хун-долё», для которого взяли мужчину, выбрав одного работника из 25; этого избранного работника и принесли в жертву как животное. При совершении религиозного обряда «хун-долё» шаман шаманил следующим образом (привожу небольшой отрывок):

Арбан табан хобунхэн

Ахагин барябаб.

Хорин табан хобунхэн

Хошурхан барябаб.

Мэни хэми тала

Хэмдэ хурэ,

Мэни хэлгэн тала

Хэлгэдэ хурэ...

Из пятнадцати работников

Старшего поймал,

Из двадцати пяти работников

Опередившего поймал.

Для моей мерки

В мерку иди,

Для моей смерти

К смерти иди...

После этого «хун-долё» сын богача Доно выздоровел. Это значит, что черный заян, которому устроили этот религиозный обряд «хун-долё», принял жертву, т. е. душу работника принял за душу сына Доно, а мясо черные заяны съели как еду, и кровь выпили как питье. Рассказчик местожительства Доно не мог указать, а только сказал, что этот богач жил в нынешнем Балаганском округе.

Таким образом, прежние буряты больного человека заменяли другими посредством религиозного обряда «хун-долё», как ныне больного заменяют «в долё» животными. По мнению бурят, если человек сильно заболит и должен помереть по воле заянов, то все-таки он с помощью хорошего шамана может выздороветь, отдав вместо себя какое-нибудь домашнее животное в «долё», если же животное нельзя отдать, заяны не принимают, то может отдать какого-нибудь постороннего человека из соседей или же из родных вместо себя, тогда больной человек выздоравливает, а отданный человек заболеет и умирает; это у бурят называется долё, т. е. замена.

В прежнее время, если к тяжело больному и умирающему призывали хорошего и черного шамана, тогда соседи и родные больного сильно побаивались, чтобы шаман взамен больного не отдал одного из них. По приезде шамана, который находился у больного, соседи и родные принимали меры предосторожности: в юрте разводили большой огонь и ночью не спали, так как будто

у неспящего человека душу трудно взять, она не выходит из тела; когда же человек спит, то его душу можно выгнать из тела и легко поймать.

В прежнее время, когда существовали жертвоприношения человеком вообще, то и долё тоже совершали человеком, но впоследствии этот обычай прекратился, хотя все-таки остались воспоминания об этих обрядах, ясно свидетельствующие об их существовании.

По мнению бурят, когда большой и черный шаман по указанию больного или его домашних шаманит ночью, тогда он ловит душу другого человека из соседей или из родных больного и отдает ее взамен больного, а душу больного освобождает из заключения и из цепей.

Белый шаман не может совершать обряд «долё» с человеческой жертвой, а животных может приносить в жертву.

Приведу два примера со слов бурят. Один богатый человек сильно заболел и пригласил одного большого и черного шамана Хахул, который приехал к больному и начал совершать свои религиозные обряды; тогда один из соседей больного незаметно стал подслушивать, что они будут говорить между собой и кого будут отдавать в «долё» за больного. Он подслушал, что шаман Хахул и больной между собой согласились отдать в «долё» того самого бурята, который подслушивал их разговор. Тогда этот бурят поехал в лес, взяв с собой тарасун; когда он приехал в лес с тарасуном, то совершил особый религиозный обряд «духаху», после чего вырубил маленькую сосну и при этом говорил: «Я рублю шамана Хахул». Срубив сосну и взяв ее с собой, он приехал домой, налил в кадучку воды и начал ее болтать привезенною сосною, держа вниз верхушкою; при этом он говорил: «Болтаю воду шаманом Хахул, пусть голова шамана Хахул кружится, рождение (происхождение) Хахула заблудится и происхождение Хахула одуреет». Таким образом он болтал воду в кадучке до утра. В эту ночь шаман Хахул шаманил, чтобы за больного отдать в «долё» уже другого человека, но никак не мог шаманить: голова его кружилась, зайны его не приходили на его призыв. На другое утро шаман уехал домой и после этого он скоро помер, а также помер и больной.

Другой пример. В Закулейском улусе сильно заболел староста Ишигил, который был богат. Ишигил пригласил шамана Халта. Когда шаман Халта приехал к старосте Ишигилу, то соседи и родные его приняли меры предосторожности. Это было в летнее время; когда настала ночь, то соседи и родные старосты Ишигила зарядили ружья, а у кого не было ружья, те приготовили стрелы и лук; в юрте под порогом двери положили веник: по мнению бурят, когда духи или душа шамана придет, чтобы войти в юрту, то этот веник обращается в непроходимый лес, и тогда дух или душа шамана не может войти в юрту через этот лес; в юрте развели большой огонь и в ожидании шамана не

спали. В эту ночь шаману Халта сделали трость (хорбо); ночью шаман Халта начал шаманить, и в это время душа шамана Халта, сделавшись медведем, отправилась к соседу старосты Ишигила Дарма, которого он, по указанию старосты Ишигила, хотел отдать в «долё» на место больного. Душа шамана Халта под видом медведя пришла к Дармаю, который в это время не спал. Медведь разобрал потолок юрты Дармая с северо-восточного угла и хотел войти в юрту; он уже вошел до половины тела в юрту, но в это время Дарма увидел медведя и в испуге крикнул: «Что делаешь, Халта!», а потом из ружья выстрелил в медведя, который упал на улицу и убежал. Соседи и родные старосты Ишигила так и не спали по ночам до тех пор, пока шаман Халта не уехал домой, а староста Ишигил помер.

Таких преданий в разных местах найдется много, но я ограничусь этими для примера.

Без шамана также можно отдать в «долё» другого человека. Если какой-нибудь бурят присужден заянами умереть и заболит, или даже до болезни он может отдать за себя другого человека, который за него должен помереть; это также называется «долё», или как обыкновенно говорят, «долёхо», т. е. отдать за себя другого человека или заместиться. В «долё» можно отдать чужих или из родных и даже из своих детей; но все-таки этот человек должен скоро помереть, потому что он только на время откупился или заменился. Он опять может другой раз заместиться, т. е. отдать другого человека; но все-таки умирает скоро, лишь иногда может дожить до старости лет.

Если у кого-нибудь пропадает хороший конь, то говорят, не нужно жалеть, так как хороший конь или скот пропадает за хозяина. Заяны хорошего коня или другую скотину берут за человека, т. е. за хозяина. Если бы этот конь не пропал, то сам хозяин помер бы, а потому буряты говорят, что когда хороший конь пропадает, то не нужно жалеть, так как он выручает своего хозяина, т. е. конь идет в «долё» за своего хозяина.

При этом нужно обратить внимание на то, как относятся к больному или здоровому местные заяны, а также и другие заяны, которые или покровительствуют ему, или же нет; если он постоянно брызгает вино и тарасун и исполняет другие религиозные обряды заянам, тогда они его любят и защищают, стараются заменить другим.

В прежнее время обряд долё был самый распространенный между бурятами, в особенности в те времена, когда существовали человеческие жертвоприношения; в те давно прошедшие времена, когда человек заболел, тогда совершали «хун-долё», т. е. человеческое жертвоприношение, чтоб умилости-

вить какого-нибудь черного зайа; таким образом, за больного человека отдавался другой взамен, чтобы больной выздоровел.

Сообщу одно предание о человеческом жертвоприношении, и по какому случаю этот обычай прекратился.

По словам предания, в прежнее время жил один большой черный шаман, который после смерти сделался зайном. Этому покойному черному шаману в прежнее время приносили человеческие жертвоприношения, но впоследствии этот обычай прекратился вследствие приказания бурхана, который этого покойного черного шамана обратил в медведя; при этом бурхан приказал этому шаману более не принимать жертвоприношения человеком, а велел ему лизать свою лапу зимою и тем питаться; с этого времени прекратились человеческие жертвоприношения. После этого у бурят появился так называемый «бабаган-онгон», т. е. «медвежий онгон».

Нынешние шаманы Унгинского инородческого ведомства «бабаган-онгон» призывают следующим образом:

Шишки монгол төрөл,	Рождение Шишки-Монгол,
Шингил шибэ газар,	Земля (местность) Шингил-шибэ,
Баруни тайгаха бухада	Из западной тайги опустился
Бар ехэ бабага.	Большой лев, медведь;
Бар тайга гудэл,	Непроходимая тайга — бег,
Хуни мяхан хунхэн;	Человеческое мясо — еда,
Гур тайга гудэл,	Заросшая тайга — бег,
Хульжиргэнэ иден;	Смородина — пища;
Улая долежи хула абши,	Лижа подошву, пропитание получил,
Торолдо ижи ябалаб...	В рождении так ходил...

А вот еще призывание «бабаган-онгон» со слов другого шамана:

Бабагаяр хубилаб,	В медведя превратился,
Бархан тагар эргилэб,	В непроходимых тайгах побывал,
Бальширганар иде хэлэб,	Из бальширгана пишу сделал,
Хуни мяхар хунхэ хэлэб,	Из человеческого мяса харчи сделал,
Хульжиргэнэр иде хэлэб,	Из смородины пишу сделал,
Хушун бэрэ хонолго хэлэб,	На каждой горе ночевку сделал,
Хокшин тагин хобши харлаб.	Старухи ¹ -тайги середину ² видел...

Медведь, по мнению бурят, прежде был большим черным шаманом, или, как иные говорят, шаманкой, которые, обратившись в медведей, хотели испу-

¹ Буквально следовало бы: тайги, старой как старуха.

² Здесь «хобши» переведено «середина». «Хобши» буквально: тетива лука, а здесь употреблено в смысле середины. Обыкновенно буряты говорят: «хэри хобши» — дословно: тетива степи, т. е. середина степи; точно также «гурбин хобши» — тетива долин, т. е. середина долины.

гать самого бурхана. Бурхан, рассердившись, оставил их навсегда медведями³. Вообще, души черного шамана и шаманки обращаются в медведей и в таком виде странствуют куда им угодно для исполнения своих намерений.

В прежнее время, при совершении зэгэтэ-аба (о котором мы уже имели случай говорить), мстительные и подозрительные начальники галши и другие во время призывания какого-нибудь черного зайна, не выбирали ли кого-нибудь из людей от лица этого зайна, и если этот человек казался им вредным и подозрительным, то не приносили ли его в жертву?

Во многих жертвоприношениях черным заянам сохранились ясные следы человеческого жертвоприношения, и также в очистительных жертвоприношениях видны такие же следы, в обрядах зя - гар га ха , ор го - а ма та хал ха и пр.

Может быть, белые шаманы, не желая совершать жертвоприношения человеком, обходили это так, что во время обряда делали человеческую фигуру и сжигали на огне вместо человека? Все это может выясниться при дальнейшем изучении шаманства учеными-специалистами.

25 апреля 1895 г.

---

³ По преданиям великоруссов и малоруссов, старик со старухой, желавшие испугать бога, обращены в медведей.

III

СУД ЗАЯНОВ НАД ЛЮДЬМИ

В прежнее время жил один бедный бурят, который почти ничего не имел; у него было семеро детей, которых нечем было кормить; он имел только одну корову, да и та однажды потерялась, т. е. не возвратилась домой с подножного корма; эту корову съел волк.

Тогда этот бурят отправился искать потерявшуюся корову и находит ее в степи, съеденную волком; на останках ее сидит орел, который до того наелся, что не мог летать; тогда этот бедный бурят сильно рассердился на орла; взявши прутик, начал бить орла, приговаривая: «Ты, царь-орел! Зачем сел на мою корову? Я имею семерых детей. Чем буду кормить их?». Таким образом, побивши царя-орла, оставшееся мясо увез домой, чтобы съесть его с детьми.

Впоследствии, через несколько дней, этот бедный бурят сильно заболел; у него одна нога сильно вспухла; он не мог ходить, а лежал в юрте.

Однажды он видит сон, что его потребовали в присутственное место хозяина острова Ольхон, в так называемый ноёхи суглан, куда он и явился для выслушивания, почему его потребовали. Здесь он встретил царя-орла, который на него пожаловался в присутственное место ноёхи суглан, что он, простой бурят, осмелился бить его, царя-орла. Судьи присутственного места ноёхи суглан приговорили бедного бурята к смерти. Бедный бурят заявил свое неудовольствие и попросил судей, чтоб его отправили в другое присутственное место, постарше, где он хотел услышать свой смертный приговор и заявить претензии на царя-орла. В эту ночь бурят более ничего не видел и проснулся; утром о сновидении он рассказал посторонним бурятам.

На следующую ночь этого бедного бурята потребовали в другое присутственное место, в так называемый сатани-суглан (присутственное место сатинских богов), т. е. ноёхи-суглан отправил его к сатани-суглан, чтобы он там посудился с царем-орлом. Бедный бурят на следующую ночь во сне отправился по требованию присутственного места в сатани-суглан, где тоже по жалобе царя-орла этого бурята приговорили к смерти за то, что

он, простой бурят, осмелился побить царя-орла. Тогда этот бурят ничем не мог оправдаться и потому попросил присутственное место сатани-суглан отправить его в присутственное место, которое еще постарше, где он услышит свой смертный приговор. В эту ночь он проснулся и сон рассказал прочим бурятам.

На следующую, т.е. на третью ночь этот бурят видит опять сон, что его потребовали в присутственное место хаһи-суглан; явившись туда, он там встретил царя-орла, который, как прежде, жаловался на него. Тогда этот бурят рассказал в хаһи-суглан, что и как было, что он, бедный человек, имел только одну корову, что ее съел волк, а царь-орел сел на останки и наелся; что тогда он побил орла, чтобы он не обижал бедного человека. Хаһи-суглан обвинил царя-орла; так как он — царь-орел, то должен был защищать бедных бурят, а не обижать их и не посылать на них болезней; поэтому хаһи-суглан приказал царю-орлу немедленно вылечить этого бурята от болезни и вперед не делать ему вреда. Потом этого бедного бурята отпустили домой; бурят на другое утро проснулся и рассказал прочим бурятам о своем сновидении. На следующую ночь этот бурят видит сон, что царь-орел прилетел к нему и распорол распухшую ногу, из нарыва вынул большого червя и бросил. Проснувшись, бурят видит, что нарыв на его ноге прорвался и весь гной вытек.

Этот сон бурят тоже рассказал прочим бурятам; после этого он скоро выздоровел, рана на ноге зажила.

Этот рассказ, как и другие, например, рассказ о похождениях Хэрэ-бо, показывает, что низшие заяны не могут без воли высших заянов распоряжаться судьбой людей и посылать им смерть. Орел, по словам бурят, сын эжина острова Ольхона Хан-Хөтө-бабая и первый бурятский шаман по воле богов; но если он оказался не властен над душою человека, то о других заянах и говорить нечего. Из других же рассказов бурят следует, что каждый заян по усмотрению своему может посылать болезнь и смерть человеку, если этот провинится перед ним или не соблюдет обычая по отношению к заянам, нарушит обряд и т.п.

Провинившиеся люди судятся на том свете, то есть в мире духов, в разных сугланах, сначала в младших, потом в старших. Первому суду они подвергаются в ноёхи-суглане, покровителем которого считается эжин острова Ольхона Хан-хөтө-бабай; второе судебное место — сатани-суглан, который находится под ведением сатинских бурханов. Отсюда некоторые отсылаются по усмотрению сатани-суглана в хаһи-суглан, который находится под ведением западного хата. Хаһи-суглан всегда защищает лю-

дей и оправдывает их. Другие из сатани-суглана идут в суглан, которым заведует Эрлен-хан. В этом суглане судят людей очень строго, почти всегда приговаривают к смерти; если кто-нибудь попал в суглан Эрлен-хана, тому добра не будет. Если бы бедный бурят, тягавшийся с царем-орлом, попал в этот суглан, наверное, его присудили бы к смерти.

По словам иных бурят, ноёхи-суглан представляет первое судебное место, а суглан Эрлен-хана второе; это значит, что оба эти места принадлежат к восточным злым, а сатани-суглан есть первое судебное место по отношению к хаһи-суглану, и эти два последних суглана принадлежат к западным добрым.

ПРЕДАНИЯ И ПОВЕРИЯ УНГИНСКИХ БУРЯТ

На соснах (или березах) бывают так называемые по-русски «вихоревы гнезда»; буряты обыкновенно называют их гур-нама или гур-хала. Бывающие на березах называют гур намата хуһан; такие березы служат местопребыванием духов. Если вихорево гнездо образовалось на сосне, то буряты говорят, что она имеет своего эжина, и такую сосну называют эжитэ-нарһан¹. Такие сосны не рубят, в особенности на постройки. На лиственнице бывает, кроме обыкновенной серы, еще камедь, которую буряты называют жили.

* * *

По словам бурят Унгинского инородческого ведомства, в прежнее время бурхан сделал музыкальный инструмент хур, но никак не мог сыграть что-нибудь; сделанный бурханом хур не издавал никаких звуков; все старания бурхана оставались без успеха. Шитхыр (дьявол) выстроил мельницу, которая тоже не молола хлеба; все старания шитхыра заставить ее молоть остались тоже без успеха; шитхыр никак не мог привести мельницу в движение. Наконец, бурхан с шитхыром обменялись: бурхан шитхыру отдал свой хур, а себе взял от шитхыра мельницу. Бурхан к мельнице сделал шестерню, и мельница стала молоть хлеб; другие говорят, бурхан сделал в сухом колесе крестик, и мельница стала молоть хлеб; шитхыр, взявши у бурхана хур, натер его смолою; хур с этого времени стал играть хорошо.

На свете семь рождений (дэлхэ дээрэ долоон төрёл):

1. Мяхан төрёл (мясное рождение): люди, разный скот, звери и пр., которые рождаются живыми.

2. Яһан төрёл (костяное рождение): птицы, которые несут яйца и высиживают детей.

3. Уһан төрёл (водяное рождение) или тэрхэн төрёл (икряное рождение): рыбы, которые выходят из икры.

4. Ухэн төрёл (жировое рождение): черви (ётён), заводящиеся в мясе от мух.

---

¹ Нарһан — сосна.

5. Ногон тёрёл (травяное рождение): червяки, мухи, жуки, кобылки и пр., которые проявляются с травой, как будто выходят из травы.

6. Шоро-тёрёл (земляное рождение): муравьи (шоргоолжон).

7-е рождение рассказчик Зангей Захаров не мог вспомнить.

* * *

При кастрировании скота (акталха или иногда говорят арилгаха) или легчании порока или жеребца не делают особых религиозных обрядов; соблюдается только обычай: пока кастрированный скот не поправится, домохозяйка молочную пищу никому другому не дают, иногда не дают и других предметов; если дадут, то кастрированное животное может пропасть или с трудом будет поправляться после операции.

* * *

Гора «Хемер-ула» и море «Хун-далай» упоминаются в шаманских призываниях только в начале молитв, как бы вместо предисловия, например:

Даб гэхэр дада,	Эсэгэ-Малан тэнгэри,
Дала гэһэн уһан,	Еһон хөбүд бухада,
Хун далай оломор,	Ерон еһон Мундарга
Хемер улан хетелер,	Тобшиложи бухада,
Барулама тэнгэри,	Ерон хат болоно.
Табан табан тэнгэри,	Еһон басагад бухада
Эсэгэлэмэ тэнгэри	Терме гэртэ бужи,
Эсэгэ-Малан тэнгэри,	Олон темен усатан
Эхэлэмэ тэнгэри	Хамак темен хататан боло...
Эхэ-Юран тэнгэри,	

По словам унгинских бурят, на северо-восточной стороне есть собачье царство нохой хани урам.

В этом собачьем царстве, по словам бурят, все мужчины рождаются собаками¹, которые такие же, как обыкновенные собаки, но только большие; женщины же рождаются людьми как обыкновенные женщины². Все женщины в собачьем царстве постоянно делают хурулха³, желая, чтобы у них родились дети мужского пола не собаками, а людьми; вследствие этого прежде буряты считали большим грехом мочиться ночью, стоя лицом к северо-востоку, так как женщины в собачьем царстве делают хурулха с юга, то сын этого человека может родиться там в собачьем царстве. Если в собачьем царстве родится мальчик человеком, а не собакой, то женщины сильно радуются.

¹ Хобун гарханин нохо ерхэ.

² Басаган гарханин хун ерхэ.

³ Особый шаманский обряд.

После распространения племени Обогиновых трех¹ и Болотовых трех², потомки которых жили в Идинском и Балаганском ведомствах с прочими племенами, жили также три брата Гургалдаевы (Гургалдаи гурбан сэсэн, «Гургалдаевы три умные»), которые были из племени Харьмыган. Они жили в Нижнеудинском округе.

Три брата Гургалдаевы ездили за море через Аларь и Тунку. Цель их поездки была разная, но большею частью они делали состязания на словах; они говорили загадками. С того времени прошло около 10 поколений.

Однажды три брата Гургалдаевы ехали за море через Аларское ведомство; во время пути они опоздали, а потому остановились около одного дома, желая заночевать. Возле этого дома одна девица собирала щепки. Подъехав, они спросили у девицы: «Дома ли твой отец и мать?» Она ответила: «Отца и матери дома нет!» Тогда три брата Гургалдаевы спросили: «Куда ушли отец и мать?» Она ответила: «Ушли к соседу, не бывши должным, задолжаться, не бывши больными, болеть ушли».

Потом три брата Гургалдаевы спросили ее, могут ли они ночевать в ее доме; девица сказала, что она без отца и матери не знает этого. Тогда три брата Гургалдаевы сказали девице: «Мы уедем ночевать в степь; дайте нам котел варить два яйца степной курицы и шейный позвонок журавля!» Она ответила: «Недержанный котел, сломаете! Боюсь отца! Нетертый котел, сотрете! Боюсь матери!» После этого три брата Гургалдаевы сказали: «Мы поедем ночевать в степи; завтра опять приедем; подоите быка и сделайте эльгин-тарак». Она ответила: «Недосуг, собираю щепки». Тогда они спросили: «Зачем собираешь щепки?» Она ответила: «Отец родил сына». Они спросили: «Разве мужчины родят?» Она спросила: «Разве быки телятся?». После этого она ушла в юрту.

Три брата Гургалдаевы уехали в степь, где ночевали; на другое утро они снова приехали к этому дому; тогда она доила корову; они, подъехав к ней, спросили: «Мы ищем трехгодовалую красную корову. Не видела ли?» Она ответила: «Недавно она ушла к югу; за ней шли три пороза, у большого черного пороза один рог сломан и один глаз выколот, на нос этого пороза красная корова мочилась». После этого она опять ушла в юрту. Гургалдаевы три брата нашли себя побежденными и осмеянными, потому что старший брат из них был черный и одним глазом не видел. Потом они уехали далее.

---

¹ Обогон имел трех сыновей: старший Хого, средний Онго и младший Онхото, от которых будто произошли идинские буряты.

² Болот имел трех сыновей: старший Олзой (Ха-Олзой), средний Хулмэнгэ и младший Муры, от которых произошли буряты Олзоевских, Кульметских и Муруевских родов Унгинского инородческого ведомства.

Племя Арганут происходит из племени экирит. По словам унгинских бурят, племя экирит первое встретило русских казаков на реке Лене, около нынешнего города Верхоленска, и было рассеяно; буряты из племени экирит ушли в другие места, так два брата Аргаган и Абаша пришли из Верхоленского ведомства в нынешнее Боханское инородческое ведомство¹ и поселились там; от Аргагана произошли буряты, которые живут в 3-м Готольском роде, ныне, кажется, около 100 душ, а потомки Абашея живут во 2-м Готольском роде.

Племя² Сартул, живущее ныне в Селенгинском ведомстве за Байкалом, будто бы вышло из Шишки-Монголии. Буряты из племени Сартул, по словам унгинских бурят, не едят крови животных, потому что их шаманское утха («корень, происхождение») воспрещает это; в особенности не едят кровь животных шаманы из племени Сартул.

Ныне в Унгинском инородческом ведомстве, 2-м Кульметском роде, есть буряты из племени Сартул, шаман из этого племени Тармахан кровь животных не ел.

Племя Сартул делится на две части: Шарга-Сартул, кровь животных едят, и Зэрдэ-Сартул — кровь не едят. Некоторые буряты объясняют, что шаманы из племени Зэрдэ-Сартул в прежнее время будто бы дали какую-то клятву на крови, а потому теперь и не едят крови.

Родоначалник хангинцев и шаратов Хоредой был из племени Сартул, а впоследствии женился на небесной дочери; шишки-монголы упоминаются в шаманской молитве:

«Шингил шибэ газар
Шишки Монгол утха»...

Потомки Хоредоя хангинцы и шараты кровь животных едят.

По словам унгинских бурят, Шударман прежде жил в Монголии около «Хара-Дархат» и был каким-то начальником; Шудармана прежде звали Шудурун. Когда Монголия подпала под владение Китая, Шударман как-то рассорился с китайским ханом и задумал принять русское подданство, — вследствие этого Шударман будто через верховья реки Оки прибыл в Тунку, откуда дал знать переводчику Шемезову, который в это время жил в Заларях на Московском тракте. Шемезов, получив известие от Шудармана, написал в Петербург о желании Шудармана принять русское подданство. Из Петербурга написали Шемезову принять Шудармана; тогда Шемезов выехал в Тунку к Шударману, но его перед ним китайцы уже поймали и увезли в Китай, где и казнили его. По словам бурят, когда Шемезов приехал в Тунку на то место, где стоял Шударман, то пепел, где разводили огонь, был еще теплый. С того времени прошло 8 поколений.

¹ Правильное Б о х о н — “шаманёнок”.

² Обыкновенно буряты говорят я һ а н — по-русски “кость”.

* * *

В Монголии в прежнее время развелось множество волков, которые давили много скота и людей; вследствие этого учредили облаву на волков. Обязанность облавщиков была делать облавы на волков и убивать их, также и других зверей. Эти облавщики имели своего отдельного начальника (а б а н - н о ё н). По словам унгинских бурят, над такими облавщиками был начальником сын Есухэ-багара Тумушин, который распорядился и управлял облавщиками во время облавы. На эту облаву принимали хороших и ловких стрелков из лука на хороших лошадях. Эти облавщики, по словам предания, со временем умножились до громадных размеров; число их достигло до 5000 колчанов. И в таком громадном количестве они все-таки делали облаву на волков, но со временем начали нападать и на соседние народы и отбивать у них скот и прочее добро. Впоследствии облавщики умножились до еще больших размеров и начали покорять соседних ханов и прочие народы; таким образом, Тумушин из начальника облавщиков сделался ханом. Однажды во время большого сбора народа и войска, в числе которого был и сам Тумушин, сверху спустилась птица, начала летать над народом и войском и в это время кричала: «Чингис, чингис, чингис!». Вследствие этого Тумушин получил имя Чингис-богдо-хан. Он назвался сыном Эрхэтэ-тэнгэрина. «Эрхэтэ-тэнгэрин хобун, эрхэ ехэ хушетэ; эрдэм ехэ бэлэктэ Чингис-богдо-хан».

* * *

По словам унгинских бурят, тэнгэрины после продолжительных пиров и гуляний ложатся спать и спят очень долго (иные, говорят, около 100 лет). Когда тэнгэри спит, то душа тэнгэри, не могши дожидаться пробуждения тела и соскучившись в ожидании, спускается вниз на землю и рождается человеком. Если душа тэнгэри родится на земле человеком, спустя много времени после того, как тэнгэри заснул и когда до пробуждения тэнгэри осталось уже немного лет, то родившаяся человеком душа тэнгэри недолго живет на земле, тэнгэри пробуждается от продолжительного сна и человек с душой тэнгэри умирает; душа тэнгэри возвращается на небо к пробудившемуся тэнгэри.

Если душа тэнгэри, после того как заснул тэнгэри, оставит небо вскоре, то человек, в которого она войдет, будет долго жить. Если душа западного тэнгэри родится на земле человеком, то он будет умный и хороший человек, всегда старающийся делать добро людям. Душа западного тэнгэри, переродившаяся на земле человеком, тоже заболевает разными болезнями как простые люди. Если на земле переродится человеком душа восточного тэнгэри, то этот человек всегда будет стараться делать людям зло и вред. Этот человек никогда не болеет и не кашляет, потому что он душа восточного тэнгэрина, а все болезни бывают от восточных тэнгэринов.

Когда тэнгэри проснется от продолжительного сна, этот человек умирает, потому что душа тэнгэри должна возвратиться обратно к своему хозяину на небо.

* * *

По словам унгинских бурят, если первый весенний гром бывает на северо-западной стороне, то кобылы будут молочными в это лето, а если первый весенний гром будет на северо-восточной стороне, то коровы не будут молочными в это лето.

* * *

Найжиями обыкновенно бывают шаманы, которых приглашают к больным, чтобы делать разные религиозные обряды, умиловлять заянов, испрашивать у них больному выздоровление. Хороший шаман больного может выручить от смерти, возвратив с помощью заянов душу больного обратно к телу.

Приглашенный к больному шаман по приезде ворожит на лопатке, чтобы узнать, какому заяну какие нужно делать обряды; потом приступает к самим обрядам, ходатайствуя за больного перед заянами. Если больной, к счастью шамана, выздоровеет, то он награждает шамана и зовет его своим найжием; если больной умрет, то шаману особенного уважения не бывает.

Если у кого-нибудь больны дети или они умирают, то к новорожденным или к маленьким больным детям приглашают шамана, который тоже делает разные обряды заянам. При этом приглашенный к маленькому ребенку шаман для охранения его от нечистых и злых духов делает так называемый хахюхан.

Этот хахюхан новорожденных или маленьких больных детей защищает от злых и нечистых духов; они не могут вредить, если хахюхан сделан хорошим шаманом. Если новорожденный ребенок останется живым или выздоровеет, то шамана называют найжи и награждают его за труды.

Если ребенок умрет, то хахюхан возвращают шаману, титул найжи прекращается. Обязанность найжи к ребенку состоит в том, чтобы его с помощью заянов защитить от злых и нечистых духов и выпросить у заянов милость и покровительство. Найжи бывают не в каждом семействе. Обыкновенно буряты в крайних случаях приглашают найжи, а глупых и куражливых шаманов вообще избегают.

Найжи по желанию родителей переменяются; иногда бывает несколько найжи у одного семейства. Если ребенок вырастет, то уважает своего найжи, который не вмешивается в личные дела своего опекаемого.

IV

АБАЙ-ГЭСЭР-БОГДО-ХАН*

Западные тэнгэри — пятьдесят пять тэнгэри¹; старший из них Хан-Тюрмас-тэнгэри, который имеет три сына. Старший сын Хабата-Хасар-мэргэн², средний Бохо-Бэлгэтэ³ и младший Шингис-Шэрэтэ-богдо⁴. Хан-Тюрмас-тэнгэри имеет 1003 белых бурхана⁵; старшую над 1003 белыми бурханами как мать сидящую над 55 тэнгэринами на верхнем небе (т. е. живущую) на Млечном пути (на «Шве неба») бабушку Манзан-Гөрмө⁶; на вершине горы Алтан-ула⁷, золотую мельницу, которая, стоя, вертится; на вершине горы Саган-Мөнгөн-ула⁸ белую серебряную козулю с белой серебряной цепью, которая вокруг верхушки горы Саган-Мөнгөн-ула, ходя, пасется или пощипывает (траву); на верхушке горы Гули-Мөнгөн-ула⁹ желто-медно-серебряную лисицу, с желто-медно-серебряной цепью, которая вокруг верхушки горы Гули-Мөнгөн-ула, ходя, понюхивает; на вершине — Зэт-Мөнгөн-ула¹⁰ красно-медно-серебряную собаку с красно-медно-серебряною цепью, которая, ходя вокруг верхушки горы Зэт-Мөнгөн-ула, полаивает; бурхана Шибэгэни-

---

* У автора везде читаем Гэхэр, но так как в литературе этот эпос известен в форме Гэсэр, редакция приняла последнее написание.

¹ То есть так называемые табин табын тэнгэри (55 тэнгэри) считаются западными тэнгэринами.

² Другие говорят, старший сын Хан-Тюрмаса Ами-Сахидак; третьи говорят — Заса-Шухэр-аха. Говорят также, что Заса-Шухэр-аха есть старший сын Саган-эхэ-ханата Саргал-Нойон-хана. *В бурятском языке два звука х; один из них, который в наречиях переходит в с, мы будем обозначать h. Таким образом, h a n a t a в другом наречии будет с а н а т а.*

³ В другом варианте Улэ-Бутэдэк; он был законодатель и судья.

⁴ Другой рассказчик говорит — Тогос-Сокто, а иные говорят еще Эрхэ-Биликтэ, который написал закон, как управлять народами. Биликтэ — знающий, сведущий, имеющий способность. Эрхэлхэ — баловать. Эрхэ-Биликтэ — говорят про человека нежного воспитания.

⁵ Иные говорят, 1000 белых бурханов — Минган-саган-бурхан.

⁶ Обыкновенно называют ее Манзан-Гөрмө-өтөдө.

⁷ Алтан-ула — Золотая ула или просто Золотая гора. Ула — высокая гора.

⁸ Саган-Мөнгөн-ула — Бело-серебряная гора; иногда называют просто Монгото-ула.

⁹ Гули-Мөнгөн-ула — Желто-медная серебряная гора. Гули — желтая медь.

¹⁰ Зэт-Мөнгөн-ула — Красно-медно-серебряная гора. Зэт — красная медь.

Сагана¹, Эсэгэ-Малан-тэнгэри, Таянши-Тарха-ламу², 33 Болур-Саган-тэнгэ-рина³, трех Алтан-тэнгэри⁴, трех сестер Хөнур-бурхан, трех Халхин-тэнгэри⁵, трех Эмэршин-тэнгэри⁶, трех Дөлөн-тэнгэри⁷, Писон-Саган-тэнгэри. Кроме этого, Хан-Тюрмас-тэнгэри еще имеет белый камень Эрдэни, смешивающий 1000 веков, темно-гнедого коня величиной с гору, острое копье с чернем из черного дерева, чисто-серебряный колчан со стрелами и желтый лук бухарь с серебряным футляром, с тринадцатью узлами петлю Торь-Саган, и три дос-пеха; наружный доспех Дэглэдши-Хара; под этим второй доспех как уголь черный; если его скинуть и поставить, то сколько бы тысяч войск ни было на ногах, истребляет всех до конца; в ненастье, продолжающееся семьдесят лет, не промокает насквозь; оконечники семидесяти стрел не могут прошибить его насквозь; самый нижний доспех с 87 пуговицами, с солнечными краси-выми лучами, доспех по имени Нарин-улан. На голову надевать Хан-Тюрмас имеет как звезда испускающую лучи белую шапку; кроме того, он имеет вер-ховой кнут с 88 узлами и 99 пуговицами.

Восточные тэнгэри — сорок четыре тэнгэри; самый старший из них Ата-Улан-тэнгэри, который имеет трех красивых сыновей: самый старший и большой сын, имеющий белую книгу дорлик, Саган-Зурха-мэргэн⁸; средний большой сын, имеющий желтую книгу дорлик, Шара-Зурха-мэргэн⁹; самый младший сын, имеющий черную книгу дорлик, Хара-Зурха-мэргэн¹⁰. Ата-Улан-тэнгэри имеет семь черных тэнгэринов, трех Бурьтак-тэнгэринов¹¹, трех Бурэн-тэнгэринов¹², трех Манан-тэнгэринов¹³ и трех Хиру-тэнгэри¹⁴.

---

¹ Иные говорят, что Шибэгэни-Саган-бурханов было три, а некоторые говорят, Шибэгэни-Саган-бурхана вовсе не было, а Хан-Тюрмас имел Голто-Саган-бурхана.

² Этого ламы вовсе не встречается в других сказаниях, а ныне говорят, были три соржи-ламы.

³ Слово болур происходит от слова болохо — шаманить; саган — белый.

⁴ Алтан — золото; следовательно, Хан-Тюрмас имеет трех золотых тэнгэри, а другой рассказ-чик говорит, что Хан-Тюрмас-тэнгэри имеет еще одного Гунан-Саган-тэнгэри (гунан — трехгодо-валый) и Дөнөн-Саган-тэнгэри (дөнөн — четырехгодовалый).

⁵ Халхин — ветер; три Халхин-тэнгэри — три ветреных тэнгэрина.

⁶ Эмэршин — южный ветер, три Эмэршин-тэнгэри — три южных ветреных тэнгэрина.

⁷ Дөлөн — пламя, следовательно, три пламенных тэнгэрина.

⁸ Саган — белый, мэргэн — меткий. Другой рассказчик сказал, что старший сын Ата-Ула-тэнгэри, имеющий черное облако и черную книгу дорлик, — Хара-Гэрэлтэ.

⁹ Шара — желтый. Другой рассказчик сказал: средний сын, имеющий синее облако дорогу, синюю книгу дорлик, — Хохо-Гэрэлтэ.

¹⁰ По другому рассказчику младший сын, имеющий желтое облако дорогу, желтую книгу дор-лик, — Шара-Гэрэлтэ.

¹¹ Бурьтак — нечистый.

¹² Бурэн — осенний и зимний туман; следовательно, он имеет трех тэнгэринов осенних и зимних туманов.

¹³ Манан — летний туман, следовательно, трех тэнгэринов летних туманов.

¹⁴ Хиру — «иней».

Срединное небо Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри¹ не подчиняется ни западным 55 тэнгэринам, ни восточным 44 тэнгэринам. Оно находится между ними и служит границей между ними. По словам некоторых бурят, Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри имеет одну дочь, которую зовут Сэсэк-Ногон-абаха².

Один из западных пятидесяти пяти тэнгэринов, Писон-Саган-тэнгэри, имеет одну дочь Наран-Гохон-абаха³, у которой заболела голова, отчего она легла на постель, положив высокие подушки и постлав широкие перины.

Писон-Саган-тэнгэри поехал к Таянши-ламе, который находится под ведением Эсэгэ-Малан-тэнгэри. По приезде к Таянши-ламе Писон-Саган-тэнгэри остановился у серебряного столба, привязал к нему своего коня и входит в серебряный дворец; отворив перламутрово-серебряную дверь, перешагнув серебряный порог без сора⁴, вошедши во внутренность дворца, как пуговкой, кивая головой, кланяется, ногу в колене сгибая, кланяется (т. е. кланяется, став на колени). Таянши-лама сидит на серебряном престоле, который не трясется, и читает белые священные книги. Он спрашивает у Писон-Саган-тэнгэрина: «Что тебе нужно? Зачем ко мне приехал, Писон-Саган-тэнгэри? Ты не сидишь ли голодный⁵, и спина твоя не замерзла ли?» Так спрашивает Таянши-лама Писон-Саган-тэнгэрина. Писон-Саган-тэнгэри отвечает: «Рот мой не голоден и спина моя не замерзла. У единственной моей, на коленях воспитанной дочери Наран-Гохон-абахай заболела голова; она легла на высокие подушки, на широкие перины и лежит больная. Я приехал просить вас посмотреть в старшей белой священной книге, что нужно сделать, чтобы она выздоровела».

Тогда Таянши-лама⁶ открывает старейшую, белую священную книгу, смотрит в нее, читает и говорит: «С долины обширной земли, в то время, когда разделяются ночь и утро, как горностаи белый жаворонок подымется вверх, напевая песню; он подымется под самое синеющее небо, далеко выше белосиних облаков, в это время он будет петь песню; серебряный клюв сжимая, будет петь; загнутыми серебряными крыльями махая, будет петь; материнское белое священное писание притягивая к груди, будет петь; старшее белое священное писание притягивая на спину, будет петь; когда чуть виден будет, как вошь величиною еще, еле виден будет, как маленькая вошь, в это время надо

¹ С э г э н — «светло-голубой»; сэбдэг — «твердый, аккуратный». Например, буряты говорят: сэбдэк-хун — «твердый и аккуратный человек».

² С э с э к — «цветы», ногон — «трава».

³ Наран — «солнце», гохон — «красота необыкновенная», абаха — «девица высокого происхождения».

⁴ Бок-угэй алхихо — «перешагнув, не насоривши».

⁵ Обыкновенно говорят: «Рот твой не голоден ли?».

⁶ Иные говорят, что Писон-Саган-тэнгэри поехал к трем Голто-Саган-бурханам.

прострелить три первые маховые пера правого крыла; тогда жаворонок снова спустится на землю, напевая песню, его нужно поймать (не допустив) до земли и обернуть в белую материю, унести и приложить к голове Наран-Гохон-абахай; если ей суждено выздороветь, то жаворонок к голове ее приложится грудью, растопырив крылья и будет лежать; а если не суждено выздороветь, то жаворонок, прискакивая, будет петь». Так говорил Таянши-лама.

Писон-Саган-тэнгэри спрашивает у Таянши-лама: «Чей сын и чей потомок может попасть и прострелить три первые маховые пера у такой прекрасной птички?» Тогда Таянши-лама говорит: «Может попасть в этого жаворонка только один средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ; другой никто не может».

Писон-Саган-тэнгэри с поклонами выходит на улицу; по выходе от Таянши-ламы, сев на коня, он поехал к среднему сыну Хан-Тюрмас-тэнгэри к Бохо-Бэлгэтэ; приехав к бело-серебряному дворцу Бохо-Бэлгэтэ, он остановился у серебряного столба, привязав к нему шелковые поводья своего коня, и входит во дворец; перламутрово-серебряную дверь отворил складно-хорошо, серебряный порог перешагнул без сора, войдя во внутренность дворца, стоит, как пуговкой головой кивая, кланяется. Тогда средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, сидя на бело-серебряном престоле, спрашивает у Писон-Саган-тэнгэри: «За каким делом приехал ко мне, Писон-Саган-тэнгэри?» Писон-Саган-тэнгэри говорит: «У единственной моей дочери Наран-Гохон-абахай заболела головка; она легла на высокие подушки, на широкие перины и лежит больная. Тогда я обратился к Таянши-ламе и просил его открыть старшую белую священную книгу и посмотреть в ней; Таянши-лама, открывши старую белую священную книгу, прочитал: «Когда с долины обширной земли, в то время, когда разделится ночь и утро (т. е. между ночью и утром), как горностаи белый жаворонок подыметесь вверх, напевая песню; когда подыметесь под самое синее небо, далеко выше бело-синих облаков, и в то время будет петь, серебряный клюв сжимая, будет петь, загнутыми серебряными крыльями махая, будет петь; материнское белое и священное писание притягивая к груди, будет петь; старшее, белое и священное писание притягивая на спину, будет петь; когда чуть виден будет как вошь величиной; еле-еле виден будет как маленькая вошь, — в это время нужно прострелить три первые маховые пера правого крыла; тогда жаворонок снова спустится на землю, напевая песню; его нужно поймать (не допустив) до земли и завернуть в белую материю, унести и приложить к голове Наран-Гохон-абахай. Если ей суждено выздороветь, то жаворонок к голове ее приложится грудью и будет лежать, растопырив крылья, а если не суждено выздороветь, то жаворонок,

прискакивая, будет петь. Я спросил, чей сын и чей потомок может попасть и прострелить три первые маховые пера у такой красивой птички; тогда Таянши-лама сказал, что только вы можете попасть и прострелить, а другой никто не может».

Тогда средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэри Бохо-Бэлгэтэ говорит Писон-Саган-тэнгэрину: «Нет, я не могу попасть в этого жаворонка стрелой. Выше меня есть старший брат Хабата-Хасар-мэргэн; тот сумеет попасть и прострелить три первые маховые пера правого крыла». Эти слова говоря, молвил он.

Писон-Саган-тэнгэри поехал к старшему сыну Хан-Тюрмас-тэнгэри Хабата-Хасар-мэргэну, согласно словам Бохо-Бэлгэтэ; приехав к бело-серебряному дворцу, привязав коня к серебряному столбу, входит во дворец, в котором на бело-серебряном престоле сидит старший сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина Хабата-Хасар-мэргэн. Кланяется ему Писон-Саган-тэнгэри. Тогда Хабата-Хасар-мэргэн, сидя на престоле, спрашивает его: «По какому делу приехал ко мне, Писон-Саган-тэнгэри?» Писон-Саган-тэнгэри рассказал слова Таянши-ламы. Тогда Хабата-Хасар-мэргэн говорит ему: «Нет, я не сумею; в этого жаворонка может попасть только средний брат Бохо-Бэлгэтэ». Писон-Саган-тэнгэри говорит ему, что он был у Бохо-Бэлгэтэ, и Бохо-Бэлгэтэ сказал, что он не может попасть в этого жаворонка. «Если кто сумеет попасть, то это только вы можете». Тогда Хабата-Хасар-мэргэн говорит: «Самый младший брат мой Шингис-Ширетэ-богдо, может быть, сумеет попасть в этого жаворонка».

Писон-Саган-тэнгэри с поклоном вышел из дворца Хабата-Хасар-мэргэна и поехал к самому младшему сыну Хан-Тюрмас-тэнгэрина, к Шингис-Ширетэ-богдо; приехавши к бело-серебряному дворцу, привязал своего коня к серебряному столбу, а сам входит во дворец и кланяется Шингис-Ширетэ-богдо. Младший сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина сидит на бело-серебряном престоле и спрашивает Писон-Саган-тэнгэрина: «По какому делу приехал ко мне, Писон-Саган-тэнгэри?» Тогда Писон-Саган-тэнгэри говорит слова Таянши-ламы и что оба старшие брата отказались, а старший брат Хабата-Хасар-мэргэн сказал, что в этого жаворонка может попасть только младший брат.

Тогда Шингис-Ширетэ-богдо говорит: «Нет, я не могу попасть в этого жаворонка; если кто может попасть, то это средний брат мой Бохо-Бэлгэтэ».

Писон-Саган-тэнгэри после этого обратно приехал к Бохо-Бэлгэтэ и говорит ему: «Все говорят, один только Вы можете попасть в этого жаворонка, а другой никто».

Тогда Бохо-Бэлгэтэ опять говорит: «Нет, я не могу попасть в этого жаворонка; если старший брат и младший брат не могут попасть, то я как могу попасть?»

Писон-Саган-тэнгэри приехал обратно домой; отворив золотой подвал, выкатил из него три бочки вина; это вино привез к Бохо-Бэлгэтэ. Приехав к Бохо-Бэлгэтэ и входя во дворец, кланяется ему; после этого выпоил ему одну бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпил одну бочку вина, то это едва заметно стало на его глазах; после Писон-Саган-тэнгэри выпоил ему вторую бочку вина; когда Бохо-Бэлгэтэ выпил вторую бочку, едва заметно стало на устах; после этого Писон-Саган-тэнгэри выпоил ему третью бочку вина; когда он выпил третью бочку, то сделался порядочно пьяным; спереди посмотреть, был похож на красную гору; на губы и рот посмотреть, точно был похож на человека; сзади посмотреть, был похож на высокую гору; в таком виде он сидел, смеялся раскатисто наравне с десятью человеками и также говорил наравне с двадцатью человеками. После этого Бохо-Бэлгэтэ говорит: «Ну, теперь поезжай домой; завтра утром буду стрелять в этого жаворонка и привезу тебе».

Писон-Саган-тэнгэри после этого уехал домой. На другое утро, т. е. между ночью и утром, Бохо-Бэлгэтэ проснулся и, встав с постели, без кушака, нараспашку, в одной шубе, взяв стрелу и лук, выходит на улицу; большую и золотую землю постепенно кругом рассматривал, обширную большую землю вокруг осматривал, чтобы увидеть жаворонка. В это время с долины обширной земли как горностагй белый жаворонок поднялся вверх, махая загнутыми серебряными крыльями, и запел. Этот красивый жаворонок постепенно поднимался все выше и выше, под самое синеющее небо и поднялся далеко выше бело-синих облаков; серебряный клюв сжимая, пел; двумя большими и красивыми крыльями махая, пел; материнское священное писание¹ к груди притягивая, пел; старшее белое священное писание² на спину притягивая, пел; когда чуть видно его стало как с вошь величиной и еле-еле видно стало как маленькую вошь, тогда средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина Бохо-Бэлгэтэ, говоря: «Настало самое подходящее время стрелять мужчине-человеку!», сквозь дверь пролетающую громадную черную стрелу приложил к тетиве лука, сильно натянул лук до спины и остановился, когда дотянул тетиву до оконечника стрелы. Потом говорит: «Если суждено выздороветь дочери Писон-Саган-тэнгэри Наран-Гохон-абахай, то в этого красивого жаворонка попади, от правого красивого крыла три маховые пера отрезав, уходи: если не суждено ей выздороветь, то без известия иди!» Сказав эти слова, Бохо-Бэлгэтэ выстрелил из лука³; стрела

---

¹ Эхэ-саган-ном.

² Аха-саган-ном.

³ Некоторые буряты говорят, что Бохо-Бэлгэтэ этого жаворонка стрелял на земле во время тайлгана «Лусудуй», на который приехал со своим отцом Хан-Тюрмас-тэнгэрином, а также во время этого тайлгана поборол силача земного Газари-Ганик-бохо.

полетела вверх со свистом и пением, от которых тряслась земля и дрожало небо. Этот жаворонок, не зная, продолжал свое пение; в это время прилетела стрела и попала в правое красивое крыло, отрезала три первые маховые пера и пролетела далее. Этот жаворонок без трех маховых перьев правого крыла не мог продолжать петь. Бохо-Бэлгэтэ не допустил жаворонка до земли, поймал его на ладони и завернул в белую материю. После этого он пришел домой; потом поехал к Писон-Саган-тэнгэри и отвез к нему обещанного жаворонка.

Бохо-Бэлгэтэ, приехав к Писон-Саган-тэнгэри, привезенного жаворонка положил на голову девицы Наран-Гохон-абахай; прекрасный жаворонок распростер свои крылья и приложился грудью к голове девицы; она выздоровела, встает с постели и говорит, что долго лежала больной. Она по-прежнему стала здоровой и красивой.

Когда Наран-Гохон-абахай выздоровела, она начала ходить плавно-степенно, отчего выростали тоненькие травы; она гибко-плавно ходила, отчего овцы и ягнята кричали. Она поставила золотой стол, на него поставила превкусную пищу; поставила серебряный стол, на него поставила настоящую вкусную пищу и потом подносила крепкое вино; таким образом она угощала Бохо-Бэлгэтэ, который поедал превкусную пищу и выпивал крепкое вино.

Писон-Саган-тэнгэри сильно обрадовался; он, не помня себя, садится и, не помня, встает; потом говорит: «Бохо-Бэлгэтэ, действительно ты меток и быстр; с этого времени будешь называться не Бохо-Бэлгэтэ, а Мэргэн-Төгөлтөр»¹.

Писон-Саган-тэнгэри говорит Мэргэн-Төгөлтөрү: «Что хочешь, то проси и возьми с собой: половину золота и серебра моего и половину разного скота».

Тогда Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Мне ничего не нужно теперь, а впоследствии пусть Вы выполните мою просьбу, которую попрошу сделать».

После этого Мэргэн-Төгөлтөр уехал домой.

* * *

После этого Хан-Тюрмас-тэнгэри всем подчиненным пятидесяти пяти западным тэнгэринам дал приказание приехать; все западные тэнгэрины собрались у Хан-Тюрмас-тэнгэри. Он говорит собравшимся тэнгэринам: «Так как дней очень много и год длинный (т. е. продолжительный), то будем у меня пировать и веселиться для препровождения времени!» Все пятьдесят пять западных тэнгэринов согласились. Хан-Тюрмас-тэнгэри сделал большой пир; все собравшиеся тэнгэри начали пировать и веселиться. Во время этого пира

---

¹ Төгөлтөр от төгөт — близнец.

и веселья Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит прочим тэнгэринам: «На такой прекрасный пир и веселье пригласим Сэгэн-Сэбдэг-тэнгэри и пошлем за ним трех быстрых послов».

Западные пятьдесят пять тэнгэринов сказали: «Сказанное верно и задуманное подходяще! Нужно послать трех быстрых посланников пригласить Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри».

Тогда в черную железную повозку запрягли трех карих иноходцев и на них послали трех быстрых послов пригласить Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри на пир Хан-Тюрмаса-тэнгэри.

Три быстрые посла на трех карих иноходцах в железной повозке поехали к Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри; когда они ехали по дороге, самый старший из восточных сорока четырех тэнгэринов Ата-Улан-тэнгэри, узнав, что западные пятьдесят пять тэнгэринов с Хан-Тюрмас-тэнгэрином прислали трех быстрых послов за Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри приглашать его к себе на пир и взять в свое подчинение, говорит: «Хан-Тюрмас-тэнгэри имеет 55 тэнгэринов и еще хочет взять Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри, а я имею только 44 тэнгэрина, поэтому Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэрина должен взять я, а не Хан-Тюрмас-тэнгэри, у которого 11-ю тэнгэринами и так больше, чем у меня». С этими словами Ата-Улан-тэнгэри поскорее приготовил тоже трех быстрых послов, для которых запрягли в черную железную повозку трех карих иноходцев; и тоже послал их пригласить к себе Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри. Три быстрых посла Ата-Улан-тэнгэри тоже поехали.

По три посланника западных и восточных тэнгэринов в один раз поехали к бело-серебряному дворцу Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри; они одновременно вылезли из повозок и вошли во дворец; посланники западных тэнгэринов остановились на правой стороне двери, а посланники восточных тэнгэринов остановились на левой стороне двери.

Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри сидит на серебряном престоле и спрашивает: «Откуда и зачем приехали?»

Тогда три быстрых посла от западных тэнгэринов говорят: «Нас послали западные пятьдесят пять тэнгэринов, которые пируют у Хан-Тюрмас-тэнгэри, пригласить Вас на этот пир!»

Потом три быстрых посла от восточных тэнгэринов говорят: «Нас тоже послали пригласить Вас к Ата-Улан-тэнгэрину!»

Тогда Сэгэн-тэнгэри сильно рассердился и говорит послам западных и восточных тэнгэринов: «Я ни к кому не поеду; я бабочке никогда не делал зла и червяка не обижал, живу, никому не деляя зла и никого не обижая; если

хотят взять меня, то пусть возьмет тот, который победит другого; я пойду к победителю!» С этими словами отправил быстрых послов западных и восточных тэнгеринов.

Три быстрых посла западных тэнгеринов уехали обратно к западным тэнгерином и сказали слова Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри.

Хан-Тюрмас-тэнгэри сказал западным пятидесяти пяти тэнгерином, что нужно из-за Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри воевать с восточными тэнгерином¹. После этого западные тэнгерины разъехались с пира. Другие три быстрых посла сказали те же слова Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри и восточным тэнгерином; Ата-Улан-тэнгэри тоже решил воевать с западными тэнгерином из-за Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри, которым должен владеть победитель.

Хан-Тюрмас-тэнгэри, когда кончился пир, начал готовиться к войне с восточным старшим тэнгерином Ата-Уланом; он приказал готовиться к войне своим трем сыновьям, которые и начали собираться; Хан-Тюрмас-тэнгэри приказал также готовиться к войне трем Халхин-тэнгерином, трем Эмершин-тэнгерином и трем Дөлөн-тэнгерином. Все они вполне готовились к войне.

Самый старший тэнгэри над восточными тэнгерином Ата-Улан-тэнгэри тоже начал готовиться к войне с Хан-Тюрмас-тэнгерином. Ата-Улан-тэнгэри приказал готовиться к войне своим трем сыном и также трем Бөрөн-тэнгэри, трем Манан-тэнгерином и трем Хиру-тэнгэри, — все они тоже вполне готовились к войне.

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри сел на своего темно-гнедого коня величиною с гору и поехал к востоку; он ехал впереди, а за ним поехали три сына его, три Халхин-тэнгэри, три Эмершин-тэнгэри и три Дөлөн-тэнгэри.

Ата-Улан-тэнгэри тоже сел на своего коня и поехал к западу впереди, а за ним три сына его, три Бөрөн-тэнгэри, три Манан-тэнгэри и три Хиру-тэнгэри.

Хан-Тюрмас-тэнгэри и Ата-Улан-тэнгэри съехались около дворца Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри на половинном расстоянии; к месту приехали в одно и то же время, — никто никого не опередил.

Восточный тэнгэри, Ата-Улан, говорит западному Хан-Тюрмас-тэнгэри: «Ты имеешь 55 тэнгеринов, и так уже у тебя много их, а у меня только 44 тэнгэрином, более нет; у тебя одиннадцатью тэнгерином более, чем у меня; Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэрином должен взять я, так как у меня меньше». Хан-Тюр-

---

¹ Иные говорят, что война между западными и восточными тэнгерином произошла из-за дочери Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэрином Сэсэк-Ногон-абаха, которой хотели владеть и западные 55 тэнгеринов и восточные 44 тэнгэрином.

мас-тэнгэри говорит: «Будем воевать; кто выйдет победителем, тот возьмет к себе Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри».

И так они согласились воевать между собою из-за Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри; его возьмет победитель.

Восточный Ата-Улан-тэнгэри и западный Хан-Тюрмас-тэнгэри вырешили, чтобы сначала воевали три Халхин-тэнгэри с тремя Бөрөн-тэнгэри.

Три Бөрөн-тэнгэри сделали такой густой туман, что все живые существа стали на небе блуждать; жеребья от матерей терялись и птицы от гнезда терялись. Тогда три Халхин-тэнгэри начали дуть.

Три Халхин-тэнгэрина и три Бөрөн-тэнгэрина воевали в продолжение трех суток, но никто никого не мог победить; после третьих суток три Халхин-тэнгэрина начали побеждать своих противников, трех Бөрөн-тэнгэринов, и, наконец, окончательно победили; три Халхин-тэнгэрина с неба выдули в нижнюю землю трех Бөрөн-тэнгэринов, говоря: «На нижней земле будете на вершине высоких гор и на поверхности широкого моря». Три Бөрөн-тэнгэри, побежденные и выдутые с неба, спустились на нижнюю землю, остановились на вершинах высоких гор и на поверхности широкого моря¹.

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри сильно обрадовался и говорит: «Первая победа за нами».

Потом три Эмершин-тэнгэри с тремя Манан-тэнгэринами начали воевать. Три Манан-тэнгэри сделали такой густой туман, что все живые существа стали на небе блуждать: жеребья теряли матерей и птицы от гнезда терялись. Тогда три Эмершин-тэнгэри начали дуть.

Три Эмершин-тэнгэрина с тремя Манан-тэнгэринами воевали в продолжение трех суток, но никто никого не мог победить; после третьих суток три Эмершин-тэнгэрина начали побеждать своих противников, трех Манан-тэнгэринов, и, наконец, окончательно победили. Три Эмершин-тэнгэрина с неба выдули своих противников в нижнюю землю, говоря: «На нижней земле будете туманить вдоль долгой и большой пади и на подошвах высоких гор». Три Манан-тэнгэри, побежденные и выдутые с неба, спустились на нижнюю землю, остановились вдоль долгой и широкой пади на подошвах высоких гор².

Тогда западный Хан-Тюрмас-тэнгэри сильно обрадовался и говорит: «Вторая победа наша! Мои тэнгэрины победили!»

---

¹ По словам бурят, на земле с этого времени появился зимний туман на поверхности воды и на вершине высоких гор; прежде не было; это потому, что три Бөрөн-тэнгэрина были с неба выдуты на землю.

² С этого времени на земле появился летний туман, а прежде до этого времени не было. Земные люди не знали ни летних, ни зимних туманов.

Потом три Дөлөн-тэнгэрина с тремя Хиру-тэнгэринами начали воевать. Три Хиру-тэнгэрина сделали такой сильный иней, что все растения на небе замерзли, и также животные стали мерзнуть. Тогда три Дөлөн-тэнгэрина впустили пламя и начали таять иней. Три Дөлөн-тэнгэрина с тремя Хиру-тэнгэринами воевали в продолжение трех суток, но никто никого не мог победить; после третьих суток три Дөлөн-тэнгэрина начали побеждать своих противников, трех Хиру-тэнгэринов, и, наконец, окончательно победили и все иней растаяли. Три Дөлөн-тэнгэрина с неба выбросили Хиру-тэнгэринов на нижнюю землю, говоря: «На нижней земле будете инеями перед восходом солнца, от которого растаете». Три Хиру-тэнгэри, побежденные и выброшенные с неба на землю, спустились на нижнюю землю, где и остановились: перед восходом солнца на землю падали инеями, после восхода солнца таяли. Хан-Тюрмас-тэнгэри сильно обрадовался и говорит: «Третья победа за нами».

После тэнгэринов настала очередь трех сыновей Хан-Тюрмас-тэнгэри и трех сынов Ата-Улан-тэнгэри. Три сына Хан-Тюрмас-тэнгэри начали воевать с тремя сыновьями Ата-Улан-тэнгэри; старший сын Хан-Тюрмас-тэнгэри начал воевать со старшим сыном Ата-Улан-тэнгэри, средний сын со средним сыном и младший сын с младшим сыном; они воевали в продолжение трех суток; вперед упираясь ногами, делали красные горы, и назад упирались ногами, делали большие горы, но никто не мог победить: если к верблюду бросить, равным-равно воюют, если к лошади бросить, действительно равно воюют; в продолжение шести суток воюют, по прошествии шести суток три сына Хан-Тюрмас-тэнгэри начали побеждать трех сынов Ата-Улан-тэнгэри и, наконец, окончательно победили трех сынов Ата-Улан-тэнгэри.

Три сына Хан-Тюрмас-тэнгэри своими острыми копьями с чернем из черного дерева закололи трех сыновей Ата-Улан-тэнгэри и сбросили их с неба на нижнюю землю. Тогда три сына Ата-Улан-тэнгэри, сброшенные с неба на землю, спустились на южной стороне, откуда восходит солнце; когда падали на землю, то они говорили: «Будем преследовать до тех пор, пока отверстие железного стремени не прорвется, и до тех пор, пока родившиеся дети начнут носить колчаны». Когда они упали на землю, то сделались тремя царями ша-рабуловыми: старший царь Саган-Гэрэлтэ-хан¹, средний Шара-Гэрэлтэ-хан² и младший Хара-Гэрэлтэ-хан³; эти цари имели много тысяч подданных как земля многочисленных.

¹ Саган-Гэрэлтэ-хан — белый светлый царь.

² Шара-Гэрэлтэ-хан — желтый светлый царь.

³ Хара-Гэрэлтэ-хан — черный светлый царь. «Стекло» — гэрэл, следовательно: белый стеклянный царь, желто-стеклянный царь и черно-стеклянный царь. Или слово гэрэл происходит от слова гэрэлхэн — «прозрачный», тогда можно перевести: прозрачно-белый царь, прозрачно-желтый царь и прозрачно-черный царь.

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри сильно обрадовался и говорит: «Четвертая победа за нами».

Потом Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит Ата-Улан-тэнгэрину: «Теперь воевать будем мы сами!», и спрашивает: «Как будем воевать: силой плеча¹ или силой большого пальца?»²

Ата-Улан-тэнгэри говорит: «Будем воевать силой плеча».

После этого западный Хан-Тюрмас-тэнгэри с восточным Ата-Улан-тэнгэрином начали воевать силой плеча; они воевали в продолжение трех суток, никто никого не может победить; вперед упирались ногами, делали красную гору, назад упирались ногами, большие горы делали; продолжали воевать шесть суток, никто никого не может победить; если к верблюду сбросить, равным-равно воевали, а если к лошадям сбросить, действительно равно воевали; еще продолжали воевать девять суток; после девяти суток западный Хан-Тюрмас-тэнгэри, притягивая его вперед, нагибал, как сырое дерево гнул, начал побеждать своего противника Ата-Улан-тэнгэри; и отталкивал назад, как сухое дерево ломал и, наконец, окончательно победил. Хан-Тюрмас-тэнгэри свалил на землю своего противника Ата-Улан-тэнгэри и выдернул с правого бока из ножен серебром оправленный меч, который в крови человека не делается мягким, в костях не тупится и скован из чистого и крепкого булата. Этим мечом он ударил восточного Ата-Улан-тэнгэри и разрубил пополам; потом острым копьем с чернем из черного дерева проколол нижнюю часть тела и сбросил с неба на нижнюю землю.

Нижняя часть тела восточного Ата-Улан-тэнгэри, сброшенная с неба вниз, направилась прямо в северо-западную сторону и на пути сделалась человеком, если колоть острыми орудиями, то без крови, и если стрелять стрелами, то без жизни; обратившись в такое чудовище мангатхай, которое звали Лобсогоддой³, она упала на землю. Лобсогоддой, падая, на пути говорил: «Буду преследовать всех потомков, происшедших от западного Хан-Тюрмас-тэнгэрина, до тех пор, пока ушко не прорвется у железного стремени!» Так грозя, упал на землю.

Потом Хан-Тюрмас-тэнгэри острым копьем с чернем из черного дерева проколол верхнюю часть тела Ата-Улан-тэнгэри и тоже сбросил с неба вниз на землю.

---

¹ Силой плеча — значит бороться.

² Силой большого пальца, т. е. стрелять друг в друга стрелой.

³ Обыкновенно буряты называют Лобсогоддой-хара-мангатха, или просто Лобсогоддой.

Верхняя часть тела восточного Ата-Улан-тэнгэри, сброшенная с неба вниз, на пути между небом и землей начала заставлять десять больших волшебств на ладони бегать, двадцать больших волшебств заставила бегать на пальцах; в это время на спине сделала десять тысяч глаз из десяти тысяч звезд ночного неба, на передней стороне сделала четыре тысячи глаз¹ из четырех тысяч звезд ночного неба; направилась прямо на восточную сторону, где хотела спуститься на землю, называемую Хонин-Хотон²; придавив ее, спустилась и сделалась царем Гал-Дөлмө-ханом³ с 1003 большими волшебствами.

Западный Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Непобедимых врагов победили и годовалого жеребенка закололи!» Так как западный Хан-Тюрмас-тэнгэри победил восточного Ата-Улан-тэнгэри, то взял себе Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри. Потом Хан-Тюрмас-тэнгэри возвратился обратно домой с тремя сыновьями, тремя Халхин-тэнгэринами, тремя Эмершин-тэнгэринами и тремя Дөлөн-тэнгэринами. По приезде домой Хан-Тюрмас-тэнгэри собрал всех западных 55 тэнгэринов и Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри и вместе с ними устроил большой пир и веселье, продолжавшиеся девять дней и девять ночей; на десятый день едва разошлись.

* * *

Таким образом, самый старший восточный Ата-Улан-тэнгэри с тремя сыновьями, тремя Бөрөн-тэнгэринами, тремя Манан-тэнгэринами и тремя Хиру-тэнгэринами с неба сброшены на землю. С тысячью тремя большими волшебствами Гал-Дөлмө-хан стал жить в стране Хонин-Хотон и сделался могущественным царем. Гал-Дөлмө-хан подружился с альбинскими альбинами, сделал их своими друзьями. Потом Гал-Дөлмө-хан говорит: «На земле есть люди, которых сотворили западные 55 тэнгэринов; они им покровительствуют. Этим людям нужно вредить и посылать на них разные болезни, чтобы они сильно умирали».

На земле были люди, сотворенные западными пятьюдесятью пятью тэнгэринами. На земле были три царства Тугушинские⁴ (Тугушин-гурбан-хадут); старший царь был, имеющий солового коня, с проседью голову, белую шелковую

---

¹ Другие говорят: на передней стороне сделала множество тысяч-тысяч глаз.

² Хонин — овца, хотон — желудочный, овечье-желудочная.

³ Гал — огонь. Дөлмө — происходит от долон — пламя, следовательно, огонь — пламенный хан.

⁴ Другие говорят, Рөгөшинские три царя (Рөгөшин гурбан-хан). Иные говорят, Дөгөхи-гурбан-хадут (Төгөтские три царя).

шубу и добродетельный нрав, Сарагал-Нойон-хан¹; средний царь был скрыто отгадывающий, трудное достигающий и белое от черного разделяющий (т. е. правое от неправого разделяющий), Зат-Шухэр-хан; младший царь был, имеющий сивого жеребца, царь с черными думами (т. е. завистливый), Сута-Нойон-хан². Земные люди жили хорошо, дружно и не знали никаких болезней.

Гал-Дөлмө-хан послал подданным тугушинских трех царей разных альбинов, чтобы они вредили им и причиняли разные болезни, от которых помирили бы подданные тугушинских трех царей. Гал-Дөлмө-хан подданным тугушинских трех царей послал 100 белых альбинов, 100 желтых альбинов, 100 синих альбинов и 100 черных альбинов³. 100 белых альбинов в белых одеждах остановились на белом море (саган-дала); они имели сто белых лошадей, на которых ездили по белому морю, имели сто белых котлов, в которых варили белых вшей⁴ и ели; 100 желтых альбинов в желтых одеждах остановились на желтом море (шара-дала); они имели сто соловых лошадей, на которых ездили по желтому морю, имели сто желтых котлов, в которых варили вшей⁵ и ели; 100 синих альбинов в синих одеждах остановились на синем море (хөхө-дала); эти альбины имели сто синих лошадей, на которых ездили по синему морю, имели сто синих котлов, в которых варили синих вшей⁶ и ели. 100 черных альбинов остановились на черном море (хара-дала); они имели сто черных лошадей, на которых ездили по черному морю; имели сто черных котлов, в которых варили черных вшей⁷ и ели. Все эти белые, желтые, синие и черные альбины стали делать зло: текущие реки из источников стали высыхать и текли отравой и разными червями⁸; растущие травы с корня засохли и растущие деревья с вершины стали засыхать; в маленьких чашках вода стала по 5, а в больших по 10 (?).

С этого времени разные болезни сильно распространялись на людей, умирало каждый день по 100 человек и по 100 лошадей. Тогда тугушинские три царя сильно удивились и сильно опечалились. Говорят между собой: «Что такое случилось? Прежде не было такого несчастья, а ныне откуда завилось? От высокого неба так присуждено или от обширной земли?» Так говорили между собою тугушинские три царя и долго советовались, как прекратить это

---

¹ Обыкновенно буряты говорят: саган-эхэ-ханата Сарагал-Нойон-абага.

² Обыкновенно буряты говорят: хара-эхэ-ханата Хара-Сутан-абага.

³ Другой сказал: 700 альбинов, а большинство говорят, девять альбинов.

⁴ Белый деготь — пища.

⁵ Желтый деготь — пища.

⁶ Синий деготь — пища.

⁷ Черный деготь — пища.

⁸ До этого в реках не было разных водяных насекомых.

несчастье и разные болезни, от которых люди сильно умирают. Если так будут умирать, то и все вымрут. Наконец, старший царь Сарагал-Нойон-хан и средний царь Зат-Шухэр-хан, скрытое отгадывающий и трудное достигающий, говорят: «Восточные тэнгэрины спустились на землю и посылают эти разные болезни. Чтобы прекратить их, нужно дать знать западным пятидесяти пяти тэнгэринам и Хан-Тюрмас-тэнгэрину; они наши создавшие создатели и творившие творцы».

После этого тугушинские три царя приказали собрать от подданных слюни и слезы. Начали от лежащих людей слюни и слезы собирать половинными поваренками; от стоящих людей собирали разбитыми поваренками¹; когда собрали достаточное количество слюней и слез, то пригласили шаманку Шархан, которая безошибочно узнает жареное мясо. Шаманка Шархан с помощью этих собранных слюней и слез совершила обряд сасали барьха²; при этом шаманка Шархан говорила: «Западные пятьдесят пять тэнгэринов и самый старший Хан-Тюрмас-тэнгэри, вы, которые на земле создали людей! Нас создавшие создатели и творившие творцы! Смотрите на нас и исцелите нас от болезней! Пусть эти слюни и слезы подымутся на небо и прильнут к дворцу Хан-Тюрмас-тэнгэри!» С этими словами собранные слюни и слезы бросили вверх. Этим кончилось сасали барьха. Брошенные слюни и слезы поднялись на небо и попали в юго-западный угол бело-серебряного дворца Хан-Тюрмас-тэнгэри, отчего угол бело-серебряного дворца раскололся и дворец пошатнулся к юго-западу.

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри, выйдя из бело-серебряного дворца, смотрит, отчего раскололся угол его бело-серебряного дворца и пошатнулся к юго-западу. Хан-Тюрмас-тэнгэри видит, что на углу его дворца прилипли очень отвратительные слюни и слезы, и что от них раскололся угол и пошатнулся дворец. Хан-Тюрмас-тэнгэри сильно удивился и говорит: «Что за чудо и откуда взялись такие отвратительные слюни и слезы?»

После этого Хан-Тюрмас-тэнгэри оседлал своего темно-гнедого коня величиной с гору чисто серебряным седлом и, положив шелковый потник, серебряной уздой обуздал коня и шелковыми поводьями привязал к серебряному столбу; потом вошел во дворец, оделся как следует и вновь вышел из дворца.

---

¹ Некоторые говорят, что когда безмужною вдову бабу Билэхэн и без родителей мальчика начали бить жестоко, то они плакали и кашляли, тогда их слюни и слезы собрали в разбитой поваренке. Ныне буряты говорят, что слезы безмужней вдовы и сирот ядовиты, т. е. что их безвинно заставлять плакать и обижать очень грешно.

² Религиозный обряд сасали барьха, по словам некоторых бурят, заимствован отсюда и с сего времени соблюдается бурятами.

Хан-Тюрмас-тэнгэри, сев на темно-гнедого коня, поехал к бабушке Манзан-Гөрмө¹; приехавши, остановился около серебряного столба, слез с коня, шелковым поводом привязал его к серебряному столбу, снял, как звезда, белую шапку, и с низкими поклонами приблизился к бело-серебряному дворцу; перламутрово-серебряную дверь ее отворил осторожно и складно, серебряный порог перешагнул без сора, входя во дворец он, как пуговкой головой кивая, кланяется, в колене ногу согнув, кланяется. Тогда бабушка Манзан-Гөрмө, сидящая на бело-серебряном престоле, говорит: «Откуда и зачем приехал ко мне? Рот твой не голоден ли и спина твоя не мерзнет ли?»

Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Рот мой не голоден и спина моя не мерзнет. Я приехал спросить у Вас совета. Сегодня утром юго-западный угол моего бело-серебряного дворца вдруг раскололся и дворец пошатнулся к юго-западу; когда я вышел из дворца и посмотрел, то увидел очень отвратительные слюни и слезы, которые прилипли к юго-западному углу моего дворца». Тогда бабушка Манзан-Гөрмө говорит: «Ты воевал с восточным тэнгэрином Ата-Улан-тэнгэрином и с тремя его сыновьями, победил их и сбросил с неба на нижнюю землю. Верхняя часть тела Ата-Улан-тэнгэри на земле сделалась Гал-Дөлмө-ханом, с 1003 волшебствами; он вредит и посылает разные болезни на земных людей, которых создали западные тэнгэрины и которым они покровительствуют; земные люди, прося помощи, бросили наверх собранные слюни и слезы от больных людей, которые сильно помирают». Хан-Тюрмас-тэнгэри спросил, как помочь земным людям, чтобы они не болели и не умирали сильно. Тогда бабушка Манзан-Гөрмө говорит Хан-Тюрмас-тэнгэрину: «Ты имеешь трех сыновей, из них одного сына должен послать на землю, тогда только мор прекратится». После этого Хан-Тюрмас-тэнгэри с поклоном вышел из дворца и, сев на коня, приехал домой обратно.

По приезде Хан-Тюрмас-тэнгэри собрал всех западных пятьдесят пять тэнгэринов и говорит им: «Внизу на земле созданные нами люди сильно умирают от разных болезней, насылаемых восточным тэнгэрином Ата-Улан-тэнгэри, сброшенным мною на землю, и бабушка Манзан-Гөрмө сказала мне, что нужно на землю послать одного моего сына из трех моих сыновей. Которого из них послать на землю на выручку земных людей?»

---

¹ Здесь рассказчики разно говорят: один, — что Хан-Тюрмас-тэнгэри поехал узнавать о случившемся к трем Голто-Саган-бурханам, и они рассказали ему, отчего это случилось; а другие говорят: Хан-Тюрмас-тэнгэри поехал к Шибэгэни-Саган-бурхану, и от этого бурхана узнал настоящую причину о случившемся обстоятельстве; еще говорят, что Хан-Тюрмас-тэнгэри поехал к трем соржи-ламам ворожить о случившемся; а иные говорят, что Хан-Тюрмас-тэнгэри ворожить поехал к Таянши-ламе.

Тогда прочие западные тэнгерины говорят: «Сказанное подходяще и дума правдоподобная; одного вашего сына нужно послать на землю; тогда прекратятся разные болезни и люди перестанут сильно помирать». Потом Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит старшему сыну Хабата-Хасар-мэргэну: «Ты спустишься на землю». Старший сын Хабата-Хасар-мэргэн говорит: «Нет, я не могу, отец мой Хан-Тюрмас-тэнгэри! Я твое имя опозорю на земле, моложе меня есть два младшие брата; пусть из них кто-нибудь спустится на землю». Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит среднему сыну Мэргэну-Төгөлтөрү: «Ты спустишься на землю». Средний сын Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Нет, я не могу, отец мой Хан-Тюрмас-тэнгэри! Выше меня есть старший брат и моложе меня есть младший брат; пусть они спустятся на землю». Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит младшему сыну Шингис-Ширэтэ-богдо: «Ты спустишься на землю». Младший сын Шингис-Ширэтэ-богдо говорит: «Нет, я не могу, отец мой Хан-Тюрмас-тэнгэри! Выше меня есть два старшие брата, пусть они спустятся на землю».

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри опять поехал к бабушке Манзан-Гөрмө¹, кланяется и спрашивает ее: «Которого сына послать на землю? Все трое отказались спуститься на землю». Бабушка Манзан-Гөрмө сказала: «На землю может спуститься только средний твой сын Мэргэн-Төгөлтөр, который должен будет родиться на земле, потому что небесный человек на земле долго не может жить, и сила его сильно убавится; тогда он не будет в состоянии воевать с восточными тэнгериными на земле». Хан-Тюрмас-тэнгэри приехал домой.

По приезде домой Хан-Тюрмас-тэнгэри сказал западным тэнгериным, что бабушка Манзан-Гөрмө сказала: «На землю может спуститься только средний сын Мэргэн-Төгөлтөр, который на земле должен родиться как земной человек». Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри с прочими западными тэнгериными начали принуждать спуститься на землю Мэргэн-Төгөлтөра по приказанию бабушки Манзан-Гөрмө.

Средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэри Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «На нижней земле тринадцать северных царей, они очень сильные цари; и южные двадцать три тоже очень сильные; войны на земле бывают очень силь-

---

¹ Некоторые говорят, что Хан-Тюрмас-тэнгэри, когда поехал к бабушке Манзан-Гөрмө, то по пути заехал к Писон-Саган-тэнгэри, у которого напился допьяна вина и ночевал. На другое утро поехал к бабушке Манзан-Гөрмө, побоялся заходить, думал, она будет сердиться — спросил через стряпку: «Которого сына послать на землю?» Тогда Бабушка Манзан-Гөрмө сказала: «Послать среднего сына Мэргэн-Төгөлтөра».

ные и большие, и притом, мстительные; внизу летающие птицы большие ловят маленьких и едят, а маленькие едят больших; рыбы в водах большие едят маленьких и в лесах звери большие едят маленьких. В такую трудную страну я не могу спуститься, отец мой Хан-Тюрмас-тэнгэри! Твое имя я опозорю там. Западные пятьдесят пять тэнгэринов! И ваше имя я опозорю там!»

Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри с прочими западными тэнгэринами говорит: «Кроме тебя, некому спуститься на землю, другого человека нет, а потому непременно ты должен спуститься на землю». Мэргэн-Төгөлтөр говорит отцу своему Хан-Тюрмас-тэнгэри и прочим западным тэнгэринам: «Если вы все дадите то, что я попрошу, тогда я спущусь на землю». Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри и прочие тэнгэрины говорят: «Все дадим то, что попросишь». Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри, дай мне все оружие и три доспеха, которые носишь!» Тогда Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Дам!» Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри, дай мне тысячу веков смешивающий белый камень Эрдэни и волшебное черное дерево, которое носишь при себе». Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Дам!» Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри, дай мне с тринадцатью узлами петлю Торь-Саган и верховой кнут с 88 узлами и 99 пуговицами, которые у тебя есть». Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Дам!» Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри, дай мне своего темно-гнедого коня со всеми сбруями, которые имеешь». Хан-Тюрмас-тэнгэри говорит: «Дам!» Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Все прошу от моего отца Хан-Тюрмас-тэнгэри; теперь пусть тридцать три Балур-Саган-тэнгэрина дадут мне по одному старшему сыну, из которых я сделаю себе тридцать три батора и триста передовых войск». Тогда тридцать три Балур-Саган-тэнгэрина говорят: «Дадим». Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри и западные пятьдесят пять тэнгэринов, дайте мне моих трех старших сестер теток Хөнур-бурхан; может быть, во время войны буду побежден неприятелями и годовалым жеребёнком буду убит; тогда за мной будут смотреть и выручать от опасности». Хан-Тюрмас-тэнгэри и прочие западные тэнгэри говорят: «Дадим». Мэргэн-Төгөлтөр говорит: «Отец мой, Хан-Тюрмас-тэнгэри и западные пятьдесят пять тэнгэринов, дадите ли мне моего старшего брата Хабата-Хасар-мэргэна? Может быть, во время войны буду побежден неприятелем и годовалым жеребёнком буду убит; тогда он за мной будет смотреть и выручать меня от опасности». Хан-Тюрмас-тэнгэри и прочие западные тэнгэрины говорят: «Дадим». Таким образом, Мэргэн-Төгөлтөр получил все то, что просил.

Когда средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина Мэргэн-Төгөлтөр получил все, то начал собираться спускаться с неба на землю. Западные тридцать три Балур-Саган-тэнгэри дали ему по одному старшему сыну, которые сделались тридцатью тремя батарами; имена их:

Самый старший батар, сын Бомборин-Саган-тэнгэрина, имеющий серого коня, Буди-Улан-батар¹. За этим сын Бамбада-Саган-тэнгэрина, имеющий совсем черного коня, Бахи-Хара-Батар². За этим сын Зуруглу-Саган-тэнгэрина, имеющий на всех шести сторонах большие пальцы, одной стрелой убивающий 6000 человек в один раз, Жорголжихо-батар. За этим имеющий белым-белого коня, с белым доспехом дукту и острое острие Эржинь-Шумар-батар. За этим громко кричащий как крик тысячи изюбрей в один раз, вдруг громко кричащий как крик 50 лосудуев в один раз; если один раз крикнет, то люди в обмороке падают, если во второй раз крикнет, то совсем умирают, и если крикнет третий раз, то все в пух и прах разлетается; сын Лосана Лосан-Шумар-батар³. За этим на местности Наянта растущих восемьдесят разных цветов безошибочно знающий, указательным пальцем исцеляющий и на местности Ерентэ растущих девяносто разных цветов знающий, большим пальцем вылечивающий, оживляющий мертвых и бедных делающий богатыми Хугэн-Эмшин-батар⁴. За этим тридцатилетний Анзан-Шумар-батар⁵. За этим имеющий красный камень — питье и красно-чалого коня Улгу-Улан-батар. За этим имеющий черный камень — уменье и темно-гнедого коня Харасага-Хара-батар. За этим идут девять кузнечных батаров⁶, которые занимают-ся кузнечным искусством; старший из них большой меховой батар. За этим малый меховой батар. За этим Сулмарши-батар⁷. За этим Хисаши-батар⁸. За этим большой молотобойный батар. За этим малый молотобойный батар. За этим большой клещевой батар. За этим подпилочный батар. За этим Эрхэ-Анзан-батар, пятнадцати лет, сын неба. За ним Ехон-Уленши-батар⁹, которые занимаются кроением и шитьем¹⁰.

---

¹ Другой сказал: старший батар сын Боролгон-Саган-тэнгэрина Будан-Шуман-батар; третий сказал: Будан-Шумар-батар, сын Луса-тэнгэрина.

² Другой сказал — просто сын Бамбахин-Бахи-Хара-батар.

³ Другой сказал, что у него был один батар Гал-Бадаргата, который кричал огнем и палил.

⁴ Другой сказал: Хугэн-Эмши-батар.

⁵ Другой сказал: Эрхэ-Анзан-батар, — а другие говорят: Анзан-Бэрхэ-батар.

⁶ Рассказчик не мог сказать имена всех кузнечных батаров (өһөн дархаши-батар) и только поименовал их так: большой меховой батар, малый меховой батар и т. д.

⁷ Сулмар — это инструмент для делания отверстий.

⁸ Хиса — кузнечный инструмент, которым из огня достают раскаленное железо.

⁹ Ехон-Уленши-батар занимается кроением, шитьем, сучением ниток и пр.; по словам бурят, есть батар, который специально занимается сучением волосяных ниток и волосяных веревок и проч., также есть батары, которые занимаются разными столярными искусствами; есть батары, которые занимаются деланием стрел для луков, но рассказчики не могли рассказать подробно о них, хотя утверждали, что существовали такие батары.

¹⁰ Имен остальных батаров рассказчик не мог вспомнить и отказался назвать их.

Потом Мэргэн-Төгөлтөр получил 300 передовых войск.

После этого средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэрина начал собираться спуститься на землю; тридцать три батара и триста передовых войск стали собираться; когда все было готово, Мэргэн-Төгөлтөр с тридцатью тремя батарами и с тремястами передовых войск сели на коней и стали спускаться с неба на землю.

Когда Мэргэн-Төгөлтөр, спускаясь с неба, остановился между небом и землей, тут он вынул из-за пазухи желтый шелковый платок и три раза махнул им по солнцу; тогда между небом и землей таинственным образом явилась золотая земля Шатак. На этой золотой земле он оставил своих тридцать трех батаров, триста войск, темно-гнедого коня и прочие предметы из оружия и доспехов.

Сам Мэргэн-Төгөлтөр спустился на землю. Спустившись, пришел к белому морю и на берегу его остановился; здесь он из коры дерева сделал белого годовалого жеребенка. Этого жеребенка он оживил, а сам сделался белым альбином с белой одеждой и с белым котлом и, сев на белого жеребенка, поехал по белому морю. Мэргэн-Төгөлтөр в виде белого альбина встретился со ста альбинами и, остановившись, говорит им: «Здравствуйте, братья»¹. Тогда сто белых альбинов спрашивают: «Кто ты такой и откуда приехал?»

Мэргэн-Төгөлтөр отвечает: «Меня послал с 1003 волшебствами Гал-Дөлмө-хан и приказал мне присоединиться к вам и сделаться вашими друзьями; кроме того, ускорить распространение болезней на людей. Скоро спустится с неба на землю средний сын западного Хан-Тюрмас-тэнгэрина Мэргэн-Төгөлтөр». Тогда сто белых альбинов говорят: «Если ты должен присоединиться и подружиться с нами, то по этому морю в один миг объедешь иноходью и возвратишься на это место». Мэргэн-Төгөлтөр с помощью своих волшебных сил повернул глаза ста белым альбинам и в это время в один миг повернул жеребенка и говорит: «Я объехал по белому морю и теперь ваша очередь, братья!» Тогда сто белых альбинов поехали иноходью по белому морю, как ветер быстро и легко понеслись. Мэргэн-Төгөлтөр немного отстал от них, потом взял смешивающий тысячи веков камень Эрдэни, ударил им по морю и рассек его до дна; сто белых альбинов упали на дно моря; тогда он волшебным черным деревом погладил по белому морю над ста альбинами и сказал: «Никогда не выходите из белого моря и живите в море, сделавшись водяными духами»².

---

¹ Вар. Мэргэн-Төгөлтөр на берегу белого моря, обратившись в белого альбина на белом годовалом жеребенке, со ста белыми веками, поджидал семьсот белых альбинов. Когда альбины приехали к нему, он сказал им: «Гал-Дөлмө-хан послал меня присоединиться к вам; он послал семьсот белых вшей». После этого сварили вшей и, наевшись, поехали по белому морю. Другие говорят, что Мэргэн-Төгөлтөр поджидал девять белых альбинов.

² По словам бурят, с этого времени появились в воде водяные; прежде не было их в водах. Сто белых альбинов с этого времени живут в воде и топят людей, души утопленников тоже делаются водяными.

После этого Мэргэн-Төгөлтөр приехал к желтому морю, на берегу которого из коры дерева сделал солового годовалого жеребенка. Этого жеребенка оживил, а сам обратился в желтого альбина, с желтой одеждой и с желтым котлом и, сев на жеребенка, поехал по желтому морю навстречу ста желтым альбинам, и поступил с ними так же, как с белыми альбинами.

После этого Мэргэн-Төгөлтөр приехал к синему морю, на берегу его из коры дерева сделал синего годовалого жеребенка, этого жеребенка оживил, а сам сделался синим альбином с синей одеждой и с синим котлом и, сев на жеребенка, поехал по синему морю навстречу ста синим альбинам; встретив их, сделал то же самое, что с белыми и желтыми альбинами.

Потом Мэргэн-Төгөлтөр приехал к черному морю, на берегу его из коры дерева сделал черного годовалого жеребенка; этого жеребенка оживил, и сам сделался черным альбином с черной одеждой и с черным котлом и, сев на жеребенка, поехал по черному морю навстречу ста черным альбинам; встретив их, сделал то же самое, что с белыми альбинами, желтыми альбинами и синими альбинами.

* * *

После этого Мэргэн-Төгөлтөр обратно поднялся на золотую землю Шатак и остался на ней.

На земле тугушинские три царя узнали, что несчастья и разные болезни могут прекратиться, но для этого нужно поймать красивую девицу, сломать ей одну ногу, одну руку и выколоть один глаз; потом нужно посадить ее на ростани трех дорог к злу и несчастью в шалаше, сделанном из травы, дать ей черную корову, с черным чаем¹ и с черным сломанным котлом, приставив к ней худого и старого старика Сөнгөлөна, который бы варил ей пищу. Тогда только настанет доброе и старое время.

Тугушинские три царя начали искать красивую девицу и нашли ее; дочь Собон-Саган-нойона оказалась очень красивой; ее называли Угин-Саган-абахай. Девицу Угин-Саган-абахай поймали и насильно привели, чтобы посадить на ростани трех дорог к злу и несчастью.

Средний сын западного Хан-Тюрмас-тэнгэрина Мэргэн-Төгөлтөр одну дочь Писон-Саган-тэнгэрина, Наран-Гохон-абахай, спустил на землю на вершине горы Оргил-Ула в бело-серебряном дворце; она спустилась на землю и жила в этом дворце.

Когда пойманную девицу Угин-Саган-абахай, дочь Собон-Саган-нойона, привели, то она говорит: «На вершине горы Оргил-Ула живет дочь тэнгэрина девица Тэбэк-Ногон-абахай², очень красивая; она далеко красивее меня; моя

---

¹ Т. е. чай без молока.

² Девицу Наран-Гохон-абахай на земле начали называть Тэбэк-Ногон-абахай; другой сказал, Тобоно-Гохон-абахай.

красота против дочери тэнгэри ничтожна; приведите эту красивую девицу Тэбэк-Ногон-абахай!» Тогда Сута-Нойон-хан говорит: «Нужно посмотреть, действительно ли на вершине горы Оргил-Ула живет такая красивая девица». Он выдернул свою стрелу три раза под черной сукой, которая должна была щениться и, поймав сивого жеребца, поехал на нем на гору Оргил-Ула; когда Сута-нойон-хан, поднявшись на гору, подъезжал к бело-серебряному дворцу, Тэбэк-Ногон-абахай узнала это и, обратившись в серо-пестрого жаворонка, поднялась наверх.

Тогда Сута-Нойон-хан, увидевши это, нечистой стрелой выстрелил выше серо-пестрого жаворонка; нечистая стрела полетела над серо-пестрым жаворонком; жаворонок, сделавшись нечистым, упал на землю; упав, он обратился в красивую девицу¹; Сута-Нойон-хан поймал ее и привез домой.

Когда привезли девицу Тэбэк-Ногон-абахай, то начали сравнивать, поставив ее рядом с Угин-Гохон-абахай, которая из них красивее; обе оказались равной красоты, нельзя было выбрать и сказать, что одна из них красивее другой.

Тогда Угин-Гохон-абахай говорит: «Ай, собаки! Это небесный человек; он сделался нечистым. Возьмите воды из источников девяти ключей и возьмите из тайги вереск² и ими вымойте ее дочиста; тогда она по-прежнему будет очень красивая девица; теперь она сделалась нечистой, а потому красота ее уменьшилась». После этого привезли воды из источников девяти ключей и вереску из большой тайги и вымыли ими девицу Тэбэк-Ногон-абахай; она сделалась тогда по-прежнему чистой и очень красивой девицей; несравненно красивее стала, чем девица Угин-Гохон-абахай, которую после этого отпустили домой.

Эту небесную девицу Тэбэк-Ногон-абахай привели к росстани трех дорог, где ей сломали одну ногу, одну руку и выкололи один глаз; после этого сделали из трав шалашик, в который ее и посадили к злу и несчастью; ей дали одну черную корову, черного чая и разбитый котел; оставили при ней худого и старого старика Сөнгөлөна для приготовления пищи. Тэбэк-Ногон-абахай лежит в шалашике, а худой и старый старик Сөнгөлөн приготовляет ей пищу.

---

¹ Другой сказал, что на вершине горы Оргил-Ула в живой воде (мөнхөн-хара-ухан) купались три дочери Эсэгэ-Малан-тэнгэри; во время купания их подкараулили и выстрелили нечистой стрелой над одной дочерью Эсэгэ-Малана-тэнгэрина; две поднялись на небо обратно, а одна средняя дочь, сделавшись нечистой, осталась на земле; ее поймали, привели и посадили на росстани трех дорог к злу, несчастно.

² Вереском в Сибири называют можжевельник (Juniperus).

Однажды Тэбэк-Ногон-абахай ночью спит; в это время ей будто показалось, что одеяло раза два-три кто-то поднял, и дверь шалашика скрипнула. Она пробудилась от этого, открыла глаза и смотрит, выколотый глаз совсем выздоровел по-прежнему; она сломанную руку пошевелила, рука тоже совсем выздоровела по-прежнему; тогда она пошевелила сломанную ногу, нога тоже совсем выздоровела. Тогда девица Тэбэк-Ногон-абахай встала с постели, одевшись, выбежала на улицу, где в это время выпал такой небольшой снег, что на нем будут заметны следы сороки. На снегу она видит человеческий след длиной в аршин; расстояние каждого шага в сажень; она побежала по этому следу и прибежала на вершину горы Оргил-Ула к бело-серебряному дворцу; смотрит в щель над дверью и видит во дворце этом стоящего и стряхивающего с ноги прилипший снег Шибэгэни-Саган-бурхана. Он говорит: «В не особенно важном месте ноги свои промочил»¹.

Девица Тэбэк-Ногон-абахай, увидев это, обратно спустилась с вершины горы Оргил-Ула, пришла в свой шалашик и сидит; в это время внутри ее живота что-то шумит и бурчит; потом изнутри ее стал слышен говор многих людей. Кто-то изнутри сказал: «Мать, мать! Подыми свою шапку!» Тогда Тэбэк-Ногон-абахай подняла свою шапку; в это время одна девица с золотой грудью и серебряным задом с головы ее поднялась наверх; девица Тэбэк-Ногон-абахай никак не могла поймать ее; она поднялась наверх. Опять кто-то изнутри ее сказал: «Мать, мать! Подыми свою правую руку!» Тогда девица Тэбэк-Ногон-абахай подняла правую руку; в это время из подмышки поднялась наверх одна девица с золотой грудью и серебряным задом², и эту она никак не могла поймать; эта девица тоже поднялась наверх. Опять кто-то изнутри ее сказал: «Мама, мама! Подними левую руку!» Тогда девица Тэбэк-Ногон-абахай подняла левую руку; в это время из подмышки поднялась наверх девица с золотую грудью и серебряным задом, которую она опять никак не могла поймать; и эта девица поднялась наверх как первые две.

Потом опять изнутри слышится голос: «Мама, мама! Роди меня!» После этого девица Тэбэк-Ногон-абахай родила мальчика, который одним глазом смотрел, один глаз защурил; в одной руке держал петлю Тор-Саган-урха с тринадцатью узлами, а в другой руке — белый камень Эрдэни, смешивающий сто веков. Мальчик родился ужасно сопливый и, притом, начал сильно марать свою мать; в шалашике сделалась ужасная вонь; мальчик этот начал сильно плакать и реветь.

---

¹ Иные говорят: “За пустое дело промочил свою обувь”.

² Алтан сэжитэ, мөнгөн бөхөтө.

Девушка Тэбэк-Ногон-абахай никак не может убрать испражнения ребенка; не может сидеть в страшной вони и никак не может унять, чтобы ребенок не плакал. Родившийся мальчик пуще прежнего марает мать; нет никакой возможности терпеть вонь; плачет так громко, что небо трясется и земля дрожит; мать не может управиться с мальчиком и унять его. Наконец, выведенная из терпения, она вынесла мальчика на улицу и положила около шалашика, а сама ушла в шалашик и говорит: «Остался самый худой и сопливый». С этими словами она вычистила все испражнения ребенка.

Новорожденный ребенок, лежа на улице, плачет и говорит: «Я не выдерживал, чтобы худого сына бросали, а бросают худую кожу». Тогда девушка Тэбэк-Ногон-абахай опять выходит на улицу, берет ребенка и приносит его в шалашик. Ребенок опять марает мать пуще прежнего и в шалашике опять сделал такую вонь, что сидеть невозможно; по-прежнему плачет и кричит, никак она не могла унять его. Тогда она опять вынесла ребенка на улицу и положила около шалашика, а сама ушла в шалашик и сидит там; ребенок по-прежнему громко плачет, лежа на улице.

В это время с 1003 волшебствами Гал-Дөлмө-хан знанием своим большим узнал и разумом своим уразумел, что на земле родился средний сын западного Хан-Тюрмас-тэнгэрина Мэргэн-Төгөлтөр, который еще ребенком лежит и плачет. Гал-Дөлмө-хан посылает пчелу, величиной с трехгодовалого бычка, и говорит: «В теле мясо еще мягко и кости в теле с хрящами; иди, высоси из головы мозг!»

Новорожденный этот ребенок знанием своим большим уразумел, что к нему послана пчела с величиной с трехгодовалого бычка; он с тринадцатью узлами петлю Тор-Саган натянул выше себя и лежит. Около полуночи посланная пчела прилетает к лежащему ребенку, чтобы высосать мозг из его головы; она хотела сесть на ребенка, но запуталась в петле Тор-Саган. Тогда этот ребенок, вскочив на ноги, говорит: «Если ты такой большой будешь летать, то на этой земле ничего не оставишь!» Сказав эти слова, белым камнем Эр-дэни разрубил эту пчелу на маленькие кусочки; эти куски полетели пчелами¹. Потом этот ребенок опять лег; лежит, плачет и говорит: «Одну ночь ночевал, одного врага победил!»

В другую ночь Гал-Дөлмө-хан посылает змею Абарга величиною с бочку, чтобы она высосала мозг у новорожденного ребенка, пока он не вырос боль-

---

¹ По словам бурят, прежде пчелы были большие, величиной с трехгодовалого бычка, но Абай-Гэсэр-богдо-хан их разрубил на маленькие куски, отчего нынешние такие маленькие и сделались.

шой. Около полуночи приходит змея Абарга; подойдя к ребенку, она тоже запуталась в петле Тор-Саган, никак не может распутаться. Тогда этот ребенок, вскочив на ноги, говорит: «Если ты такой большой будешь ходить, то на этой земле ничего не оставишь!» Сказав эти слова, белым камнем Эрдэни эту змею разрубил на маленькие куски; эти куски поползли в разные стороны маленькими змеями¹. После этого ребенок опять лег на прежнее место, плачет и говорит: «Две ночи ночевал, двух врагов победил».

В третью ночь Гал-Дөлмө-хан послал осу² величиной с трехгодовалого бычка, чтобы она высосала мозг у новорожденного ребенка, пока он не вырос большой. Около полуночи прилетает оса величиной с трехгодовалого бычка, чтобы высосать новорожденному ребенку мозг, но запуталась в петле Тор-Саган и не может распутаться. Тогда этот ребенок вскочил на ноги и говорит: «Если ты такой большой будешь летать, то на этой земле ничего не оставишь!» Сказав эти слова, белым камнем Эрдэни разрубил эту осу на маленькие куски; эти разрубленные кусочки улетели в разные стороны маленькими осами. После этого ребенок опять лег на прежнее место, плачет и говорит: «Три ночи ночевал, трех врагов победил!»

Так, плача, лежал новорожденный мальчик. На другой день Сарагал-Нойон-хан верхом на коне осматривал табуны лошадей; в это время он увидел плачущего ребенка около шалашика; он слез с коня и взял ребенка, положил за пазуху и обратно поехал домой³. Этот ребенок на пути начал марать Сарагал-Нойон-хана своими соплями и сильно начал плакать; потом всего его замарал своими жидкими испражнениями; сделалась страшная вонь; царь не мог далее ехать; тогда он этого ребенка стал держать впереди, но ребенок по-прежнему стал испражняться и марать его; в это время задул северный ветер, тоже сделалась нестерпимая вонь. Сарагал-Нойон-хан едва-едва доехал до дома, держа этого сопливого ребенка то спереди, то сзади. Царь довез ребенка до своего дома. Ребенок стал скоро вырастать; ему дали имя Нюхата-Зургай; он стал ходить и бегать на улицу и обратно в юрту.

Однажды Сарагал-Нойон-хан пригласил к себе других двух царей и подчиненных чиновников на пир, а мальчика Нюхата-Зургай, хорошенько накормив, спрятал в юрте за баранами⁴, чтобы он оттуда не выходил. Когда

---

¹ По словам бурят, прежде змеи были большие, но Абай-Гэсэр-богдо-хан уменьшил их; с этого времени змеи стали маленькие.

² Другие говорят, послан был комар величиной с трехгодовалого бычка.

³ Девушка Тэбэк-Ногон-абахай далее вовсе не упоминается как мать ребенка; некоторые буряты говорили, что она поднялась обратно на небо; а другие говорили, что они вовсе не знают, куда она девалась. Большинство говорит, что она дочь тэнгэрина и потому обратно поднялась на небо, потому что Мэргэн-Төгөлтөрү она более не нужна была.

⁴ Бараны — деревянные подставки под сундуками.

все приглашенные гости собрались на пир и начали пировать, в это время за баранами поднялся сильный гул; Нюхата-Зургай начал испражняться; жидкость потекла к двери как река, поднялась страшная вонь; собравшиеся гости от этой вони, кто зажимая нос, кто закрывая рот, побежали к двери; около двери, поскользнувшись от грязи, сделанной Нюхата-Зургаем, все попадали, замарались в ней и выбежали на улицу. Здесь они всю одежду сняли с себя, бросили на землю, а сами ушли домой без одежды. Нюхата-Зургай выходит из-за баранов; Сарагал-Нойон-хан говорит ему: «Я тебе велел сидеть смирно и не испражняться. Зачем стал испражняться? Всех гостей выгнал и замарал!» Нюхата-Зургай говорит: «Что буду делать, когда не могу удержаться». Потом Нюхата-Зургай выходит на улицу, начинает чистить брошенные одежды и говорит: «Теперь я имею много одежды!» После этого Сарагал-Нойон-хан посылает своих двух сыновей с Нюхата-Зургаем пасти семьдесят красных телят в степи; эти три мальчика угнали в степь семьдесят красных телят и пасут их. Нюхата-Зургай говорит двум мальчикам: «Давайте заколем одного теленка и будем есть его мясо». Эти два мальчика говорят: «Нет, отец будет сердиться. Мы боимся колоть теленка!» Нюхата-Зургай говорит: «Я устрою так, что не будет знать наш отец». Тогда эти два мальчика спрашивают Нюхата-Зургай: «Как ты устроишь, чтобы отец не узнал?» Нюхата-Зургай говорит: «Я так сделаю, что наш отец ничего не узнает». После этого Нюхата-Зургай поймал одного теленка за хвост, ударил об землю, потом из кожи выдернул мясо, а в кожу теленка запихал травы и свистнул: теленок встал и убежал к другим телятам; потом все трое развели огонь, изжирили на нем мясо теленка и все съели, а бабки разделили между собою и играют ими. Вечером телят пригнали домой. С этого времени каждый день они выгоняли семьдесят красных телят в степь пасти и каждый день кололи по одному теленку; мясо его ели, а бабками все трое играли; вечером телят пригоняли домой. Семьдесят дней они пасли телят и каждый раз кололи по одному теленку; таким образом закололи всех семьдесят красных телят. Когда закололи последнего теленка и мясо его съели, то Нюхата-Зургай говорит тем двум мальчикам: «Мне более не нужны бабки, и вы возьмите их себе и разделите между собой поровну». Те два мальчика взяли бабки и разделили между собой поровну и положили за пазуху. После этого семьдесят красных телят пригнали домой. Когда мальчики пришли домой, их стали кормить; Нюхата-Зургай начал есть, а те два мальчика не едят, сидят так. Тогда Сарагал-Нойон-хан спрашивает у своих двух сыновей: «Отчего не едите, что там в степи ели?» Нюхата-Зургай говорит: «Отец, отец! Они каждый день по одному теленку колют и едят мясо, а мне не дают; сегодня последнего теленка закололи и съели, а бабками играют». Тогда

Сарагал-Нойон-хан выходит на улицу и смотрит на телят, которые все стоят живые; он подошел к одному теленку и ударил его тростью; тогда все телята упали и оказалось, что шкуры их набиты травой. Сарагал-Нойон-хан сильно удивился и говорит трем мальчикам: «Кто из вас делает это?» Три мальчика указывают друг на друга. Ничего он не может добиться.

На другое утро Сарагал-Нойон-хан хочет испытать этих трех мальчиков; для этого он посадил старшего своего сына с собой вместе; они поехали на красном порозе без повода; вот они едут по краям пашни, на которой посеян хлеб. Сарагал-Нойон-хан говорит своему старшему сыну: «Это пашни китайцев, которые пахут на нашей земле». В это время из хлеба вылетела тетеря; тогда Сарагал-Нойон-хан красного пороза проколол шилом, которое было привязано к ноге. Красный пороз испугался и, бросив обоих седоков, убежал. Сарагал-Нойон-хан притворился мертвым, а старший его сын, подумав, что отец действительно умер, начал над ним плакать; поплавав некоторое время, ушел домой. Тогда Сарагал-Нойон-хан встает и говорит: «Этот сын ничего не может сделать». После этого он приходит вслед за сыном домой.

На другое утро Сарагал-Нойон-хан опять поехал на красном порозе без повода и за собой посадил младшего сына; они поехали по краям пашни, на которой был посеян хлеб. Сарагал-Нойон-хан говорит своему младшему сыну: «Эти пашни китайские; эти китайцы пахут на нашей земле». В это время из хлеба вылетела тетеря; тогда Сарагал-Нойон-хан проколол красного пороза шилом, которое, как и в первый раз, было привязано к ноге. Красный пороз испугался и, сбросив обоих седоков, убежал; Сарагал-Нойон-хан притворился мертвым; а младший сын, как и старший его брат, подумал, что его отец действительно умер, начал над ним плакать и, поплавав некоторое время, ушел домой. Тогда Сарагал-Нойон-хан встает и говорит: «Этот сын тоже ничего не может сделать, как и старший его брат». После этого он приходит домой вслед за сыном.

На другое утро Сарагал-Нойон-хан опять поехал на красном порозе без повода, посадив с собой Нюхата-Зура¹; они поехали по краям пашни, на которой был посеян хлеб. Сарагал-Нойон-хан говорит Нюхата-Зура: «Это пашни китайцев, которые пахут на нашей земле». В это время из хлеба вылетела тетеря; тогда Сарагал-Нойон-хан проколол шилом красного пороза; красный пороз испугался и, сбросив обоих седоков, убежал; Сарагал-Нойон-хан притворился мертвым.

---

¹ В рукописи М. Н. Хангалова местами стоит Зурга, или Зургай, местами Зура. *Прим. Г. Н. Потанина.*

Тогда Нюхата-Зура, немного поплавав, говорит: «Отец мой умер. Что говорил отец мой? Если бы китайцы на нашей земле не пахали, то откуда бы выросли хлеба; если бы хлеба не было, то откуда бы вылетела тетеря; если бы тетеря не вылетела, то красный пороз не испугался бы; если бы красный пороз не испугался, то отец мой не упал бы; если бы отец мой не упал, то не умер бы. Всему этому виноваты китайцы, которые на нашей земле посеяли хлеб; я пойду к китайцам и буду требовать от них, чтобы они оживили моего отца». После этого Нюхата-Зура побегал в китайский город и потягался с китайцами. Китайцы остались виновными; суд приказал им оживить отца Нюхата-Зура. Тогда виновные китайцы предложили Нюхата-Зура золота и серебра на семидесяти верблюдах. Нюхата-Зура согласился и, взяв золото и серебро на семидесяти верблюдах, приходит на то место, где лежит Сарагал-Нойон-хан; Нюхата-Зура хочет сжечь тело отца; для этого он, собрав сухие березовые деревья, положил их вокруг Сарагал-Нойон-хана и поджег. Сарагал-Нойон-хан вскочил на ноги и хочет выйти из огня. Нюхата-Зура говорит: «Отец, отец! Что ты делаешь? Когда умершие воскресают? Это считается худым предзнаменованием, большим грехом и от этого потомству бывает жутко». Говоря эти слова, Нюхата-Зура обратно толкает в огонь Сарагал-Нойон-хана. Потом он выпустил его из огня. Тогда Сарагал-Нойон-хан сказал Нюхата-Зура, что он вовсе не умер, а шутил с ним.

После этого Сарагал-Нойон-хан с Нюхата-Зура пригнал домой семьдесят верблюдов, навьюченных золотом и серебром; дорогой Сарагал-Нойон-хан думает, что всех телят заколол этот Нюхата-Зура, а не другие его два сына. Когда приехали домой, то по-прежнему стали жить.

После этого подданные Сарагал-Нойон-хана собрались на зэгэтэ-аба¹ в числе трехсот человек; и Нюхата-Зура просится с ними на зэгэтэ-аба и начал также собираться. Собрался совсем и поехал с тремястами человек на зэгэтэ-аба по обширной степи; Нюхата-Зура ехал позади других. Когда они ехали, то в пути Нюхата-Зура, сидя на коне, начал испражняться, а потом сделал северный ветер, который дует сзади; впереди ехавшие триста зэгэтэ-облавшиков никак не могли ехать далее от страшной вони и пустили Нюхата-Зура ехать впереди. Нюхата-Зура поехал впереди зэгэтэ-облавшиков и опять начал испражняться и заставил дуть южный ветер; опять триста зэгэтэ-облавшиков не могли ехать от страшной вони и вовсе прогнали от себя Нюхата-Зура.

Тогда Нюхата-Зура поехал отдельно от трехсот зэгэтэ-облавшиков; когда уехал на некоторое расстояние, то взял смешивающий тысячу веков бе-

---

¹ Зэгэтэ-аба — «облава на зверей».

лый камень Эрдэни и начал грызть его на левых коренных зубах; тогда вдруг состояние погоды изменилось, небо покрылось облаками, пошел кровавый дождь, каменный град, после этого пошел большой снег, который упал до нижних сучков деревьев. Эти триста зэгэтэ-облавщиков сильно замерзли от снега и не могут придумать, что делать; в это время вспомнили о Нюхата-Зура, послали за ним одного человека посмотреть его, чтобы он не замерз. Посланный приехал посмотреть Нюхата-Зура и видит, что он, разобрав седло, разжигает огонь; потом он сломал стрелы и лук и ими тоже подтапливает; развел большой костер, греется около него и поговаривает: «Когда поеду в седловую падь, то найду седло; когда поеду в луковую падь, то найду лук; а когда поеду в стрелочную падь, то найду стрелы». Посланный, увидев разведенный огонь и услышав слова Нюхата-Зура, поехал обратно к тремстам зэгэтэ-облавщикам и рассказывает им, что Нюхата-Зура, сломав седло, лук и стрелы, развел большой огонь и сам греется, приговаривая: «Когда поеду в седловую падь, то найду седло; когда поеду в луковую падь, то найду лук, и когда поеду в стрелочную падь, то найду стрелы».

Тогда триста зэгэтэ-облавщиков опять послали одного человека, который бы выпросил огня у Нюхата-Зура и привез им; посланный приехал и просит огня у Нюхата-Зура; он не дает огня и говорит: «Вы меня прогнали, я вам не дам огня!» Когда посланный сильно начал просить, тогда Нюхата-Зура дал огня посланному, и тот привез огонь и отдал тремстам зэгэтэ-облавщикам. Триста зэгэтэ-облавщиков сломали все седла, луки, стрелы и начали ими топить и развели огонь; все они греются около огня. Нюхата-Зура, узнав, что триста зэгэтэ-облавщиков сожгли все свои седла, луки и стрелы, взял белый камень Эрдэни и начал грызть его на правых коренных зубах; тогда небо вдруг очистилось от облаков и стало очень жарко; снег скоро растаял, по-прежнему стало тепло.

Тогда Нюхата-Зура приехал к тремстам зэгэтэ-облавщикам и поехал с ними далее; когда Нюхата-Зура приехал к одной пади, то на коне перескочил через эту падь и сделался с седлом, которым оседлал коня и поехал далее. Триста зэгэтэ-облавщиков скакали-скакали через эту падь, не могли найти седла, а потом поехали далее (без седел). Нюхата-Зура приехал к второй пади, перескочил через нее и сделался с луком; взяв его, поехал далее. Триста зэгэтэ-облавщиков скакали-скакали через эту падь, но не могли найти лука, а потом поехали далее (без луков). Нюхата-Зура приехал к третьей пади, перескочил через нее, сделался со стрелами и поехал далее охотиться на зверей. Триста

зэгэтэ-облавщиков скакали-скакали через эту падь, но не могли найти стрел, а потому, перемучившись, поехали обратно домой без седел, луков и стрел; домой приехали голодные и усталые. В колодезе родившийся с волшебствами Нюхата-Зура забавляется над этими зэгэтэ-облавщиками. Нюхата-Зура, поохотившись на зверей и настреляв их множество, обратно приехал домой.

Сута-Нойон-хан начал собираться и готовится ехать искать себе жену; он поймал своего сивого жеребца, оседлал его серебряным седлом и обуздal серебряной уздой, шелковыми поводьями привязал к серебряному столбу, а сам ушел одеваться. Тогда Нюхата-Зура говорит: «Я тоже поеду с тобой искать себе жену!» Сута-Нойон-хан говорит: «Я один поеду; ты где со мной будешь ехать? Только будешь мешать по дороге». Сута-Нойон-хан поехал один. Нюхата-Зургай по дороге догнал Сута-Нойон-хана; оба они поехали прямо к северу; ехали, ехали и выехали на такое расстояние, на какое нужно ехать сто годов; оба они приехали к дворцу Тумэ-Улан-хана, остановились и слезли с коней, а поводья привязали к серебряному столбу; сами вошли в бело-серебряный дворец; входя, Сута-Нойон-хан здоровается с Тумэ-Улан-ханом по-царски и садится на правой стороне, а Нюхата-Зура остановился около двери и, поздоровавшись, садится около двери.

Тогда Тумэ-Улан-хан спрашивает у Сута-Нойон-хана: «Откуда и куда едете?» Сута-Нойон-хан говорит: «Я с южной стороны, живу на расстоянии езды ста годов. Я один из трех царей тугушинских Сута-Нойон-хан; я приехал свататься к вашей дочери Тэмэн-Жаргалан-абахай». Нюхата-Зура говорит, сидя около двери: «Я тоже приехал свататься к вашей дочери». Тумэ-Улан-хан говорит: «Завтра утром узнаем, за кого выдать мою дочь».

На другое утро рано царь Тумэ-Улан-хан приказал бить в золотой барабан, собирать северных подданных и бить в серебряный барабан, собирать южных подданных. По приказанию царя били в золотой барабан, собрали северных подданных и били в серебряный барабан, собрали южных подданных. Когда все подданные собрались, Тумэ-Улан-хан приказал поставить меты: первая мета будет семьдесят возов дров, вторая — черный камень величиной с быка и третья — золотая кругленькая пластинка с отверстием в середине. Когда все эти меты были поставлены, Тумэ-Улан-хан говорит: «Кто попадет сразу одною стрелою во все эти три меты, за того отдам свою дочь замуж».

Многие пробовали стрелять, но их стрелы не долетали. Тогда Сута-Нойон-хан выстрелил в мету; стрела разбросала семьдесят возов дров и осталась там. Сута-Нойон-хану очень стало стыдно, что стрела его упала у первой меты.

Нюхата-Зура потолкался между людьми, марая их своими соплями; все люди над ним смеются. Нюхата-Зура говорит царю Тумэ-Улан-хану: «Кто бы то ни был, всякий ли может стрелять в эту мету? И если он попадет, то отдадите ли свою дочь замуж за того, кто бы он ни был?» Тумэ-Улан-хан говорит: «Можно, отдам!» Нюхата-Зура взял свой лук и стрелу и выстрелил в мету; стрела попала в первую мету в семьдесят возов дров и так разбила их, что трудно было найти щепку, чтобы поколупать между зубами; стрела попала и во вторую мету и раздробила ее на маленькие куски, так, что трудно было найти камень для кремня; наконец, стрела попала и в третью мету; прорвав отверстие в ней, она вылетела. Нюхата-Зура от радости бегаёт взад и вперед, марая людей своими соплями, и говорит: «Победа за мной!».

Тогда Тумэ-Улан-хан говорит Сута-Нойон-хану: «Ты как старик, будешь сватом, а этот молодой человек будет зятем». После этого Тумэ-Улан-хан устроил большой пир на девять суток и веселый пир на восемь суток, на девятые сутки едва-едва гости разъехались.

Нюхата-Зура женили на девице Томон-Жаргалан-абахай. Нюхата-Зура со своею женой Томон-Жаргалан-абахай приехали домой; на пути он все испражнялся и марал свою жену; она едва могла выносить страшную вонь. Он постоянно марал свою жену своими соплями и когда ложился спать с нею, пачкал постель. Томон-Жаргалан-абахай должна была беспрестанно чистить ее. Некоторое время спустя, по приезде, Сута-Нойон-хан опять собирается ехать искать себе жену; Нюхата-Зура тоже собирается ехать с ним. Сута-Нойон-хан никак не мог оставить Нюхата-Зура; поехали оба к трем ламам соржи, у которых была необыкновенно красивая девица, Урма-Гохон-абаха. Приехав к горе Мөнгөтө-ула, они поднялись на вершину ее и там приехали к бело-серебряному дворцу; на улице к серебряному столбу привязали своих лошадей, а сами вошли во дворец к трем ламам соржи. Сута-Нойон-хан поздоровался с ними по-царски, поклонился им как царица, и садится на правую сторону дворца. Нюхата-Зура остановился около двери и, поздоровавшись с ними, садится около двери.

Три ламы соржи спрашивают у Сута-Нойон-хана: «По какому делу приехал?» Сута-Нойон-хан говорит: «Я приехал свататься к вашей дочери Урма-Гохон-абаха». Нюхата-Зура, сидя около двери, тоже говорит: «Я тоже приехал свататься к вашей дочери Урма-Гохон-абаха». Тогда три ламы соржи говорят Сута-Нойон-хану: «Ты человек старый, ты будешь сватом, а этот молодой человек пусть будет нашим зятем; за него отдадим нашу дочь Урма-Гохон-абахай». Нюхата-Зура высватал за себя девицу Урма-Гохон-абахай, на которой тут же женился.

После женитьбы Нюхата-Зурга приехал домой со своей женой Урма-Гохон-абахай; по дороге он марал ее своими соплями и испражнениями, делая страшную вонь; таким образом Нюхата-Зура приехал домой и начал жить с двумя женами. Сута-Нойон-хан приехал домой один, как уехал один.

Нюхата-Зура имел теперь двух прекрасных жен, с которыми спал вместе и ночью постоянно их марал своими соплями и испражнениями; они принуждены были постоянно чистить нечистоты своего мужа.

Потом Нюхата-Зура каждую ночь стал теряться, когда две жены спали, он вставал и уходил неизвестно куда. Эти две жены Нюхата-Зура сильно дивились, куда уходит он каждую ночь; а потом стали прясть шерсть и напряли клубок величиной с человеческую голову. На следующую ночь, когда ложились спать, они незаметным образом один конец шерсти пришили к шубе Нюхата-Зура, а потом легли спать. Когда две жены заснули, Нюхата-Зура встал потихоньку и, надев шубу, ушел из дома. Эти две жены ночью проснулись; Нюхата-Зура уже не было в постели; тогда они встали, вышли из дома и пошли по следам Нюхата-Зура по шерсти, которую пришили к подолу его. Они пришли к горе Оргил-ула, поднялись на вершину ее и видят бело-серебряный дворец; пришли к дворцу и видят щель над дверью; посмотрели в щель и видят: во дворце около двери на коленях кланяется и молится большой человек, величиной с гору, а к подолу его пришита шерсть; тогда они узнали в этом человеке своего мужа Нюхата-Зура; далее они видят: на бело-серебряном престоле сидят три Шибэгэни-бурхана¹, которые читают белое священное писание. После этого эти две жены Нюхата-Зурга пришли обратно домой.

После этого величиной с гору Абай-Гэсэр-богдо-хан получил благословение от трех Шибэгэни-бурханов и имя Абай-Гэсэр-богдо-хана и приехал домой; по приезде он говорит своим двум прекрасным женам, что благодаря им его силы немного уменьшились, потому что, когда они глядели в щель над дверью, то он немного на них взглянул. И говорит им: «Зачем вы пришли туда? Не нужно было приходиться и мешать моим молитвам».

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан вошел в настоящее тело и принял настоящую свою наружность. Потом он на устье большой пади Хатан с помощью тринадцати волшебств сделал бело-серебряный дворец вышиной до ночного неба; в середине большой пади Хатан сделал тоже бело-серебряный дворец вышиной до ночного неба.

---

¹ Некоторые говорят, что сидели три ламы соржи.

Во дворце на устье большой пади Хатан стала жить старшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Томон-Жаргалан-хатан, дочь Тумэ-Улан-хана; во дворце в середине пади Хатан стала жить младшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-Гохон-хатан, дочь трех соржи-лам.

Тугушинские три царя Сарагал-Нойон-хан, Зат-Шухэр-хан и завистливый Сута-Нойон-хан сделались тремя дядями Абай-Гэсэр-богдо-хана и стали называться дядя Сарагал-Нойон, дядя Зат-Шухэр и завистливый дядя Сута-Нойон¹. Они стали так жить.

Оставленных между небом и землей на золотой земле Шатак тридцать трех баторов, триста передовых войск и прочих с этой земли Абай-Гэсэр-богдо-хан спустил на землю; тридцать трех баторов оставил у старшей жены Томон-Жаргалан, которая должна была кормить этих баторов, а триста передовых войск оставил у младшей жены Урма-Гохон-хатан; этих она должна была кормить.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан сделался на северной стороне старшим царем над тринадцатью царями и на южной стороне старшим царем над двадцатью тремя царями. Как ножик опасных врагов побеждая, он родился; десять опаснейших врагов атагатуйских побеждая, он родился; приходящих врагов встречая, родился, и выходящих врагов провожая, родился. Большую падь Хатан сделавши местом жительства, родился; большую падь Нажин скотским выпуском сделавши, родился; в большой местности Мөрөн, на берегу моря Мөнкө, на подошве горы Хан-ула и в большой пади Хатан счастливо стал жить.

После этого однажды Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своим двум прекрасным женам: «Надоело есть скотское мясо, которое в зубах воняет, а мясо зверей припомнилось!» Сказав, он начал собираться на охоту,— поймал темно-гнедого коня величиной с гору; темно-гнедого коня поймал серебряной уздой как ребро сделанной; оседлал чисто серебряным седлом, подложил шелковый потник и шелковые повода привязал к серебряному столбу; потом он входит во дворец, одевается в шелковые шубы; сверху он надел доспехи, потом навесил себе на правую сторону из чистого булата сделанную саблю, потом надел на себя колчан со стрелами и лук с футляром; когда совсем приготовился, то вышел на улицу, и, сев на коня, уехал на охоту. Приехавши на место охоты, он охотился на зверей; в это время ему попался другой охотник, который ехал на рыжем коне, как кровь красном; этот неизвестный охотник был молодой и очень красивый человек, был такой красный, что нельзя было на него смотреть прямо в лицо; зубы были величиной с лопату, щеки были алые, глаза были большие пегие, коса была черная и в обхват толщиной.

---

¹ Обыкновенно называют Хара-Сутан.

Этот охотник, приехавши, начал стрелять зверей прежде, нежели успевал стрелять Абай-Гэсэр-богдо-хан; убив зверей, он привязывал их к седлу и уезжал далее от Абай-Гэсэр-богдо-хана; Абай-Гэсэр-богдо-хан сильно удивился и думает: «Это что за чудеса и что это за хитрость? На этой земле не было такого человека, который бы лучше меня стрелял».

Абай-Гэсэр-богдо-хан погнался за этим охотником: за ним гонится кругом трехгодичного мира три раза, кругом четырехгодичного мира четыре раза, не может догнать. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан сделал такой сильный мороз, что от мороза растрескались рога быков; этот охотник говорит: «В самый раз сделалась прохлада!» Надев на себя летнюю шелковую шубу и, немного вспотев, едет. Видя это, Абай-Гэсэр-богдо-хан сделал такой сильный жар, что конский навоз кипел. Этот охотник опять говорит: «В самый раз сделался холод!» Надев на себя зимнюю шелковую шубу и, немного покуржавев, едет на коне; Абай-Гэсэр-богдо-хан никак не может помешать ему. Абай-Гэсэр-богдо-хан этого охотника гонит кругом восьми сторон ночного неба и кругом четырех сторон всего мира и не может догнать; наконец, Абай-Гэсэр-богдо-хан начал догонять этого охотника, но охотник прибежал к желтому морю, вскочил в него с конем и потерялся.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан слез с коня, привязал его к боярке¹, а сам вскочил в желтое море вслед за этим охотником.

Вскочив в воду, он видит дверь; поймав ручку двери, он отворил ее и входит; за этой дверью оказалась тоже земля, которая ничем не отличалась от верхней. Абай-Гэсэр-богдо-хан спустился вниз на вершину одной высокой горы; с этой высокой горы видит, что внизу на подошве этой горы стоит бело-серебряный дворец вышиной до неба. На дворе этого дворца он видит: стоит привязанный рыжий конь, как кровь красный; тогда он спустился с горы, подходит к дворцу и смотрит в щель над дверью; внутри дворца на правой стороне на бело-серебряном престоле сидит с совершенно белыми волосами старик, который в руке держит тростниково-серебряную трость; рядом, с другой стороны, тоже на престоле, сидит с совершенно белыми волосами старуха, тоже в руке держит тростниково-серебряную трость; на левой стороне дворца стоит необыкновенно красивая девица, которая сортирует убитых зверей: что подлежит выделке, то бросает в одну сторону для выделки, а что подлежит к пище, то бросает в другую сторону для пищи; так стоя, она говорит: «Отец, отец! Я была на верхней земле, где охотилась на зверей, которых там очень много и лучше наших». А потом она рассказывает о всем случившемся во вре-

---

¹ Другие говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан воткнул в землю свою стрелу и к ней привязал свою лошадь. Боярка — сибирское областное — боярышник.

мя охоты: как гонялся за ней на темно-гнедом коне другой охотник, как гора большой человек, и как она вскочила в желтое море и спустилась на свою землю. Потом она спрашивает у отца: «Как ты говорил мне, что на нашей земле и на верхней земле нет коня, который догнал бы моего рыжего коня, а этот темно-гнедой конь в конце начал догонять меня?»

Тогда Уха-Лобсон-хан говорит своей дочери: «Зачем ты поднялась на верхнюю землю? Она чужая, а чужие земли опасны. Достаточно тебе охотиться на своей земле. Твоего рыжего коня может догнать только темно-гнедой конь западного Хан-Тюрмас-тэнгэри, а другие не могут; лучше тебя может стрелять только средний сын западного Тюрмас-тэнгэри Мөргөн-Төгөлтөр. Разве он спустился на верхнюю землю, и с ним ты встретишься на охоте? Прежде, когда я был молодым, то встретился с западным Хан-Тюрмасом-тэнгэрином на зэгэтэ-аба; тогда я с ним просватал тебя за среднего его сына, и мы сменялись бело-серебряными ганзами¹ друг с другом и, кроме того, по рожну мяса, сменив, съели. Должно полагать, это твой жених».

Единственная дочь Уха-Лобсон-хана Алма-Мэргэн-абахай рассердилась на своего отца и убежала из дворца. Тогда стоявший снаружи около двери Абай-Гэсэр-богдо-хан схватил ее за правую руку и удержал ее; она отбивалась от него, но не могла. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан входит во дворец с Алма-Мэргэн-абахай; она перестала сердиться; входя в дверь, Абай-Гэсэр-богдо-хан здоровается с царем Ухан-Лобсон-ханом по-царски и кланяется как царь.

Царь Уха-Лобсон говорит: «Сюда, сюда садитесь!» — и указал им на правой стороне дворца. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан садится на правой стороне дворца. Царь Уха-Лобсон говорит своей дочери: «Дорожному человеку нужно подать пить». Тогда Алма-Мэргэн-хатан в чашке подала питье Абай-Гэсэр-богдо-хану, он взял и выпил. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хана начали угощать, поставили золотой стол, на котором поставили превкусную пищу; Абай-Гэсэр-богдо-хан ест эту пищу; потом подавали крепкое вино.

Абай-Гэсэр-богдо-хан начал разговаривать с царем Уха-Лобсон-ханом о настоящем и прошлом. Он говорит Уха-Лобсон-хану: «Я приехал свататься к вашей дочери». Уха-Лобсон-хан соглашается выдать свою дочь за Абай-Гэсэр-богдо-хана и говорит: «Сказано правда и задумано верно».

Абай-Гэсэр-богдо-хан женился на дочери Уха-Лобсон-хана и жил у него. В это время Алма-Мэргэн-хатан накормила своего мужа одуряющей пищей; съев ее, Абай-Гэсэр-богдо-хан одурел и забыл уехать домой, а жил у Уха-Лобсон-хана со своей женой Алма-Мэргэн-хатан. У нее от него родился сын².

---

¹ Ганза — трубка для курения табаку.

² Другие говорят, что у Алма-Мэргэн-хатан родилась дочь.

Хөнур-бурхан, три старшие сестры Абай-Гэсэр-богдо-хана на небе говорят друг другу: «Что-то не слышно топота темно-гнедого коня и не слышно криканья Абай-богдо-хана?» Эти три сестры Хөнур-бурхан спустились на землю в большой пади Хатан и нашли в ней теплый след его, по этому следу начали следить; напали на холодный след, по которому тоже начали искать Абай-Гэсэр-богдо-хана. Искали кругом трехгодичной земли три раза и четырехгодичной земли четыре раза, вокруг ночного неба восемь раз и по четырем сторонам обширной земли и, наконец, пришли к желтому морю¹; на берегу этого моря нашли темно-гнедого коня, привязанного к боярке. Темно-гнедой конь сделался величиной с годовалого жеребенка и стоит, уперши морду в землю. Три сестры Хөнур-бурхан темно-гнедого коня отпустили, чтобы он поправился; потом сами вошли в желтое море; отворив дверь, спустились на нижнюю землю, там обратились в трех прекрасных птичек и прилетели к дворцу царя Уха-Лобсон-хана; в это время сын Абай-Гэсэр-богдо-хана играл на улице; увидев этих прекрасных птичек, хотел поймать их, но не мог. Тогда он крикнул: «Отец, отец! Выходи и поймай мне этих трех прекрасных птичек».

Абай-Гэсэр-богдо-хан выходит на улицу, хочет поймать этих трех прекрасных птичек, но никак не может поймать; эти птички улетали недалеко и садились снова, а Абай-Гэсэр-богдо-хан, желая поймать их и гоняясь за ними, ушел далеко в степь; эти птички заманили его на расстояние трехдневного хода, а потом обратились в трех сестер Хөнур-бурхан и ударили его в правую щеку; тогда он начал блевать черным-черно; после этого они ударили его в левую щеку; тогда он тоже начал блевать разнообразными веществами. Потом пришел в прежнее состояние и поправился совсем от помрачения.

Тогда три сестры Хөнур-бурхан говорят Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Зачем ты позабыл о своих домашних, которые тебя совсем потеряли и не могут дожидаться? Поскорее возвращайся домой!» После этих слов они поднялись обратно на небо.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан как будто бы проснулся от долгого сна и все забытое вспомнил; он учит своего маленького сына по приходе домой плакать и говорить: «Чужому человеку в чужбине нет житья и лытка изюбра² не может поместиться в котле!» Абай-Гэсэр-богдо-хан со своим маленьким сыном приходит домой. Тогда мальчик начал плакать и говорить: «Чужому человеку в чужбине нет житья и лытка изюбра не может поместиться в котле!»

---

¹ По другому рассказу, к черному морю.

² Изюбр — областное русское слово «олень».

Тогда царь Уха-Лобсон-хан говорит: «Наш зять Абай-Гэсэр-богдо-хан хочет ехать домой. Человек, имеющий родину, хочет возвратиться на родину, и человек, имеющий воду, хочет возвратиться к своим водам!» Потом царь Уха-Лобсон-хан зятю своему дал половину скота и половину золота и серебра и проводил его на родину.

Абай-Гэсэр-богдо-хан, взяв свою жену Алма-Мэргэн-хатан, сына и половину разного скота, золота и серебра, отданных ему царем Уха-Лобсон-ханом, поднялся на верхнюю землю и приехал на свою родину, в большую падь Хатан и на вершине ее выстроил бело-серебряный дворец. В этом дворце начала жить младшая жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-Мэргэн-хатан.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан стал жить с тремя женами, бывая у них по очереди; старшая жена Томон-Жаргалан-хатан стала жить в устье большой пади Хатан, средняя жена Урма-Гохон-хатан жила в середине пади Хатан, а младшая жена Алма-Мэргэн-хатан жила на вершине пади Хатан. Так жили счастливо.

* * *

На северной стороне в лесах появился лесной пестрый лев Октор¹ такой громадной величины, что большой верхней челюстью он хватал до высокого неба и бороздил его верхней челюстью, а нижней большой челюстью бороздил обширную землю; этот громадной величины пестрый лев, ходя, проглатывал все, что встречалось на пути; большие таежные деревья проглатывал с вершиной и большие лесные деревья проглатывал с корнями. Абай-Гэсэр-богдо-хан сильно удивился и говорит: «Это чье чудовище и откуда появилось на этих местах?»²

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан начал приготовляться с тридцатью тремя батарами против пестрого льва Октора. Кончив свои приготовления, они, сев на коней, поехали на северную сторону, где появился пестрый лев Октор и проглатывал все, что встречалось ему на пути. По дороге Абай-Гэсэр-богдо-хан с тридцатью тремя батарами поднялись на вершину одной высокой горы и посматривали с нее кругом в даль. В это время они увидели, что пестрый лев Октор идет по направлению к югу прямо на них. Верхняя челюсть его хватает до высокого неба и и бороздит его, а нижняя челюсть бороздит обширную землю. Так идя, лев проглатывал множество людей, разного скота, зверей и деревьев. Абай-Гэсэр-богдо-хан, смотря с вершины высокой горы, сильно удивился и говорит: «Это чье чудовище? От высокого неба чудовище

---

¹ По-бурятски: «Ойн-Октор эрэн-бар». А другие говорят: таежный пестрый лев Тахигар (Тагин тахигар эрэн бар).

² Рассказчик Пешков-Тушемилов объяснил мне, что этого льва послали западные тэнгэрины, чтобы испытать силу и умение Абай-Гэсэр-богдо-хана, победит он этого льва или нет.

или от обширной земли чудовище? На этой местности не было такого чудовища!» Так он говорил своим тридцати трем батарам.

Пестрый лев Октор в это время все приближался к Абай-Гэсэр-богдо-хану и его тридцати трем батарам, которые стояли на вершине высокой горы. Когда пестрый лев приблизился к ним, то начал их втягивать в себя. Они с трудом удерживались на своих местах. Чтобы удержаться, они к передним подолам привязали камни величиной с жеребенка, а к задним подолам привязали камни величиною с овцу. Так едва-едва держались на местах, но, несмотря на это, они отделились от земли и полетели по воздуху в рот пестрого льва Октора.

Сын Бомборин-саган-тэнгэрина Буда-Улан-батар прицепился к одной стороне рта, а имеющий белым-белого коня и белый доспех дукту Эржин-Шумар-батар прицепился к другой стороне рта; Абай-Гэсэр-богдо-хан влетел в рот и внутрь льва Октора. Влетая внутрь чудовища, Абай-Гэсэр-богдо-хан на пути воткнул острое черное копьё с чернем из черного дерева одним концом в гортань, а другим концом уперся в нижнюю челюсть. От этого пестрый лев Октор не мог разжевать его и остался с разинутым ртом. Абай-Гэсэр-богдо-хан, влетев внутрь льва, начал там искать сердце, нашел и разрубил его саблей из чистого булата. Тогда пестрый лев Октор подох с разинутым ртом.

Когда подох пестрый лев Октор, то Абай-Гэсэр-богдо-хан с 33 батарами вышли из нутра этого льва, а за ними вышли все проглоченные люди, разный скот и звери, которые ушли, восхваляя Абай-Гэсэр-богдо-хана, говоря: «Во веки веков до окончания мира побеждай своих врагов и коли годовалых жеребят!»

Потом 33 батара начали снимать шкуру с пестрого льва Октора. Из снятой шкуры вышло 33 батарам на шубы, из кожи головы пестрого льва вышло на шапки 33 батарам и из кожи с четырех ног пестрого льва вышло на унты 33 батарам. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан сказал: «Непобедимого врага победили и годовалого жеребенка закололи!» Потом приехали обратно домой и живут по-прежнему.

* * *

У Абай-Гэсэр-богдо-хана в местности, так называемой большой пади Найжин, паслись восемь тысяч конных табунов, в которых одна большая пегая кобыла в продолжение восьми лет не жеребилась и сделалась такой жирной, что на брюхе образовался жир (арбин) толщиной в восемь пальцев. Эта большая пегая кобыла от жира сдохла. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал на большую падь Найжин и разрезал брюхо большой пегой кобылы, в восемь пальцев толщиной жир на брюхе разостлал на обе стороны, а потом на этот

жир поставил с тринадцатю узлами петлю Тор-Саган. На вершине большой пади Найжин имели гнездо с птенцами птицы отец харабсар и мать харабсар. Около полуночи, с помощью своих тринадцати волшебств, Абай-Гэсэр-богдо-хан посылает сновидение находящейся на вершине большой пади Найжин птице отцу-харабсару. Видит харабсар сон — в большой пади Найжин у Абай-Гэсэр-богдо-хана большая пегая кобыла восемь годов не жеребилась, сделалась такой жирной, что на брюхе образовался жир толщиной в восемь пальцев. Эта большая пегая кобыла от жира пропала, толщиной в восемь пальцев жир этой кобылы разостлан на обе стороны и белеет. И будто он, птица отец-харабсар, прилетел, сел на конце малых ребер и клюнул один раз. И от этого птица отец-харабсар проснулся.

Абай-Гэсэр-богдо-хан, послав птице отцу-харабсару такое сновидение, сам обратился в конский помет и лежит под трехгодичными старыми и сухими травами (гурбан жили хурхагдан). Птица отец-харабсар проснулся после полуночи и говорит матери-харабсару: «Я видел сон; в большой пади Найжин у Абай-Гэсэр-богдо-хана большая пегая кобыла восемь годов не жеребилась, сделалась такой жирной, что на брюхе образовался жир толщиной в восемь пальцев. Эта большая пегая кобыла от жира пропала. Толщиной в восемь пальцев жир этой кобылы разостлан на обе стороны и белеет. Я прилетел и, сев на конце малых ребер, один раз клюнул и проснулся».

Тогда птица мать-харабсар говорит отцу-харабсару: «Абай-Гэсэр-богдо-хан имеет тринадцать разных волшебств, не знаешь, которое из его волшебств. Лучше перестань и не лети туда». Тогда птица отец-харабсар говорит: «Нет, не перестану. Увидев такой прекрасный сон, оставить нельзя. Нужно полететь и посмотреть». Между ночью и утром отец-харабсар полетел вниз по большой пади Найжин, в которой действительно видит издалека, что большая пегая кобыла лежит с распоротым брюхом, и жир белеет издалека. Увидев это, он говорит: «Ах, кончай, мозг! Какое ядовитое сновидение!» Сказав эти слова, он полетел поскорее. Прилетевши, сел на конце коротких ребер, один раз клюнул белый жир и в это время запутался в петлю Тор-Саган с тринадцатю узлами, никак не мог вырваться.

Абай-Гэсэр-богдо-хан, лжавший под трехгодичными старыми травами, обратившись в старый конский помет, выскочил оттуда и говорит: «Безрогого воришку, тебя, наконец, я поймал в руки и привязал за седлом. С прежнего времени пропадали кобылы жирнее и суше этой, но никакого не оставалось остатка, и все пропадало, все ты поедал, ничего не оставляя!» С этими словами Абай-Гэсэр-богдо-хан взял верховой кнут с 88 узлами и 99 пуговицами и начал им бить птицу отца-харабсара, который от боли начал плакать как ко-

зел и кричать как маленькая козуля. Этот крик и плач услышала птица мать-харабсар и прилетела посмотреть. Прилетев, она видит, что Абай-Гэсэр-богдо-хан бьет отца-харабсара, и тот плачет и кричит. Мать-харабсар говорит: «Я тебе говорила, не летай сюда, пусть тебя хорошенько побьет». Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан начал бить сильнее прежнего. Отец-харабсар пуще прежнего начал плакать и кричать. Птица мать-харабсар, пожалев отца-харабсара, говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Отпусти отца-харабсара!» Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит матери-харабсару: «Мне нужно одну ложку молока от твоего правого сосца и по одной ложке слезы из правых глаз двух птенцов-харабсаров. Когда дашь это, тогда только отпущу отца-харабсара».

Птица мать-харабсар улетела к гнезду, где начала бить двух птенцов-харабсаров, они начали плакать. Она едва-едва собрала по одной ложке слез из правых глаз двух птенцов-харабсаров, а потом подоила свой правый сосец и выдоила одну ложку молока, полетела и отдала все это Абай-Гэсэр-богдо-хану. Получив от птицы матери-харабсар одну ложку молока и две ложки слезы, Абай-Гэсэр-богдо-хан распорол правый нос птице отцу-харабсару и взял одну ложку крови, после чего отпустил отца-харабсара на свободу, сказавши ему: «Теперь эту кобылу можешь поесть!», а сам приехал домой обратно.

* * *

У китайского царя Гумэн-хана умерла жена Гомо-Сэсэк-хатан. Китайский царь Гумэн-хан сильно оплакивал ее и всем подданным своим сделал строгое приказание, чтобы они наравне с ним оплакивали свою покойную царицу Гомо-Сэсэк-хатан. Дома сидящие люди должны были оплакивать, сидя дома, а в степи бывшие люди должны были оплакивать, стоя в степи. Тогда все подданные у китайского царя Гумэн-хана начали оплакивать свою умершую царицу. Кто сидел дома, то сидя оплакивал, и кто ходил по степи, то стоя оплакивал. Таким образом, все подданные китайского царя Гумэн-хана все хозяйство и работы оставили, оплакивая свою покойную царицу. Сам же китайский царь Гумэн-хан день и ночь оплакивал свою покойную жену, лежа и обнявши ее, и не вставал. Все подданные китайского царя сильно убыточились и разорались постепенно. Тогда все они потихоньку украдкой от своего царя начали советоваться между собой. Что сделать со своим царем, чтобы он отменил свое распоряжение? Некоторые подданные говорят: нужно послать к Абай-Гэсэр-богдо-хану и у него просить совета, просить, чтобы он выручил их от этой беды; другие согласились с ними. Тогда подданные китайского царя начали из своей среды выбирать, кто бы мог доехать к Абай-Гэсэр-богдо-хану и попросить его защиты и выручки из этой беды. Они выбрали из семи сыно-

вей черного кузнеца Хожира, которые все семеро были черными кузнецами¹, младшего сына кузнеца Хаталза-Хара. Он начал собираться в путь и, собравшись, поехал к Абай-Гэсэр-богдо-хану. Черный кузнец Хаталза-Хара долго ехал и, наконец, едва-едва доехал до бело-серебряного дворца на вершине большой пади Хатан, где находился Абай-Гэсэр-богдо-хан. Когда он вошел во дворец, Абай-Гэсэр-богдо-хан сидел на бело-серебряном престоле. Входя, черный кузнец Хаталза-Хара начал кланяться. Как пуговицей головою кивая, кланяется, в колене ногу нагибая, кланяется.

Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает: «Откуда, человек, едешь ты и по какому делу приехал ко мне?» Черный кузнец Хаталза-Хара говорит: «Меня послали к вам подданные китайского царя Гумэн-хана просить вашей помощи и совета, что нужно делать, чтобы избавиться от беды, которая у нас случилась. У нашего царя Гумэн-хана умерла его жена Гомо-Сэсэк-хатан; наш царь оплакивает ее сильно и сделал строгое приказание всем подданным, чтобы они тоже оплакивали свою царицу. Сидящие люди дома, те должны оплакивать свою царицу, сидя дома, и в степи бывшие люди должны оплакивать свою царицу, стоя в степи. Все подданные бросили свои хозяйства и работы и оплакивают свою царицу Гомо-Сэсэк-хатан. Все подданные нашего царя несут большие убытки и разоряются. Вот почему меня послали к вам просить помощи».

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Мне нужны от сыновей Хожира, от семи братьев черных кузнецов отрубленные головы. Тогда только поеду на помощь к китайским подданным в их беде».

Черный кузнец Хаталза-Хара, услышав слова Абай-Гэсэр-богдо-хана, сильно испугался. Приехав обратно домой, он сказал подданным китайского царя, что Абай-Гэсэр-богдо-хан не хочет приехать к ним. Потом однажды ночью он говорит своей жене: «Абай-Гэсэр-богдо-хан сказал мне, что нужны отрубленные головы наших семи братьев черных кузнецов. Если наши головы отрубят и пошлют к нему, то он приедет помогать». Выдав тайну своей жене, он наказал ей, чтобы она никому не рассказывала это. Жена черного кузнеца Хаталза-Хара сказала одной жене старшего брата своего мужа и просила ее не говорить никому, а эта последняя сказала другой. Таким образом, все жены семи черных кузнецов Хожира узнали тайну. Последняя по секрету передала одной своей хорошей приятельнице. Таким образом этот секрет узнали под-

---

¹ О черных кузнецах см. Записки Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. Общ. по этногр., т. II, вып. I, стр. 41.

данные и чиновники китайского царя Гумэн-хана. Они собрались и поймали всех семь братьев черных кузнецов, сыновей черного кузнеца Хожира, всем им отрубили головы и послали их к Абай-Гэсэр-богдо-хану с Зудак-Шара-батаром, едущим на ста конях.

Едущий на ста конях Зудак-Шара-батар, взявши семь отрубленных голов от семи братьев черных кузнецов, поехал к Абай-Гэсэр-богдо-хану. Он ехал очень долго. По дороге все сто коней устали и пропали от долгой езды. Когда все сто коней пропали, Зудак-Шара-батар далее пошел пешком. От долгой ходьбы износились на его ногах унты, он продолжает далее свой путь босиком; от долгой ходьбы у него на ногах стирается мясо, он идет далее кровавыми шагами. Наконец, на ногах стерлось все мясо, он идет, ступая голыми и белыми костями. Едва-едва доходит он на вершину большой пади Найжин. Тут он останавливается у пропавшей кобылы и ест мясо, лежа. В это время к Зудак-Шара-батару подъезжает один из 33 батаров Абай-Гэсэр-богдо-хана и спрашивает у лежащего человека: «Кто ты такой и откуда идешь?» Зудак-Шара-батар рассказал о себе все, что с ним случилось, и что подданные китайского царя Гумэн-хана послали отрубленные головы от семи братьев черных кузнецов, сыновей черного кузнеца Хожира. Батар Абай-Гэсэр-богдо-хана тут же вылечил Зудак-Шара-батара и привел его к Абай-Гэсэр-богдо-хану. Зудак-Шара-батар отдал ему семь отрубленных голов от семи черных кузнецов Хожира. Абай-Гэсэр-богдо-хан посланные семь отрубленных голов от семи черных кузнецов Хожира получил и говорит Зудак-Шара-батару: «Ты поезжай домой, а я за тобой приеду».

Полученные семь голов от семи кузнецов Абай-Гэсэр-богдо-хан начал варить в семи медных котлах, чтобы вычистить их хорошенько. Вычистив их, он сделал из них чашки, оправил эти чашки золотом и серебром. Из этих семи голов образовалось семь очень красивых чашек, и он налил в них крепкое вино.

Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан¹ эти семь вызолоченных и высеребрянных чашек с крепким вином положил за пазуху и поднялся на небо к бабушке Манзан-Гөрмө. Поднявшись на небо, входит в бело-серебряный дворец, в котором живет бабушка Манзан-Гөрмө. Она сидит на бело-серебряном престоле. Абай-Гэсэр-богдо-хан кланяется ей, как пуговкой головой кивая и в ко-

---

¹ Другие говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан эти чашки с вином с земли бросил на небо со словами: «Упадите на крыльцо у бабушки Манзан-Гөрмө!» Эти брошенные чашки упали на крыльцо у бабушки Манзан-Гөрмө; выйдя на улицу, она увидела эти чашки, взяла их в руки, начала рассматривать, потом начала пробовать вино и выпила все вино из семи чашек, сделалась пьяной; в это время Абай-Гэсэр-богдо-хан поднялся на небо и подошел к бабушке Манзан-Гөрмө.

лене ногу нагибая. Бабушка Манзан-Гөрмө спрашивает у него: «Земной внук мой, зачем приехал ко мне и что тебе нужно?» Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своей бабушке Манзан-Гөрмө: «Я поднялся на небо к вам, чтобы угостить вас крепким вином, приготовленным вашими внучатыми снохами». После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан из-за пазухи вынимает семь вызолоченных и высеребранных чашек с крепким вином и угощает свою бабушку Манзан-Гөрмө. Она, выпивши крепкое вино из семи чашек, сделалась пьяной.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своей бабушке Манзан-Гөрмө: «Китайский царь Гумэн-хан сказал мне, что у него есть на вершине Алтан-ула золотая мельница (алтан терьме), которая, стоя, вертится. На вершине Саган-Мөнгөн-ула белая серебряная козуля с бело-серебряной цепью, вокруг верхушки Саган-Мөнгөн-ула ходя, пасется или пощипывает травку. На вершине Гули-Мөнгөн-ула желто-медно-серебряная лисица с желто-медно-серебряной цепью, вокруг верхушки Гули-Мөнгөн ула ходя, понюхивает и на вершине Зэт-Мөнгөн-ула полаивает».

Бабушка Манзан-Гөрмө говорит: «Этих эрдэни у китайского царя Гумэн-хана вовсе нет. И откуда у него они будут? Они находятся у меня!» Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает: «Где у вас находятся эти эрдэни, которых я не видывал?» Бабушка Манзан-Гөрмө говорит, что эти эрдэни у ней находятся в сундуке. Потом она, немного опьянев, легла спать. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан потихоньку, во время сна бабушки Манзан-Гөрмө, украл у нее ключи от сундука, украденным ключом отворил сундук и взял из него эрдэни¹. Взяв эрдэни, начал спускаться на землю.

Бабушка Манзан-Гөрмө пробудилась от сна, встала и говорит: «Тот молодчина мой, что сделавши, спустился на землю?» Говоря эти слова, она отворила свой сундук и видит, что эрдэни уже украдены Абай-Гэсэр-богдо-ханом. Тогда бабушка Манзан-Гөрмө выходит на улицу и видит, что Абай-Гэсэр-богдо-хан спускается на землю и находится между небом и землей. Она сильно рассердилась, что у ней украл эрдэни, и прокляла его, говоря: «Если ты меня обокрал, то без доли богатства и без детей погибни! Прямо к востоку лети в страну альбинов, во двор провалища Альбин тама, где, споткнувшись, пади!» После этого бабушка Манзан-Гөрмө семь чашек из семи голов черных кузнецов бросила, говоря: «На небе показывайте время года и ночи». Эти брошенные чашки на небе образовали созвездие Большой Медведицы (Долон-Өбөгөд).

Абай-Гэсэр-богдо-хан непреодолимо и без удержу летел прямо к востоку по направлению в страну альбинов. Тогда бабушка Манзан-Гөрмө, смотрев-

---

¹ Иные говорят, что в числе эрдэни были жилы вшей «бөхөни шөрмөхөн».

шая вслед за Абай-Гэсэр-богдо-ханом, пожалела его и говорит: «Глупенького и худенького внука своего я чересчур сильно прокляла». Она подоила молоко от правой груди и бросила вслед за ним. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан, опомнившись от помрачения, возвратился к своему дому, а брошенное бабушкой Манзан-Гөрмө на небо молоко сделалось Млечным путем. Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал домой и по-прежнему стал жить и думать. После этого он собрался ехать к китайскому царю Гумэн-хану и взял с собой все свои эрдэни.

Китайский царь по-прежнему оплакивал свою умершую жену Гомо-Сэсэк-хатан, а также оплакивали ее и все подданные китайского царя. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью своих волшебств, когда Гумэн-хан спал, обнявши умершую жену, украл ее и велел похоронить, а на место Гомо-Сэсэк-хатун положил черную суку, которая должна была ошениться. Китайский царь Гумэн-хан проснулся и видит: лежит, обнявши черную суку, которая ошенилась. Он сильно испугался и с отвращением оттолкнул от себя суку со щенятами и начал выбрасывать их на улицу. Он говорил: «Умерший человек, если долго лежит, то делается таким отвратительным». Так, стоя, рассуждал он.

В это время Абай-Гэсэр-богдо-хан входит во дворец к китайскому царю Гумэн-хану. Хан рассказывает ему о случившемся, что у него умерла жена Гомо-Сэсэк-хатан, которую он долго оплакивал, а теперь, когда он проснулся, то увидел себя лежащим, обнявши ошенившуюся черную суку. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит китайскому царю Гумэн-хану: «Умершего человека долго оплакивать бывает грех и впоследствии несчастливо».

Китайский царь Гумэн-хан сильно рассердился на Абай-Гэсэр-богдо-хана и говорит ему: «Ты приехал ко мне учить и мной распоряжаться». После этого он приказал своим подданным бросить Абай-Гэсэр-богдо-хана в один тама¹. Таких тама у китайского царя было девять: 1) вшивый тама²; 2) тама маленьких вшей³; 3) змеиный тама⁴; 4) лягушачий тама⁵; 5) червячий тама⁶; 6) огненный тама⁷; 7) морозный тама⁸; 8) дегтярный тама⁹ и 9) жучий тама¹⁰.

---

¹ Тама — «ад».

² Бөхөни тама.

³ Хюрхани тама.

⁴ Могон тама.

⁵ Бахан тама.

⁶ Хорхон тама.

⁷ Гал-тама (или говорят Гал-нурма-тама).

⁸ Хү-түни тама.

⁹ Дабирхан тама.

¹⁰ Сохон тама.

Подданные китайского царя увели Абай-Гэсэр-богдо-хана и бросили его во вшивый тама, он упал в него. Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью одного эрдэни¹ наполнил вшивый тама и волшебным черным деревом погладил сверху. Тогда вшивого тама китайского царя вовсе не стало. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан опять приходит к китайскому царю Гумэн-хану. Хан опять приказал бросить его в другой тама. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хана повели и бросили в другой тама; с помощью эрдэни он тоже наполнил и этот тама и сверху погладил волшебным черным деревом. Потом опять приходит к Гумэн-хану. Хан сильно рассердился на Абай-Гэсэр-богдо-хана и опять приказал бросить его в следующий тама. Таким образом, Абай-Гэсэр-богдо-хана бросали во все девять тама, и он с помощью эрдэни наполнял все их и сверху гладил волшебным черным деревом. Теперь у китайского царя Гумэн-хана не стало ни одного тама. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан опять приходит к китайскому царю Гумэн-хану.

Тогда китайский царь Гумэн-хан говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Возьми мою дочь Ногон-Гохон-абахай замуж за себя». Абай-Гэсэр-богдо-хан согласился жениться на Ногон-Гохон-абахай и сделался зятем китайского царя Гумэн-хана. Сделали свадьбу и большой пир. После пира Абай-Гэсэр-богдо-хан собирался ехать домой. Поехав домой, взял свою жену Ногон-Гохон-абахай с собой. Доехавши до половины пути, Абай-Гэсэр-богдо-хан остановился ночевать. Ложась спать, Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своей жене Ногон-Гохон-абахай: «Если мы суженые и предназначены жить вместе, то наши лошади будут пастись вместе в направлении к моему дому, а мы, пробудясь утром, будем лежать, обнявшись друг с другом; если не суженые, то наши лошади будут пастись отдельно, каждая по направлению к своему дому, и мы будем лежать каждый к своему дому, когда пробудимся утром». Так они легли спать. Ночью Абай-Гэсэр-богдо-хан проснулся и видит: они лежат, обнявши друг друга, а лошади их пасутся вместе по направлению к дому Абай-Гэсэр-богдо-хана. Тогда он с помощью своих тридцати волшебств сделал так, чтобы лошади паслись каждая по направлению к своему дому, сами они обратились лицами к своим домам и спиной друг к другу; потом он лег спать. Когда утром проснулись, то они лежали лицами к своим домам, а спиной друг к другу, и лошади пасутся отдельно по направлению к своим домам. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит Ногон-Гохон-абахай: «Мы несуженые жениться и жить вместе». После этого дочь китайского царя Ногон-Гохон-абахай уехала обратно домой к отцу своему Гумэн-хану, а Абай-Гэсэр-богдо-хан тоже поехал домой.

---

¹ С помощью вшивых жил.

Живущий на северо-западной стороне Лобсогой поднялся на небо, где обратился в звезду и в продолжение трех годов следил за Абай-Гэсэр-богдоханом и изучал его волшебства. Изучив нрав, характер и волшебства Абай-Гэсэр-богдохана, Лобсогой спустился обратно на землю и из нечистых штанов старшей своей сестры Енхобо сделал материнское большое белое священное писание, а сам обратился в трех лам соржи. Три ламы поднялись на вершину Оргил-ула, сидят в бело-серебряном дворце на бело-серебряных престолах и читают материнское большое белое священное писание. Эти три ламы соржи послали за Абай-Гэсэр-богдоханом быстрого посла, чтобы он приехал поклониться им и получил благословение от них. Быстрый посол от трех лам соржи приехал к Абай-Гэсэр-богдохану и сказал ему, что на вершину Оргил-ула спустились с неба три ламы соржи, они его просят приехать к ним поклониться и получить благословение. Тогда Абай-Гэсэр-богдохан впереди себя послал человека, который бы поднялся на вершину Оргил-Ула, вошел бы в бело-серебряный дворец и, став во дворце, смотрел бы на трех лам соржи, пока не придет сам Абай-Гэсэр-богдохан. Когда сам Абай-Гэсэр-богдохан придет ко дворцу и крикнет громко, то, если действительно они три ламы соржи, то по-прежнему будут читать священное писание, а если это не они, то, когда он крикнет громко, они упадут с престола. Потом Абай-Гэсэр-богдохан поехал сам. Поднявшись на вершину Оргил-ула и подъехав к бело-серебряному дворцу, крикнул громко. Тогда три мнимые ламы соржи упали с престола, опять сели на престол и читают по-прежнему священное писание. Посланный Абай-Гэсэр-богдоханом человек, увидев это, выходит из дворца сказать ему, но когда он говорил, то ошибся, и вместо того, чтобы сказать «упали», сказал «не упали», потому что Лобсогой через свои волшебства повернул язык этому человеку. Тогда Абай-Гэсэр-богдохан входит в бело-серебряный дворец и начинает кланяться трем ламам соржи, читающим священное писание. После поклонения Абай-Гэсэр-богдохан подходит к трем ламам соржи получить их благословение. Мнимые три ламы соржи своими священными писаниями дотронулись до головы Абай-Гэсэр-богдохана. Вследствие этого он сделался нечистым. Тогда они обратили его в неустающего осла. После того Лобсогой снова сделался Лобсогоем, громко смеялся и речисто говорил: «Наконец-то я тебя поймал в руки мои и за седлом привязал». После этого Лобсогой обратившемуся в неустающего осла Абай-Гэсэр-богдохану железным треногом стреножил ноги и железной уздой обуздal этого осла и повел домой. По приезде домой Лобсогой на этом осле каждый день пахал сорок десятин земли и бил его железным молотом, а ночью запирали его в железный амбар.

Домашние Абай-Гэсэр-богдо-хана узнали о случившемся несчастье, что он через обман обращен Лобсогоем в неустающего осла и уведен. Тогда три прекрасные жены Абай-Гэсэр-богдо-хана послали быстрого посла к трем ламам соржи¹ просить у них совета и известить их, что Абай-Гэсэр-богдо-хан обращен в осла и уведен Лобсогоем. Три ламы соржи, почитав священное писание, сказали посланному, что Абай-Гэсэр-богдо-хана может освободить только одна Алма-Мэргэн-хатан, а другой никто не может. Посланный посол приехал и сказал, что три ламы соржи сказали, что Абай-Гэсэр-богдо-хана может освободить от Лобсогая только одна Алма-Мэргэн-хатан, и никто другой.

Тогда Алма-Мэргэн-хатан начала собираться в путь-дорогу к Абай-Гэсэр-богдо-хану. Она села на тоненького рыжего коня и поехала к северо-западу в сторону Лобсогая. Алма-Мэргэн-хатан сперва поехала к Енхобой, к трем старшим сестрам Лобсогая. Обратившись в черную муху, она прилетела к дому старшей сестры Лобсогая Енхобой и старалась выследить ее привычки, характер и волшебства. Когда все узнала, она улетела на трехдневное расстояние и там с помощью своих волшебств сделала черную железную телегу, точь-в-точь, как у старшей сестры Лобсогая, потом сделала трех черных иноходцев, точь-в-точь как у старшей сестры Лобсогая и сама обратилась в старшую сестру Лобсогая Енхобой. Поехала на этой телеге и на этих черных иноходцах к Лобсогаю.

Когда Алма-Мэргэн-хатан, обратившись в старшую сестру Енхобой, приехала к Лобсогаю, он встретил свою сестру на улице и ввел в дом. Сестра Лобсогая говорит ему: «Дитя мое, ты непобедимого врага победил и годовалого жеребенка заколол. Наконец-то Абай-Гэсэр-богдо-хана поймали в руки наши и привязали за седлом». Она хвалила своего младшего брата Лобсогая, а потом стала просить его, чтобы он отдал ей этого неутомимого осла. Она хочет на нем пахать землю.

Тогда Лобсогаей говорит старшей сестре Енхобой: «Нет, не дам тебе осла, ты не сумеешь его держать и отпустишь». Старшая сестра Енхобой сильно рассердилась и говорит: «Если бы я не дала тебе свои нечистые штаны, то ты не поймал бы Абай-Гэсэр-богдо-хана, а теперь ты его не даешь мне. С этого времени будь ты без моей помощи!» С этими словами она выбежала на улицу и захлопнула дверь.

Тогда Лобсогаей думает, что старшую сестру Енхобой нельзя гневить, надо отдать ей осла. Он выходит на улицу и говорит сестре: «Возьми неутомимого

---

¹ Иные говорят, к трем Голто-саган-бурханам.

осла, паши на нем землю, но только не отпускай!» Лобсогой отдал старшей сестре неумолимого осла, старшая сестра крепко привязала неумолимого осла к железной телеге и поехала домой.

Тогда Лобсогой черного ворона Хон послал за сестрой следить. Если она действительно его старшая сестра Енхобой, то она прямо поедет домой, а если это кто-нибудь другой, то поедет по другому направлению. Алма-Мэргэн-хатан, узнав о посланном черном вороне Хон, с помощью волшебства повернула оба глаза черному ворону Хон, а также и язык. Черный ворон Хон прилетел к Лобсогойю обратно и говорит, что Енхобой уехала прямо домой. Лобсогой послал другого черного ворона Хон следить за ней, но Алма-Мэргэн-хатан с этим черным вороном Хон сделала то же, что и с первым. Лобсогой в третий раз послал еще одного черного ворона Хон, с которым Алма-Мэргэн-хатан сделала то же, что с первым и вторым. Тогда Лобсогой успокоился, думая, что она действительно его старшая сестра Енхобой.

Алма-Мэргэн-хатан, отъехав на трехдневное расстояние, снова обратилась в Алма-Мэргэн-хатан и ударила в правую щеку Абай-Гэсэр-богдо-хана. Тогда он начал блевать черным-черно, потом она ударила его в левую щеку, он начал блевать разнообразными веществами. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан из осла обратился снова в человека. Тогда Алма-Мэргэн-хатан взяла воды из источников девяти ключей и взяла из большой тайги вереск и ими начала мыть Абай-Гэсэр-богдо-хана, тогда только он пришел вполне в прежнее состояние, принял настоящий свой вид и вошел в настоящее тело.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан приехали домой. Абай-Гэсэр-богдо-хан с 33 батарами и 300 передовыми войсками сделал большой пир и веселье, в первые дни гуляли и веселились у младшей жены Абай-Гэсэр-богдо-хана, у Алма-Мэргэн-хатан, потом их пригласила к себе средняя жена Абай-Гэсэра, Урма-Гохон-хатан, у которой тоже гуляли и веселились, а потом их пригласила старшая жена Абай-Гэсэра, Төмөн-Жаргалан-хатан, у которой тоже гуляли и веселились, на девятый день едва-едва разошлись.

После этого гулянья и веселья к Төмөн-Жаргалан-хатан приходит завистливый дядя Сута-Нойон и говорит ей: «Абай-Гэсэр-богдо-хан тебя отдал мне». Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан крикнула одного батара и сказала ему: «Дядя Сута-Нойон опьянел, уложите его спать». Один из батаров увел Сута-Нойона и уложил спать. Через некоторое время Сута-Нойон опять приходит и говорит то же самое. Төмөн-Жаргалан-хатан опять велела уложить его спать. Немного погодя Сута-Нойон в третий раз приходит и говорит то же самое. Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан сильно рассердилась на Сута-Нойона, призвала

батаров и велела им побить его хорошенько и выбросить на улицу. Пришедшие батары хорошенько побили Сута-Нойона и выбросили на улицу, чтобы он впредь не делал этого. Сута-Нойон сильно рассердился на Төмөн-Жаргалан-хатан и хотел отомстить ей.

Война с Лобсогоем¹

Когда Алма-Мэргэн-хатан привезла домой Абай-Гэсэр-богдо-хана и начала его мыть водой, взятой из источников девяти ключей, и пихтовой корой, взятой из девяти тайг, тогда он пришел в прежнее состояние и обратился в человека. Абай-Гэсэр-богдо-хан сильно исхудал и истощился и поправился только по истечении трех месяцев. Тогда он начал собираться. Вышел на вершину горы Мөрөн-ула, сделал тут жертвоприношение западным пятидесяти пяти тэнгэринам и старшему тэнгэрину Хан-Тюрмас-тэнгэри, в продолжение девяти дней и ночей молился. После девяти дней и ночей Абай-Гэсэр-богдо-хан спустился с вершины горы Мөрөн-ула и пришел домой. Здесь он пригласил своих 33 батаров, 300 передовых войск и дядю Сарагал-Нойона и начал с ними пировать; пировал в продолжение девяти суток. После девяти суток разошлись по домам. Перед этим Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своим 33 батарам, чтобы они собирались в продолжение трех месяцев ехать войной воевать с Лобсогоем. 33 батара Абай-Гэсэр-богдо-хана, услышав это, сильно обрадовались. Когда прошли три месяца, Абай-Гэсэр-богдо-хан начал собираться на войну с Лобсогоем. Все 33 батара собрались и были готовы. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит, что ему, кроме 33 батаров, никто не нужен, остальные только в дороге будут мешать ему. Когда все собрались в дорогу, Алма-Мэргэн-хатан говорит: «Я тоже поеду. Вы с Лобсогоем будете воевать, а не знаете всех волшебств и хитростей у трех старших Лобсогоевых сестер, Енхобой». Алма-Мэргэн-хатан оседлала своего рыжего коня, привязала его к серебряному столбу красным шелковым поводом и вошла во дворец. Сплела в обхват черную и длинную косу и приняла прежний девичий вид. Одевшись, надела на себя колчан со стрелами и лук с футляром. Потом поехала с Абай-Гэсэр-богдо-ханом и 33 батарами, все они поехали прямо в северо-западную сторону, где живет Лобсогой. Они ехали, ехали и приехали в страну Бирдиктын, по которой поехали далее и рассекли одну из трех падей Дибэн. Когда они поехали поперек самой правой пади Дибэн, перед ними поперек дороги пробежали три диких быка. Тогда Алма-Мэргэн-хатан говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану:

---

¹ Некоторые буряты рассказывают о войне с Лобсогоем вслед за рассказом об обращении Гэсэра в осла; другие же говорят, что эта война была после.

«Эти три быка, три сестры Лобсогоя, они вас обманули бы без меня, этих трех быков непременно нужно убить и догонять их». Сказав это, Алма-Мэргэн-хатан выстрелила и убила одного дикого быка, а Абай-Гэсэр-богдо-хан выстрелил и убил другого дикого быка, а за третьим диким быком погнались вверх по пади Дибэн, не могли догнать, погнались до вершины пади Дибэн. Прибежав на вершину пади Дибэн, дикий бык вбежал в один дворец и сделался сестрой Лобсогоя Енхобой. Абай-Гэсэр-богдо-хан слез с коня и входит во дворец. Только он вошел во дворец, как старшая сестра Лобсогоя Енхобой проглотила его.

Проглоченный Абай-Гэсэр-богдо-хан, входя внутрь Енхобой, старшей сестры Лобсогоя, взял маленький желтенький ножик, давящий под большим пальцем (эрхэ доро дарама шара хумаша) и этим ножом распорол желудок у Енхобой и вышел из ее желудка. Потом начал пилить тем ножом сердце Енхобой. Она начала кричать, стонать и говорить: «Не убей меня, отпусти живой» и давать клятву. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит ей: «Укажи жизнь и душу Лобсогоя, как его убить, тогда отпущу тебя живой».

Старшая сестра Лобсогоя говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Брат мой Лобсогой неумертым и без жизни; если разделишь его по кусочку по ртам пестрой сороки, тогда он не умрет, а если разделишь по кусочкам по клювам черной вороны Хон, тогда он не умрет и будет живым. Разве только победишь, тогда удержишь его». После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан выпилил сердце у Енхобой и, распоров ей брюхо, вышел из ее утробы. Тогда вместе с Алма-Мэргэн-хатан они убили старшую сестру Лобсогоя Енхобой, и тело ее сожгли на костре, оставшиеся кости разбросали на все четыре стороны. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан приехали обратно к 33 батарам, приехав, видят, что 33 батара двух убитых диких быков сжигают на огне. Кости этих быков и оставшийся пепел разбросали на все четыре стороны.

Поехали они далее и рассекли три пади Дибэн, едут по стране Бирдиктын; в это время Лобсогой узнал, что к нему с войной приехал Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан и 33 батарами. Он немедля и торопливо собрался и поехал навстречу Абай-Гэсэр-богдо-хану. На дороге Лобсогой встретился с Абай-Гэсэр-богдо-ханом, он спрашивает его: «Старше тринадцати ханов Абай-Гэсэр-богдо-хан, куда едешь?» Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «К тринадцати ханам вредящему, мучителю Абай-Гэсэр-богдо-хану еду, живущему в стране Бирдиктын, старшему мангатхаю Лобсогою, которого хочу убить». Тогда Лобсогой говорит: «Называемый Лобсогоем — это я, ты меня не убьешь; если разделишь меня по кусочку по ртам пестрой сороки, тогда я не умру,

если разделишь по клювам черной вороны Хон, тогда я не умру. Я неумертым и без жизни, никогда меня не убьешь». Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит Лобсо-гою: «Как будем воевать, силой большого пальца или силой плеча?» Лобсогой говорит Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Силой большого пальца не убьем друг друга, а будем воевать силой плеча».

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан и Лобсогой слезли с коней и начали бо-роться между собой. Когда они боролись и воевали силой плеча, они воевали ровно, никто никого не мог победить. Они вперед упирались ногами, делали красную гору и назад упирались (пинались) ногами и делали большие горы. Если бросить к верблюду, то равным равно воевали, а если бросить к коню, то действительно равно воевали. Тогда 33 батара Абай-Гэсэр-богдо-хана взяли в тысячу обхватов белую хлопчатобумажную веревку, сделали из нее петлю и бросили к ногам Лобсогая. Когда в этой петле запутались ноги Лобсогая, 33 батара потянули веревку. Вевка на несколько частей разорвалась. Тогда Алма-Мэргэн-хатан говорит 33 батарам: «Этой веревкой ничего не поможе-те, оставьте!» Потом Алма-Мэргэн-хатан начинает читать свою книгу «Заяни шара худар» и говорит: «Я буду стрелять из лука стрелой в самые жизненные места, тогда у Лобсогая убудут его волшебство и силы». Алма-Мэргэн-хатан начала из лука стрелять стрелой в самые жизненные места у Лобсогая, силы у него постепенно начали убывать и ослабевать.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан неумертвимого Лобсогая свалил на землю и давит его, но никак не может убить. Абай-Гэсэр-богдо-хан начал та-щить Лобсогая по земле к готовой каменной таме в стране Бирдиктын, одну ногу Лобсогая привязал к хвосту своего темно-гнедого коня, величиной с гору, а за другую ногу тащил сам. Алма-Мэргэн-хатан в это время все стреляла из лука стрелой в Лобсогая. Так Лобсогая приволокли по земле к каменному тама, бросили его в него. Абай-Гэсэр-богдо-хан волшебным черным деревом погладил сверху и сказал: «До окончания тысячи веков отсюда не выходи» (минган галаби мултарасара эндэхэн бу гара). После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью своих тринадцати волшебств сделал каменного батара (шулун батар) и приказал ему: «До окончания тысячи веков этого Лобсогая не выпус-кай из этой каменной тамы, а если будет выходить, то сверху бей его по голо-ве железным молотком!» Он дал этому каменному батару большой железный молот, чтобы бить по голове Лобсогая.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан и 33 батарами поехали к дворцу Лобсогая, из дворца взяли золото и серебро, а дворец со-жгли, потом весь скот Лобсогая угнали, обратно на пути были во дворах у

трех старших сестер Лобсогоя, Енхобой. Из дворцов сестер тоже взяли золото и серебро, а дворцы сожгли. Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан и 33 батарами приехали домой и устроили большой пир, продолжавшийся девять дней и ночей.

Вариант о войне с Лобсогоем

Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан приносил жертвоприношение пятидесяти пяти тэнгэринам и старшему тэнгэрину Хан-Тюрмас-тэнгэрину, в то время западные тэнгэрины научили Абай-Гэсэр-богдо-хана, как воевать с Лобсогоем и победить его многочисленное войско. Они научили его следующим образом: «Когда приедешь в страну Лобсогоя, то навстречу тебе выйдет многочисленное войско Лобсогоя, это войско никак нельзя победить, все убитые снова встают и воюют. Войска Лобсогоя сделаны из семидесяти разных цветов, потому они непобедимы. Встретившись с ними, нужно перед ним сделать свое каменное изображение, стреляющее из лука стрелой. Войско Лобсогоя, приехав, начнет стрелять в это твое каменное изображение, в это время нужно зайти сзади и там оторвать цветок (рассказчик не знал названия цветка и также подробностей этого рассказа), тогда это войско Лобсогоя вдруг исчезнет и будет таким образом побеждено. После этого приедет сам Лобсогой и будет бороться с твоим каменным изображением и устанет». Так научили западные тэнгэрины Абай-Гэсэр-богдо-хана.

После жертвоприношения Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан и 33 батарами поехал к Лобсогою.

Когда они приехали в страну Лобсогоя, многочисленное войско Лобсогоя выехало навстречу Абай-Гэсэр-богдо-хану и хотело воевать с ним. Абай-Гэсэр-богдо-хан и Алма-Мэргэн-хатан с помощью своих волшебств сделали свои каменные изображения, сидящие на лошадях и стреляющие стрелами из лука. Когда приехало многочисленное войско Лобсогоя, то оно начало стрелять из лука стрелами и рубить каменные изображения Абай-Гэсэр-богдо-хана и Алма-Мэргэн-хатан. В это самое время Абай-Гэсэр-богдо-хан подъехал сзади этого войска и оторвал указанный цветок. В это время все многочисленное войско Лобсогоя исчезло. После этого приехал сам Лобсогой, который тоже, не зная, начал стрелять и рубить каменное изображение Абай-Гэсэр-богдо-хана и Алма-Мэргэн-хатан и, наконец, начал бороться. В этой борьбе Лобсогой сильно утомился. В это время Абай-Гэсэр-богдо-хан вышел и победил Лобсогоя¹.

---

¹ По словам бурят, это каменное изображение есть в Тибете.

Завистливый дядя Сута-Нойон во что бы то ни стало хотел отомстить Төмөн-Жаргалан-хатан. Для этого он обратился к восточным альбином. Завистливый дядя Сута-Нойон заколол черного барана, кровь и немного мяса от него взял с собой и поехал в страну альбинов просить совета у них, как отомстить Төмөн-Жаргалан-хатан, которая не согласилась на его предложение и велела поколотить его и выбросить на улицу. Когда завистливый дядя Сута-Нойон приехал в страну альбинов на альбинскую степь, где находится Альбин-тама, около отверстия этого тама он остановился и начал призывать альбинов, бросая привезенное мясо в Альбин-тама. Он призывал их в продолжение трех суток, но альбины к нему не приходили. Тогда он призывал еще в продолжение трех суток, но альбины и тогда не явились. Он еще призывал в продолжение трех суток, но альбины, как и прежде, не явились к нему. Тогда завистливый Сута-Нойон рассердился на альбинов, оставшееся мясо выбросил в Альбин-тама и говорит: «Разве присуждено альбинским альбинам погибнуть и Альбин-таме наполниться!»

Тогда из Альбин-тама выскочили четыре альбина, которые хотели завистливого Сута-Нойона разорвать на четыре части. Завистливый Сута-Нойон говорит четверем альбинам: «Постойте, у колотого животного кровь пускают и у умирающего человека спрашивают слова его!» Альбинские альбины спрашивают: «Что тебе нужно и зачем сюда приехал?» Завистливый дядя Сута-Нойон рассказывает причину своего приезда и просит совета от четырех альбинов, как отомстить старшей жене Абай-Гэсэр-богдо-хана Төмөн-Жаргалан-хатан. Тогда четыре альбина дали завистливому Сута-Нойон три щепотки черной земли и говорят: «Когда приедешь домой, то заколи трех черных баранов, в кровь их положи эту черную землю, а кровь налей в желудки баранов. После этого три желудка, налитые кровью, положи в унты, а один желудок привяжи к шубе. Когда Төмөн-Жаргалан-хатан второпях наденет унты и шубу, то кровь выльется на землю и потечет в очаг. Тогда ты отомстишь Төмөн-Жаргалан-хатан».

Завистливый Сута-Нойон, взявши три щепотки черной земли от четырех альбинов, приехал обратно домой. По приезде заколол трех черных баранов и взял от них кровь, во взятую кровь высыпал три щепотки черной земли. Потом кровь влил в три желудка. После этого ночью, когда Төмөн-Жаргалан-хатан легла спать, завистливый Сута-Нойон потихоньку вошел в бело-серебряный дворец и два желудка крови положил в унты, а один желудок с кровью привязал к воротнику шубы и сам вышел на улицу. Потом Сута-Нойон нарочно отпустил сто красных телят к матерям и кричит, проходя мимо дворца:

«Сто красных коров сосут телята. Вставайте!». Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан проснулась и говорит: «Не стоит трудов, чтобы выйти и разнимать». И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Нойон опять отпустил еще сто красных телят к матерям и кричит, проходя мимо дворца: «Двести красных коров сосут телята. Вставайте!» Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан проснулась и говорит то же, что не стоит трудов, чтоб выйти и разнимать. И опять легла спать и заснула. Завистливый Сута-Нойон опять отпустил еще сто красных телят к матерям и кричит, проходя около дворца: «Триста красных коров сосут телята. Вставайте!» Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан проснулась и встает. Она берет свои унты, надевает на ноги и берет шубу, надевает на себя. В это время пролилась кровь из трех желудков и течет в очаг. Кровь, попавши в очаг, сгорела в огне, а пар и запах от крови выходят через отверстие дворца на улицу, образовался желтый туман и пошел по направлению к вершине большой пади Хатан.

Этот желтый туман достиг вершины большой пади Хатан, через отверстия бело-серебряного дворца вошел во дворец и Абай-Гэсэр-богдо-хан во время сна вдохнул этот желтый туман в себя через нос. Желтый туман, обратившись в желтую болезнь, втянулся в мозг его. Абай-Гэсэр-богдо-хан утром встал с сильной головной болью. Захворал и лег в постель. Сильно заболев, Абай-Гэсэр-богдо-хан послал к трем ламам соржи спросить, отчего он заболел. Посланный приехал к трем ламам соржи¹ и спросил, отчего заболел Абай-Гэсэр-богдо-хан. Три ламы соржи открыли большое и белое священное писание и видят в нем, что Абай-Гэсэр-богдо-хан заболел от своей старшей прекрасной жены Төмөн-Жаргалан-хатан. Если не выгнать ее к злу и несчастью, то не выздоровеет, а умрет. Посланный приехал и передал слова трех лам соржи Абай-Гэсэр-богдо-хану, а тот сказал: «С малолетства сдружившегося друга не прогнать к злу и несчастью и лучше умру!»

Эти слова Абай-Гэсэр-богдо-хана донесли до Төмөн-Жаргалан-хатан. Услышав их, она сказала: «Чем погубить с гору большого Абай-Гэсэр-богдо-хана, лучше уйду я. И в чужбине много девиц!» С этими словами украдкой начала собираться Төмөн-Жаргалан-хатан. Она нарочно напоила допьяна 33 батаров Абай-Гэсэр-богдо-хана, чтобы они не заметили ее поездки. Напоив их, она уехала прямо к востоку. 33 батара, узнавши, что она поехала, жалея и любя ее, поехали за ней. Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан начала упрашивать 33 батаров возвратиться домой. Тридцать три батара ответили ей: «Куда поедешь ты, мы поедем туда и где будешь жить и мы будем жить там». Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан оторвала и разбросала маржаны с одного ожерелья и

---

¹ Иные говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан послал спрашивать на небо.

сказала: «Наполните один луг!» Маржаны с этого ожерелья наполнили один луг. Потом она оторвала и разбросала маржаны с другого ожерелья, эти маржаны тоже наполнили один луг. Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан попросила 33 батаров собрать эти разбросанные маржаны. Тридцать три батара, все пьяные, начали собирать эти разбросанные маржаны на двух лугах. В это время, пока 33 батара собирали разбросанные маржаны, Төмөн-Жаргалан-хатан незаметно уехала далее. Она ехала, ехала и приехала в Шажагатыйскую степь. Проехав ее, она приехала в Хэрэтуйскую степь. Проехав и эту, наконец приехала в страну мангатхаев, где ее встретил пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай. Встретивший ее говорит ей: «Хороший человек по желанию и сама приехала!».

Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан говорит пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэн-мангатхаю: «Абай-Гэсэр-богдо-хана считая еще малым и глупым, а пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая считая красивым и умным, сама приехала к тебе».

Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай, услышав слова Төмөн-Жаргалан-хатан, сильно обрадовался. Некоторые головы его начали смеяться, другие говорили, прочие начали петь песни и рассказывать сказки.

Төмөн-Жаргалан-хатан, смотря на пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая, улыбалась, а отвернувшись, плакала. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай с Төмөн-Жаргалан-хатан приехал домой и стал с ней жить.

После того, как Төмөн-Жаргалан-хатан уехала в страну мангатхаев, через некоторое время Абай-Гэсэр-богдо-хан выздоровел совсем от болезни. После выздоровления он начал собираться ехать за Төмөн-Жаргалан-хатан, чтобы привезти ее обратно домой. Он говорил: «С малолетства сдружившегося друга Төмөн-Жаргалан-хатан привезу обратно домой!». Абай-Гэсэр-богдо-хан сел на коня, поехал прямо к востоку в страну мангатхаев. Он долго ехал, ехал и наконец приехал в страну мангатхаев. Здесь он сделал такой сильный жар, что конский помет стал кипеть, а сам Абай-Гэсэр-богдо-хан обратился в двух маленьких мальчиков, которые стреляли в мету.

Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай говорит своей жене Төмөн-Жаргалан-хатан: «Это жар Абай-Гэсэр-богдо-хана. Он скоро приедет. Я теперь пойду купаться в желтое море». Он ушел к желтому морю и купается в нем. В это время к желтому морю приходят два мальчика и между собой спорят. Один говорит: «Я буду вперед стрелять в мету», а другой говорит: «Нет, я». А купавшийся пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай, услышав их споры, и говорит им: «Попадайте в мой указательный палец! Кто попадет, тот будет хороший мальчик!» Эти два мальчика говорят ему: «Наши

стрелы неверно летают, мы боимся, что попадем в ваши головы». Тогда пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай поднял вверх указательный палец и говорит мальчиком: «Стреляйте!».

Один из мальчиков прямо наметился в самый срединный белый глаз и выстрелил. Стрела Абай-Гэсэр-богдо-хана прямо попала в самый срединный и белый глаз пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая. Он схватился за средний глаз, выбежал из воды и хотел поймать этих двух мальчиков, но они разбежались. Никак не мог поймать этих двух мальчиков. После этого пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай прибежал домой и говорит Темен-Жаргалан-хатан: «Жена, жена! Смотри-ка в самый средний и белый глаз, в который выстрелили стрелой два мальчика. Достань-ка их стрелу! Она там сидит». Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан посмотрела в самый средний и белый глаз и видит стрелу Абай-Гэсэр-богдо-хана. Она эту стрелу задвинула еще далее. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай пуще прежнего начал охать и кричать. Боль не дает дотрагиваться до глаза. Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан говорит пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэн-мангатхаю: «Трудно достать стрелу, которая далеко ушла. Нужно твои руки и ноги привязать белой хлопчатобумажной веревкой в тысячу обхватов, тогда только можно достать». Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай согласился, чтобы его привязали белой хлопчатобумажной веревкой в тысячу обхватов. Тогда Төмөн-Жаргалан-хатан взяла белую хлопчатобумажную веревку в тысячу обхватов, крепко привязала ею ноги и руки пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая, а потом призывает Абай-Гэсэр-богдо-хана. Он входит в дом мангатхая и вырубает ему все пятнадцать голов. Пятнадцатиголовый Абарга-Сэсэн-мангатхай умер, его вытащили на улицу и сожгли на костре, оставшийся пепел и кости разбросали на все стороны.

После этого Төмөн-Жаргалан-хатан своего мужа Абай-Гэсэр-богдо-хана накормила одуряющей пищей, съев ее, он одурел, с ним сделалось умопомрачение и он позабыл ехать обратно домой, и жил в доме пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая со своей Төмөн-Жаргалан-хатан долгое время.

* * *

В то время, когда Абай-Гэсэр-богдо-хан находился в стране мангатхаев с Төмөн-Жаргалан-хатан, которая кормила его одуряющей пищей, на южной стороне живущие три царя шарабуловы, старший царь Саган-Гэрэлтэ-хан, средний царь Шара-Гэрэлтэ-хан и младший Хара-Гэрэлтэ-хан, имеющие многотысячных как земля многочисленных подданных, задумали женить своего младшего царя Хара-Гэрэлтэ-хана, который не был женат. Для этого

послали послом черного ворона Хон облетать всю землю и разыскать самую красивую женщину на свете, на которой бы мог жениться Хара-Гэрэлтэ-хан.

Посланный тремя царями шарабуловыми черный ворон Хон, облетая всю землю и разыскивая самую красивую женщину, прилетел в царство царя Шажага-Номон-хана, у которого была очень красивая дочь Шара-Сэсэк-абаха. Она играла с маленьким желтеньким щенком. Увидел это посланный черный ворон Хон и полетел в царство Абай-Гэсэр-богдо-хана. Прилетев сюда, он начал поправляться от сильной усталости. В это время увидел среднюю прекрасную жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-Гохон-абахай, которая выходила из бело-серебряного дворца и обратно входила во дворец. Этого посланного черного ворона увидел дядя Сарагал-Нойон. Он приходит к тридцати трем батарами и говорит: «У нас летает черный ворон Хон, у которого ногти от ходьбы притупились и крылья от летания износились. Этот ворон посланная птица, ее нужно убить». Черный ворон Хон, узнав об этом, поскорее улетел в царство трех царей шарабуловых, а 33 батара не могли разыскать этого ворона, чтобы убить его.

Посланный черный ворон Хон прилетел к трем царям шарабуловым и говорит им: «Я облетел всю землю и видел всех красивых женщин. Дочь царя Шажага-Номон-хана Шара-Сэсэк-абаха очень красива собою, но только играет с маленьким желтеньким щенком, что нехорошо для царской дочери. Кроме того, видел среднюю прекрасную жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-Гохон-абахай, красивее которой не видал женщин. Когда она ходит, то тело просвечивается сквозь платья и сквозь мясо просвечиваются кости. Такой красивой женщины не видал на этой земле. А сам Абай-Гэсэр-богдо-хан находится в стране мангатхаев с Төмөн-Жаргалан-хатан, которая накормила его одуряющей пищей и он позабыл возвратиться домой». Тогда три царя шарабуловы не поверили словам черного ворона Хон, а послали другого посла, черную птицу Дибэн-Хара, которой поручили облететь всю землю и высмотреть очень красивых женщин, нет ли такой, на которой бы мог жениться младший царь Хара-Гэрэлтэ-хан.

Посланная птица Дибэн-Хара полетела вокруг земли и долго летала с одного места на другое, прилетела в царство царя Шажага-Номон-хана, у которого увидела его дочь Шара-Сэсэк-абаха, которая опять играла с маленьким желтеньким щенком. После этого птица Дибэн-Хара полетела в царство Абай-Гэсэр-богдо-хана. Когда прилетела в большую падь Хатан, то села на бело-серебряный дворец жены Урма-Гохон-абахай. Когда эта птица Дибэн-Хара села на дворец, то концы обоих крыльев хватили до земли. Урма-Гохон-абахай сильно удивилась, откуда могла прилететь такая большая и чер-

ная птица. Когда узнали 33 батара, они прибежали стрелять эту неизвестную птицу. Птица Дибэн-Хара полетела по направлению к царству трех царей шарабуловых. Один из тридцати трех батаров Абай-Гэсэр-богдо-хана вслед за птицей Дибэн-Хара выстрелил стрелой, которая будто попала в эту птицу, но ничего не было видно. Тогда поехали посмотреть, видят, что стрела попала в одно перо в крыле и отсекала его. Это перо едва-едва привезли домой на телеге на трех лошадях.

Птица Дибэн-Хара прилетела в царство трех царей шарабуловых, начала кружиться над царскими дворцами и не садится. Тогда три царя шарабуловы закололи домашних животных и мясо их выбросили на улицу, чтобы птица Дибэн-Хара спустилась и поела мяса, но птица Дибэн-Хара не спустилась, а все кружилась вверх. Тогда три царя шарабуловы опять закололи разных зверей и мясо их выбросили на улицу для птицы Дибэн-Хара, но птица все-таки не спускается вниз и все кружится вверх. Наконец, три царя шарабуловы, видя, что птица Дибэн-Хара не спускается вниз, убили человека и мясо его выбросили на улицу. Птица Дибэн-Хара спустилась вниз, села на человеческое мясо и начала его есть. Когда птица Дибэн-Хара наелась досыта, она говорит трем царям шарабуловым: «Я облетела всю землю и сильно устала, кроме того, меня чуть-чуть не убили 33 батара Абай-Гэсэр-богдо-хана. Дочь царя Шажага-Номон-хана Шара-Сэсэк-абаха очень красива, но только играет с маленьким желтеньким щенком, что для царской дочери нехорошо. Кроме того, я видела среднюю прекрасную жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-Гохон-абахай, красивее ее я не видела женщин на этой земле, а самого Абай-Гэсэр-богдо-хана дома нет, он находится в стране мангатхаев с Төмөн-Жаргалан-хатан».

После этого два царя Шара-Гэрэлтэ-хан и Хара-Гэрэлтэ-хан начали собираться идти с войском за Урма-Гохон-абахай, чтобы привести ее и женить на ней Хара-Гэрэлтэ-хана. Саган-Гэрэлтэ-хан не согласился идти с войском на Абай-Гэсэр-богдо-хана, боясь, что он всех троих их победит и убьет. Он говорил своим братьям: «Идти войной на Абай-Гэсэр-богдо-хана очень опасно и он непобедим на этой земле». Несмотря на это, два брата Шара-Гэрэлтэ-хан и Хара-Гэрэлтэ-хан, каждый из них собрали по десяти тысяч войска и поехали за Урма-Гохон-абахай. Этими войсками предводительствовал Хурэ-Хара-батар, имеющий человеческую кровь питьем. Саган-Гэрэлтэ-хан не послал войска. Перед отъездом Хара-Гэрэлтэ-хан три раза против солнца махнул верховым¹ на подданных Саган-Гэрэлтэ-хана, говоря: «Пусть каждый день умирает

---

¹ Кнутом? В рукописи Хангалова, по-видимому, здесь пропуск. (Г. Потанин).

по сту человек и по сту коней». С этого времени подданные Саган-Гэрэлтэ-хана начали умирать по сту человек и по сту коней каждый день. Тогда Саган-Гэрэлтэ-хан собрал десять тысяч войска и послал под предводительством Ута-Мангила-батара вслед за своими братьями, которые поехали отбивать Урма-Гохон-абахай. С этого времени у Саган-Гэрэлтэ-хана перестали умирать каждый день по сту человек и по сту коней.

Два царя шарабуловы Шара-Гэрэлтэ-хан и Хара-Гэрэлтэ-хан с тремястами тысяч войска под предводительством Хурэ-Хара-батара и Ута-Мангила-батара ехали, ехали и доехали до царства Абай-Гэсэр-богдо-хана. В это время пятнадцатилетний Эрхэ-Анзан-батар играл, перескакивая с горы на гору, и увидел трехсоттысячное войско двух царей шарабуловых. Увидавши такое множество войска, Эрхэ-Анзан-батар сильно удивился и думает, откуда могло прийти такое множество войска. Потом он смотрит через верховой кнут, войско в кнут не помещается, тогда вынул лук и смотрит в лук, но войско и в луке не помещается. Эрхэ-Анзан-батар говорит: «Приходящее войско надо встречать и уходящее надо провожать». С этими словами Эрхэ-Анзан-батар спустился с горы, подъехал к войскам трех царей шарабуловых и начал в них стрелять стрелой: один раз выстрелил — повалил сто человек, два раза выстрелил — повалил двести человек. В это время к нему подъезжает Ута-Мангила-батар и говорит: «Мы поехали войною не к вам, а к Шажага-Номон-хану. Ты зачем нас убиваешь? Лучше стреляй, вон за тобой летают пять лебедей».

Тогда Эрхэ-Анзан-батар повернулся посмотреть на этих пять лебедей, в это время Ута-Мангила-батар насквозь прострелил стрелою Эрхэ-Анзан-батара. Падая с коня, он схватил прилетевшую стрелу и говорит: «Имеющие острие не знают своих хозяев!» С этими словами он выстрелил в Ута-Мангила-батара, батар на коне побежал от стрелы. Он прятался от стрелы в разных местах и за горами, стрела гналась за ним и начала догонять, тогда он въехал в средину своего многочисленного войска, обратился в древесный пенек, засохший семьдесят лет назад, стрела начала кружиться над многочисленным войском и наконец нашла Ута-Мангила-батара, обратившегося древесным пнем, она упала на него и раздробила на мелкие куски так, что нельзя было сделать лучины. Таким образом Ута-Мангила-батар умер.

Эрхэ-Анзан-батар, упавши с коня, лежал в продолжении трех суток едва живой в степи, в это время около него пролетела пестрая сорока, которую он просил слетать к прочим батарам Абай-Гэсэр-богдо-хана и сказать им, что к ним пришло многочисленное войско, а он лежит в степи, простреленный насквозь. Пестрая сорока говорит, что ей некогда слетать, она летит в гнездо нести яйца. Эрхэ-Анзан-батар проклял пеструю сороку, говоря: «Всегда

гнездись на кустах и гнездо твое пусть постоянно разоряют маленькие дети и птицы¹». Потом около Эрхэ-Анзан-батара летал черный ворон. Батар просил ворона сказать прочим батарам Абай-Гэсэр-богдо-хана, что к ним пришло многочисленное войско, а он лежит на степи, простреленный насквозь. Черный ворон, по словам его, прилетел к прочим батарам Абай-Гэсэр-богдо-хана и сказал: «К вам пришло множество войска, а Эрхэ-Анзан-батар лежит в степи простреленный, чуть живой». Когда от черного ворона услышали это все остальные батары Абай-Гэсэр-богдо-хана, они поскорее собрались и приехали на место войны, где и нашли лежащего Эрхэ-Анзан-батара, он был еще живой. По приезде Хугэл-Эмши-батара большим пальцем вылечил, а мизинцем излечил Эрхэ-Анзан-батара, он совсем выздоровел.

После этого все тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана взошли на одну высокую гору и остановились на вершине ее против многочисленного войска трех царей шарабуловых, оттуда они поочередно спускались к неприятельским войскам, один раз выстрелив, валили по сто человек, два раза выстрелив, валили по двести человек. После этого из неприятельского стана они угнали сто лучших лошадей, пригнав их на вершину горы, кололи их, мясо делили между собой и ели, а завистливый Сута-Нойон свой пай спрятал под ногой и говорит, что ему не досталось, впоследствии это обнаружилось. Таким образом, каждый раз батары спускались с горы на неприятелей, убивали их и угоняли по сто лучших лошадей, кололи их и мясо между собой делили. Наконец, пришла очередь завистливого Сута-Нойона, он спустился, украл у неприятеля сто лошадей тощих и хромых и гонит их. Неприятели, узнавши, погнались за завистливым Сута-Нойоном и начали догонять его. Тогда Сута-Нойон спрятался в нору барсука, оттуда его выгнали и погнались за ним, опять начали догонять, тогда Сута-Нойон спрятался в нору тарбагана², его поймали неприятели и начали жестоко бить. Сута-Нойон говорит им: «Не бейте меня, я укажу вам, как победить тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана, иначе вы их не победите, они вас всех убьют, они никогда не устают, кроме того, если будете колоть, то они без крови и если будете стрелять стрелой, то они без жизни. Таких людей не победите, хотя Абай-Гэсэр-богдо-хана дома нет; если вы мне дадите сто лошадей сухих и хромых, то я их погоню и скажу им, что вы испугались их и ушли домой, тогда они возвратятся домой, будут гулять и веселиться и напьются пьяными, тогда вы придете, пьяных убьете и возьмете с собой Урма-Гохон-хатан. А теперь спрячьтесь куда-нибудь».

---

¹ Вследствие этого проклятия ныне сороки гнездятся на кустах, и гнезда их разоряют и дети, и птицы.

² Сурка.

Тогда неприятели отпустили завистливого Сута-Нойона, дали ему сто сухих и хромых лошадей. Сута-Нойон этих сто сухих и хромых лошадей пригнал на вершину горы к тридцати трем батарам и говорит им, что он пригнал свой пай, все неприятели, испугавшись их, ушли, а он собрал оставленных неприятелями сухих и хромых сто лошадей.

Тогда тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана поверили словам завистливого Сута-Нойона и приехали домой, начали гулять и веселиться с радости, что они прогнали неприятельские войска, и напились пьяными. Когда тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана напились пьяными, в это время многочисленное войско трех царей шарабуловых пришло и окружило три раза бело-серебряный дворец Урма-Гохон-абахай, тридцать три пьяных батара сели на коней и начали воевать с неприятелями. Когда стреляли из лука стрелюю, то делали дорогу и когда, сильно натянувши, стреляли, то делали просторно, а некоторые саблями рубили на обе стороны, в одну сторону махали — сто человек валили, в другую сторону махали — других двести человек валили. Таким образом убивали множество людей, кровь текла ручьем, из мяса образовались бугры, во время этой войны тридцати трем батарам захотелось пить воды, но так как они были пьяны, то по ошибке выпили кровь убитых людей и, сделавшись нечистыми, упали, обратясь в большие черные камни. Тогда младшая прекрасная жена Абай-Гэсэр-богдо-хана Алма-Мэргэн-хатан начала стрелять в неприятелей, когда она стреляла из лука стрелой, то делала большую дорогу, и когда, сильно натянувши лук, стреляла, то делала большой простор. Алма-Мэргэн-хатан долго стреляла и убила множество неприятельских войск, кровь людей текла ручьями и из мяса образовались бугры. Алма-Мэргэн-хатан не могла прикончить многочисленное войско неприятелей и, наконец, села на тонкого рыжего коня и убежала от неприятелей, вскочила в желтое море и ушла к своему отцу Уха-Лобсон-хану.

После этого неприятельское войско окружило дворец Урма-Гохон-абахай, которая вооружилась саблей и стала около двери, всех входивших разрубала пополам, никак не могли поймать ее. В это время приходит завистливый Сута-Нойон и говорит неприятелям: «Вы сразу бросайтесь помногу людей во дворец, не успеет всех вас разрубить пополам, а если так будете, то она всех вас вырубит». Тогда неприятели сразу бросились во дворец толпой, Урма-Гохон-абахай не успела всех разрубить пополам, тогда ее поймали. Когда поймали Урма-Гохон-абахай, посадили ее в железную телегу, запряженную тремя черными иноходцами, и увезли. Из тридцати трех батаров Абай-Гэсэр-

богдо-хана Эрхэ-Анзан-батар, напившись человеческой крови и сделавшись нечистым, пополз к желтому морю пить воду, в это время ему отрубили голову и взяли ее с собой. Когда неприятели ехали обратно домой, то голову Эрхэ-Анзан-батара воткнули на копье и играли ею. На пути Урма-Гохон-абахай просит голову Эрхэ-Анзан-батара посмотреть, она сказала им: «Одной сидеть на долгом пути скучно, от скуки я буду играть головой Эрхэ-Анзан-батара». Тогда ей отдали голову Эрхэ-Анзан-батара. Урма-Гохон-абахай, взявши голову Эрхэ-Анзан-батара, говорит: «Подымись наверх к западным пятидесяти пяти тэнгэринам, к старшему Хан-Тюрмас-тэнгэрину и упали на крыльцо у бабушки Манзан-Гөрмө». С этими словами она бросила вверх голову пятнадцатилетнего Эрхэ-Анзан-батара, голова поднялась вверх к западным пятидесяти пяти тэнгэринам, к старшему тэнгэрину Хан-Тюрмас и упала на крыльце у бабушки Манзан-Гөрмө.

Когда два царя шарабуловы Шара-Гэрэлтэ и Хара-Гэрэлтэ-ханы со своими многочисленными войсками увезли Урма-Гохон-абахай, дядя Сарагал-Нойон пел песню:

Гэнэн богдо хани	Гэсэр-богдо-хана
Гэртэ утэгин яхаби,	Дома не было; что поделаешь?
Мангатхани уранда орожи,	Уехавши в страну мангатхаев,
Эрюю тэнэк болһон.	Сделался дураком и глупцом,
Иде идехэши яхаби.	Съевши пищу — что поделаешь?
Гушан гурбан батари	Тридцать три батара
Хоктуражи унаха яхаби,	Упали пьяными; что поделаешь?
Алма-Мэргэн хатани	Алма-Мэргэн-хатан,
Алба утэгин яхаби.	Неподатная; что поделаешь?
Шарабали гурбан хадуги	У трех царей шарабуловых
Унэр багин яхаби.	Множество богатства; что поделаешь?
Урма-Гохон-хатани	Урма-Гохон-хатан
Һайн хахон яхаби,	Хороша и красива; что поделаешь?
Сута Нойон абаган	Сута-Нойон дядя
Хара һанагин	С черной завистью,
Шабар доторин яхаби,	С грязной внутренностью; что
	поделаешь?
Эрхэ-Анзан-батари	Эрхэ - Анзан - батар
Гэнэн баган яхаби,	С неопытной молодостью; что
	поделаешь?

Ута-Мангила-батари
Эрхэн шанга яхаби.

Ута-Мангила-батар
С силой большого пальца; что
поделаешь?

Бабушка Манзан-Гөрмө, выходя на улицу, увидела на крыльце лежащую голову пятнадцатилетнего Эрхэ-Анзан-батара; она узнала ее, протяжно крикнула и ударила руками колени, взяла голову Эрхэ-Анзан-батара и стоя говорит: «На нижней земле светопреставление делается, на нижней земле живущий глупенький и худенький внук мой неприятелем побежден и годовалым жеребенком убит!» Бабушка Манзан-Гөрмө быстро послала трех сестер Хөнур-бурхан на нижнюю землю с головой Эрхэ-Анзан-батара, чтобы они помогли и спасли Абай-Гэсэр-богдо-хана, если он побежден неприятелем.

Тогда три старшие сестры Хөнур-бурхан поскорее спустились на нижнюю землю в большую падь Хатан, в которой нашли всех 33 батаров и 300 передовых войск Абай-Гэсэр-богдо-хана, обратившихся в камни, сделавшихся нечистыми. Три сестры Хөнур-бурхан, взявши вереску из большой тайги и воды из девяти ключей, обмыли их и воскресили всех 33 батаров и привели их в прежнее состояние, а также и 300 передовых войск. После этого три сестры Хөнур-бурхан в большой пади Хатан нашли холодный след Абай-Гэсэр-богдо-хана, по этому следу начали следить и пошли прямо к востоку по направлению к стране мангатхаев, пришли в страну мангатхаев, нашли здесь теплый след Абай-Гэсэр-богдо-хана, по этому следу тоже начали следить и пришли к дому пятнадцатиголового Абарга-Сэсэн-мангатхая. Здесь три старшие сестры Хөнур-бурхан нашли Абай-Гэсэр-богдо-хана, который ходил с помраченным умом и позабыл о возвращении домой. Они ударили его в щеку, он начал блевать черным-черно; потом они ударили его в левую щеку, он начал блевать разнообразными веществами, после этого Абай-Гэсэр-богдо-хан пришел в прежнее состояние и совсем поправился от помрачения ума и принял прежний вид. Тогда три старшие сестры Хөнур-бурхан говорят Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Твоих домашних разорили три царя шарабуловы, которые пришли с многочисленным войском и увезли твою жену Урма-Гохон-абахай, а Алма-Мэргэн-хатан ушла к своему отцу; тридцать три батара твои, сделавшись нечистыми, обратились в камни, а Эрхэ-Анзан-батару отрубили голову». Потом они сказали ему, чтобы он поскорее возвратился домой. После этого три старшие сестры Хөнур-бурхан поднялись обратно на небо.

Абай-Гэсэр-богдо-хан поскорее собрался и поехал вместе с Төмөн-Жаргалан-хатан и весь скот мангатхая угнал домой. Приехав домой, Абай-Гэсэр-

богдо-хан Төмөн-Жаргалан поместил в прежнем ее бело-серебряном дворце. Приведя все в порядок, он поехал за Алма-Мэргэн-хатан к Уха-Лобсон-хану. Он с конем вскочил в желтое море и спустился на нижнюю землю. Подъезжает к бело-серебряному дворцу Ухай-Лобсон-хана, на улицу из дворца выходит его маленький сын. Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает его: «Что делает твоя мать?» Мальчик ответил своему отцу, что мать его борется с каким-то черным и кривым. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своему сыну: «Если твоя мать выйдет и спросит, куда я поехал, покажи к югу, и если еще спросит, то покажи к востоку». После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан во весь мах помчался к северу. Немного погодя из дворца выбегает Алма-Мэргэн-хатан с луком и стрелой и спрашивает у своего сына: «Куда уехал твой отец?» Мальчик указывает к югу. Алма-Мэргэн-хатан смотрит к югу, не видно Абай-Гэсэр-богдо-хана. Тогда она второй раз спрашивает у своего сына. «Куда уехал твой отец?» Мальчик указывает к востоку. Алма-Мэргэн-хатан смотрит к востоку. Тоже не видно Абай-Гэсэр-богдо-хана. Тогда она смотрит к западу. Там тоже не видно его и, наконец, она смотрит к северу и видит: Абай-Гэсэр-богдо-хан перескочил через одну высокую гору. В это время Алма-Мэргэн-хатан выстрелила в Абай-Гэсэр-богдо-хана, стрела ее попала в красную кисть на его шапке и отсекала ее. Тогда она рассердилась пуше прежнего и говорит: «Если не попала в величину с гору Абай-Гэсэр-богдо-хана, то пусть все женщины с этого времени не стреляют из лука стрелой; которая будет стрелять, у той пусть отсечется большой палец и плечи»¹. Потом она разломала лук и стрелы и бросила, а своего сына за то, что он показал неверно, разорвав пополам на две части, бросила привязанным льву и медведю, которые его и съели.

Когда у Алма-Мэргэн-хатан прошел гнев, Абай-Гэсэр-богдо-хан возвратился к ней и они помирились, но сына уже не могли воскресить, так как лев и медведь съели его. Абай-Гэсэр-богдо-хан с Алма-Мэргэн-хатан поднялись на верхнюю землю и приехали домой. Алма-Мэргэн-хатан стала жить в своем бело-серебряном дворце на вершине большой пади Хатан.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Чей сын чужое похищает и уводит? Какой человек должен терпеть похищение и увод и сидит дома?» Так говоря, собирался в путь Абай-Гэсэр-богдо-хан. Он надел на себя три доспеха, все нужное оружие навесил на себя, с гору величиной темно-гнедого коня оседлал чисто серебряным седлом, подложив шелковый потник. Потом, сев

---

¹ Вследствие этого ныне, по словам бурят, женщины из лука не стреляют, а прежде стреляли из лука наравне с мужчинами.

на коня, поехал к дяде Сута-Нойону. Приехав к дяде, он, стоя на улице, крикнул: «Выходи сюда!»

Тогда дядя Сута-Нойон, испугавшись Абай-Гэсэр-богдо-хана, спрятался под кроватью. Стряпка его кричит: «Дядя ушел в падь кровати, совсем его не видно». Дядя Сута-Нойон выскочил из-под кровати и стряпку свою ударил один раз, а потом спрятался за баранами¹. Абай-Гэсэр-богдо-хан опять зовет дядю Сута-Нойона: «Выходи сюда!» Стряпка Сута-Нойона кричит: «Дядя ушел в падь баранную и совсем его не видать». Дядя Сута-Нойон выскочил из-за баранов, опять стряпку свою ударил один раз и спрятался в башалак².

Абай-Гэсэр-богдо-хан слез с коня, привязал его и входит в юрту, подходит к башалаку, садится на него. Дядя Сута-Нойон не мог выдержать, ему стало больно, он начал шевелиться и кряхтеть. Абай-Гэсэр-богдо-хан как будто испугался, вскочил на ноги и говорит: «Не знал! Не найдя на чем садиться, сел на своего дядю!» Дядя Сута-Нойон вышел из башалака.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своему дяде Сута-Нойону: «Еду воевать с тремя царями шарабуловыми, приехал за тобой, дядя!».

Дядя Сута-Нойон говорит: «Сказанное правда, вздумано подходящее». С этими словами дядя Сута-Нойон начал собираться, повесил на себя свой ножик, с глухаринными перьями стрелы воткнул в хадак³ и надел на себя. Из шкур козульих доху надел на себя; сев на сивого жеребца, поехал за Абай-Гэсэр-богдо-ханом. Абай-Гэсэр-богдо-хан поехал на южную сторону к трем царям шарабуловым, а дядя Сута-Нойон едет за ним. Они ехали и ехали, потихоньку ехали, величиной с чашку землю выбрасывали назад копытами лошадей. Скоро, скоро ехали, величиной с корзину землю выбрасывали назад копытами. Поехали далее по одной большой пади. Во время этой езды Абай-Гэсэр-богдо-хан тринадцать своих волшебств заставил на ладони бегать и двадцать три волшебства заставил бегать на пальцах. С помощью этих волшебств величиной с быка черный камень обратил в козулье мясо и бросил на дороге впереди. Мимо этого мяса Абай-Гэсэр-богдо-хан проехал, как будто не видя. Сзади ехавший дядя Сута-Нойон увидел мясо и кричит: «На дороге лежит козулье мясо!» Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит ему: «Возьми! На долгий путь пригодится тебе поесть, хороший харч нашелся». Дядя Сута-Нойон, соскочив с коня, поднял козулье мясо и привязал его к седлу, сильно обрадовался и поехал далее. Когда проехали трехдневное расстояние, Абай-Гэсэр-бог-

---

¹ Баранами у нынешних балаганских бурят называются деревянные подставки, на которые кладут ящики и сундуки.

² Башалак — кожаный мешок.

³ Хадак — по-бурятски «колчан».

до-хан с помощью своих волшебств величиной с овцу черный камень обратил в заячье мясо и бросил впереди на дороге, опять проехал, как будто не видя. Сзади ехавший дядя Сута-Нойон, увидевши это мясо, кричит: «На дороге лежит заячье мясо!» Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Возьми, на дальний путь пригодится тебе поесть! Хороший харч нашелся!» Дядя Сута-Нойон, сильно обрадовавшись, соскочил с коня, взял мясо и привязал к седлу. После этого, сев на коня, поехал далее. Когда проехали трехдневное расстояние, Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью своих волшебств величиной с жеребенка черный камень обратил в кисть, которую носила на шее лошадь Урма-Гохон-хатан, и бросил впереди на дороге, опять проехал, как будто не видя. Сзади ехавший дядя Сута-Нойон, увидевши эту кисть, кричит: «На дороге лежит кисть с коня Урма-Гохон-хатан». Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Прежде ехавши, потеряла ее, возьми эту кисть, отнесешь ей!» Дядя Сута-Нойон, обрадовавшись, соскочил с коня, взял кисть и привязал к седлу.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит дяде Сута-Нойону: «Эту кисть отвези обратно невестке своей, Төмөн-Жаргалан-хатан». Он слез с коня, подходит к коню дяди Сута-Нойона и говорит дяде: «Все эти вещи ты по дороге потеряешь, я привяжу их к тебе крепче, тогда не потеряешь». С этими словами Абай-Гэсэр-богдо-хан к дяде Сута-Нойону спереди крепко-накрепко привязал козулье мясо, а сзади (т.е. на спине) привязал ему заячье мясо, а найденную кисть привязал к седлу. Потом говорит ему: «Теперь благополучно поезжай обратно домой». Дядя Сута-Нойон поехал обратно домой, а Абай-Гэсэр-богдо-хан поехал далее. Когда дяди Сута-Нойона не видно стало, Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью своих волшебств козулье и заячье мясо, кисть снова обратил в камни. Спереди привязанное козулье мясо обратилось в черный камень величиною с быка, который начал давить дядю Сута-Нойона спереди, сзади привязанное заячье мясо обратилось в черный камень величиною с овцу, который начал давить сзади, а кисть, привязанная к седлу, обратилась в черный камень величиною с жеребенка, который начал давить коня. Эти камни так сильно давили завистливого дядю Сута-Нойона, так до крови давили его тело, что он измучился дорогой и выбился из сил. Сута-Нойон никак не мог скоро ехать, всю дорогу ехал медленно. После долгого мучения и страдания едва-едва живой он доехал до дому. Когда дядя Сута-Нойон вошел в свою юрту и лег, эти камни исчезли.

Абай-Гэсэр-богдо-хан поехал далее. Ехал и ехал прямо на южную сторону, откуда восходит солнце, по направлению к царству трех царей шарабуловых, которые имеют как земля многочисленное множество подданных. По дороге думает: «Спинные мои мстители и ртвые мои неприятели!» Так он говорил.

Во время езды тринадцать своих волшебств он на ладони заставил бегать и двадцать три свои волшебства на пальцах заставил бегать. С помощью своих волшебств величиной с гору темно-гнедого коня обратил в кремь и положил на огниво, а сам сделался маленьким ребенком в железной люльке (төмөр өргө), перенёсся по воздуху и лежит под окном Хара-Гэрэлтэ-хана.

На другое утро, когда встал Хара-Гэрэлтэ-хан, он увидел, что под окном его бело-серебряного дворца плачет маленький ребенок в железной люльке. Хара-Гэрэлтэ-хан выходит на улицу и берет лежащего под окном маленького ребенка в железной люльке и говорит: «Наши создатели, восточные сорок четыре тэнгэрина, послали нам ребенка воевать с Абай-Гэсэр-богдо-ханом!» Так говоря, сильно радовался и благодарил своих создателей.

Хара-Гэрэлтэ-хан этого ребенка в железной люльке хорошо воспитывал, ребенок с каждым днем вырастал все более и более, после каждой проходившей ночи он делался толще, после трех ночей ребенок этот не может поместиться в коже трехгодовалого барана, а после четырех ночей не может поместиться в коже четырехгодовалого барана. Три царя шарабуловы радуются, что посланный их бурханами-создателями ребенок по воле бурханов растет так скоро, чтобы воевать с Абай-Гэсэр-богдо-ханом.

Ребенку дали имя «найденный находка Олзомохон». Подданные трех царей шарабуловых собрались и начали стрелять из лука стрелами в мету (hur харбаха). В это время сделали большой пир и веселье. Тогда мальчик Олзомохон смотрит на эту стрельбу и на большой пир. На этой стрельбе силой, ловкостью и меткостью отличается от всех Ута-Манжилай-батар¹. Олзомохон говорит, стоя, Ута-Манжилай-батару: «Сильнее тебя тут нет человека, будем пробовать свои силы, возьмем сразу три лука Манзан и будем тянуть, кто из нас более потянет». Ута-Манжилай-батар говорит: «Вздумал надо мной пошутить мальчик Олзомохон. Ты что, я даже одному батару Абай-Гэсэр-богдо-хана, пятнадцатилетнему Эрхэ-Анзан-батару, отсек голову, когда выстрелил в него стрелой». После этого Ута-Манжилай-батар взял три лука Манзан, начал тянуть их, но никак не может натянуть. Тогда мальчик Олзомохон взял эти три лука Манзан и сразу все натянул и сломал пополам. Ута-Манжилай-батару перед всем собравшимся народом сильно стало стыдно, что он не мог натянуть три лука Манзан и сломать их; тогда он сильно рассердился на мальчика Олзомохона и говорит: «Возьму мальчика Олзомохона за волосы и брошу на землю так, что он войдет в землю и не видать его будет!» С этими словами

---

¹ Тот самый, конечно, который выше был под именем Ута-Мангила-батара. (Г. Потанин).

Ута-Манжилай-батар схватил за волосы мальчика Олзомохон и хотел бросить на землю. Мальчик Олзомохон тоже схватил за волосы Ута-Манжилай-батара и бросил его на землю так сильно, что он ушел в землю, уши вытянулись вверх и мизинец едва-едва видно было из земли. Множество народа, бывшего здесь, начали выкапывать из земли Ута-Манжилай-батара, кто топором, кто большим ножом. Потом все подданные трех царей шарабуловых разошлись по домам.

Хара-Гэрэлтэ-хан приведенную жену Абай-Гэсэр-богдо-хана Урма-Гохон-хатан запер в железный амбар и кормил ее там через желоб, проведенный в амбар. Урма-Гохон-хатан не согласилась выходить замуж за Хара-Гэрэлтэ-хана, вот почему он запер ее в железный амбар и держал ее там. Однажды Абай-Гэсэр-богдо-хан (т.е. Олзомохон) свой золотой перстень, расписанный кругом, опустил в желоб. Этот перстень покатился в железный амбар. Урма-Гохон-хатан взяла этот перстень и, узнавши его, очень обрадовалась, что приехал Абай-Гэсэр-богдо-хан, чтобы освободить ее.

Мальчик Олзомохон вырос большой и говорит трем царям шарабуловым, что он вырос большой и может воевать с Абай-Гэсэр-богдо-ханом, он просит, чтобы ему собрали войско. Хара-Гэрэлтэ-хан, Шара-Гэрэлтэ-хан и Саган-Гэрэлтэ-хан собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону, он поехал воевать с этим войском с Абай-Гэсэр-богдо-ханом. Когда Олзомохон приехал с многочисленным войском на просторную и белую степь, на поляну между белыми березами, то все многочисленное войско трех царей шарабуловых уничтожил (т.е. убил). После этого опять приехал к трем царям шарабуловым и говорит: «Действительно, мозг возьми его! — Абай-Гэсэр-богдо-хан силен и могуч, все мои войска уничтожил, я едва-едва остался один и приехал домой. Соберите еще войско, я поеду с ним воевать», — так говорил Олзомохон.

Три царя шарабуловы опять собрали многочисленное войско и отдали Олзомохону. Олзомохон опять поехал с многочисленным войском. Приехал на прежнее место, все войско опять уничтожил, а сам приехал обратно и говорит трем царям шарабуловым: «Едва-едва остался цел и приехал домой. Опять соберите мне войско, я поеду воевать с Абай-Гэсэр-богдо-ханом». Так говорил он. Три царя шарабуловы опять собрали многочисленное войско, но на этот раз собрали моложе 70 лет и постарше 7 лет, и это войско отдали Олзомохону. Олзомохон с этим многочисленным войском поехал на прежнее место, где все опять уничтожил.

После этого Олзомохон обратился в Абай-Гэсэр-богдо-хана. Обратившись в прежнее состояние, из огнива взял кремень и бросил на землю. Тогда из кремня образовался величиною с гору темно-гнедой конь. Абай-Гэсэр-богдо-хан сел на своего темно-гнедого коня, приехал к Хара-Гэрэлтэ-хану и говорит: «Желавший чужого, кроме своего, глодавший шейные позвонки свои, неприятель мой!» Взявши его за седые волосы, начал бить кнутом и добил его до смерти.

Убив Хара-Гэрэлтэ-хана, Абай-Гэсэр-богдо-хан поехал к Шара-Гэрэлтэ-хану. Его тоже начал бить кнутом, бил, бил и до смерти добил.

Убив Шара-Гэрэлтэ-хана, Абай-Гэсэр-богдо-хан поехал к старшему Саган-Гэрэлтэ-хану. Саган-Гэрэлтэ-хан начал кланяться и просить Абай-Гэсэр-богдо-хана, чтобы он его оставил живым. Саган-Гэрэлтэ-хан как пуговкой головою кивая, кланялся и в колене ногу, нагибая, кланялся, и в это время говорил: «Ай, собаки! Хозяин богдо, Абай-Гэсэр-богдо-хан! Я перед вами не виновен, я говорил своим братьям: не найдя (другого места) ехать, едете, едете против с гору величиной Абай-Гэсэр-богдо-хана! Вздумали воевать против с гору величиной Абай-гэсэр-богдо-хана! Я даже отказался отправить свое войско против тебя. Тогда два младшие брата сильно рассердились на меня и поехали. Перед отъездом прокляли моих подданных, которые сильно стали умирать. Тогда только послал я свое войско». Так говоря, кланялся Саган-Гэрэлтэ-хан Абай-Гэсэр-богдо-хану. Абай-Гэсэр-богдо-хан оставил живым Саган-Гэрэлтэ-хана.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан разломал железный амбар, выпустил из него свою жену Урма-Гохон-хатан и привел ее в прежнее тело и в прежнюю красоту. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан всех оставшихся подданных и весь скот Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана взял с собой домой. Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал домой, всех приведенных и скот Шара-Гэрэлтэ-хана и Хара-Гэрэлтэ-хана поместил по местам, а Урма-Гохон-хатан поселил по-прежнему в своем бело-серебряном дворце. Абай-Гэсэр-богдо-хан по-прежнему стал жить счастливо у своих трех прекрасных жен поочередно, так жили и наслаждались счастьем.

* * *

Живущих на середине земли восьми ханов Ганга-Задан и семи начальников бугра¹ крайние на восточной стороне города проглатывающий и передние города берущий в рот, еще далее к востоку живущий в стране Альбатын и на местности Хонин-хотон, если колоть, то без крови, а если стрелять стрела-

---

¹ Бугор — добун; добун долон хан.

ми, то без жизни, создавшийся с тысячью тремя большими волшебствами, на спинной стороне имеющий десять тысяч глаз, и на передней стороне четыре тысячи глаз, Гал-Дөлмө-хан, — так проглатывал подданных восьми ханов Ганга-Задан и семи начальников бугра, что против такого его нашествия ничего не могли предпринять и остановить его.

В середине земли живущие восемь ханов Ганга-Задан и семь начальников бугра начали советоваться между собой. Били в золотой барабан, собирали подданных, живущих на северной стороне, и били в серебряный барабан, собирали подданных на южной стороне живущих. Когда все подданные собрались и стояли, эти ханы и начальники говорят: «Этак сидя будем все проглочены Гал-Дөлмө-ханом. Надо искать помощи и спасения от него, иначе всех нас проглотит. Прямо на западной стороне и на стоговое расстояние езды в стране, называемой Морон, на берегу моря Мөнхө, на подошве горы Хан-ула в большой пади Хатан живет на северной стороне старше тринадцати ханов, побеждающий непобедимых врагов и на южной — старше двадцати трех ханов, как ножик, ядовитых врагов побеждающий, создавшийся Абай-Гэсэр-богдо-хан; нужно послать человека и попробовать просить его о помощи». Так говорили своим подданным восемь ханов Ганга-Задан и семь начальников бугра. Из ста человек выбирали и выбрали Зодо-Шара-батара. Из ста лошадей выбирали и выбрали трех черных иноходцев. Выбранных трех черных иноходцев запрягли в железную телегу Зодо-Шара-батара и отправили прямо на запад к Абай-Гэсэр-богдо-хану.

Зодо-Шара-батар поехал прямо на западную сторону. Он все ехал и ехал и доехал до половины расстояния стоговой езды. Тогда три черных иноходца устали. Зодо-Шара-батар бросил их и далее пошел пешком, передние подола заткнул назад, а задние подола заткнул на бедрах и пошел пешком. Он шел и шел. Едва-едва шел, сильно устал и проголодался и дошел до высокой горы Оргил-ула, на которую едва поднялся; стоит на вершине горы Оргил-ула, смотрит оттуда на все стороны и видит: в большой пади Хатан стоят три бело-серебряных дворца вышиной до высокого ночного неба, четырехугольные высокие до денного неба. Эти три дворца стоят и блестят. В них живут три прекрасные жены Абай-Гэсэр-богдо-хана. Когда увидел эти дворцы Зодо-Шара-батар, он, стоя, сильно испугался. В это время подъезжает к нему не мужчина, а чудовище. Один из прекрасных батаров Абай-Гэсэр-богдо-хана, с горы на гору перескакивая, приехал. Подъехав к Зодо-Шара-батару, он оказался ужасно большим и сильным, одним глазом смотрит на небо, а другим

глазом смотрит на землю. Он крикнул на Зодо-Шара-батара, стоя на лошади: «Из каких падей человек? Питая вода где? И в какой стране живешь?» Так он спрашивал.

Зодо-Шара-батар говорит: «Прямо из восточной стороны, в середине земли живущих восьми ханов Ганга-Задан и семи чиновников бугра, выбранный из ста человек. Зовут меня Зодо-Шара-батар. Крайние наши города проглатывает и передние наши города берет в рот Гал-Дөлмө-хан. Меня послали восемь ханов Ганга-Задан и семь чиновников бугра к Абай-Гэсэр-богдо-хану просить его помощи и покровительства».

Тогда этот батар говорит: «Ну, пойдем!» Они приехали на вершину большой пади Хатан к бело-серебряному дворцу Алма-Мэргэн-хатан, где был Абай-Гэсэр-богдо-хан. Когда приехали к бело-серебряному дворцу, батар Абай-Гэсэр-богдо-хана говорит: «Наш хозяин тут!».

Зодо-Шара-батар входит во двор, где стоят два прекрасных батара. Они спрашивают его: «Из каких ты стран и откуда и куда едешь?» Зодо-Шара-батар говорит свое дело. Два прекрасных батара впустили его во дворец. Зодо-Шара-батар входит во дворец. Абай-Гэсэр-богдо-хан сидит на бело-серебряном престоле. Зодо-Шара-батар кланяется Абай-Гэсэр-богдо-хану, стоя около двери. Абай-Гэсэр-богдо-хан спрашивает: «Откуда, из каких стран и зачем сюда приехал?».

Зодо-Шара-батар говорит: «Прямо из восточной стороны, в середине земли живущих восьми ханов Ганга-Задан и семи чиновников бугра, выбранный из ста человек. Зовут меня Зодо-Шара-батар. Крайние наши города проглатывает и передние наши города берет в рот Гал-Дөлмө-хан. Меня послали восемь ханов Ганга-Задан и семь чиновников бугра просить вашей помощи и покровительства». Так говоря, он кланялся.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Я к нему ехать войной не могу! Гал-Долмон-хан, если колоть, то без крови, если стрелой стрелять, то без жизни. Кроме того, он имеет тысячу три волшебства, а я имею только тринадцать волшебств». Так сказав, отпустил его. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан берет книгу «Заяни шара һудар» и читает, сидя на бело-серебряном престоле. В этой книге говорится, что он будет побежден Гал-Дөлмө-ханом, а в другом месте говорится, что он победит Гал-Дөлмө-хана. Абай-Гэсэр-богдо-хан сильно удивился тому, что в этой книге написано: то, что будет побежден, то, что сам победит.

Зодо-Шара-батар вышел из дворца на двор, где его встретили два батара Абай-Гэсэр-богдо-хана, сын Бомборин-Саган-тэнгэрина Буда-Улан-батар

и Эржин-Шумар-батар и спрашивают его: «Что сказал хозяин наш Абай-Гэсэр-богдо-хан?» Зодо-Шара-батар говорит: «Гэсэр-богдо-хан сказал, что не может ехать к Гал-Дөлмө-хану войной». Эти два прекрасных батара сильно рассердились, входят во дворец и говорят Абай-Гэсэр-богдо-хану: «Мы спустились на землю с тем, чтобы северные тринадцать ханов подчинились нам, непобедимых врагов мы должны победить и южные двадцать три хана должны подчиниться нам. Как ножик, ядовитых врагов мы должны победить. Эти дни многи и год длинен, силу большого пальца где выкажем и силу плеча где попробуем? В таком прекрасном веселье и препровождении зачем отказал?» Так говоря, держали речь.

Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан этим двум прекрасным батарам говорит: «Приготовьтесь к войне!» Эти батары сильно обрадовались и выходят из дворца, они сказали и прочим батарам. Все они начали приготовляться: оторванное приставляли и разорванное зашивали. На другое утро тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана взяли все оружие, сели на коней и выехали на чистое поле и начали стрелять там из лука стрелами, говоря: «У Гал-Дөлмө-хана такого-то батара так будем стрелять и убьем, и этого батара этак будем стрелять и убьем!» Так они, стреляя, скакали на лошадях. От этого гора Хан-ула звенела, в большой пади Хатан раздавалось эхо, с песчаной горы (Элһэтэ-ула) поднялась пыль, гора Өлөстө-ула тряслась и на море Мөнхө поднялись волны. Дома сидящий Абай-Гэсэр-богдо-хан, испугавшись, говорит: «Ко мне сидящему Гал-Дөлмө-хан приехал с войском!» Скорее взявши оружие, выходит на улицу, садится на темно-гнедого, величиной с гору, коня и выезжает. На подошве горы өлөстө-ула промелькнул верхом на коне Эржин-Шумар-батар. Абай-Гэсэр-богдо-хан, подумав, что Эржин-Шумар-батар увидел что-нибудь, за ним поскакал на гору өлөстө-ула. Когда он поднялся на гору, то видит, что Эржин-Шумар-батар стряхивает землю с зэна стрелы¹.

Эржин-Шумар-батар отрывисто смеется и речисто говорит: «Хозяин Абай-Гэсэр-богдо-хан, что делаешь? Ужели это твои ум и мысли?» Так говоря, он спрашивает. Абай-Гэсэр-богдо-хану за свою ошибку стыдно стало. Он возвратился домой. После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан приказал в продолжение трех дней приготовиться к дальнему пути. Когда прошли три дня, Абай-Гэсэр-богдо-хан оделся, сверх одежды надел на себя все три доспеха и навесил на себя все нужное к войне оружие. Все тридцать три батара точно так же приго-

---

¹ Зэн — косточка на конце стрелы.

товились к поездке. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан выходит на улицу, садится на темно-гнедого, величиной с гору, коня и едет. Тридцать три батара тоже поехали за Абай-Гэсэр-богдо-ханом. Они поехали прямо к востоку. Ехали, ехали и доехали до восьми ханов Ганга-Задан и семи начальников бугра, живущих в середине земли. Приехали и видят, что в царстве восьми ханов Ганга-Задан и семи начальников бугра ничего не осталось. Гал-Дөлмө-хан окончил все, в тех местностях, где они жили, вырос пырей до доски седла, черный ворон покрикивает и желтая лисица понюхивает.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит своим тридцати трем батарам: «К серенькому следу приехали». После этого они поехали далее. Ехали, ехали и доехали до одной высокой горы, поднялись на вершину ее и смотрят на все стороны, не видно ли издали чего-нибудь. Вдали виднеется царство Гал-Дөлмө-хана на ровной местности. Дворцы его виднеются и блестят издали. Поближе сюда виднеются его чубарые табуны, до тысячи голов на одном лугу пасутся. Абай-Гэсэр-богдо-хан посылает двух своих быстрых батаров пригнать табуны. Два быстрых батара спустились с этой высокой горы, поехали к табунам и пригнали два или три табуна к горе, но за ними погнались два батара Гал-Дөлмө-хана, они догнали их. Тогда два быстрые батара Абай-Гэсэр-богдо-хана двух батаров Гал-Дөлмө-хана сдернули с коней, привязали их к седлам вниз головой на правой стороне коней и на коней крикнули: «Побегите в воротам Гал-Дөлмө-хана и станьте там!» А сами табуны пригнали на вершину высокой горы. Они закололи пригнанных лошадей и ели мясо их. Эти два коня с батарами, привязанными вниз головой, прибежали к воротам Гал-Дөлмө-хана и остановились. Гал-Дөлмө-хан выходит из дворца и видит своих двух батаров, привязанных вниз головою. Он сильно рассердился на них, взял их с седла, оторвал им головы, бросил и сказал: «Без вас буду жить!» Потом Гал-Дөлмө-хан говорит: «Живущий на западной стороне с тринадцатью волшебствами Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал ко мне воевать!» После этого Гал-Дөлмө-хан, кончив приготовления, поехал, взял с собой сорок двух батаров. Они поднялись на вершину высокой горы и подъехали к Абай-Гэсэр-богдо-хану, поздоровались с ним.

Абай-Гэсэр-богдо-хан и Гал-Дөлмө-хан вырешили вперед заставить воевать по два их батара.

Два быстрые батара Абай-Гэсэр-богдо-хана говорят двум батарам Гал-Дөлмө-хана: «Вы на своей земле, вперед начинайте». Так говоря, стояли. Тогда два батара Гал-Дөлмө-хана говорят: «Сказанное правда и дума верна». Они

отъехали, взявши лук и стрелы, выстрелили в двух батаров Абай-Гэсэр-богдо-хана. Стрелы попали в них, но отскочили назад и упали на землю. Тогда два быстрых батара Абай-Гэсэр-богдо-хана говорят: «Теперь наша очередь стрелять в вас». С этими словами они взяли свои стрелы и луки и выстрелили в двух батаров Гал-Дөлмө-хана, стрелы их попали в двух батаров Гал-Дөлмө-хана и рассекли их пополам. Эти два брата свалились на землю с коней и умерли. Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит Гал-Дөлмө-хану: «Первая победа за нами». После этого тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана начали воевать с остальными сорока батарами Гал-Дөлмө-хана. Тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана в течение менее дня времени истребили все сорок батаров Гал-Дөлмө-хана. Тогда Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит Гал-Дөлмө-хану: «Вторая победа за нами».

После этого тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана начали воевать с несметно многочисленными войсками Гал-Дөлмө-хана, которым конца и краю не было видно. Тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана в одну сторону рубили саблями — одну сотню людей убивали, в обе стороны рубили — две сотни людей убивали. Таким образом они сделали костяные бугры из человеческих костей и сделали кровавое море из человеческой крови. Так продолжали воевать тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана.

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан и Гал-Дөлмө-хан друг у друга спрашивают: «Как нам воевать, силой ли большого пальца или силой плеча?». И решили воевать силой плеча и попробовать силы. Так Абай-Гэсэр-богдо-хан с Гал-Дөлмө-ханом начали воевать силой плеча. Они боролись друг с другом в продолжение трех суток, но никто никого не мог победить. Вперед упираясь ногами, делали красную гору, и назад упираясь ногами, делали большие горы. Продолжали воевать шесть суток, никто никого не мог победить. Если их сбросить к верблюду, равным равно воевали, а если сбросить к лошади, то действительно равно воевали. Еще продолжали воевать девять суток. После девяти суток Гал-Дөлмө-хан начал побеждать своего противника Абай-Гэсэр-богдо-хана. Он притягивал его вперед, нагибал, как сырое дерево гнул, и отталкивал назад, как сухое дерево ломал. У Абай-Гэсэр-богдо-хана все тринадцать волшебств кончились, а у Гал-Дөлмө-хана только что начинают тысяча три волшебства кипеть, и он делается сильнее прежнего. Абай-Гэсэр-богдо-хан начал кричать как козел и плакать как маленькая козуля.

Тридцать три батара Абай-Гэсэр-богдо-хана наголову истребили все многочисленное войско Гал-Дөлмө-хана. После этого тридцать два брата поехали

к дворцу Гал-Дөлмө-хана, а Эржин-Шумар-батыр поднялся на высокую гору, на которой воевали Абай-Гэсэр-богдо-хан с Гал-Дөлмө-ханом. Он был весь в крови, седло его сделалось красным от крови и белая лошадь его сделалась от крови рыжей. Когда Эржин-Шумар-батыр подъехал к борющимся, то видит, что хозяин его Абай-Гэсэр-богдо-хан совсем обессилел, кричит как козел и плачет как маленькая козуля. Эржин-Шумар-батыр соскочил с коня, подбежал с одной стороны и ничем не может помочь, подбежал с другой стороны, тоже ничем не может помочь. Когда ничего не мог сделать, то начал звать на помощь, громко крича: «Творившие нас творцы наши! Создавшие нас создатели наши западные тэнгерины, пятьдесят пять тэнгеринов, старший и большой тэнгери, Хан-Тюрмас-тэнгери, отец наш, выручи. Бабушка Манзан-Гөрмө наша, выручи»¹. Так звал и кричал Эржин-Шумар-батыр. Этот крик и зов Эржин-Шумар-батара слышали западный Хан-Тюрмас-тэнгери и бабушка Манзан-Гөрмө. После этого Хан-Тюрмас-тэнгери и бабушка Манзан-Гөрмө поскорее на землю послали старшего брата Хабата-Хасар-мэргэна на выручку Абай-Гэсэр-богдо-хану. Хабата-Хасар-мэргэн поскорее спустился с неба на землю. Остановившись между небом и землей, он берет книгу «Заяни-шара-худар» и читает ее. В этой книге пишется, что до смерти Абай-Гэсэр-богдо-хана осталось только три часа, когда эти три часа пройдут, то он умрет. Хабата-Хасар-мэргэн читает далее, где находится душа Гал-Дөлмө-хана. В этой книге пишется, что душа Гал-Дөлмө-хана на спине в самом большом белом глазу, который находится в самой середине между десятью тысячами глаз.

Тогда Хабата-Хасар-мэргэн берет свои стрелу и лук. Стрелу прикладывает к луку и натягивает лук, в это время говорит: «У Гал-Дөлмө-хана в самый средний белый глаз попади и совсем выколи с душой». Так сказав, он выстрелил. Стрела полетела вниз на землю со свистом и пением, от чего высокое небо тряслось и земля дрожала. Гал-Дөлмө-хан большим знанием узнал и разумом уразумел. Тогда, бросив Абай-Гэсэр-богдо-хана, убежал по направлению к горе Хиралжин; если Гал-Дөлмө-хан убежит за гору Хиралжин, то станет никем непобедим и бессмертен. Гал-Дөлмө-хан еще не добежал до горы Хиралжин, а стрела Хабата-Хасар-мэргэна догнала его и попала в самый средний белый глаз, проколола его и вылетела насквозь.

---

¹ Другие говорят, что это призывание делал сам Абай-Гэсэр-богдо-хан.

Тогда Гал-Дөлмө-хан падает на землю распростертый и умирает, мизинец одной руки, попав за гору Хиралжин, остался живым и шевелится. Хабата-Хасар-мэргэн говорит: «Непобедимого врага победил и годовалого жеребенка заколол». После этого Хабата-Хасар-мэргэн спустился на землю и Абай-Гэсэр-богдо-хана большим пальцем вылечил и указательным пальцем утратил, привел в прежнее состояние и тело. Потом Хабата-Хасар-мэргэн говорит: «Я небесный человек, поднимусь на небо, а вы, земные люди, оставайтесь на земле счастливо». С этими словами он поднялся на небо.

Абай-Гэсэр-богдо-хан с Эржин-Шумар-батыром приехали на то место, где умер Гал-Дөлмө-хан. Тело Гал-Дөлмө-хана сожгли на костре, оставшийся пепел березовой лопатой бросили к северу по южному ветру и осиновой лопатой бросили к югу по северному ветру. Потом приехали к дворцу Гал-Дөлмө-хана, входят во дворец, там 33 батара Абай-Гэсэр-богдо-хана ссорятся между собой из-за жены Гал-Дөлмө-хана, каждому из них хочется на ней жениться. Жена Гал-Дөлмө-хана Нарин-Гохон-хатан была необыкновенно красивая. Она ходила тихо-плавно, отчего выростали тоненькие травы, а гибко-плавно ходила, овцы и ягнята кричали. Она угощала их¹, в это время говорила: «Непобедимого врага моего победили и неумертвимого умертвили». Так говоря, она сильно радовалась.

В это время у Абай-Гэсэр-богдо-хана левое бедро давящая, в крови неделяющаяся мягкой и рубить не тупящаяся из чистой стали сабля сама выскочила из ножен и воткнулась в землю острым концом на далеком расстоянии. Абай-Гэсэр-богдо-хан едет, берет свою саблю и думает, что такое узнала моя сабля, что выскочила из ножен. Абай-Гэсэр-богдо-хан жену Гал-Дөлмө-хана Нарин-Гохон-хатан с головы до ног рассек пополам. Тогда Нарин-Гохон-хатан упала на обе стороны рассеченная; изнутри ее выходит семимесячный мальчик и медно-серебряную стрелу трет подпилком, а стрела звенит. В это время он говорит: «После семи месяцев приехавший Абай-Гэсэр-богдо-хан, погибни (кончайся), трех месяцев не докончивший отец и мать, погибни (кончайся)». Так говоря, сидел семимесячный мальчик и продолжал делать стрелу свою. Тогда его начали рубить саблями, но сабли его не брали, начали стрелять в него стрелами, но и стрелы его тоже не брали, мальчик сидел и звенел. Абай-Гэсэр-богдо-хан сделал железный амбар, посадил в него этого семимесячного

---

¹ То есть Гэсэра и его батаров. (Г. Потанин).

ребенка и призвал четырех кузнецов, эти кузнецы с четырех сторон начали дуть мехами на железный амбар. Железный амбар начал калиться с четырех сторон и совсем накалился докрасна. Тогда этот семимесячный мальчик говорит: «Ай, мозг побери. Здесь тепло и прохладно сидеть, как в золотой утробе матери. Пусть Абай-Гэсэр-богдо-хан, так стоя, окончит три мои месяца». Так говоря, сидел и продолжал делать свою стрелу. Тогда пуше прежнего начали калить и дуть на железный амбар. Железо перекалилось, начало расплавляться и потекло во все стороны. Тогда только этот мальчик раскалился докрасна и начал таять. Растаявши, обратился в свинец и ушел в землю.

Абай-Гэсэр-богдо-хан говорит: «Непобедимого врага победили и годовалого жеребенка закололи».

После этого Абай-Гэсэр-богдо-хан всех подданных и разный скот Гал-Дөлмө-хана взял с собой и приехал домой со своими тридцатью тремя батарами. По приезде домой устроили большой пир, продолжавшийся девять дней и ночей и на десятый день едва-едва разошлись по домам.

Они живут счастливо, наслаждаясь счастьем¹.

---

¹ Обыкновенно буряты, доканчивая сказку, говорят: «Ан хужи амта бурханда тушибэ».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

У балаганских бурят с незапамятных времен устно передается из поколения в поколение сказка об Абай-Гэсэр-богдо-хане. Обыкновенно буряты называют эту сказку «Гэсэр-хан» или «Богдо-Гэсэр-хан», но большей частью говорят «Абай-Гэһэри-тужи» (история Абай-Гэсэра), иногда говорят «Абай-Гэһэр-хани тужи»; а полное название будет «Абай-Гэсэр-богдо-хан». Сказка «Абай-Гэсэр-богдо-хан» между другими бурятскими сказками занимает первое место, знающие ее бурятские рассказчики пользуются среди бурят почетом. При всяком удобном случае буряты в зимние долгие ночи стараются послушать или сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана или же другую какую-нибудь. Бурятский рассказчик рассказывает, а все семейство бурят и собравшиеся соседи слушают сказку с большим вниманием. Сказки у бурят говорят нараспев с рифмами, кто не может петь, тот говорит словами без пения. До чего достигает уважение бурят к рассказчикам сказок, можно видеть из народной поговорки: онтохоши хун олбок пудушка дэрэ; души хун дубун дэрэ, — «говорящий сказки человек (рассказчик) на перине и подушке, а поющий (певец) на бугре». Буряты говорят, что в «твердые годы» (тяжелые годы), хату жилдэ, в те годы, когда свирепствуют болезни, рассказывать сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана считают очень полезным, потому что нечистые духи, насылающие на людей разные болезни, будто бы боятся сказки об Абай-Гэсэр-богдо-хане. Иногда буряту, едущему в темную ночь по безлюдной степи, становится жутко, тогда он начинает, для отогнания нечистых духов, нараспев мурлыкать сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана. Если, собираясь в дальний путь, придется слушать сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана, это считается хорошим признаком, дорога будет благополучная и дела будут успешны. В прежние времена зимние долгие ночи часто проводили за слушанием сказок, что составляло развлечение бурят; ныне сказки оставлены, вместо них появились другие роды препровождения времени: карты, пьянство и пустое балагурство.

По словам бурят, если хороший рассказчик говорит сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана, то он кончает ее в 9 дней и ночей, т. е. в 9 суток. Если рассказ-

чик не пропустит ничего, то в награду ему спускается с неба верховая лошадь в полной сбруе для верховой езды. Передают, что как-то раз один бурят рассказывал сказку про Абай-Гэсэр-богдо-хана в продолжение 9 суток, в конце сказки с неба спустился верховой конь уже в полной сбруе для верховой езды, но, к несчастью, рассказчик пропустил сказать, что Абай-Гэсэр-богдо-хан на пень дерева положил верховой кнут; какой-то невидимый человек сказал тогда: «Хорошо сказана сказка, но только пропущен верховой кнут, положенный Абай-Гэсэр-богдо-ханом на пень дерева». Тотчас же конь, спустившийся с неба, поднялся обратно вверх.

Буряты говорят, что сказка про Абай-Гэсэр-богдо-хана имеет девять ветвей (ёһоһ хала). *1-я ветвь*: борьба западных и восточных тэнгэринов, победа западного тэнгэри, сошествие на землю Абай-Гэсэр-богдо-хана, рождение его на земле, малолетство его на земле и женитьба его на Төмөн-Жаргалан-хатан и на Урма-Гохон-хатан. *2-я ветвь*: охота на зверей и женитьба на Алма-Мэргэн-хатан. *3-я ветвь*: лесной пестрый лев Окфор. *4-я ветвь*: китайский хан Гумэн. *5-я ветвь*: Лобсогой, который через обман и хитрость обратил Абай-Гэсэр-богдо-хана в осла; освобождение его Алма-мэргэн-хатан от Лобсогоя. *6-я ветвь*: козни завистливого дяди Сута-Нойона, болезнь Абай-Гэсэр-богдо-хана, выздоровление, поездка Абай-Гэсэр-богдо-хана к пятнадцатиголовому Абарга-Сэсэн-мангатхаю и убиение последнего. *7-я ветвь*: возвращение Абай-Гэсэр-богдо-хана из страны мангатхая домой; поездка за Алма-Мэргэн-хатан, воскресение тридцати трех батаров, поездка к трем царям шарабуловым, война, победа и возвращение. *8-я ветвь*: война с Гал-Дөлмө-ханом и *9-я ветвь*: будто бы последняя война с Лобсогоем и победа над ним. Эту последнюю ветвь, рассказ о войне Абай-Гэсэр-богдо-хана с Лобсогоем, мой рассказчик Петков-Тушимиллов не знает. Другие же буряты говорят, что все вышеперечисленное только три ветви, следовательно, тут еще шести недостает. Вообще, говорят очень разное. Остальные ветви будто бы состоят из рассказов о богатырях и ханах, которые в то время жили на земле. Обыкновенно рассказчик, сказав какую-нибудь более или менее длинную сказку об одном таком богатыре, прибавит, что эта сказка есть одна из ветвей Абай-Гэсэр-богдо-хана; таким образом, ветвей у Абай-Гэсэр-богдо-хана будет не девять, а десятки и сотни, если собрать все. Некоторые буряты говорят, что девять ветвей «Абай-Гэсэр-богдо-хана» произошли следующим образом: сперва начал воевать один какой-то батар или хан с мангатхаем. Этот сказочный богатырь или хан начал побеждать своего противника мангатхая. Последний будто бы на-

чал звать своего покровителя Лобсогия, и Лобсогой на зов мангатхая приехал. Обратившись в большого серого волка, он начал гнать богатыря или батара, победившего мангатхая, вокруг одной высокой горы. Тогда батар или хан, в свою очередь, зовет своего покровителя, другого, более сильного батара, который, приехав, обращает своего любимца в шагай (кость-бабку) и, положив в карман, сам начинает воевать с большим серым волком, но он не может победить и, наконец, обращается в бегство, начиная скакать вокруг горы, как и первый батар, а волк гонится за ним. В это время второй батар начинает звать на помощь третьего батара или хана, тот тоже приезжает. Также обратив предыдущего батара в шагай и положив его в карман, он воюет с большим серым волком, но волк начинает побеждать и этого вновь приехавшего батара. Этот последний тоже начинает скакать вокруг горы, а волк гоняться за ним. Тогда этот батар начинает звать нового батара или хана посильнее себя на помощь. Новый батар или хан тоже приезжает, но с ним происходит то же самое, что и с первыми. Таким образом, эти батары и ханы звали друг друга на помощь и, наконец, последний, девятый батар или хан вступает в битву, но и он оказывается слабосильным в борьбе с большим серым волком. Он также начинает звать себе на помощь другого батара, но на этот раз призывается уже сам Абай-Гэсэр-богдо-хан. Абай-Гэсэр-богдо-хан приехал на зов звавшего на помощь батара. Он обратил его в шагай, положил в карман и поскакал вокруг горы. Потом Абай-Гэсэр-богдо-хан, поймав большого серого волка за уши, бросил его на землю. Волк опять сделался Лобсогоем. Абай-Гэсэр-богдо-хан с Лобсогоем начали воевать. Абай-Гэсэр-богдо-хан, победив Лобсогия, вынул из кармана шагай и бросил на землю. Шагай вновь обратился в богатыря. Этот богатырь, в свою очередь, из своего кармана вынул шагай и бросил, и другой богатырь принял свой настоящий вид. Таким образом, все девять шагаев были обращены вновь в богатырей.

По словам бурят, Абай-Гэсэр-богдо-хан победил Лобсогия, но никак не мог убить его. Одни говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан бросил Лобсогия в каменный тама, из камня сделал большого батара, дал ему большой железный молот и наказал, когда Лобсогой покажется из тама, бить его по голове. Другие буряты говорят, будто бы Абай-Гэсэр-богдо-хан бросил Лобсогия в глубокую яму, на отверстие ямы поставил двух батаров с большими железными молотами. Когда Лобсогой показывается из ямы, то два батара Абай-Гэсэр-богдо-хана бьют по голове Лобсогия железными молотами, тогда Лобсогой опять падает в яму, от этого происходит землетрясение и глухой гул под зем-

лей. Некоторые буряты говорят, что будто Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью своих тринадцати волшебств сделал несколько маленьких мальчиков (число мальчиков неизвестно), которые из лука стрелами постоянно стреляют в Лобсогоя, когда он показывается из ямы. Таким образом они обессиливают Лобсогоя и он обратно уходит в яму, т. е. падает. Еще вариант: говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан победил Лобсогоя, но не мог убить и вследствие этого придавил его тремя горами, а потом, чтобы Лобсогой не свалил с себя эти три горы и не вышел из-под них, эти три горы с Лобсогоем воткнул в землю, т. е. пригвоздил своим копьём, отчего Лобсогой не может выйти из-под этих гор. К этому рассказу некоторые прибавляют, что Абай-Гэсэр-богдо-хан создал одного сильного батара, который будто бы приколачивает копьё в землю железным молотом. Варианты рассказов о Абай-Гэсэр-богдо-хане неисчерпаемы. По словам бурят, когда кончится мир и будет галаб, Лобсогой опять встанет и будет воевать с Абай-Гэсэр-богдо-ханом, на этот раз Лобсогой победит Абай-Гэсэр-богдо-хана.

Буряты говорят и спорят убежденно, что в прежнее время Абай-Гэсэр-богдо-хан действительно жил на земле. В подтверждение этого указывают на следы его земной жизни. Когда Абай Гэсэр-богдо-хан воевал с Лобсогоем и стрелял в него стрелами, будто бы одна стрела Абай-Гэсэр-богдо-хана попала в гору Ехон-Төрөн и рассекла ее. Это место буряты обыкновенно называют Төрөни аман или Төрөни хөтөл («рот Тэрэна» или «проход Тэрэна»). Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан поднял стрелу с земли и стряхнул с нее землю, то земля, упавшая из косточки стрелы (зэн), образовала гору Оксогор. В Бильчирском инородческом ведомстве тоже есть две горы, будто бы простреленные Абай-Гэсэр-богдо-ханом, который, по словам бурят, выстрелил с южной стороны. Первая простреленная гора называется Мухур-Улан (или Хара-Хушун), а вторая Удактай. Когда Абай-Гэсэр-богдо-хан прострелил стрелой эти две горы, то образовались проходы (хөтөл) и из вынудой стрелой из этих гор земли образовалась новая гора в Улейском инородческом ведомстве, тоже под названием Оксогор.

Кроме того, буряты говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан, свалив Лобсогоя на землю и взяв его за ноги, волок по земле, вследствие этого образовалось одиннадцать падей. Самая средняя падь большая, по краям по пяти небольших падей. Средняя большая падь образовалась от тела Лобсогоя, а по краям по пяти небольших падей образовались от пальцев Лобсогоя, будто бы своими пальцами Лобсогой выбороздил землю.

В Тунке есть остатки от сожженного дворца Гал-Дөлмө-хана. Тут Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью девяти небесных кузнецов (тэнгэрин ёһон дархад) раскаливал сына Гал-Дөлмө-хана, отчего дворец Гал-Дөлмө-хана расплавился и образовалась груда камней и железных шлаков¹.

Буряты говорят, что Абай-Гэсэр-богдо-хан жил в теплой стране (дулан газар) Тибет, а Гал-Дөлмө-хан и Лобсогой жили в этих местах, т. е. в Иркутской губернии.

Бурятская сказка “Абай-Гэсэр-богдо-хан” мной записана со слов рассказчиков Петкова-Тушимилова и моего отца Николая Хангалова. Рассказывая, они оговаривались, что давно не говорили эту сказку. От других бурят, например, от Онгой Чушкинова, Хабхуна и прочих, я воспользовался только отрывочными дополнениями и именами действующих лиц.

---

¹ Вероятно, тункинские базальты. (Г. Потанин).

V

ПОДВИЖНАЯ ШКОЛА

С каждым днем народное образование становится нужнее и обращает на себя всеобщее внимание населения, которое понемногу и постепенно начинает осознавать важность и потребность училищ, на которые прежде смотрело как на лишнюю обузу, обременяющую общество, и потому относилось к ним равнодушно и даже враждебно. Ныне на училища смотрят как на полезные учреждения, дающие первоначальное образование детям.

Таким образом, народные училища действительно становятся первоначальным рассадником народного образования, доступного каждому русскому и буряту.

В последнее время наблюдается очень отрадное явление: многие буряты, по мере возможности, стараются как-нибудь научить русской грамоте своего любимого сына и тем самым дать ему первоначальное образование. Но вся беда в том, что у бурят чувствуется недостаток народных училищ, которых, к великому сожалению, в каждом инородческом ведомстве только по одному. Училища эти организованы без всякого соображения и учета действительной потребности, большею частью около степных дум, являющихся центром инородческого управления, куда приезжают буряты со всех концов ведомства во время суглана для решения текущих дел и вопросов.

Вследствие такого неудобного выбора места для инородческих училищ они не приносят той пользы, которую можно было бы ожидать от них, если бы они были расположены в более удачном месте. От этого инородческие училища много проигрывают и не всегда достигают своей цели. Многие инородческие училища, устроенные около степных дум, недоступны для громадного большинства бурят из-за своей отдаленности, ибо население живет от них за 100 верст и более. Эта отдаленность заставляет невольно многих бурят задуматься и отказаться от благих намерений учить своих сыновей.

Если же буряты, несмотря на отдаленность, все же вздумают послать в училище своих сыновей, то встречается еще препятствие, которое трудно преодолеть.

Около степных дум мало населения, иногда стоит всего несколько домов, а поэтому ученикам положительно негде квартировать. Если и есть несколько

домов, то домохозяева требуют за квартиру и за содержание порядочную сумму, так что буряту приходится платить от 6 до 8 рублей в месяц, что не каждый в состоянии сделать, а на своем содержании, только за уход, платят от 1 р. до 1 р. 50 коп., что тоже очень обременительно для родителей учащихся. Многие родители не в состоянии пожертвовать на обучение в месяц 6-8 рублей, что составляет с 1-го сентября по 1-е июня, за вычетом праздников, 40-54 рубля, и на своем содержании только за уход и квартиру 7 р.-11 р. 50 коп. Вот почему во многих инородческих училищах мало учащихся, несмотря на то, что имеются пансионеры, которые обучаются за общественный счет.

Если бы начальные инородческие училища были расположены удобно, около многолюдных улусов и в центре ведомств, то учащихся было бы несравненно больше, потому что в них ходили бы дети из этих улусов и из окрестных улусов. Из дальних улусов буряты также послали бы своих детей, которые могли бы на своем содержании стоять на квартире у бурят за 50 коп. — 1 рубль в месяц, что не очень обременительно для родителей. При этом многие желающие учить всех детей могли бы оставлять их у своих родных и знакомых, которым они доверяют, кроме того, бурятскому мальчику лучше квартировать у бурят — он не так будет скучать о доме, постепенно привыкнет и значительно легче перенесет разлуку с родителями и семьей.

Для примера возьму начальное училище в Капсальской инородческой управе Иркутского округа. Училище это открыто около 1863 года при инородческой управе, которая стоит в центре улусов. В Капсальской инородческой управе около 4000 душ населения обоего пола, а учащихся бывает приблизительно 20-30 человек. Число это, по народонаселению, очень мало. Но надо принять во внимание, что буряты, живущие по Якутскому тракту Иркутского и Верхоленского округов, не охотники учить детей и мало обращают внимания на учебу, и то в последнее время и у этих бурят замечается стремление к обучению своих детей. Это подтверждается тем, что они все чаще посылают своих детей в училище или же в улусах у себя держат учителей, которые за дешевую цену обучают детей.

Недалеко от Капсальской инородческой управы, верстах в пятнадцати, стоит Кудинская степная дума, где в деревне Усть-Орда находится Кудинское инородческое училище. Население Усть-Орды состоит из оседлых, почти обрусевших инородцев. В Кудинском инородческом ведомстве числится народонаселения 6107 душ мужского пола, из них инородцев 5915, оседлых инородцев — 129 и бродячих тунгусов — 63. Общее население около 12 тысяч душ обоего пола, а учащихся в Кудинском училище 20-35 и редко бывает за 40, это при условии, что в Кудинской управе народонаселения в три раза более, чем в Капсальской. При этом в Кудинском училище имеется 15 пансионеров, обучающихся за счет общества, которое отпускает на каждого пансионера по 48 рублей за учебное время, т. е. 720 рублей в год. При этих условиях в Кудинском училище должно было быть больше учащихся, чем в Капсальском.

Объяснение этому очень простое. Капсальское училище стоит среди улусов. Окрестные жители посылают туда своих детей и дальние стоят на своем содержании у бурят, живущих около училища.

В деревне Усть-Орде, местонахождении Кудинского училища, имеется около 30 домов. Она окружена летниками, а зимники расположены далее. Кудинцы для учения своих детей должны понести значительные расходы, что не каждый бурят в состоянии сделать. Ученики квартируют обычно в деревне с оплатой за содержание от 7-9 рублей в месяц, на своем содержании от 1-2 рублей. Это составляет в первом случае до 63 рублей за учебное время, а во втором случае до 14 рублей, что конечно, обременительно для родителей и не каждый бурят в состоянии пожертвовать такими деньгами без ущерба для своего хозяйства. Вместе с тем, имеются зажиточные буряты, для которых вышеупомянутые расходы — чистая безделица, но они скупаются на это, очевидно, не расположены давать первоначальное образование своим детям.

Ользонское и Харатовское инородческие училища Верхоленского ведомства и Верхоленского округа.

Первое из них находится в деревне Ользон на Якутском тракте, а второе в деревне Хабдатове при Верхоленской степной думе. Эти два училища находятся в таких же условиях, как и Кудинское.

Ольхонское инородное училище расположено вместе с Ольхонской степной думой в Ольхонском инородческом ведомстве, население которого состоит из 5012 душ кочующих инородцев обоего пола. Кроме того, имеется оседлых 481 душа, а всего 5493. В этом училище учащихся мало, хотя есть улусы около него. Ольхонские буряты беднее, чем буряты Иркутского и Балаганского округов, они преимущественно занимаются рыболовством и скотоводством, а хлебопашество, по местным условиям, совершенно не развито. Учат своих детей они неохотно.

В Балаганском инородческом ведомстве народонаселения было около 16768 душ. При степной думе имеются два училища: мужское, в котором в последнее время обучается до 45 человек, и женское, где обучается едва ли до 7 учениц, а большей частью 3—4, да и то русских, буряток очень мало. Оба училища имеют свои отдельные дома, вполне удовлетворяющие потребности. В мужском обучается 8 пансионеров, каждый из которых получает по 30 рублей в год, а в женском 2 пансионерки. Таким образом, на них на всех расходуется 300 рублей в год. При Балаганской степной думе нет близлежащих улусов, есть лишь несколько домов оседлых инородцев. Некоторые ученики живут в училище, а ученицам квартировать негде. При этом квартира и с содержанием, и на своем содержании ценится дорого. В женское училище ходят дочери местных жителей и служащих думы и родового управления, а буряток, для которых оно выстроено, очень мало. Если бы буряты и пожелали учить своих дочерей, то не каждый из них решится оставить свою дочь у думских

жителей. Женское отделение было открыто около 1880 года, до этого ученики и ученицы обучались вместе.

Если бы оба эти училища стояли среди многолюдных улусов, то и учащихся было бы постоянно много и они принесли бы значительно больше пользы, чем теперь.

Для примера приведу следующее: около 1870 года в Балаганском ведомстве в Зунгарском роде среди улуса было открыто частное училище, в котором постоянно было больше учеников и учениц, чем в училище около думы. Если в училище около думы 15 учащихся, то в Зунгарском 25 и более, так как оно было более доступно для окрестных улусов. Впоследствии, к сожалению, это частное училище было закрыто и вместо него открыто женское отделение при степной думе за счет общества Балаганского ведомства.

Одно время, в начале 1870 годов, балаганские буряты внимательно относились к народному образованию: на содержание училища увеличили средства, учредили 10 пансионерских мест и купили у местного миссионера большой двухэтажный дом под квартиры учеников и учениц. Но этот дом впоследствии, по каким-то непонятным причинам, опять перешел под квартиру миссионеру, а учащиеся остались на бобах. При этом предполагался проект образовать из одноклассного училища двухклассное, но почему-то все это осталось только мечтою.

Прежде ученики и ученицы обучались вместе, следовательно, женщинам не был закрыт доступ к образованию. Если бы вместо женского отделения, как предполагалось, сделали бы двухклассное училище, то учащиеся выиграли бы больше. Женское отделение не приносит сейчас пользы и если так будет продолжаться дальше, то его, пожалуй, закроют. Действительно, лучше было бы объединить оба училища в совместное двухклассное, а впоследствии, в случае надобности, открыть снова женское отделение.

Теперь надо обратить внимание на *Идинское инородческое училище*, которое находится в Бохонском улусе, а не при Идинской степной думе. Это училище также имеет мужское и женское отделения с учителем и учительницей. Таким образом, по удобству месторасположения Идинское училище подходит под категорию Капсальского. Вследствие этого постоянное число учащихся порядочное, каждый родитель, по возможности, старается послать своего сына.

В Идинском инородческом ведомстве народонаселение обоего пола около 24000 душ, почти на 7000 душ более, чем в Балаганском ведомстве. Идинское инородческое училище расположено в Бохонском улусе, находящемся на окраине Иркутского ведомства, вследствие чего многие роды с другого конца ведомства отстоят от училища за 140 верст, а другие поближе. Едва ли дети из этих отдаленных родов учатся, а если и учатся, то в очень малом числе, и училище из-за отдаленности для громадного большинства вовсе недоступно.

Теперь мимоходом упомяну про *Аларское инородческое училище*, которое имеет мужское и женское отделения с учителем и учительницей. Аларское инородческое училище, как и Балаганское, выстроено при Аларской степной думе, при дацане. Поблизости от училища имеются улусы, следовательно, училище имеет некоторые выгоды по доступности для учащихся. Но некоторые роды также находятся в отдалении, как и в других ведомствах. При этом Аларское ведомство не так многолюдно, как Идинское и Балаганское.

Выше я описал, в каких местностях расположены инородческие приходские училища, и какое это имеет влияние на их посещаемость. Теперь обращусь к тому, всему ли народонаселению каждого ведомства доступны инородческие училища. При внимательном ознакомлении выясняется, что они доступны далеко не всему населению ведомств и все из-за своего месторасположения.

В Балаганском инородческом ведомстве, как уже было сказано, училище стоит вместе со степной думой. Многие роды Балаганского ведомства удалены от него на 100 верст: Ашехабадский, Боролдоевский, Харанутский и Тангутский, другие же отстоят около 80-70 верст. Из дальних родов и точно так же из улусов и родов, которые отстоят от училища за 70-80 верст, ученики приезжают редко, а уж об ученицах и говорить нечего, — те никогда не бывают. Едва ли с открытия женского отделения оттуда была хоть одна ученица. Большинство учащихся из ближних и окрестных улусов.

В Идинском инородческом ведомстве училище находится на одном конце ведомства, в Бохонском улусе. Например, 1-й Ноетский род от училища отстоит около 140 верст, 2-й Ноетский — около 120 верст, 2-й Холтубаев род — около 100 верст, 2-й и 4-й Бараевские роды — около 95 верст и некоторые другие роды — около 70-80 верст. Следовательно, в этом ведомстве до училища слишком далеко, и из перечисленных родов редко кто посещает училище, а учениц и вообще не бывает.

Вместе с тем, дальние роды вносят на содержание училища, на жалование учителю и учительнице наравне с теми родами, которые находятся на более или менее близком расстоянии и пользуются выгодой этого. Это имеет место и в Балаганском, и в Идинском ведомствах. Вследствие этого дальние роды смотрят на училища как на какую-то обузу, не приносящую никакой пользы и, более того, настроены по отношению к нему даже враждебно.

Возникает вопрос: неужели жители дальних родов совсем не учат своих детей грамоте? Нет, они, бесспорно, стараются учить своих детей и посылают их в русские училища, если таковые имеются поблизости, или же без разбору нанимают странствующего грамотея.

Преимущественно обучением детей грамоте занимаются поселенцы, если они сами грамотны, иногда нанимают странствующих писарей-пьяниц, которые за дешевую плату соглашаются учить бурятских детей. Такие странствующие

щие и сомнительные педагоги, обучающие бурятских детей русской грамоте, найдутся в зимнее время во многих улусах и даже поблизости от училищ. У этих педагогов бывает иногда 5-10 учащихся и родители мальчиков платят им за обучение от одного до двух рублей в месяц и кормят по очереди.

Зайдя в такие «улусные училища», вы, к своему удивлению, сплошь и рядом встретите «педагогов», обучающих своих учеников по старинке: «Буки-аз-ба; глагол — аз-га и т. д.». Познакомившись поближе, увидите, что и «педагог» еле грамотен. Вот такие «грамотеи» сплошь и рядом берутся учить бурятских детей грамоте. Более современные обучают детей: «Бе, ве, ге, де» и т. д., — о звуковом методе тут и мечтать не приходится. По утрам ученики учат уроки, повторяют так называемые «зады», т. е. пройденное, а после обеда занимаются преимущественно писанием. Эти «педагоги» очень нерадивы к своим обязанностям. Как только узнает, что в этом улусе у кого-нибудь брызганье и кырык, то бросает своих учеников и мчится туда, чтобы напиться дарового тарасуна или вина. Вот все занятие улусных «педагогов», которыми изобилуют бурятские улусы.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

НИЖНЕУДИНСКИЕ БУРЯТЫ (*Этнографические заметки*) (стр. 13). Статья публикуется впервые по черновым полевым записям автора, сделанным в 1908 г. во время его поездки к нижеудинским бурятам. Они хранятся в фонде М. Н. Хангалова в Рукописном отделе БКНИИ СО АН СССР под инв. № 280. Первые два раздела даны по записям, имеющимся в тетр. 7, стр. 1-46; тетр. 8, стр. 1-37; тетр. 9, стр. 1-35; тетр. 15, стр. 21-23, 26-38 и тетр. 17, стр. 22-24, 33-40.

Раздел III. «Изделия из бересты у нижеудинских бурят» публикуется по полевой записи в тетр. № 17 (инв. № 280), стр. 33 и 37.

Раздел IV. «Родовой состав нижеудинских бурят» публикуется по черновой записи в тетр. № 17, лл. 23—24.

ОБОСИНСКИЕ ТАЕЖНЫЕ ОХОТНИКИ (стр. 40). Печатается по черновой рукописи Рукописного отдела БКНИИ (инв. № 353(2), лл. 129-138 об).

Принятое нами заглавие статьи «Обосинские таежные охотники» принадлежит самому М. Н. Хангалову и помещено в начале статьи на л. 130, на титульном листе статьи имеется другое более длинное название: «Обосинские буряты как таежные охотники по местным условиям жизни охотятся на различных зверей, рыболовство и занятия их и других ближних бурят и материальное состояние их и шаманы и шаманки в связи с материальным состоянием бурят. М. Н. Хангалов. 1909 года» (л.129).

Черновик, на 12 лл. п. б. в линейку, разм. 35х22,2 см, в том числе тит. лист (л, 129) и 2 лл. пустых (лл. 139-140).

Материал о шаманах у обосинских и унгинских бурят нами опущен, так как он не дает ничего нового по сравнению с другими работами по шаманству М. Н. Хангалова. В настоящей статье говорится о том, что худшие материальные условия жизни обосинцев отразились на материальном положении обосинских шаманов. Последние были беднее, чем шаманы у других бурят, не имели полного облачения и не могли по бедности иметь более высоких степеней посвящения. Поэтому на шаманских местах в Обосе не встречается многих видов шаманского облачения и предметов культа.

Отрывок из полевой записи об обосинских бурятах имеется также в рукописи №280, тетр. №18, стр. 1-6.

Эта запись автором была использована для статьи и с некоторыми изменениями вошла в нее. Она значительно меньше по объему, заглавия не имеет, начинается словами: «Обосинские буряты 1-го и 2-го Онгоева рода Бильчирского ведомства, когда едут на таежную охоту, тогда обыкновенно брызгают тарасун...». Далее следует текст призывания, начало которого (строки 1—20) полностью совпадает с публикуемым на стр. 51-й, остальные 8 строк, начиная с 21-й строки «халюни харагии эгэ», отсутствуют.

1. Стр. 43 «Когда необходимые религиозные обряды...». Весь этот абзац в рукописи, инв. 280, тетр. 18, отсутствует.

2. Стр. 43. «Когда охотники-обосинцы приезжают в тайгу...». Этот абзац в рукоп., инв. 280, тетр. 18, изложен более кратко.

3. Стр. 43. «Ойн эжин». Это призывание в рукописи, инв. 280, тетр. 18, стр. 2 немного отличается.

4. Стр. 43. Текст статьи, начиная с абзаца: «На другое утро встанет рано» и до абзаца «Хороший охотник», в рукоп., инв. 280, тетр. 18, отсутствует.

5. Стр. 44. «Обосинцы на медведей охотятся артелью». В рукописи, инв. 280, тетр. 18 (стр. 3), этот абзац изложен короче. Текст песни «Тулаши гүй» в обеих рукописях совпадает.

6. Стр. 44. Абзац «Эти слова произносят для того» в рукоп., № 280, тетр. 18, отсутствует.

7. Стр. 45. Абзац «Когда убьют медведя» в рукописи, № 280 (тетр. 18, стр. 4), короче.

8. Стр. 45. «кричит по вороньи...» в рукоп., 280 (тетр. 18, стр. 4), «кричат по вороньи (хаглаха)».

9. Стр. 45. Перед абзацем «Следовало бы собрать...» в рукоп., инв. 280, читаем: «Если охотник убьет 40 медведей, то, по поверьям обосинских бурят, должен умереть один человек (дөшин бабага нэгэ хүн холгото). Все звери разделены там на две части: ан и арата или хушута» (тетр. 18, стр. 5).

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ УНГИНСКИХ БУРЯТ (стр. 46). Статья печатается по рукописи Института востоковедения Академии наук СССР (фонд Д. А. Клеменца). Рукописный отдел БКНИИ располагает другим вариантом этой статьи (см. инв. №365, л. 24-47), имеющим довольно значительные отличия от рукописи ИВ АН СССР. Разночтения помечены ниже.

1. Стр. 46. После слов: «Теперь же стали спрашивать...» в другом варианте этой статьи М. Н. Хангалов добавляет «Теперь стали спрашивать согласие детей во избежание неприятностей. Ныне буряты говорят: «Нынешние девицы и парни стали знать самих себя» (см. РО БКНИИ, инв. № 365, л. 24).

2. Стр. 46. «Приведенных... лошадей...». В другом варианте статьи М. Н. Хангалов несколько подробнее описывает этот момент: «Через несколько времени после сватовства родители жениха приводят лошадей к родителям невесты и таким образом постепенно начинают платить калым. Лошадей пригоняют, в зависимости от состояния, от одной до десяти, редко более. Если у родителей жениха нет нужного количества лошадей, то его родные помогают и дают одного, редко двух коней. Но это считается как будто долгом. Последствия, если тот, кто дал лошадей, задумает женить своего сына, то получившие в свое время помощь должны дать коня. Это называется харю. Слово харю происходит от глагола х а р и х а — уехать домой или идти домой. Например, буряты говорят: а ш и л х а р я — гость уехал домой (РО БКНИИ, инв. №365. л. 24 и об.).

3. Стр. 46. «Без холобши...». В другом варианте М. Н. Хангаловым это место изложено так: «Родители жениха или сам жених приезжают к родителям невесты с золотой монетой, если же они очень бедны, то с серебряной монетой рублевого достоинства, привязанной на ленточке. По приезде к невесте привязанную монету надевают на шею невесте,

независимо от того, какого она возраста, взрослая или еще маленькая. Если монета надета на шею девушке, то она уже считается невестой и, по обычаю, не должна быть просватана за другого. Иногда после принятия монеты сватовство расстраивается, в таких случаях невеста должна возвратить монету. Иногда родители невесты и жениха устраивают сватовство, когда невеста и жених еще маленькие. В таком случае невесте-девочке также надевают монету. Подобное сватовство, однако, нередко расстраивается, когда жених и невеста подрастут. После этого через некоторое время или через несколько лет родители жениха снова приезжают к родителям невесты и меняются поясами (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 24).

4. Стр. 47. «После этого... уславливаются о количестве калыма...». В другом варианте М. Н. Хангалов пишет: «Со стороны невесты стараются получить побольше калыма, а со стороны жениха стараются, чтобы калым был поменьше и не обременял родителей жениха. После непродолжительного спора стороны соглашаются. Обыкновенный размер калыма зависит от состояния родителей жениха и невесты: чем богаче они, тем калым больше, чем беднее, тем он меньше» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 25).

5. Стр. 47. «Родители, родные...». В другом варианте сказано: «Родители, родные и соседи невесты при этом стараются выпить побольше вина, чтобы известно было другим о количестве выпитого: об этом долго будут говорить» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 25).

6. Стр. 48. «...бросают в огонь». После этого в другом варианте вставка: «Гости, приехавшие со стороны жениха, и отец жениха, по обычаю, одаривают невесту деньгами и золотыми и серебряными монетами» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 25 об.).

7. Стр. 48. «По обыкновению... калым родителям невесты». В другом варианте добавлено: «Родители невесты, в свою очередь, начинают готовить для дочери приданое» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 25 об.).

8. Стр. 48. «...чтобы, жених и невеста подросли». В варианте добавлено: «Нередко буряты, еще не имеющие детей, меняются поясами и пьют немного вина, говоря «аманда золтон адуна идехэ, арада золтон дэгэл өмөтхө». Если у них впоследствии родятся дети, т. е. у одного сын, а у другого дочь, то они становятся женихом и невестой. Отец жениха начинает платить калым. Ныне этот обычай выводится вследствие того, что подобное сватовство впоследствии часто расстраивается, несмотря на настояния родителей» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 26).

9. Стр. 49. «Иногда день свадьбы...». В другом варианте этой статьи сказано не «иногда», а «всегда» день свадьбы назначают в новолуние (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 26 об.).

10. Стр. 49. «...приготовиться к свадьбе». В варианте этой статьи, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ, после этой фразы на полях имеется вставка следующего содержания: «Прежде у унгинских бурят существовал так называемый хал. Жених с родными отправлялись к невесте с мясом и вином. По приезде угощали родителей и родных невесты и соседей, а потом обратно ехали со свадьбой. Если родители невесты не назначали срока свадьбы и оттягивали время, тогда жених с родными ехал к родителям с халом. При этом они, по обычаю, брали с собой верховой кнут. По приезде к невесте, войдя в юрту, этот кнут вешали на тэнги. Тогда родители невесты, по обычаю, должны были назначить день свадьбы. Ныне унгинские буряты не ездят с халом к родителям невесты. У кудинских же бурят хал существует до сих пор. Значение хала не могли мне объяснить» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 26 об.).

11. Стр. 49. «...протяжно поют...». В другом варианте добавлено: «Во время пляски пляшущие непременно должны составить круг и двигаться по солнцу. Не составлять круг считается грехом, потому что духи во время своих вечеров пляшут полукругом и двигаются против солнца». (РО БКНИИ, инв. №365, л. 27).

12. Стр. 49. «...рысить». Далее в варианте БКНИИ имеется следующая вставка: «Во время национальной пляски хатарха молодежь обоего пола поет разные плясовые и свадебные песни. Например:

Алда хара сажия
Ара бидэ хаяябда.
Ама саган буган дэли
Урамдалан баябди.
Хобол мөнгөн сажия
Хоши урякшин хаяябди.
Хушу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.

В охват черную косу
На спину закинемте.
Как белоротый изюбр
Крича, постоимте.
Тонко-серебряную косу
Взад и вперед раскинемте.
Как белогубый изюбр
Крича, постоимте.

* * *

Саган туда шандаган
Сапһан дэрэ жимтэ
Саган хани албатан
Надан дэрэ жимтэ.
Боро тула-шандаган
Бургаһанда жимтэ.
Богдо-хан албатан
Надан дэрэ жимтэ.

Белый заяц-тулай
На снегу имеет дорогу (след).
Белого царя подданные
На вечерку имеют дорогу (след).
Серый заяц-тулай
В кустарнике имеет дорогу.
Богдо-хана подданные
На вечерку имеют дорогу.

* * *

Тайга дунда харахада
Табан-саган һайхан
Тала дунда харахада
Ехур надан һайхан.
Ой дунда харахада
Олон Саган һайхан.
Улад зондо харахада
Ехур надан һайхан.

В середине тайги смотреть —
Табан-саган¹ красив.
В середине степи смотреть —
Игра (вечерка) ехур² красива.
В середине леса смотреть —
Многие белые красивы.
Среди народа смотреть —
Игра ехур красива.

* * *

Хотон сахи хоньһи дэли
Хорьен нэрьен баябди.
Хушу Саган буган дэли
Урамдалдан баябди,
Хурэ сохи адуһан дэли
Хурьен нэрьен баябди.
Хузу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.

Как в хлеве овцы
Гудя и гремя, постоимте.
Как белогубый изюбр
Крича, постоимте.
Как во дворе скот
Гудя и гремя, постоимте.
Как белошейный изюбр
Крича, постоимте.

¹ Табан - саган — травянистое растение с белыми цветами.

² Ехур - надан — называется национальная пляска хатарха и мотив песни ехур: *ехур-ехурья*, *ехурлэжи надая*.

* * *

Аралжи бильшиһэн
Адуһан мана һайхан.
Аяглажи зугалхада
Мани угитэн һайхан.
Хушуулажи бильшиһэн
Хонин адуһан һайхан.
Хушир шинэр зугалхада
Мани угитэн һайхан.

На северной стороне пасущийся
Наш скот красив.
Игриво поющие (говорящие)
Наши ровесники красивы.
Впереди пасущиеся
Овцы-скот красивы.
По старине и по-новому поющие
Наши ровесники красивы.

* * *

Хада дэгур хархада,
Хадаһар тарян һайхан.
Хаман зондо хархада,
Мини нөхөд һайхан.
Бори дэгур хархада,
Бодолгор тарян һайхан.
Богдо зондо хархада,
Угин нөхөд һайхан.

На гору посмотреть,
Жатый хлеб красив.
На весь народ посмотреть,
Наши друзья красивы.
Над бугром посмотреть,
В снопах хлеб красив.
На святой народ посмотреть,
Ровесники и друзья красивы.

* * *

Гунан һаран шинэдэ
Гурбан зудан илерхэ.
Гушин шудэни саганда
Сэжин зуга илерхэ.
Донон һаран шинэдэ
Дөрбөн зудан илерхэ.
Дөшин шудэни саганда
Сэжин зуга илерхэ.

В трехдневном новолунии
Три дола ясны.
Пока тридцать зубов белы,
В груди песни (разговоры) ясны.
В четырехдневном новолунии
Четыре дола ясны.
Пока сорок зубов белы,
В груди песни (разговор) ясны.

* * *

Өбөлдө өбөл бахабэмэл
Угидэ залу ябахабэбдил.
Нажирта нажир бахабэмэл.
Наһанда залу ябахабэбдил.

Зима зимою не стоит,
Весь век молодыми не будем.
Лето летом не стоит,
Всю жизнь молодыми не будем.

Первые три песни – старинного происхождения. В них отражается образ жизни прежних бурят, которые в те отдаленные времена, когда у них еще была зэгэтэ-аба, общими силами занимались охотой на зверей. Мясо убитых при зэгэтэ-аба зверей составляло главную пищу древних бурят, а шкуры шли на изготовление одежды и др. Прежние буряты как охотничий народ, живя преимущественно в лесах, охотились на зверей, за которыми следили, как бы удобнее перехитрить их и добыть побольше.

Когда облавы на зверей не было, во время стоянок древние буряты занимались играми, во время которых пели песни.

В этих песнях отражен образ жизни охотничьего народа. В песнях их упоминаются звери. Вообще, в старинных песнях бурят упоминаются разные звери, образ жизни которых часто сравнивается с образом жизни бурят и с их криком. В третьей песне упоминается

трава — лесное растение с белыми цветами, так называемая табан-саган, красоту которого сравнивают с национальной пляской, В песне говорится так: “В лесу посмотреть — красив табан-саган, на открытом месте посмотреть — красив танец ехур”.

В четвертой песне уже упоминается домашний скот, должно полагать, эта песня более позднего происхождения и возникла тогда, когда буряты стали заниматься скотоводством. Но все-таки и в этой песне тоже упоминается изюбр и говорится о желании подражать его голосу. Следовательно, в этой песне нашли отражение скотоводческий и охотничий образы жизни бурят.

В пятой песне упоминаются только домашние животные, красоту которых хвалят, сравнивая со своими сверстниками. В то время скотоводство уже служило основным занятием древних бурят.

В шестой песне уже упоминается хлеб. Буряты после прихода русских позаимствовали от них хлебопашество. Песни, в которых нашел отражение земледельческий быт, очевидно, новейшего происхождения.

О времени создания седьмой и восьмой песен трудно сказать что-нибудь определенное. Буряты в древности были не чужды наблюдениям явлений природы, а потому они в некоторых песнях приводили сравнения с некоторыми явлениями природы.

В седьмой песне мысль или ум человека в молодости сравнивается с новолунием: в новолуние светло и видны три дола, а мысли человека в молодости ясны, как в светлую и лунную ночь.

В восьмой песне утверждается, что зима постоянно зимою не будет стоять, а человек в жизни не будет постоянно молодым: время придет — состарится. Подобных песен у бурят много (см. РО БКНИИ, инв. №365, лл. 27—29 об.).

13. Стр. 51. «... а обо всем свадебном поезде». В варианте Рукописного отдела БКНИИ после этого вставлена песня:

Холбо хултэ хулая
Хурими зардул илгэг.
Хушу саган буган дэли
Урамдалдан баябди.
Алда хултэ хулая
Абан зардул илгэг.
Ама саган буган дэли
Урамдалдан баябди.

Двухвостую савраску
Пошлем послом свадьбы.
Как белогубый изюбр
Крича, постоимте.
С хвостом (длиною) в сажень савраску
Пошлем послом облавы.
Как белоротый изюбр
Крича, постоимте.
(РО БКНИИ, инв. №365, л. 29 об.).

14. Стр. 51. “...из родных мест”. В варианте Рукописного отдела БКНИИ после этих слов добавлено: “В этих песнях слышится глубокое горе и недовольство тем, что по воле рока они рождены девицами и принуждены жить вне родительского дома, на чужбине. Заунывный и протяжный напев этих песен невольно заставляет прослезиться стариков и старух” (РО БКНИИ, инв. №365, л. 30).

15. Часть текста в нашей публикации, начиная со слов: “Иногда молодежь поет...” (стр. 52) до абзаца «Родители невесты угощают собравшихся гостей» на стр. 53, в варианте Рукописного отдела отсутствует (ср. РО БКНИИ, инв. №365, л. 31).

16. Стр. 53. “игра маленьких”. Далее в варианте Рукописного отдела БКНИИ добавлено: “или басага надулха” — по-русски “девичья игра” (см. РО ВКНИИ, инв. №365, л. 32).

17. Стр. 53. “...борьбу”. В варианте Рукописного отдела БКНИИ указано, что лошадей и борцов, победивших в состязаниях, брали на свадьбу (см. РО БКНИИ, инв. №365 л. 32).

18. Стр. 54. “...ехать на свадьбу”. Этого приложения в варианте Рукописного отдела БКНИИ нет.

19. Стр. 55. “...перед закатом солнца”. Здесь в варианте Рукописного отдела БКНИИ имеется вставка: “Кудинские буряты Иркутского округа едут на свадьбу рано, преимущественно верхом, и в тот же день по приезде оканчивают свадьбу и уезжают обратно домой — только немногие остаются ночевать. Буряты Балаганского округа ныне ездят на свадьбу летом, преимущественно на телегах и тарантасах, а зимой на санях, и гуляют несколько дней” (РО БКНИИ, инв. №365, л. 38).

20. Стр. 55. “невеста, по старинному обычаю, улучив минуту, прячется”. В рукописи БКНИИ пояснено: “это называется басага хорюдулха, по-русски “прятать девицу” (РО БКНИИ, инв. №365, л. 33).

21. Стр. 55. “освобождают невесту”. В рукописи БКНИИ дается пояснение: «что называется басага буялладах», по-русски «спор за девицу» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 33).

22. Стр. 55. “...выходит из моды”. В варианте Рукописного отдела БКНИИ имеется следующее добавление: «Около 1830 года бурятскими родоначальниками бывшего Балаганского ведомства было сделано распоряжение и приняты меры, чтобы обычай «спора за девицу» на свадьбах прекратить, так как при этом бывали несчастные случаи» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 33).

23. Стр. 55. “...телегу или на сани”. Здесь в варианте Рукописного отдела БКНИИ далее следует: «Потом по старинному обычаю всем едущим на свадьбу подают с а г а л х а. После этого свадебный поезд уезжает к жениху» (РО БКНИИ, инв. № 365, л. 33).

24. Стр. 55. “...уезжает к жениху”. В варианте БКНИИ добавлено: «Обыкновенно, по обычаю, у унгинских бурят свадебный поезд уезжает к жениху либо на один или два дня раньше назначенного срока, либо одним-двумя днями позже назначенного времени. Ныне это делается для того, чтобы обмануть злых духов, которые будучи обмануты, не едут на свадьбу и остаются в ожидании условленного срока. В старину, во времена зэгэгэ-аба, буряты, уезжая на свадьбу раньше или позже назначенного срока, обманывали враждебных соседей, которые из-за обмана уже не могли напасть на остающихся и взять их в плен и угнать скот. Впоследствии, когда прекратились набеги соседних племен, эта предосторожность превратилась в обычай и удержалась на свадьбах, но получила другое значение — обмануть злых духов. При выезде каждый старается выехать раньше, так как, по мнению бурят, на заднюю телегу или на сани с людьми садятся и злые и нечистые духи. Тот, к кому сядет злой дух, у того конь будет уросить или по дороге что-нибудь случится» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 33 и об.).

25. Стр. 55. В варианте БКНИИ вместо двух фраз: “На свадьбу уезжает” и до “20-30 не более” читаем: “Свадебный поезд на половине расстояния останавливается. Из взятого с собой мяса, которое называется с а х и м ж а, берут несколько кусков и правую лопатку. С этим мясом делают по обычаю бурят, дэши барьха, букв, “высоко держать”, а потом едят. Кость лопатки оставляют на земле в стоячем положении, хрящом вверх, а потом уезжают далее” (РО БКНИИ, инв. №365, л. 33 об.).

26. Стр. 55. В варианте Рукописного отдела БКНИИ после слов: “вокруг которого пляшут хатарха” добавлено: “и поют песни разного содержания:

Алта гурбин дабанда
Алаги төбөрөн гарна.
Аха бабай тиргэндэ
Төрөн төбөрөн гарна.
Хөхө гурбин дабанда
Хулэги төбөрөн гарна.
Хөкшин бабай тиргэндэ
Төрөн төбөрөн гарна.

На гористой возвышенности Алтая
Слышен топот пеганого.
Старшего отца в улусе
Слышен гул свадьбы.
На гористой возвышенности Хохоя
Слышен топот коня.
Старого отца в улусе
Слышен гул свадьбы».
(См. РО БКНИИ, инв. №365, л. 34).

27. «Если жених не любит...». В варианте Рукописного отдела БКНИИ примечания с текстом песни нет.

28. Стр. 56. Часть текста, начинающегося со слов: «Иногда, по обычаю, туруши въезжает прямо в круг пляшущих...» до слов «входит в юрту», в варианте Рукописного отдела БКНИИ отсутствует.

29. Стр. 56. «...втыкает стрелу.. в хоймор тэнгэ». В варианте БКНИИ добавлено: «в другие столбы, по обычаю, втыкать нельзя» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 34 об.).

30. Стр. 57. «Молясь... приехали». В варианте БКНИИ после этой песни имеется вставка:

«У бурят Бильчирского ведомства на свадьбу едут тоже со стрелой, но иногда втыкают (в хоймор тэнги) ножик вместо стрелы. Некоторые буряты этот ножик берегут — когда у ново-брачных родится ребенок, тогда этим ножом отрезают пупок. У них туруши иногда поет так:

Тажаги үдин годоли
Ташанда хурин ерэбэбди.
Табилган саган төрөги
Бутэхэ гэжи ерэбэбди.
Бөргөхи удин годоли
Бөхөдо хурин ерэбэбди.
Мөнхө саган төрөги
Бутэхэ гэжи ерэбэбди.
Илеги удин годоли
Эмэлдэ хурин ерэбэбди.
Эхэ саган төрөги
Бутэхэ гэжи ерэбэбди.

Стрелу из перьев совы
На бедро заткнув, приехали.
От рождения белую свадьбу
Сыграть (говоря) приехали.
Стрелу из перьев орла
За пояс заткнув, приехали.
Вечно-белую свадьбу
Сыграть (говоря) приехали.
Стрелу из перьев коршуна
К седлу заткнув, приехали.
Материнскую белую свадьбу
Сыграть (говоря) приехали».
(См. РО БКНИИ, инв. №365, л. 35 об.).

31. Стр. 58. «Һарха - домбо встретил». После этой песни, поющей в ответ туруши, в варианте РО БКНИИ для сравнения приводится песня, которую поют в Бильчирском ведомстве: «У бурят Бильчирского ведомства в ответ поют так:

Ошоһо модо отолбобди
Эхэ төрөө төхөрбөбди.
Хуһа модо отолбобди
Хушин төрөө төхөрбөбди.

Срубил дерево тальник
К материнской свадьбе приготовились.
Срубил дерево березу
К старинной свадьбе приготовились.
(см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 36 об.).

32. После слов «расстраивает пляшущих» в варианте БКНИИ следует добавление: «въезжая в круг на лошадях» (стр. 56) (РО БКНИИ, инв. № 365, л. 36 об.).

33. Вместо слов: «а местные старухи также садятся около приезжих старух» (стр. 58) в варианте РО БКНИИ читаем: «а местные старухи и замужние женщины средних лет также садятся около приезжих гостей» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 36 об.).

34. Стр. 58. «...а молодые девицы». В варианте РО БКНИИ «местные девицы и молодые замужние женщины (б э р э н у д)...» (см. РО БКНИИ, инв. № 365, л. 36 об.).

35. Стр. 58. «салятся около них». В рукописи БКНИИ добавлено: «таким образом составляют три группы, почти отдельные» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 36 об.).

36. В рукописи БКНИИ слова «или молоко» (стр. 58) отсутствуют (РО БКНИИ, инв. №365, л. 36 об.).

37. В рукописи БКНИИ далее следует: «а потом подают другое угощение, как-то: вино, тарасун, мясо и прочее» стр. 58, (РО БКНИИ, инв. №365, л. 36 об.).

38. В рукописи БКНИИ вм. слов «цельный ржаной хлеб» (стр. 58) читаем: «мясо, цельный ржаной хлеб и круглый ржаной хлеб». Цельный печеный хлеб и круглый ржаной хлеб, должно быть, заимствованы от русских, потому что буряты прежде не сеяли хлеба и не знали, как его печь. Буряты от русских научились сеять хлеб и вместе (с этим) приняли некоторые обычаи. Пенка подается для сагалха. Этот обычай у бурят появился в связи с развитием скотоводства. А мясо — это остаток прежнего звероловческого быта. У прежних бурят изобилие мяса означало богатство. Древние буряты в то время питались преимущественно мясом убитых зверей (РО БКНИИ, там же, л. 37).

39. Стр. 58. «...на огонь очага». В рукописи БКНИИ далее добавлено: «что означает, что невеста должна размножить потомство мужа, как в очаге усилился огонь от положенных дров» (см. РО БКНИИ, там же, л. 37).

40. Стр. 58. «...из юрты». В рукописи БКНИИ добавлено: «кроме того, у бурят есть поверье, что если невеста счастливая и суженая (х у б у т а), то когда она входит в юрту, из которой выбегают все злые и нечистые духи, (тогда) прекращаются все ссоры и вражда у жениха; у него постоянно будет прибыль и счастье. Если невеста несчастливая, то с нею в юрту жениха входят нечистые и злые духи, которые будут вредить, постоянно будут болезнь, ссоры, неприятности, всем несчастье, убытки и пр.»

У бурят Бильчирского ведомства это называется гала хубаха, т. е. «делить огонь», иногда говорят: гала охө — «дать огонь». Мать жениха входит в юрту молодых; она из своей юрты, т. е. из юрты отца жениха, приносит огонь, печеный хлеб, тарак, вино, мясо и круглый ржаной хлеб; входя в юрту, принесенный огонь кладет в очаг юрты, что означает: молодые делаются хозяевами и должны размножаться, то есть иметь много детей. Тарак, вино, хлеб и мясо ставит перед невестой на стол, что означает: у молодых будет изобилие во всем, а круглый ржаной хлеб она бросает в юрте три раза по солнцу, говоря то же, что у унгинских бурят. Потом теща¹ (х а д а м э х э) садится около очага и в это время невеста встает и привезенный из дома родителей войлок постилает под ней. Впоследствии некоторые религиозные буряты делают из этого войлока подстилку для люльки, когда у молодых родится ребенок. После этого, обыкновенно, начинается угощение свадебных гостей. Потом бывает так называемый та г и а р х и, т. е. «молочное вино». Три старухи со стороны жениха, в том числе мать жениха,

---

¹ По-видимому, описка, вместо «свекровь».

и три женщины со стороны невесты в отдельной посуде наливают вино и садятся кругом. Одна из них, постарше летами, в чашку наливает вино, которым делает обряд духа ху. После этого вино пьют, а остаток вина отдают другим. Этим заканчивается этот обряд (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 37 и об.).

41. Стр. 60. В рукописи БКНИИ после «Боноктон шургаһан» имеются еще две строки:

«Будан хатан ибие
Умадан шургаһан»

(см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 38 об.).

42. Вместо «мөнхө» (стр. 60) в рукописи БКНИИ — «тана» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 38 об.).

43. В рукописи БКНИИ после «Хурээр дурэн адуута» (стр. 61) приведены еще две строки:

Эрхөрин нарни туя орок,
Удэрин обогод хокшид орок

(см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 38 об.).

44. Стр. 61. После слов «полный двор скота» в рукописи БКНИИ добавлены еще две строки:

«Через өрхө луч солнца войдет,
В дверь старики и старухи войдут»

(см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 39 об.).

45. Стр. 62. После «Гуламтан гали угин гэжи...» в варианте БКНИИ следует: «Гули хэтэн галха» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 40).

46. Стр. 62. «Ужи байһан...». Этой песни в варианте РО БКНИИ нет.

47. Стр. 62. «Бутэлсыт гэжи урябабди». После этого в варианте РО БКНИИ следует:

Идежи хуһан иденхэ мана
Идит гэжи урябабди.
Ехэ саган төрөги мана
Бутэлсыт гэжи урябабди.
Ужи байһан уранһа мана
Угыт гэжи урябабди.
Уган саган төрөги мана
Бутэлсыт гэжи урябабди.

Вкушаемую нами пищу
Поесть прося, пригласили.
На нашу материнскую свадьбу
Просья помощи, пригласили.
Стоя выпиваемую нами воду
Выпить прося, пригласили.
Нашу старинную белую свадьбу
Сыграть прося, пригласили,
(см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 41).

48. Стр. 63. «Помощь прося, пригласили». В варианте БКНИИ далее следуют песни:

Аяга тарак бэлэдэбэбди,
Аха торьё уктабабди.
Такши сага бэлэдэбэбди,
Табилган торо угтабабди.

Чашку тарак приготовив,
Старшую свадьбу встретили.
Маленькую чашку тарак приготовив,
Условленную (?) свадьбу встретили.

* * *

Унажи ерһэн уна тана
Уса дурэн харяк.
Урярар ерһэн ашид
Зурхэ ханса зургалыт.

Ваши подводы (верхом) приехавшие
Уедут в полном теле.
По приглашению приехавшие гости,
Пойте до полноты сердца.

Холожи ерэн уна тана
Хөбши дурэн харяк.
Хөтхөлжи ерэн худанут,
Зурхэ ханса загалыт.

Ваши подводы, запрягав, приехавшие
Уедут с полным брюхом.
Множество приехавших гостей,
Говорите от полноты сердца.
(см. РО БКНИИ, инв. №365 л. 41 и об.).

49. Вместо «Амба һаһи хулэжи» (стр. 63) в варианте БКНИИ читаем «Харин худанһа хүлэжи», т. е. «В ожидании сватов из чужбины» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 41 об.).

50. Стр. 63. «Крепость родства там». Далее в варианте БКНИИ помещены песни, отсутствующие в публикуемом тексте:

Улэ ебтэ толгожи гарха
Өлө шарга наран.
Өбөгөхи уря зугалха,
Хариһа ерэн худа.
Урдаһа толгожи гарха
Улан шарга наран.
Уряни маги зугалха,
Мани угин худа.

Хара дала гэхэн мана
Хара шулун оёрто.
Хамаг зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.
Уһан дала гэхэн мана
Улан шулун оёрто.
Улан зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.
Хөхө дала гэхэн мана
Хөхө шулун оёрто.
Хөхө зон гэхэн мана
Ума эхэ төрөлтө.

Сквозь облако света вышедшее
Сиво-желтое солнце.
Прежде стариков поющий,
Из чужбины приехавший сват.
С юга света вышедшее
Красно-желтое солнце.
По-прежнему (?) поющий
Наш ровесник сват.

Черное море, называемое нами,
Имеет дно из черного камня.
Весь народ, называемый нами,
Имеет рождение из утробы матери.
Водяное море, называемое нами,
Имеет дно из красного камня.
Люди и народы, называемые нами,
Имеют рождение из утробы матери.
Синее море, называемое нами,
Имеет дно из синего камня.
Множество народа, называемое нами,
Имеет рождение из утробы матери.
(РО БКНИИ, инв. №365, л. 42 и об.).

51. Стр. 64. «Т у р г э». В рукописи БКНИИ добавлено: «Эту березку в лесу вырубают с соблюдением обычая: березка должна быть прямой и ветвистой, притом, чтобы вершина была цельной, а не поломанной, сухих поломанных ветвей не должно быть. Прямая березка с цельной верхушкой означает, что новобрачные будут жить благополучно, ветвистая же, без поломанных и сухих веток, означает обилие потомков у вступающих в брак» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 42 об.).

52. Стр. 64. В рукописи БКНИИ после слов «вырезают треугольником» сказано: «что называется у бурят төнлөхө» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 43).

53. Стр. 64. «свой нож». В рукописи БКНИИ добавлено: «З э — родня по женской линии, одним словом, дети от дочери называются зэ. Дети от зэ называются з э н с э р» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 43).

54. «...иногда поют...» (стр. 65). Этой песни в рукописи БКНИИ нет.

55. «...зала зухэ». В варианте БКНИИ — зала залаха (РО БКНИИ, инв. №365, л. 44).

56. «...красного цвета». В варианте БКНИИ после этого следует: «Собака у прежних бурят, во время зэгэтэ-аба, когда они занимались звероловством, имела большое значение

— она была необходимым помощником в охоте и не однажды выручала в опасности, а потому на свадьбе, надевая на собаку красный ошейник, хотели ее сделать участницей общей семейной радости. У древних бурят собака пользовалась довольно высоким почитанием, о чем свидетельствует старинный обычай, ныне почти забытый. Прежние буряты, когда собака издыхала, клали ей в пасть жир или жирное мясо, чтобы душа собаки, так называемая хомхой, в загробной жизни была постоянно сыта. Кроме того, считалось большим грехом убить собаку. Тот, кто убьет собаку, не допускался к совершению обряда сасали барьха, не допускается и сейчас. В бурятских сказках сплошь и рядом встречается собака, которая носит название бөө-саган-нохой (где бөө значит «шаман», саган — «белый», нохой — «собака»), извещает хозяев о приближающемся несчастье или удаче» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 44).

57. «...повязывали также на крюк (дэгэ)» (стр. 66). В варианте БКНИИ поясняется, что обычай привязывать красную ленту на крюк (дэгэ) означает пожелание, чтобы у новобрачных постоянно было мясо (РО БКНИИ, инв. №365, л. 44).

58. «...з уни на я н х ат» (стр. 66). В варианте БКНИИ добавлено: «Кроме того, косы на правой стороне означают сыновей, а на левой стороне — дочерей» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 44 об.).

59. «На затылке... ко су» (стр. 66). В варианте БКНИИ добавлено: «к нижнему концу которой привязывают три или четыре золотые или серебряные монеты» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 44 об.).

60. Стр. 66. Вместо «полную женскую шубу» в рукописи БКНИИ сказано: «полную женскую одежду хормохо дэгэл» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 44 об.).

61. Стр. 67. «...ставят невесту и мать». В рукописи БКНИИ и далее добавлено: «В более позднее время расстилали выделанную белую конскую кожу, так называемый да г а т х а» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 45 об.).

62. Стр. 67. «... матери... кусков жира». В рукописи БКНИИ здесь имеется вставка: «Эти куски жира готовят прежде, кладут в чашку, которую покрывают платком; так в покрытом виде приносят и подают матери» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 45 об.).

63. «...бросает в огонь...». Здесь в рукописи БКНИИ на полях имеется примечание: «Невеста, если она прежде была замужем или родила ребенка, то перед тем, как бросать жир, снимает с лица покрывало и без покрывала бросает жир».

В тексте же после слов «в огонь очага» есть добавление: «Это означает приношение огню, которого невеста просит принять под свое покровительство и даровать ей счастье в супружеской жизни» (см. РО БКНИИ, инв. №365, л. 45 об.).

64. Стр. 67. «бросает прямо в грудь... свекра». В рукописи БКНИИ добавлено: «Если невеста не добросит или перебросит куски жира, то это считается худой приметой. Когда невеста бросает куски жира прямо на колени и в пазуху свекра, тогда присутствующие говорят: «Бросила хорошо! Жить будет счастливо!» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 46).

65. Стр. 68. «...х а я л г а». В варианте БКНИИ далее следует: «Иногда бросает сама невеста свекровке» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 46 об.).

66. Стр. 68. «С в е к о р...». В варианте БКНИИ «свекровь» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 46 об.).

67. Стр. 69. «...на огонь выливать масло». Далее в рукописи БКНИИ добавлено: «Это означает приношение огню, чтобы он покровительствовал новобрачным» (РО БКНИИ, инв. №365, л. 46 об.).

Свадебные обряды кудинских бурят (стр. 73). Статья публикуется впервые по черновой рукописи, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ (инв. № 280, тетр. 6, стр. 2-44).

Свадебные обряды нижеудинских бурят (стр. 87). Публикуется впервые по черновому тексту полевых записей М. Н. Хангалова, сделанных им во время поездки к ниж-

неудинцам в 1908 г., (фонд М. Н. Хангалова, Рукописный отдел БКНИИ. (инв. № 280, тетр. 15, стр. 26-38).

О шаманстве у бурят (стр. 92). Настоящая статья, являющаяся продолжением двух более ранних работ М. Н. Хангалова, помещенных в первом томе «Собрания сочинений» (Улан-Удэ, 1958 г. стр. 289—543), публикуется по черновой рукописи автора, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ, (инв. № 355, лл. 63—79).

Несколько слов о шамане (О кудинских шаманах) (стр. 111). Публикуется впервые по рукописи автора, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ. (Инв. № 356, лл. 180-192).

О теломыгии шамана (стр. 126). Статья публикуется впервые по рукописи автора, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ. (Инв. № 355, лл. 140—148).

Таинственные силы шаманов и шаманок (стр. 144). Статья публикуется по рукописи автора (см. Рукописный отдел БКНИИ, инв. № 358, лл. 176-189). Раньше не издавалась.

Душа (стр. 156). Статья печатается по рукописи М. Н. Хангалова, имеющейся в Рукописном отделе БКНИИ (инв. № 355, л. л. 263-267). Ранее издана не была.

Дополнение к статье «Душа» (стр. 162). Печатается по рукописи автора, хранящейся в Рукописном отделе БКНИИ (инв. № 355, лл. 268-270). Ранее не издавалась.

Духи-людоеды у бурят (стр. 164). (К вопросу о человеческих жертвоприношениях). Эта статья впервые была напечатана в журнале «Этнографическое обозрение» (М., 1896 г., № 1, стр. 129-137), откуда и перепечатывается в настоящем издании.

Суд заянов над людьми (стр. 173). Печатается по тексту, опубликованному в сборнике «Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири». Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по этнографии. Том II, вып. 2, Иркутск, 1890 г., стр. 15-17.

Предания и поверья унгинских бурят (176). Перепечатывается из сборника «Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири», Записки Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества по этнографии, том II, вып. 2, Иркутск, 1890, стр. 17-25.

Абай-Гэсэр-богдо-хан (стр. 182). Печатается по тексту, опубликованному в описании путешествия Г. Н. Потанина: «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884-1886». Том II, СПб, 1893, стр. 44-117.

Подвижная школа (стр. 264). Печатается по рукописи автора, имеющейся в БКНИИ, инв. № 385, лл. 125-129.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БРС — Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. — М., 1973.

Манж. — Манжигеев И. А. Словарь бурятских шаманистических и дошаманистических терминов. - М., 1981.

бох. — боханский говор бурятского языка

букв. — буквально

бур. лит. — современный бурятский литературный язык

бур. нижеуд. — нижеудинский говор бурятского языка

в бур. орф. — в бурятской орфографии

в знач. — в значении

диал. — диалект

д. б. — должно быть

зап.-бур. — западно-бурятский диалект бурятского языка

м. б. — может быть

см. — смотри

ср. — сравни

по Хан. — по Хангалову

УКАЗАТЕЛЬ БУРЯТСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В трудах М. Н. Хангалова довольно часто встречаются бурятские слова, выражения, поговорки, песни, шаманские призывания (последние в отрывках, а иногда и целиком). При этом автор передавал бурятские слова русскими буквами с добавлением для некоторых звуков бурятского языка диакритических знаков. Система транскрипции, применявшаяся М. Н. Хангаловым, отлична от русской академической транскрипции, употреблявшейся русскими востоковедами, и не может быть воспроизведена в настоящее время ввиду отсутствия в местных типографиях соответствующих транскрипционных знаков. Поэтому в нашем издании мы внесли частичные изменения в транскрипцию М. Н. Хангалова. Эти изменения касались следующих случаев: 1. Замена буквы *х* с двумя точками над ней на **h**; 2. Замена буквы **о** и **у** на **o** и **y**; 3. Замена буквы **o** на **o** в тех случаях, когда не было сомнений в произношении соответствующего слова; 4. Замена *о на э* в слове *моргон* — «меткий стрелок», «мудрый», «витязь», феодальный титул — на *мэргэн*. Почему М. Н. Хангалов во всех своих статьях, как изданных, так и оставшихся в рукописи, пишет *моргон* вместо *мэргэн*, непонятно, — во всех монгольских языках и в бурятских диалектах употребительно *мэргэн*; 5. Слово *тайлган* (шаманская религиозная церемония) у Хангалова встречается в двух формах иногда даже в одной и той же статье: с сохранением дифтонга *ай* в форме *тайлган* и без дифтонга с долгим гласным **a**, но без обозначения долготы, в форме *талган*. В нашем издании мы предпочли первую форму, как общепринятую в русской научной литературе, в бурятских же текстах мы оставили так, как написано самим автором.

К сожалению, М. Н. Хангалов в своей транскрипции не отмечал долготы гласных и не был последователен в применении принятой им системы, что привело к разнобою в передаче одних и тех же слов.

Оставляя в неприкосновенности написания бурятских слов, принятые М. Н. Хангаловым в его работах, за исключением оговоренных выше случаев, мы сочли полезным дать в конце настоящего тома указатель бурятских слов и выражений, указатель племенных и родовых названий, а также имен собственных и географических названий с указанием принятой в настоящее время орфографии в современном бурятском литературном языке.

Изменения и дополнения к указателю бурятских слов и выражений внесены Б. Д. Цыреновым, кандидатом филологических наук.

- абagalдай — маска, личина, изображающая шаманского божка 154; бур. лит. абагалдай (см. БРС, стр. 25).
- абан-ноён — «начальник охотников-облашников» 180; д. б.: абын-ноён.
- абaxa, абахай — «девица высокого происхождения», 183; бур. лит. абхай — зап.-бур. «девушка, барышня, царевна» (см. БРС, 26).
- ада — особая категория злых и добрых духов по шаманским верованиям 165. В БРС — «злой дух, нечистая сила, домовый, бес» (см. БРС, стр. 30).
- адухан — скот 47; бур. лит. адухан.
- айга — «долбленая чашка из дерева» 39; бур. лит. аяга — «чашка, стакан».
- акталха — «кастрировать скот» 177; бур. лит. агталха — «кастрировать, оскопляют».
- алда орхо — 91; по всей видимости, айлда орохо — «войти в семью» (в данном случае речь идет о невесте, вступающей в семью жениха).
- алтан сэжитэ, мөнгөн бөхөтө — «с золотой грудью, серебряным задом» 204; бур. лит. алтан сээжэтэй, мүнгэн бүхэтэй.
- алтан терьме — «золотая мельница» 224; д. б.: алтан тээрмэ.
- алтан тобша жажилжи яба — «жуй золотую пуговицу» (букв., ходить тебе и жевать) 25; бур. лит. алтан тобшо жажалжа яба.
- альбин, альбины — особая категория духов 194, 195, 201, 202, 224, 234.
- альбини суглан — «собрание духов-альбинов» (Манж.) 116; бур. лит. альбанай суглаан, альбануудай суглаан.
- ами — «жизнь, дыхание» 157; бур. лит. ами (н).
- ами гара — «испустил дух, умер» 157; по Хан. — «жизнь вышла»; бур. лит. амя гараа.
- ами гэгэ — «испустил дух, умер» 157; по Хан. — «жизнь потеряна»; бур. лит. амяа гээгээ.
- ами тахалха — «умерщвлять, убивать» (букв., прервать жизнь) 157; по Хан. — «отобрать жизнь» бур. лит. ами тагалха.
- амин — 157; см. ами.
- амитхаха — зап.-бур. «дать дыхание (в знач. оживить)» 157, «дышать»; по Хан. - бур. лит. амидхаха.
- амхан - 133, 138; см. амхан.
- амһан — «название кушанья, приготовлявшегося из молока и зерен» 133; бур. лит. амһа (н); по Хан. «название блюда, приготовлявшегося из бээн и зерен хлеба».
- ан хужи бурханда ашта тушибэ — «живя безмятежно, надеются на благодетельных бурханов» 258; бур. лит. анһуужа, ашата бурхандаа түшэбэ.
- андалдата — «обменный, бескалымный (о браке)» 82, 83; в бур. орф. андалдаата.
- анахай — «злой дух» 154; бур. лит. анахай.
- анахай идег — «пусть съест анахай (злой дух)» 154; бур. лит. анахай эдиг.
- ара золтон дэгэл өмөтхө, аманда золтон адуһа идехэ — «на спину счастливый шубу надевает, ртом счастливый скот ест» 48; д. б.: арада золтон дэгэл үмдэхэ, амандаа золтон адуһа эдихэ.
- аранга — «помост, на котором хоронят шаманов» 96.
- аранга ехэ өбэртө — «как аранга, имеющий большие рога» 96; д. б.: аранга ехэ эбэртэ.
- арата — «хищники» 20; должно быть: араатан.

арбин — жир на брюхе животного 219; бур. лит. арьбин.
арилгаха — бок. «кастрировать скот», 177; в БРС, стр. 59 — арилгаха.
арса — молочный продукт, род творога, получаемого посредством кипячения кислого молока 39; бур. лит. аарса(н).
архилгаха — «поить вином, угощать» 48; бур. лит.: архи уулгаха; по Хан. — вино пить.
архидашит — «кутилы, пьяницы» 48, 82; бур. лит. архидашад.
атхан сөмөгөн — «трубчатая локтевая кость» 87; бур. лит. адхаал сэмгэн; по Хан. — лытка.
атхар дурэн жидо — полная пригоршня пихты 148; д. б.: адхаар дүүрэн жодо (?).
аха — «старший брат» 126.
аханут — старшая группа заянов 126; бур. лит. аханад. Аханад — почтительное название духов давно умерших местных шаманов (Манж., 21).

Б

бабаган онгон — «медвежий онгон» 171; бур. лит. баабгайн онгон.
багин — «богатый» 103; бур. лит. баян.
балгаха — «дарение» 69; бур. лит. бэлэг бариха.
балгур абаха — «получать подарки» 91; бур. лит. бэлэг бариха.
баран — «подставка для сундука» 207, 246, 265; бур. лит. бараан — мебель, пожитки, скарб.
баруни тала — 69; см.: барун тала.
барун тала — «западная сторона юрты» 58; бур. лит. баруун тала.
баруни ерөн хат — «90 западных хатов» 60; бур. лит. баруунай ерэн хад.
барьха — здесь подносить, подавать 71, 83; бур. лит. бариха; по Хан. — держать.
басага — девушка 53, 58; бур. лит. басаган; по Хан. — девица.
басага хоргодулха надан — «вечеринка у невесты» 53, 58; бур. лит. басага хор-
годуулха наадан.
басагани надан — «девичник» 87; бур. лит. басаганай наадан.
басагахи гэр — «юрта невесты», 68; бур. лит. басаганай гэр.
батар — «богатырь» 200, 201, 219, 232, 240, 254, 255, 260, 261; бур. лит. баатар.
бахан тама — «лягушачий ад» 226; бур. лит. бахын тама.
башалак — «мешок» 246; в существующих словарях нет; в бур. орф. башалаг.
бишихахи гэр — «юрта молодых» (букв., юрта маленьких) 68; бур. лит. залуушуу-
лай гэр.
бишихахи надан — «игрища молодых» (букв., игра маленьких) 53.
бодолго бохо — «подвязывать ремешки» (у унгов) 29; в бур. орф. боодолго боохо.
бозо — барда (гуща, остающаяся после перегонки молочной водки) 36, 39.
бок-угэй алхихо — «перешагнув, не насоривши» 184; в бур. орф. боггуй алхаха.
бөһө андалдаха — «меняться поясами» 47; бур. лит. бэһэ андалдаха.
бөхөни шөрмөхөн — «жилы вшей» 224; бур. лит. бөөһэнэй шүрбэһэн.
бөте — подобно 58; бур. лит. бутэ или мэтэ.
бохон — шаманёнок; 179; бур. лит. бөөхөн.

бөхөни тама — шивый ад; бур. лит. бөөһэнэй тама.

боржи — «чеканный»; бур. лит. боржо (н).

бохон — см. бөхөн.

будал утха — одно из шаманских происхождений 114, 115; бур. лит. буудал удха.

бумал-бурхан — явленный, спустившийся бурхан 74; бур. лит. буумал бурхан.

бумал шулун — аэролит, или метеорит (Манж., 31) 115, бур. лит. буумал шулуун.

бургуд — орел 93; бур. лит. бүргэд.

бурьтак — нечистый 184; бур. лит. буртаг.

будан — просо 58; д. б.: будаа.

бударактын — распространитель 58; д. б.; бударакты.

бурхан — бог 65.

бүрхэг — пасмурный 79.

бэрэ — невестка 69; бур. лит. бэри.

бэрэ урулха — вводить (в дом, принимать в дом) невестку 69; бур. лит. бэри оруулха.

Г

газя гаргаха — название древнего обычая наказания провинившихся 98; бур. лит. газаа гаргаха (?).

гал тама — «огненный ад» 226.

галда тохо отхаха — название обряда подношения масла огню 91; бур. лит. галда тохо адхаха.

галда тохой атхаха — см. галда тохо отхаха 69.

галши — главный распорядитель облавной охоты 98, 126, 128, 145, 149, 150, 153, 161, 172.

ганза — трубка (курительная) 216.

гохон — «красавица, красивая» 183; бур. лит. гоохон; по Хан. — «красота необыкновенная».

гули — желтая медь 216; бур. лит. гуули (н).

гур-намата хуһан — 176; д. б.: гур намаата хуһан.

гур-һала — вихоревы гнезда 176; в бур. орф. гур халаа.

гурһан — свищ 39; бур. лит. гуурһан.

гүрлэхэ (гүрэлхэ) — обвертывать березовыми ветвями хурай; см. бур. лит. гурлэхэ медведя 45, 47.

Д

дабирхан тама — «дегтярный ад» 226; бур. лит. дабирхайн тама.

дархан — кузнец 103.

добун-холм, бугор 250; бур. лит. добуун.

добун долон хан — семь начальников бугра 250; бур. лит. добын долоон хан.

долё — обряд замены души больного человека душой к.-л. животного или другого человека 104, 166-169, 170.

дөли — камни очага; бур. лит. дүли.

долёхо — отдать за себя другого человека 170; д. б.: долихо (?).

домбо — кувшин 63.
домок дун — «гимн, хвалебная песнь» 52; бур. лит. домог дуун.
дорлик — название легендарной книги 183; бур. лит. дорлиг — «полоумный».
дугуй — 78; в словарях нет.
дуһаху — 56, 83, 88, 89; бур. лит. дуһааха — «капать»; см. также духаха.
духаха — возлияние вином во время свадебного обряда 108, 152; бур. лит. дуһааха — капать.
духарян — обычай пить вино из чарки, передаваемой по очереди по кругу 64, 88; бур. лит. духарян.
дөлөн — пламя 183, 194; бур. лит. дүлэн.
дөнөн — четырехгодовалый 183; бур. лит. дүнэн.
дулан газар — «теплое место» (здесь: страна) 262; бур. лит. дулаан газар (дулаан орон).
дэбтэсэ — мазь 33.
дэбтэхэ — пропитываться водой, промокать; делаться мягким от сырости 35.
дэгэ — крюк 66; бур. лит. дэгээ.
дэлхэ дээрэ долоон төрөл — «семь рождений на земле» 176; д. б.: дэлхэй мифологическая классификация животного мира у древних бурят (Манж., 44). 7-е рождение, которое информант М. Н. Хангалова не мог вспомнить, находим в словаре Манж. — модон түрэл (древесное рождение).
дэрбэлгэ — «белая волосаяя веревка» 140-142; в словарях нет.
дэши — вверх 43; бур. лит. дээшэ.
дэши барьха — «брызгать в огонь вино» 43, 44, 45, 46, 47, 56, 62, 83, 87, 88, 90; бур. лит. дээшэ бариха.

Е

ергэлтэ — часть мяса, привезенного на свадьбу, которую гости берут домой 82; в бур. орф. эрьелтэ (?).
ерөн еһэн адухан, ехэ төмөөн — «девяносто девять голов скота, большой верблюд» 47, 50; бур. лит. ерэн юһэн адууһан, ехэ тэмээн.
ехэ оргой — большой плащ 147; по БРС — железный шаманский шлем с рожками; бур. лит. ехэ оргой.
еһон хала — «девять ветвей» 260; д. б.: юһэн һалаа.
ехон шухан тэнгэри — девять кровавых тэнгэри, 165; бур. лит. юһэн шуһан тэнгэри.
ехон шухан хан — девять кровавых хатов 165; бур. лит. юһэн шуһан хад.
еһон жильбин тэнгэри — 9 жильбин тэнгэри 93; д. б.: юһэн жилбин тэнгэри.
ётён — червь 176; бур. лит. үтэн.

Ж

жидо — 137, 139, 150; см. жодо.
жидото бөө — шаман, имеющий жидо 137; д. б.: жодоото бөө.
жили — камедь 176; бур. лит. жэли.
жирэлгэн — марево, дымка, мираж 100; бур. лит. зэрэлгээн; по Хан. — мерцание в воздухе.

ж о д о — пихтовая веточка 148; ж о д о о.
ж о д о у г э й б ө — «шаман без жодо» 148; бур. лит. жодоогуй бөө.
ж о л о — повод, поводья 134, 149, 151; бур. лит. ж о л о о.
ж о л о ш и — «держатель повода» 134, 149, 151; бур. лит. ж о л о о ш о.
ж у л д э — «осердие» (то же, что һ у р а й) 167; бур. лит. жүлдэ — «ливер жертвенного животного (легкие, дыхательное горло, сердце)».

3

з а л а — кисть из лент 65; бур. лит. з а л а а.
зала зүхэ — обычай повязывать ленты или платки всем родным жениха 65; должно быть: залаа зүүхэ.
залалха — дарить 70.
залухи гэр — «юрта молодых» 68; должно быть: залууһи гэр.
замуту эмэтэй унтахагбэб, хара архи ухабэб — не лягу спать с паршивой женщиной, не буду пить водку (букв., черное вино); вместо слова замуту д. б.: х а м у т у; бур. лит. хамуутай эхэнэртэй унтахагүйб, хара архи уухагүйб.
з а я н — название низших божеств 55, 60, 61, 62, 96, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 113, 115, 123, 127, 130, 131, 150, 151, 152, 156, 160, 161, 164, 166, 174.
з о г д о р — длинная шерсть на шее у верблюда 47.
зони мяхан — «общественное мясо» 68; д. б.: зоной мяхан.
зони төхөрөн — «общий круг» (гостей) 78; д. б.: зоной түхэрээн.
зэгэтэ-аба — общественная облава 9, 49, 50, 52, 53, 75, 80, 98, 126, 127, 128, 129, 145, 146, 149, 160, 162, 163, 209, 216, 274, 276, 280; бур. лит. зэгэтэ аба.
з э н — косточка на конце стрелы, при основании наконечника 253, 262; бур. лит. зэн.
зэнээр — возможно, здесь опечатка — д. б.: зээнсэр — правнук по женской линии 64.
з э т — красная медь 183.
з у д х и — сон 156; бур. лит. з ү д э н.
зули татха — 143.
зун жоргон адуһан, зогдорто төмөөн — «сто шесть голов скота, верблюды с шерстью зогдор» 47; должно быть: зуун жоргоон адууһан, зогдорто тэмээн.
зун тала — восточная сторона 69; должно быть: зүүн тала.
зэхэ гарһан зэнээр — см. зэхэ гарһан зэнсэр.
зэхэ гарһан зэнсэр — правнук, ребенок, родившийся от внука, ребенка дочери 64; бур. лит. зээһээ гараһан зээнсэр.
зя-гаргаха — «изгонять зя» 172; должно быть: заяа гаргаха.
з я — человеческие фигурки, изготовляемые шаманами для магических манипуляций и изображавшие нечистую силу 172; бур. лит.: з я а.
з уни наян хат — 80 восточных хатов 66; бур. лит. зүүнэй наян хад.
з у р а г — рисованный онгон 14, 146.
з э , бабай толготой — (?) 90.
зурагтан — название рисованных онгонов 17.
зүхэли гаргаха — религиозный обряд, при котором «вывешивают шкуру жертвенного животного» 110, 167.

зүрхэлхэнтүн бө болхо — старательный человек делается шаманом 149; д. б.: зүрхэлхэн хүн бөө болохо.

И

иден — еда, пища 96; бур. лит. э д е э н.

иде гэр тахиха — приносить жертвоприношение пищей 167; должно быть: э д е э гээр тахиха.

ид э л г э — угощение (букв., кормление) 82; бур. лит. э д е э л г э (н).

и з б а н — деревянный сосуд с горлышком 63.

К

кочерик — русск. сибирск. «двухгодовалый теленок» 14; происходит от бурятского хашараг.

куб сур — подстилка в виде коврика (из шкур с лошадиных ног) 90; бур. лит. хуб с ар.

ку ш у н — 22, бур. лит. ху ш у н.

к ы р ы к — семейные жертвоприношения 118, 119, 128, 159, 166; бур. лит. хэрэг; по Манж. (стр. 93) — это «общее название всех разновидностей шаманских обрядов жертвоприношения».

Л

л о с у д — божества вод, озер и т. д. 200; бур. лит. лусад, лусууд.

М

м а н а н — туман 184; бур. лит. манан.

мангатхай — мифическое чудовище 194.

м а р ж а н ы — 49, 66.

минаши — назв. шаманского сана (букв., человек с кнутом) 148; бур. лит. минааша.

м а н з а н о м о — плоский и широкий лук 248.

минган галаби мултарасара эндэхэн бугара — «до окончания тысячи веков отсюда не выходи», 232; бур. лит. мянган галабаймултартар (?) эндэхэн бү гара. могон тама — «змеиный ад» 225; д. б.: могойн тама.

мори барюхан (мори барюуха) — конюх (стременной) 134; бур. лит. мори ба-рюуһан.

м о ш о к — кисть 135.

мура бозо — зап.-бур. бурда 36; в бур. орф. мураае бозо.

мургулжи — заставляя молиться (поклоняться) 85; бур. лит. мүргүүлжэ.

мургулхэ — заставляя молиться, поклоняться 79; д. б.: мүргүүлхэ.

мургүмжин архи мяхан — жертвенная водка и мясо 64; д. б.: мүргэмжын архи мяхан.

мушхурга — кожемялка 32, 35; бур. лит. мушхуурга.

мэндэ — приветствие 88; д. б.: мэндэ!

мэндэ, худанууд — здорово, сваты 88; бур. лит. мэндэ, худанууд.

мэнхэни оёр — дно посуды 83; д. б.: мүнэхэнэй оёр.

мэнхэни оёр — см. мэнхэни оёр.

мэшэн дэрэ моргон сугла хэ — собрали мудрое собрание на Пляедах 112; бур. лит. мүшэн дээрэ мэргэн суглаа хээ.

мяха — мясо 146; бур. лит. мяхан.

мяхабши — шаманская шапка 145, 146, 149, 153, 155; д. б.: майхабши.

мяхабшияха — снять шкуру с туши животного; вместе с кожей с головы 146.

мяхан иден — мясная пища 196.

мяхан тёрёл — букв., мясное рождение (одно из семи) 176; д. б.: мяхан түрэл.

Н

надан — игрища, игра 53; бур. лит. наадан.

надашин — игроки, участники игрища 76; бур. лит. наадашан.

найжи — шаман-покровитель ребенка 131.

наран — солнце 184.

нарһан — сосна 176.

нарин-улан — назв. доспехов Гэсэра 183; д. б.: нарин улаан.

наян табан адуһан, намтар төмөөн — 85 голов скота, низенький верблюд 47; бур. лит. наян табан адууһан, намтар тэмээн.

ногон — трава 184; бур. лит. ногоон.

ногон тёрёл — «травяное рождение» 177; бур. лит. ногоон түрэл.

ноёхи суглан — небесная канцелярия, нечто вроде суда заянов 173-175; бур. лит. ноёдой суглаан.

нохой хани урам — «собачье царство» 177; бур. лит. нохойн хаанай орон.

нэгэ хара хэрмэн, нэгэ алда хара хур албан — налог в одну черную белку, в один черный бычий ремень 114; бур. лит. нэгэ хара хэрмэн, нэгэ хара хур албан.

нэмэри — «прибавление, помощь» 87; бур. лит. нэмэри.

нэрьер утха — происхождение шамана от предка, пораженного молнией 115; бур. лит. нэрьээр удха.

нэрьер утхатай — 114; см. нэрьер утха.

О

ойн эжин — хозяин леса 43; бур. лит. ойн эзэн.

онго тахиха — принести жертву онгонам 75, 76; бур. лит. онго тахиха.

онго урулха — назв. религиозного обряда, совершаемого во время тайлгана 137; бур. лит. онго оруулха.

онгон — изображение божества на материи, из шкурок животного или из дерева; дух-гений 94, 108, 109, 130, 154.

онгон оро — пришел в экстаз (о шамане) 152; бур. лит. онго ороо.

онгони дун — песнь об онгонах 83; должно быть: онгоной дуун.

онгони мяхан — «мясо онгонов», мясо, оставляемое во время свадебного обряда под тургэ 68; должно быть: онгоной мяхан.

онгони өбөгөн (өбөгөд) — «старик от онгонов», представляющий онгонов во время свадебного обряда 75, 79, 85; д. б.: онгоной үбгэн (үбгэд).

онгони халбага — «ложечка, пристегиваемая к онгону» 138; должно быть: онгоной халбага.

онтхоши хун олбок пудушка дэрэ, души хун дубун дэрэ — сказочник на олбоке-подушке, певец на пригорке (посл.) 264.

орго ама тахалха — букв., челюсть — рот оторвать 172; в бур. орф. үргэ ама таһалха.
оргой — шаманский плащ 114, 145, 146, 147, 149, 153, 154, 155.
орёдһөн — кольцо 66; в бур. орф. орёодоһон; бур. лит. бэһэлиг.
ороло-бэетэн — «половиннотелье» 99; д. б.: үрөөлэ бэетэй.
орорши, аб! — «благопожелатель, возьми!» 90, 91; бур. лит. үрээлшэ, аб!
орхо — входит 91; бур. лит. орохо.

О

өбө — бур. нижнеуд. картуз у берестяной люльки 37.
өргөвши — охотничья доска 43, бур. лит.: үргэбшэ — заплечный мешок, котомка, ранец.
өлгөсө — 91; в бур. орф. үлгэсэ.
өрөөр — благопожелание, 64, 65; бур. лит. юрөөл.
өрөши өбөгөн — старец-благопожелатель 64, 66, 67, 68, 85, 90; бур. лит. үрээлшэ үбгэн.
өрөши, аб — «возьми, благопожелатель» 66, 90, 91; см. орорши, аб.
өһөн дархаши-батар — 9 кузнечных богов 200; бур. лит. юһэн дархаша баатар.

П

пиншала — зап.-бур. пляска 53; по Хан. — игры на гулянье у невесты.
пиншадалха — зап.-бур. «плясать» 53; бур. лит. хатарха.
пулад залалха — дарить платки 70; бур. лит. пулаад залаха.
пудушка — подушка 264.

С

сагалха — угощать молочными продуктами 53, 56, 58, 64, 69; бур. лит. сагаалха.
саган — молочные продукты 17, 77, 137; бур. лит. сагана (н).
саган дала — белое море 195; д. б.: сагаан далай.
саган бө — белый шаман 122; бур. лит. сагаан бөө.
саган утха — шаман, имеющий белое происхождение (т.е. белый шаман) 121; бур. лит. сагаан удха.
саламат — 17, 81, 133, 134; вареная сметана.
салзаха — белеть (о выделяемой коже) 32, 35; бур. лит. сайраха.
саната — задумчивый 182; бур. лит. һаната.
сангиха — утолить жажду (?); покапать (?) 132; ср. бур. лит. сангаха — томиться жаждой (БРС, 384).
сасал — 137; см. сасали.
сасали барьха — совершать возлияние тарасуном 196; бур. лит. сасали бариха.
сасали — обряд брызгания молоком 196; бур. лит. сасали бариха.
сатани суглан — «сатинское присутственное место» 173, 174; бур. лит. сайтанай суглаан.
сахилга мяхан — мясо, предназначенное жениху 87; в бур. орф. һахилга мяхан.

сахимжа (сахимжи) — мясо, сохраняемое для жениха 68, 71, 87.
сахямжи — 91; см. сахимжа.
сохон тама — жучий ад 226; бур. лит. сохын тама.
с о р ж и-л а м а — в монгольских дацанах — заместитель настоятеля монастыря, а в бурятских — настоятель 197, 212, 213, 227, 228, 235.
с у г л а н — собрание; здесь: присутственное место 106, 115, 173, 174, 175; бур. лит. суглаан.
с у л м а р — инструмент для проделывания отверстий 200; в бур. орф. суулмар, возможно от суулаха (диал.)//с о о л о х о — пробивать отверстие; бур. лит. с о о л у у р.
с э б д э к — твердый, аккуратный 184; бур. лит. с э б д э г — оледенелый.
с э б д э г х у н — твердый, аккуратный человек 184.
с э г э н — светло-голубой 184; бур. лит. с э г э э н.
с э р г э — столб, коновязь 90.
с э р г э-м о д о н — дерево-коновязь 134.
с э р т э й — грешный 71; бур. лит. с э э р т э й.
с э с э к — цветок 184; бур. лит. с э с э г.

Т

табхансаг — крынка для молока (здесь — берестяная) 38; бур. лит. т а б х а а н с а г.
тайлган — жертвоприношение духам-хозяевам местных гор, рек, озер и ключей, устраивавшиеся родом или союзом родов в теплое время года 40, 41, 116, 119, 128, 137, 159, 166, 167.
т а л ь х и — кожемялка 31, 33, 34, 35.
т а м а — ад, преисподняя 226, 231, 232.
тамхини надан — «табачная игра», гулянье при проводах невесты 53; в бур. орф. тамхинай наадан.
т а р а к — простокваша 58, 81, 82, 133, 159.
тарасун — молочная водка 17, 42, 43, 53, 55, 60, 61, 74, 76, 77, 78, 81, 82, 83, 85, 106, 123, 124, 128, 129, 130, 131, 133, 134, 138, 140, 141, 145, 158.
таряан боте тарактын — как хлеб и просо размножьтесь 58.
тахигар — кривой, изогнутый 218.
т о б о р — «колотушка» 141.
того шабулха 91.
толи — зеркало 93, 110.
төхөрөн 82, см. төхөрөн.
төхөрөн — круг, который образуют свадебные гости на улице 74, 75, 78, 82, 83.
төмөр өргө — железная люлька 248; бур. лит. түмэр үлгы.
т о й б о р 145, 151, 153; см. также т о б о р.
тохорён — назв. одного из обрядов во время свадьбы, когда гости выходят на улицу и садятся в круг 82, 108; см. также төхөрөн.
төлө — вареная баранья голова, которую подносят почетному гостю 77, 79; бур. лит. төөлэй.
төмөөн — верблюд 47; бур. лит. тэмээн.
тунгурак — особая посуда для сушки шкурок соболя 23.
т у р г э — ветка березы, употребляемая при шаманских обрядах 64, 67, 68, 70.
т у р г э — место, где сидят участники тайлгана 129, 134, 140, 142, 143.

туру – первый, передний 56.
туруши — всадник, едущий впереди свадебного поезда невесты 56, 57, 58, 86, 87, 88;
бур. лит. түрүүшэ.
тэбши — корыто 39, 72; бур. лит. тэбшэ.
тэнгэ см. тэнги.
тэнги — опорные столбы в юрте 56, 57, 58, 69, 70.
тэнгэри — дневное, видимое небо 92, 93, 95, 101, 150, 152, 165, 166, 180, 182, 183, 256.
тэнгэрин дархад — небесные кузнецы 93; бур. лит. тэнгэрийн дархад.
тэнгэри дудаха — жертвоприношение небу; д. б.: тэнгэри дуудаха.
тэнгэрин ехон дархад — девять небесных кузнецов 262; бур. лит. тэнгэрийн юһэн дархад.
тэнгэрин онгон — небесные онгоны или зайны 117.
тэрэмэ — «мельница», 224; д. б.: тээрмэ.

У

убалга — «теломытие», т. е. посвящение шамана 110.
уктамжи — встреча, встречный 56, 77, 87, 88; бур. лит. угтамжа.
уктаха — встретить 56; д. б.: угтаха.
унги эхэ саган бө — унгинский большой белый шаман 122; д. б.: Үнгын ехэ сагаан бөө.
ундан — питье, напиток 196.
урам — манок (для приманивания изюбрей) 26.
утаһан — шелковая нить 137.
утха — происхождение 115, 116.
утуг — поливной луг 13, 14, 41, 42, 108; бур. лит. үтэг.
ухан-убалга — водяное посвящение (шамана) 110; д. б.: уһан убаалга.
ухан-хат — водяные ханы или хаты, божества более низкой категории, чем тэнгрии 95; см. также уһан хат.
ухтамжи — встреча 87; см. уктамжа.
ухэ унгулхэ — заставить глотать жир 80; бур. лит. өөхэ үнгүүлхэ.
ухэ хуртэхэ — потчевать жиром 80; должно быть: өөхэ хүртөөхэ.
ухэн — жир 80, 176; бур. лит. өөхэ (н).
ухэ хайха — бросать (в огонь) жир 68, 84; бур. лит. өөхэ хаяха.
ухэн тёрёл — «жировое рождение» 176; должно быть: өөхэн түрэл.
ухэри архи — вино за скот 70.
уһан тёрёл — «водяное рождение» или тэрхэн тёрёл (икряное рождение): рыбы, которые из икры 176
уһан хат — водяные цари 95; бур. лит. уһан хад.

Ү

үдэ харха — «караулить дверь» 67; бур. лит. үүдэ хараха.
үүдэн тала (үдэн тала) — «у дверей», «сторона юрты у дверей» 67, 78, 79; бур. лит. үүдэн тала.
үхэ хайха — 84; см. үхэ хайха.
үхэ хүртэхэ — потчевать жиром 80; см. үхэ хүртэхэ.
үхэри архи — «водка (как выкуп) за скот», обычай, соблюдаемый во время свадебного обряда 82.

Х

- хабига — коса 66, 84, 106; см. һабига.
хабахг — коробка из бересты 84.
хадак — колчан 247; бур. лит. һаадаг.
хадам — родные по мужу или жене 67.
хадам эхэ — свекровь (или тёща) 79, 80.
хадамда мөргө — обряд поклонения родным жениха во время свадьбы 84; бур. лит. хадамда мүргэхэ.
хадамда мөргөхө 84; см. хадамда мөргө.
хадамда мөргөдөн 85; см. хадамда мөргө.
хадани эхэ 79, 80; см. хадам эхэ.
хадаша онго таиха — (опечатка, д. б.: та х и х а) обряд принесения в жертву кобылиц, совершаемый женихом во время свадьбы 83; бур. лит. хадаша онго таиха.
хадалан өбөгөн — зайны, горные онгоны 115; бур. лит. хада уулын үбгэн.
хал — угощение, с которым за день до свадьбы приезжают родители жениха к родным невесты 77; в бур. орф. м. б. һал (?).
хамниган эжи — эвенкийка (тунгуска) 113.
хан — царь, правитель, божества — сыновья тэнгэринов 93, 263.
хангай — обширный 107.
хара архи — водка, спирт 119.
хара дала — «черное море» 195; д. б.: хара далай.
хара эхэ һаната 195; д. б.: хара эхэ һанаата.
хара хэрмэн — черная белка 114; бур. лит. хара хэрмэ (н).
харабсар — орел 220, 221.
харайн бө — черный шаман 122; д. б.: харын бөө.
харьмяхан — шаманские духи низшей категории 158; д. б.: һарьмяхан (?).
хариюу — отдаривание 78; должно быть: хариюу.
хариур — запрещение 139; д. б.: хариур.
хатарха — назв. народного танца; танцевать хатар; рысить 49, 50, 51, 53, 54, 55, 58, 64, 74, 77; д. б.: хатарха.
хату жилдэ — в тяжелые годы 259; д. б.: хатуу жэлдэ.
хахюхан — талисман 164; д. б.: һахюхан.
хаһи суглан — присутственное место 174; д. б.: хаһи и суглан.
хаялга — кусок материи, который во время свадебного обряда кто-нибудь со стороны невесты бросает отцу жениха 68, 69, 70.
хинса — кузнечный инструмент, которым из огня достают раскаленное железо 200.
хиру — иней 184; бур. лит. хариуу.
хихур — скребок 94.
хобуши — сплетник 100.
хобуши изи — сплетница 100; д. б.: хобушан эзы.
хобши — «тетива лука», эд. «середина» 179.
хоёр одон — две звезды 45; бур. лит. хоёр одон.
хоймор тала — северная сторона; почетное место в юрте 67, 69, 75, 76.
хоймор тэнгэ — столб в юрте, находящийся на северной стороне 56, 68, 70; бур. лит. хоймор тэнги.

хокшихи онгон — старушечьи онгоны 108; д. б.: хүгшэхи онгон.
 хол уяха — связывать ноги 130, 135; д. б.: хүл уяха.
 хол шударга — «ножной крюк» 31, 32; бур. лит. хүл шударга.
 холболо — колокольчик, погребушка 142.
 холобши — жестяные кружочки, привешиваемые как украшение на груди онгонов
 46, 66.
 хомхой — душа пропавшей (подохшей) собаки 100.
 хорбо 170; см. хорьбо.
 хорхон тама — «червячий ад» 226; д. б.: хорхойн тама.
 хорьбо — шаманская трость 117, 170; бур. лит. һорьбо.
 хорюр — запрещение 164; см. харюр.
 хошогин хойто — за занавесью 58; бур. лит. хүшэгэ — «занавес, полог» (БРС,
 стр. 621); хүшэгэйн хойно.
 хөширгө — часть берестяной люльки 38; в бур. орф. хүбшэргэ (?).
 хөтөл — перевал 262; бур. лит. хүтэл.
 хөтхө-онгон — сложный онгон, представляющий изображение многих онгонов 64;
 в бур. орф. хүдэхэн онгон; бур. лит. хэдыхэн онгон.
 хөхө — становится мягким, вспухать, размягчаться 32; д. б.: хөхөх (?).
 хөхө дала — синее море 195; д. б.: хүхэ далай.
 хөшөгө — полог 78; бур. лит. хүшэгэ.
 ху — человек 168; бур. лит. хүн.
 худа — сват 88, 89.
 худан дун — сватова песня 84; бур. лит. худын дуун.
 ху дугу — сватья 88, 89; бур. лит. худагы.
 хумха — весенний дух 127.
 хумхата — одержимый хумхаем 100.
 хун — олово 138, 139.
 хун-долё — перенесение болезни на другого человека, взамен больного, с помощью
 шаманских заклинаний 167, 168, 170; д. б.: хун долёо.
 хундэ төмөр — ружье, букв. «пустое железо» 114; д. б.: хүнды түмэр.
 хунсаг — чашка из бересты, березовые корзины 46.
 хуни мяха шуханда обтохыма — так ему хочется человеческого мяса и крови 165.
 хунхэ хурулха — обряд «возвращения» души 157; д. б. хүнэһэн хуралха.
 хуншулхэ — назв. охотничьего обряда 20; д. б.: хуншуулха.
 хур — музыкальный инструмент 176.
 хур — ремешок, в который стреляют из луков во время состязания, мета 114; бур. лит.
 һур.
 хура убалга — «сухое теломытие» или посвящение шамана 124, 148; д. б.: хуурай
 угаалга.
 хурай — общественное жертвоприношение без кровавых жертв 140, 141.
 хурагшан — особая группа заянов 145.
 хурулха — приманивать душу 153, 156.
 хурунга (хурунгу) — молочный напиток, вроде кумыса 33, 108, 129, 137, 167; бур.
 лит. хүрэнгэ.
 хуряли бө — простой человек (не шаман), делающий брызганье во время обряда 73;
 должно быть: хурялын бөө.
 хухурун — березовые побеги 124, 125.
 хуни мяха шуханда хухэхима — желающий человеческого мяса и крови 165.
 хүргэши дун — песнь в честь онгонов 71; д. б.: хүрэгшэ дуун.

хуруг — священное изображение 147; д. б.: хүрэг.
хүтүни тама — «морозный ад» 226; д. б.: хүйтэнэй тама.
хүл — хвост 22; бур. лит. һүүл.
хүрүнгэн хойтхи онгон — онгон, стоящий позади курунги 107; д. б.: хүрэнгэнэй хойтохи онгон.
хэдэргэ — кожемьялка 31, 32, 34.
хэрмэн — белка 114.
хэсэ — шаманский бубен 139, 141, 145, 147, 148, 149, 151, 153.
хюрхани тама — «тама маленьких вшей» 226; д. б.: хюурһанай тама, где хюурһа(н) — «гнида».

Һ

һаба — сосуд 63.
һабаши өбөгөн — виночерпий 63; бур. лит. һабаша үбгэн.
һабига — коса девичья 66, 84, 106.
һабхак — привески на косах 66; бур. лит. һабхаг.
һал — свадебный поезд и угощение жениха 73, 74, 75, 76, 77.
һан — казна 19, 20.
һаната — имеющий мысли, обладающий характером 182; см. саната.
һаншин — украшения из монет и маржанов, прикрепляемое к косичкам 66; бур. лит. һаншаг(?).
һара дэрэ һайн сугла хэ — собрали на луне хорошее собрание 112; бур. лит. һара дээрэ һайн суглаа хээ.
һарабши — навес 66, 67, 68; бур. лит. һарабша.
һарха — водка или вино 63, 64, 65.
һарха домбо — кувшин 63.
һархаши өбөгөн — виночерпий 63, 64; бур. лит. һархаша үбгэн.
һарха дүрэ — вино закончилось 63; следует: һарха дүүрээ.
һарьмяһан — низшие духи 158.
һина — охотничья доска 43; в бур. лит. нет.
һур харбаха — состязаться в стрельбе из лука 248.
һурай — голова жертвенного животного с дыхательным горлом и легкими, отделенные от остальной туши 45, 72, 133; бур. лит. жүлдэ.
һуралха — брать, отделять 45, 72, 133.
һүн далай — молочное море 90.

Ш

шабулха — свадебный обряд 91; бур. лит. шабуулха.
шандага аба — низший сын шамана 137; следует: шандага абаа.
шара — желтый 183.
шара дала — желтое море 195; бур. лит. шара далай.
шара тэхэ — желтый козел 132.
шире — стол; престол, жертвенник, навес на 4-х столбах; шаманский ящик 110, 129, 136, 141, 142, 143; бур. лит. шэрээ.
шонон онгон — волчий онгон 154; д. б.: шонын онгон.
шоргоолжон — муравьи 176; бур. лит. шоргоолзон.
шоро тёрёл — «земляное рождение» 176; д. б.: шорой түрэл.
шударга — инструмент для обработки кожи 31, 32, 33.

ш ул м ус — черт, дьявол 113; бур. лит. ш ол м о с.
ш ул у н — камень 230; бур. лит. ш ул у н.
шухан убалга — «кровавое посвящение шамана» (кровавое теломытие) 139; бур. лит. шуһан угаалга.
шухан-хат — «кровавые хаты» 160; бур. лит.: шуһан хад.
шухур жодо — простой религиозный обряд 148; в бур. орф. шүхэр жодоо.

Э

э ж и н — хозяин, владыка 93, 94, 174; бур. лит. э з э н.
эжитэ нарһан — букв. «сосна, имеющая хозяина», сосна, на которой имеется нарост «вихоревое гнездо» 176; бур. лит. эзэтэй нарһан.
эмэл тохуһан — оседлал, седлаю 134; бур. лит. эмээл тохоно.
эмэршин — южный ветер 182; бур. лит. эмээршэн — теплый ветер.
энэ дада моргөхө ереш? — «ты пришел на эти земли поклониться?» 84; д. б.: «энэ дайда мүргэхэеэ ерээгүш?».
эргюлгэ 31, 32, 34, см. эрьюлгэ.
эрьюлгэ — кожемялка 31, 32, 33, 34; бур. лит. эрьюулгэ.
эрдэни — драгоценность 221, 222; бур. лит. эрдэни.
эрхэлхэ — баловать 182.
эрхиндэхи улан хурган, шара тэхэ — назв. обряда 132; бур. лит. эрхиндэхи улаан хурьган.
эрхэ доро — под большим пальцем 230; бур. лит. эрхы дороо.
эрэн бар — пестрый лев 218; бур. лит. эрэн бар.
эхэ — мать 66.

Я

ябаган бө — шаман, не посвященный в жреческий сан 139, 148; бур. лит. ябаган бөө.
ябадал — едущие верхом или на телегах высшие духи-заяны 105, 106; в бур. лит. нет.
ябаха — идти, ехать, ходить 105; бур. лит. ябаха.
яман хонин хоёр — коза и овца 132; бур. лит. ямаан хонин хоёр.
яһан тёрёл — «костяное рождение» 176; бур. лит. яһан түрэл.
яһан — кость 179; бур. лит. яһан.

УКАЗАТЕЛЬ
племенных и родовых названий

А р г а н у т, племя 178.
А р х а х, племя 100.
Ашехабад, род 39.
Ашехабатский род 268.
Бабаевский род 122.
Бараевский род 269.
Барунгар, род 46.
Б о л о т, племя 178.
Боролдоевский род 267.
Б э б р и, род 39.
Г о т о л, род 179.
Готольский род, см. Гогол.
Заха-Хартул, шаманский род 97.
Зунгарский род 267.
Зэрдэ-Сартул, род 179.
Кульметский род 179.
М а ж р и к, род 39.
Муруев, Муруевский род 179.
Ноетский род 268.
Обогонов род 178.
Олзоев род 122.
О н г о е в род 40.
С а р т у л, род 179.
Тангутский род 268.
Т ө м ө ш ө, род 35.
Туралса, род 39.
Халгинский род 153.
Х а н г и н, пл. или род 179.
Хангинский род, см. Хангин 179.
Харанутский род 268.
Харьмяган, род, племя 178.
Холтубаев род 269.
Х о р ш и н, род 39.
Х у р д а т, род 39.
Хулмэнгэ, род 39.
Ш а р а т, род 39, 179.
Шарга-Сартул, род 179.
Шишки-монгол, шишхэ-монгол, или шишхи-монгол, племя 171, 179.
Эхиритское племя, см. Э х и р и т.
Э к и р и т, т.е. Э х и р и т 178.
Я к т а, род 39.

УКАЗАТЕЛЬ
имен собственных и географических названий

А

- Абай - Гэсэр - богдо - хан 54, 182, 213-263.
Абагалдай или А н а х а й, некрасивый и страшный злой дух 154.
Абарга, змея 206.
Абарга - Сэсэн - мангатхай 236, 237, 260.
Абаши 178, 179.
Архинша Хазагар 109.
Алм а - М э р г э н - а б а х а й, жена Гэсэра 216.
Адуша Тоедо 109.
Аларское ведомство 120, 178, 268.
Аларь, назв. деревни в Иркутской области 50, 178.
Алак морьто 109.
Алакшин, девочка 110.
Алтай, горы 63.
Алтан дэгэлтэ, эжин утуга 109.
Алтан - тэнгэри 183.
Алтан - ула — “Золотая гора” 182, 224.
Альбатын, страна 251.
Альбин - тама 224, 234.
Амба, шаманское божество 109.
Ами - Сахидак — сын Хан - Тюрмаса 182.
Анда - бар — покровитель таежной охоты 42.
Ангара, река 114.
Ангара - хангай, обширная Ангара 107.
Анзан - Бэрхэ - батар 200.
Анзан - Шумар - батар 200.
Аргаган 178, 179.
Асаранги, тэнгри 165.
Асаранги арбан гурбан тэнгэри — «тринадцать тэнгриев Асаранги» 165.
Ата - Улан - тэнгэри, глава 44-х восточных тэнгеринов 44, 92, 183, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 197, 198.
Аха - саган - ном, д. б.: аха сагаан ном — «старая белая священная книга» 187.

Б

- Бага - Яса, речка 18.
Бага - Ясинская тайга 18.
Багал - Хатун, жена хозяйина земли Дагал - нойона 108.
Багин - Хангай, онгон 107.
Багин - Хангай, название всей земли 107, д. б.: «Ба я н - Х а н г а й»
Балаганск, уездный город Иркутской губернии 113, 120.
Балаганский уезд 31, 39, 76, 102, 154.
Балаганское ведомство 267, 268.
Балаганский округ 168, 266.
Балур - Саган - тэнгэри 199.
Багал - Хатун, жена хозяйина земли Дагал - нойона 108.
Бамбада - Саган - тэнгэри 200.

Бамбахин-Бахи-Хара-батар 200.
Барлак — староста 96, 97.
Баханар бальдахан 109.
Бахи-Хара-батар 200.
Барлак Хокнуев, шаман, предок М.Н. Хангалова 109, 122.
Баршунаева Хан-Хото, шаманка 110.
Бардаев Холон, шаман 114.
Березовский хребет 41.
Бильчирское ведомство 40, 41, 68, 96, 103, 109, 167.
Бирдиктын, назв. страны 230, 231.
Билэхэн, вдова 196.
Билюта, речка 17.
Билютайская тайга 17.
Богдо-Гэсэр-хан 259.
Богдо нарха 65.
Божин 100.
Болот, шаман 160, 179.
Болур-Саган-тэнгэри 183.
Бомборин-Саган-тэнгэри 200, 219.
Боржихон, девица-служанка 167, 168.
Боро-Шаргай, высший заян вост. хата 96, 97, 98.
Боролгон-Саган-тэнгэри 200.
Борон-тэнгэри 190.
Боханское ведомство 41.
Боханское инородческое ведомство 179.
Бохо-Бэлгэтэ, средний сын Хан-Тюрмас-тэнгэри 182.
Бохоонский улус 268.
Бохоли-Хара, первый бурятский шаман 113.
Бохоон, шаман 179.
Бөрөн-тэнгэри 190, 191.
Бөртө-Онгон или Бөрөтө-өбөгөн — основной онгон 153.
Будан, госпожа, жена западного хата Буха-Нойон-бабая 59, 60, 90.
Буди-Улан-батар, сын Боролгон-Саган-тэнгэрина 200.
Будан-Шуман-батар 200.
Будан-Шумар-батар 200.
Булгатуй, речка 17.
Булгатуйская тайга 17.
Буракши-нойон 124.
Бурлак, шаман 15.
Буха-нойон 59, 60, 90, 97, 98.
Быдхи, звали буряты прежде Сом-Саган-нойона 97.
Бурьтак-Бала-тэнгэри 93, 182.
Бурьтак-тэнгэри 184.
Бурэн-тэнгэри 184.

В

Верхоленское ведомство 120, 179.
Верхоленский округ 265.

Г

Газари-Ганик-бохо, земной силач 188.
Гал-Бадаргата-батар 200.
Гал-Дөлмө-хан 103, 194, 195, 197, 201, 205, 206, 251-258.
Гал-Нурма-тама 226.
Ганга-Задан, восемь ханов 250, 251, 252, 253.
Ганзу-тэнгэри 93.
Гильгори, шаман 159, 160.
Голто-Саган-бурхан 183, 197, 228.
Гомо-Сэсэк-хатан 221, 222, 225.
Гули-Мөнгөн-ула, гора 182, 224, д. б.: Гуули-Мүнгэн-уула.
Гумэн-хан, китайский царь 221, 222, 223, 225, 226, 227, 260.
Гунан-Саган-тэнгэри 183.
Гунь, речка 17.
Гургалдай гурбан сэсэн 178.
Гургалдаевы, три умные брата, Гургалдай гурбан сэсэн 178.
Гэсэр-хан 257, 259.
Гэхэр-хан 182.

Д

Дагал-нойон, хозяин земли 107.
Далбан-Хара-дархан, черный кузнец 103.
Дарма, сосед старосты Ишигила 170.
Дашкин-Сомон, девочка 109.
Дибэн, падь 230, 231.
Дибэн-Хара, мифическая птица 238, 239.
Донно, богач 168.
Дөнөн-Саган-тэнгэри 183, (дөнөн (дүнэн) — четырехлетний по БРС).
Дөгөхи гурбан хадууд (төгөтские три царя) 195.
Дөлөн-тэнгэри 183, 192; должно быть Дүлэн-тэнгэри.
Дэглэдши-Хара, наружный доспех Хан-Тюрмаса-тэнгэри, способный истребить сколько угодно войска 183.
Долон Өбөгөд — созов. Большая Медведица, 225; д. б. Долоон Үбгэд.

Е

Енгутский улус 43.
Ерэнтэ, местность 200.
Есүхэ-батар 180.
Енхобой, сестра Лобсогоя 227, 228, 230, 231.
Ехон-Төрөн, гора 262.
Ехон-Уленши-батар 201.
Ехэ-Яса, речка 18.
Ехэ-Булгата, тайга 19.
Ехэ-Ясинская тайга 18.

Ж

Жильбин-тэнгэри 93.
Жорголжихо-батар 200.

З

Залари, речка 41.
Залари, местность 179.
Закулейский улус 169.
Зангей Захаров, рассказчик 177.
Заса-Шухэр-аха 182.
Зат-Шухэр-хан 196, 214.
Заха-Хартул, черный шаман 97.
Зол-бар, покровитель таежной охоты 42.
Зодо-Шара-батар 251, 252.
Зудак-Шара-батар 223.
Зулхэ, местность 96, 97.
Зунгарское училище 267.
Зуруглу-Саган-тэнгэри 200.
Зэт-Мөнгөн-ула, назв. горы 183; д. б.: Зэд-Мүнгэн-уула.

И

Ирасток, речка 18.
Идинская губерния 92.
Идинское инородческое училище 268.
Идинская степная дума 268.
Иркутская губерния 92.
Иркутский округ 265, 266.
Ишигил, староста 169.
Идинское ведомство 102, 120, 178, 269.

К

Капсальское ведомство 120.
Капсальская инородческая управа 265.
Капсальское училище 266.
Кахинское ведомство 41, 43, 73, 96.
Китай 179.
Когнуев Барлак, шаман 122.
Красная Булгатуй, речка 18.
Красно-Булгатуйская тайга 18.
Кудинск, пос. 113, 123.
Кудинский белый шаман (Голи эхэ саган бо) 122.
Кудинское ведомство 102, 120, 122.
Кудинское инородческое училище 265, 266.

Л

Лена, река 96, 178.
Лобсогдой-хара-мангатхай 194.
Лобсогой 227-234, 260-263.
Лосан 200.
Лосан-Шумар-батар 200.
Луса-тэнгэри 200.
Лусудуй 188.

М

Ма да га н, местность 167.
Малагаг Хабилзаев 122.
Манан-тэнгэри 184, 190, 191, 192.
Ман жу, шаман 121, 122.
Ман жи хан, шаман 160.
Манзан-Гөрмө 192, 197, 198, 223, 225, 243, 245.
Ма ри я, речка 18.
Мариинская тайга 18.
Минган саган бурхан 182.
Мо лю, река 18.
Молюнская тайга 18.
Мо н го ли я, страна 154, 179, 180.
Монгото бутаг, улус 21, 30.
Мо н с о г из Ашехабатского рода 110.
Моргон-Хара, шаман 113.
Московский тракт 175.
Мо ро н, страна 251.
Мөнгөтө-ула, гора 182.
Мөнгөтө-Бутаг, улус 21.
Мө н ко, море т.е. мо н хо 214, 251.
Мөрөн-ула 230.
Мө р ө н, местность 214.
Му да, шаманка, 109 110.
Му-шубун, дух 164, 165.
Му ры, мл. сын Болота 179.
Мура Хара Махулай, горный старец 152.
Мухур-Булаг, гора 122.
Мухур-Улан, гора 262.
Мэ н дэ н, старик 118.
Мэргэн-Төгөлтөр (Мөргөн-Төгөлтөр) 188, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 216.

Н

На жин (Найжин), падь 214, 219, 220, 223.
Наран-Гохон-абахай, дочь Писон-Саган-тэнгэри 184, 185, 186, 188.
Нарин-Гохон-хатан 257.
Нарин-улан, доспех Хан-Тюрмаса-тэнгэри, обладает огромной защитной силой 183.
На я н та, местность 200.
Нельхайское ведомство 153.
Нижеудинск, город 14.
Нижеудинский округ 178.
Нижеудинский уезд 35, 40.
Ногон-Гохон-абахай (или абаха) 226, 227.
Нойон Тондой, шаман 107.
Нюхата-Зура или Зургай Гэсэр в детстве 206, 207, 208, 209, 120, 212, 213.

О

Обо-тэнгэри 92.
Обо гон, родоначальник родов Хогой и Онго 178.

Обоса, река 40.
Ойн эжин (Орго Саган нойон), хозяин леса 43.
Ойн-Октор эрэн бар, таежный пестрый лев Тахигар 218.
Олборхон, девица 108.
Ока, река 179.
Олзомохон, мальчик 248-250.
Олзой, ст. сын Болота 179.
Ользон, деревня 266.
Ользонское инородческое училище 266.
Ольхон, остров 123, 173, 174.
Ольхонское инородческое училище 266.
Октор, лев 218, 219, 260.
Оксогор, гора 262.
Онго — сын Обогона 179.
Онгой, родоначальник рода Онгой 109.
Онинхон, девица 108.
Онхото — мл. сын Обогона 179.
Орго-Саган-нойон 43.
Оргил-ула, гора 204, 213, 227.
Оса, река 41.

Ө

Өлөстө-ула, гора 253.

П

Петков-Пешков-Тушемилов, рассказчик 218, 260, 263.
Писон-Саган-тэнгэри 183, 184, 185, 186, 187, 188, 198, 231, 232, 234, 254.
Порог (Хабсагай), улус 14.

Р

Рөгөшинские три царя, Рөгөшин гурбан хан 195.

С

Саган бурхан 60.
Саган-Гэрэлтэ-хан 193, 238, 249, 250.
Саган-Зурха-мэргэн 183.
Саган-Мөнгөн-ула 182, 224; д. б.: Сагаан-Мүнгэн-уула.
Сам-Саган-Саган, дочь Сар-Сагана-тэнгэри 112.
Сар-Саган-тэнгэри 112.
Сарагал-Нойон-хан 182, 195, 196, 206, 207, 208, 209, 214, 230, 238, 243.
Сарагал-Нойон-абага 195.
Сахала-хатун, жена хозяина огня Сахяда-нойона 107, 109.
Сахядай-нойон или Сахадя-нойон, хозяин огня 94, 107, 109.
Сахядай, начальник 59.
Селенгинское ведомство 179.
Собон-Саган-нойон 203.
Солбон, планета Венера 93.
Солбон-Саган-тэнгэри, хозяин планеты (Венеры) 93.
Солонцы, улус 13.

Сом-Саган-нойон 94, 97, 98, 159, 160.
Степанов М. - шаман 100.
Суг, гора 107, 122.
Суг-хангай, обширная (гора) Суг 107.
Сулмарша-батар 200.
Сута-Нойон-хан 195, 203, 206-209, 214, 229, 230, 234, 235, 241, 242, 243, 246, 247,
260.
Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри 92, 184, 189, 190, 191, 194.
Сэдэн, речка 17.
Сэдэнская тайга 17.
Сэнгэлэн, старик 204.
Сэсэк-Ногон-абаха, дочь Сэгэн-Сэбдэк-тэнгэри 184,190.

Т

Табин найман хамнаган, тайгын эжин 43.
Тармахан, шаман 179.
Тасхан, бурят 96.
Тахигар, пестрый лев 218.
Таянша, лама 197.
Таянша-тарха-лама 184, 185, 186, 197.
Тибет, теплая страна 234, 263.
Тобоно-Гохон-абахай 203.
Тогос-Сокто 182.
Тогоно-Гохон-абаха 203.
Толи-Гэрэлтэ-хан, Тольто-хан 95.
Томо, богатый человек 167, 168.
Торо-Саган-урха, Торь-Саган, петля 183, 220, 205, 206, 256, 257, 258, 274, 275.
Тормошеев Сэжэн-Бар, шаман 119.
Төгөтские три царя 195.
Төгөлтөр от төгөт, «близнец» 188.
Төмөн-Жаргалан-абахай, девица 212.
Төмөн-Жаргалан-хатан 214, 229, 230, 234-239, 245, 247, 260.
Төрөни хотол, проход Торона, Торони аман 262.
Тугушинские три царя, 202, 203, 214.
Тулма, гора, 65.
Тулман-Саган-нойон, седой старик, покровитель свадьбы 65.
Туда, черная шаманка 144.
Тумушин, начальник над облавщиками 180.
Тумэ-Улан-хан 211, 212, 214.
Тунка 178, 179, 262.
Тэбэк-Ногон-абахай 203-205.
Тэрму, бедный человек 167.
Тюрмас-тэнгэри 216.

У

Угин-Гохон-абахай 203, 204.
Угин-Саган-абахай 203.
Удактай, гора 262.

Уда, река 14, 18.
Укырское ведомство 41.
Улгу-Улан-Батар 251.
Ула, высокая гора 182.
Улэ-Бутэдэк, законодатель и судья 182.
Улейское ведомство 41.
Унга, речка 41, 107.
Унга, падь 107.
Унгинское ведомство 164.
Унгинское инородческое ведомство 171, 176, 179.
Унгинский белый шаман (Унги эхэ саган бө) 122.
Унгэ-хангай, падь 107.
Урма-Гохон-абага 212, 213, 214.
Урма-Гохон-абахай 238, 239, 243, 244.
Урма-Гохон-хатан, жена Гэсэра, 229, 242, 250, 260.
Урхэ-Субэн или Урхэ-тайжи, дочь Буха-нойона 97.
Усатаны 60.
Усэгэ-Малан-тэнгэри, 98.
Усть-Орда, деревня 265, 266.
Ута-Мангил-батар 240, 241, 248.
Ута-Манжилай-батар 248, 249.
Ухан-хат, «водяное царство», место обитания «водных царей» 95, 106.
Уханай, покровитель белых кузнецов 103.
Уха-Лобсон-хан 216, 218, 219, 242, 245.
Ухата, речка 18.
Ухэр-Манхай, гора 73, 77.
Ухэр-такши-царь 99.

Х

Хабата-Хасар-мэргэн, старший сын Хан Тюрмаса-тэнгэри 182, 186, 199, 256.
Хабилзаев Малагат, шаман 122.
Хабсагай (или Порог), улус в районе Нижнеудинска 14.
Хабунай, сказитель 263.
Хабдатово, деревня 266.
Хада-Улан-өбөгөн, горный онгон 162.
Хазагар, пьяница 109.
Халта, шаман 169, 170.
Халхин-далай, «Ветреное море», назв. сказочного моря 113.
Халхин-тэнгэри, три тэнгрия, управляющие ветрами 183, 190, 191.
Хан-Бургуд-тэнгэри 93.
Хангалов Н., отец М. Н. Хангалова 263.
Хан-Лухар, шаманка, заянка 137.
Хан-Олзой, старший сын Болота 179.
Харатовское инородческое училище 266.
Хан-Тюрмас-тэнгэри — глава 55-ти западных тэнгэринов (он же Хан-Хюрмас) 92, 182, 183, 185, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 196, 197, 198, 205, 216, 230, 233, 243, 256.
Хан-ула, гора, 214, 251.
Хан-Хото Баршунаева, шаманка 110.
Хан-Хөтө-бабай, хозяйин о-ва Ольхон 174.

Хан-Шаргай-нойон, заян 94, 98.
Хан-Шунху, девочка 109, 110.
Хара-Буха, речка 18.
Хара-Бухайская тайга 18.
Хара-Гэрэлтэ-хан 193, 240, 243, 248, 249, 250.
Хара-Дархат, местность 179.
Хара-Зурха-мэргэн 183.
Хара-Сута-нойон 195.
Хара-Ухата, речка 18.
Хара-Ухатинская тайга 18.
Хара-Хушун, гора 262.
Харасага-Хара-батар 200.
Харжи-Мина, сын Харлан-хана 98.
Харлан-хан 98.
Хаталза-Хара, кузнец, 222.
Хатан, падь, 213, 214, 218, 234, 244, 251.
Хаху-Хара тэнгри 193.
Хахул, шаман 169.
Хашки, богатырь 114.
Хашин, гора 96.
Хиля-Саган-нойон 100.
Хинсаши-батар 200.
Хиралжин, гора 256.
Хиру-тэнгэри, 184 190, 192.
Хобуши-онгон, дух-сплетник 101.
Хого, старший сын Обогона 179.
Хожир, кузнец 222, 223.
Хокто-хатун 109.
Холонгон-эжин, хозяйин хорька, 114, 119.
Хомой, гора 119.
Хон, ворон 229, 238, 296.
Хонин-Хотон, местность 194, 251.
Хорёдой, родоначальник хангинцев и шаратов 179.
Хормо-Саган-тэнгэри 93.
Хормо-Саган-хатан 138.
Хорон-эжин 109.
Хортон, шаман из Монголии 154.
Хоршиголдо, черный кузнец 103, 104.
Хөмөр-ула, гора 60.
Хөнур-бурхан 183.
Хөхө-Гэрэлтэ, синяя книга дорлик 183.
Хөхэй, гора 63.
Хөрмуши-хатан, Хэрмэши-хатун 124.
Хүгэн-Эмши-батар 200, 241.
Хулмэнгэ, родоначальник Кульметского рода 179.
Хумха, дух 100.
Хун-далай, море 177.
Хун-Одон, большой черный заян 94.
Хун-Саган-нойон, западный хат 138.

Хунши-нойон, заян 95.
Хурэ-Хара-батар 240.
Хухар, мать 142.
Хухар, отец, хозяин теломыгия шамана 142.
Хухэр-нойон 109.
Хушун, улус 14.
Хэмэр уула – мифическая гора Сумэру 177.
Хэндэ, шаман 103, 104.
Хэрэй, речка 17.
Хэрэтуйская степь 236.
Хэрэйская тайга 17.

Ч

Чингис-Богдо-хан 180.
Чингис-тэнгэри 93, 95.
Чингис-хан 114.
Черная Булгатуя, речка 18.
Черно-Булгатуйская тайга 18.
Чушкинов Онгой, сказитель 263.

Ш

Шажага-Номон-хан 238, 239, 240.
Шажагатыйская степь 236.
Шала, речка 18.
Шалайская тайга 18.
Шара, местность 93.
Шара-Гэрэлтэ, желтая книга дорлик 183.
Шара-Гэрэлтэ-хан 193, 240, 243, 249, 250.
Шара-Зурха-мэргэн 183.
Шара-Сэсэк-абаха 238, 239.
Шарабулов, страна 238, 239.
Шарабуловы три царя 193, 238, 239, 240, 243, 244, 246, 248, 249.
Шарагул, улус 14.
Шаран тэнгэри 93.
Шархан, шаманка 196.
Шатак, золотая земля 202.
Шемезов, переводчик 179.
Шетэ, начальник 60.
Шибэгэни-Саган-бурхан, или Шибогэни-Саган-бурхан 183, 197.
Шибэгэни-бурхан 213.
Шингил-Шибэ, местность 171.
Шингис-Шэрэтэ-богдо 182, 186, 187, 198.
Шитхыр, дьявол 176.
Шишки-Монголия, страна 179.
Шударман, шудурун – начальник, живший в Монголии 179.

Э

Элхэтэ-ула, гора 253.
Эргил-Буга-нойон Тонхо Мэндэев 118.

Эргил-Буга-нойон Тонхо 118, 119.
Эрдэни, белый камень 183, 202, 205, 206, 210, 230.
Эржин-Шумар-батар 252, 253, 255, 256, 257.
Эрлэн-хан, или Эрлен-хан 95, 97, 123, 175.
Эмэршин-тэнгэри 183, 190, 191, 192.
Эрхэ-Анзан-батар 200, 201, 240, 241, 243, 244.
Эрхэ-Бэликтэ, человек нежного воспитания 182.
Эрхэ-Субэн, дочь Буха-нойон-бабая 97.
Эрхэтэ-тэнгэрин 180.
Эсэгэ-Малан-тэнгэри 94, 107, 177, 183, 184, 203.
Эхэ-Саган-ном 187.
Эхэй, речка 18.
Эхэйская тайга 18.
Эхэ-Юран, жена Эсэгэ-Малана-тэнгэри 107.

Я

Ярма, речка 18.
Ярминская тайга 18.
Якутский тракт 265

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Г. Н. Румянцев	3
Предисловие. С. Г. Жамбалова	11
I. Нижнеудинские буряты (этнографические очерки)	13
I. Охота	13
1. Артельная охота	13
2. Вторая охота	28
3. Одежда	29
4. Артельная охота весной	29
5. Охотники	30
6. Одиночная охота	30
II. Выделка кожи	31
1. Кожа козули	32
2. Шкура сохатого	32
3. Кожа изюбра	33
4. Медвежьи шкуры	33
5. Шкурки выдры	33
6. Шкура рыси	34
7. Кожа росوماхи	34
8. Шкуры волков	34
9. Лисьи шкурки	34
10. Шкурки белок	35
11. Заячьи шкурки	35
12. Шкурки горностаев	35
13. Шкуры барсуков	35
14. Собольи шкурки	35
15. Выделка кож домашних животных	35
16. Качество кожи	36
17. Кто занимается выделкой кож	36
18. Дымление кож	37
III. Изделия из бересты у нижнеудинских бурят	37
1. Детские люльки	37
2. Берестяная посуда	38
IV. Родовой состав нижнеудинских бурят	39
Обосинские таежные охотники	40
Свадебные обряды унгинских бурят	46
1. Сватовство	46
2. Свадебные обряды и обычаи	48
3. Женильба вдовца	71
Свадебные обряды кудинских бурят	73
1. Нал	73
2. У жениха	77
Свадебные обряды нижнеудинских бурят	87
II. О шаманстве у бурят	92
1. Западные тэнгэрины	92
2. Восточные тэнгэрины	93
3. Небесные светила	93
4. Западные хаты	94

5. Ухан-хат	95
6. Восточный хат	95
7. Разные духи-заяны.....	98
Дух Хумха	100
8. О черных и белых кузнецах	101
Черный кузнец Хоршиголдо	103
9. Об образе жизни духов.....	104
Ябадал.....	105
О сугланах духов	106
О дороге духов.....	106
10. Об онгонах.....	107
Багин-Хангай.....	107
Женский онгон	108
Хозяин утугов.....	108
Онгон огня	109
Духи умерших шаманов.....	109
Несколько слов о шамане (о кудинских шаманах).....	111
О теломьтии шамана	126
Таинственные силы шаманов и шаманок	144
Душа	156
Дополнение к статье “Душа”.....	162
Духи-людоеды у бурят (к вопросу о человеческих жертвоприношениях).....	164
III. Суд заянов над людьми.....	173
Предания и поверия унгинских бурят	176
IV. Абай-Гэсэр-Богдо-хан	182
Война с Лобсогоем.....	230
Послесловие	259
V. Подвижная школа	264
Комментарии и примечания.....	270
Принятые сокращения	283
Указатель бурятских слов и выражений.....	283
Указатель племенных и родовых названий.....	298
Указатель имен собственных и географических названий	299

МАТВЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХАНГАЛОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В трех томах

Т О М II

Рецензент *Б. Д. Цыренов*
Редактор издательства *Д. М. Дондукова*
Набор и верстка *В. И. Афанасьева*
Корректоры *З. Н. Зундуева, П. Б. Долсонова*

ЛР № 071908 от 23.06.1999 г.
Сдано в набор 28.09.03 г. Подписано в печать 20.09.04 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 18,14. Усл.кр.-отт. 18,14. Уч.-изд. л. 21,99.
Тираж 500. Заказ 234.

Издательство ОАО «Республиканская типография»
Отпечатано в ОАО «Республиканская типография» РБ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13